

Ольга Воздвиженская

“Нельзя, чтоб забыли...”

M.I.P. Company
Minneapolis
2024

Ольга Воздвиженская

“Нельзя, чтоб забыли...”

Составитель и редактор Михаил Армалинский

M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2024 – 331 с. илл.

Электронная книга

ISBN 978-0-916201-61-6 (ebook)

© 2024 M.I.P. Company, Minneapolis, Minnesota USA

Книга состоит из текстов Ольги Геннадиевны Воздвиженской (1965-2024), литератора, редактора, предсказательницы судеб, рукодельницы, садовницы, художницы и обожательницы кошек.

В книгу включены её электронные письма Михаилу Армалинскому с 2001 по 2024 год, послесловия и предисловия к различным книгам, а также статьи, стихотворения и фотографии.

Издание подготовил Михаил Армалинский.

M.I.P. Company

<http://www.mipco.com>

mp@mipco.com

СОДЕРЖАНИЕ

Из писем Ольги Воздвиженской
Михаилу Армалинскому с 2001 по 2024 годов 5

Послесловия для книг серии *Улица Красных Фонарей* 58

Статьи 152

Предисловия к:

Тайным запискам 1836-1837 годов А. С. Пушкина 238

книге Михаила Армалинского *Чтоб знали!* 250

Парапушкинистике 258

Незаконченная статья 268

Стихотворения 273

Фотографии 320

Благодарности помощникам в издании этой книги

Я благодарю Жемину Ларссон¹, близкую подругу и коллегу Ольги Воздвиженской в трудах над сверхъестественным. Она предоставила мне Ольгин компьютерный литературный архив, из которого я использовал тексты для этой книги.

Также благодарю московское издательство “Ладомир”², в котором долгое время работала Ольга Воздвиженская и которое предоставило не имевшиеся у меня *Послесловия*, написанные ею для серии книг *Улица красных фонарей*.

Михаил Армалинский

---

¹ см. <https://m.vk.com/zhemina>

² см. <https://ladomirbook.ru>

Письма 2001 - 2024

Названием этой книги является фраза из последнего письма Ольги.

Все годы нашего знакомства мы переписывались по электронной почте. Однако переписка за 2003-2004 годы у меня не сохранилась. Да и вообще сохранились не все письма. Тем не менее, более полутора тысяч оставшихся писем Ольги (от однострочных до многостраничных) вполне достаточно, чтобы её характер, интересы и её душа проступили ясно и многоцветно.

В 2001 году Ольга Воздвиженская, работавшая в московском издательстве “Ладомир”, была назначена ответственным редактором по подготовке к печати “Тайных записок 1836-1837 годов” А. С. Пушкина³. Так началась наша переписка.

Потом она продолжалась, когда Ольга стала редактором моего тома “Чтоб знали!”⁴, а затем переписка не прекращалась до её смерти.

Из часто ежедневной, многолетней переписки, я выбрал только то, что описывает жизнь Ольги, помимо её редакторской деятельности и связанных с нею забот.

Свои письма я решил не публиковать, за исключением пары писем, необходимых для прояснения обстоятельств, упомянутых в письмах Ольги.

Некоторые имена я заменил сокращениями.

Михаил Армалинский

* * *

Ольга Воздвиженская - Михаилу Армалинскому

2 апреля 2001

...А вообще всё-таки жаль, что нас разделяет пол-Земли. Я бы с удовольствием посидела с Вами над Вашими текстами и обсудила ещё ряд тем, прямо к делу отношения не имеющих, но, как мне кажется, близких нам обоим.

---

³ см. <http://www.mipco.com/SJAd.html>

⁴ см. <http://www.mipco.com/win/Vozdvizhenskaya.html>

5 мая 2001

Есть новости – плохая и хорошие. Сначала плохая: внезапное наступление лета в Москве, как я Вам уже писала, породило некую хворь, от которой уже слегло полгорода, и вот теперь она добралась до меня. Вы были, по-видимому, последним человеком, с которым неделю назад мне удалось нормально поговорить, с тех пор я только кашляю, хриплю, а с окружающим миром общаюсь шепотом и односложными словами, в основном матерными (они короткие). Из дому я, естественно, не выхожу, а несколько дней вообще провела лежа, и потому работа, конечно, не шла. Так что образовалась некая задержка, о причинах которой и хочу Вас предупредить...

Хороших новостей больше. Я починила свой компьютер. Из офиса мне переправили Ваше письмо насчет стихов (с дополнением) и посылку с книгами – огромное спасибо! Книги будут для меня ценным подспорьем, т.к. я смогу писать Вам, ссылаясь на конкретные страницы, что весьма ускорит процесс.

Меня также весьма радует установившийся между нами телефонный контакт (не все же время я буду хрипеть!). И еще о книгах – мне показались они весьма элегантными, изданными с большим вкусом; особенно порадовала Ваша фотография на обороте *Мускулистой смерти*⁵ – примерно таким я Вас и представляла.

...Само же *Вольное изложение*⁶ просто шлягер, в том смысле, что сразу и прочно застрекает в мозгах у читателя (у меня. по крайней мере). Крутится и крутится, и я даже сочинила некие вариации на эту тему – не считите за попытку плагиата или пародии, это именно моя аранжировка Вашей трактовки набоковского сюжета. Посылаю Вам сей текст в знак своего восхищения.

НЕВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ "ВОЛЬНОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ"

О чем бы русский не завел рассказ,
Все сводится к разбитому корыту.
И был разочарован всякий раз

⁵ см. <http://www.mipco.com/win/musk.html>

⁶ Михаил Армалинский *По обе стороны оргазма* <http://www.mipco.com/win/obe.html>

Набоков В., как брался за Лолиту.

Герой его – эстет и эгоист –
Тянул к себе, своей лишь страсти внемля.
И был в хотеньи столь высок и чист,
Что невзаимной выходила ебля.

Ему бы, пользуясь различьем лет,
Её учить с восторгами ебаться,
Но он с Лолиты требовал минет
И вместо нежности давал ей баксы.

Финал повествованья – полный гроб,
Трагедия, пиздец и небо в клетку:
Г. Гумберт Лолку безответно еб,
За что и был наебнут малолеткой.

Такой вот вышел стишок, надеюсь, Вы не обидитесь.

...

Я решила отправить Вам в качестве ответного подарка (лично от себя) книгу своих стихов (безнадёжно приличных, наверно, на Ваш взгляд) и один из свежешедших выпусков "Красных фонарей" со своей весьма антипатриотической статьёй. Кстати, ведь и Ваши стихи и рассказы все-таки в первую очередь о любви и преодолении одиночества, а секс – это лишь способ к тому.

Пока что, кажется, это все. Диалог наш, как Вы и хотели (и я тоже) стал вполне постоянным. Жду ответа. В Москве идет дождь и похолодало, т.к. расцвела черемуха.

Всего самого-самого доброго
Ольга

6 июня 2001

... у меня возник намёк на сюжет в связи с постом в канун Пурима – как насчёт кошерной спермы, которая бывает только в обрезанном члене?).

---

2 июля, 2001

Дорогой Михаил!

У меня выдался свободный час, потому решила Вам написать не в спешке...

Ну а теперь попробую немножко повеселить Вас и себя, коли Вам пришлось по душе сюжеты о советской монументальной пропаганде.

История относится к первой половине 80-х годов, когда я была еще студенткой. Был у меня в те годы (да и сейчас есть, но жизнь теперь совсем другая) приятель, студент-художник из Московского художественного училища памяти жертв революции 1905 года (сокращенно – МХУ 1905 г.; соответственно прилагательные от этой аббревиатуры образовывались совершенно однозначно – "мхувый", "мхуишный" и т.д., но это так, к слову). У этого молодого художника – Алексея – был двоюродный брат, чуть постарше, художник же, уже закончивший это самое МХУ. Братьям-художникам повезло, как мало кому из их коллег – как-то в пивной они разговорились с мужиком, а тот оказался местным участковым милиционером, проникся к ним как к людям творческим. спокойным и общительным, и захотел чем-нибудь им помочь. И дал им ключи от уже выселенного, но еще не снесенного старинного дома на Сретенке, от одной из квартир, дабы ребята пользовались этим помещением как мастерской (о чем и мечтал в те годы всякий немаститый художник). Чего уж лучше – дом старинный, вода, свет и газ еще не отключены, самый центр Москвы и рядом метро. Обставились они как могли и стали там работать, да и жить.

Комнат было две, собственно мастерская с двумя окнами, а перед ней маленький такой предбанник, где проходили тусовки, велись дискуссии, пился чай и шла жизнь. Стоял там чайный столик, а на столике, прислоненная к стенке – небольшая картинка маслом, без рамы. Вот о ней-то и речь.

Картина была совершенно омерзительная, хотя исполненная довольно умело и весьма натуралистично. Небольшая, чуть больше обыкновенного писчего листа, тусклая по колориту и гнусная по сюжету. Изображен там был угол некоего помещения – две грязных стены, крашенных синей масляной краской, но уже давно, потому в пятнах и царапинах, и кусок грязного же деревянного пола. И вот в таком интерьере, носом в этот самый угол, а зрителю, соответственно, спиной (и тем, что ниже спины) стоит пожилой голый мужик с веником в левой руке. Все подробности – лысина, дряблая кожа, обвисшая плоть, сутулая спина, вислая толстая задница – от всего этого веяло такой безнадегой, и невольно думалось, что вот опустившийся человек под старость вздумал свое холостяцкое логово подмести, да плохо справился,

его в наказание кто-то голым в угол поставил и запечатлел остальным в назидание. В общем, гнусность, как ни посмотри. Каждый раз, приходя в Алексею в гости, я просила:

– Леш, ну убери ты эту гадость, ну почему мы должны пить чай с видом на эту старую жопу с веником?

– Не могу, – отвечал Лешка, – это памятник истории и культуры.

– Да какой памятник! Жопа и жопа, – не соглашалась я.

– Это не просто жопа, а последняя постановка мухинского натурщика, – говорил Алексей, и картинка оставалась на месте.

Оказывается, великий советский скульптор Е. Мухина всю жизнь работала с одним натурщиком. Этот натурщик отличался не только красотой и чисто мужской мощью тела, но и умением подолгу стоять в самых противоестественных позах. С него-то и изваяны и Рабочий, что с Колхозницей, и Покоритель Космоса (молодой мужчина со спутником в поднятой руке) у метро "Рижская", и Рабочий с Колхозницей поменьше, что на арке Главного входа ВДНХ, и даже, видимо, Юрий Долгорукий, что на Тверской. Словом, все символы Советского человека, покорителя мира и строителя коммунизма в основе своей имеют один и тот же прототип. Я потом присматривалась к упомянутым скульптурам – сходство очевидное, да и позы похожие, изображающие порыв, прорыв, в случае с колхозницами, совместный порыв, т.е. аналог оргазма, судя по выражению лиц. Такой вот неизвестный герой имелся в истории, я даже имени его от Алексея не смогла узнать.

Мухина по своему положению одного из главных официальных скульпторов СССР без заказов, понятно, не сидела, а потому работой её личный натурщик был обеспечен. Но с другой стороны, после её смерти столь примелькавшийся авторский типаж уже никому оказался не нужен, а натурщик этот был профессионал и ничего другого делать не умел. И потому подрабатывал в МХУ и других художественных вузах по специальности на учебных постановках для молодых художников. Потому и лицом к стенке, чтоб не узнали в нем Советского Человека, Рабочего и пр. И голый – студенты в тот момент обнаженку проходили. И стоять мог сколько угодно – поза попроще, чем у Рабочего или Покорителя Космоса. Работа есть работа.

А потом совсем замучили его профессиональные болезни натурщиков – хронические простуды, боль в суставах и другие немощи, и стал он подрабатывать только в МХУ, в качестве прибавки к пенсии. А потом и вовсе уволился. И по иронии судьбы как раз последний день перед окончательным уходом на пенсию пришлось ему позировать в классе у Лешкиного брата, именно в том виде, как он и нарисован на этой картинке.

И вот стоит Рабочий-Покоритель Космоса-Основатель Москвы-Советский Человек в старости с голой жопой и веником в левой руке в заплеванном углу мордой к стенке. И это тоже навсегда. И это глубоко символично. Именно так проходит земная слава.

А потом дом на Сретенке снесли, художники ушли в бизнес, а что стало с картинкой – я не знаю.

Я не уверена, что точно передала в своей истории реплики (всё-таки много времени прошло), но сама история совершенно натуральная. Надеюсь, она Вас развлечет.

...

Всего Вам доброго, Михаил. Пишите. С приветом
Ольга.

7 августа 2001

...

Вот, стало быть, позади первая часть романа.⁷ Сами видите, придираюсь я вполне умеренно. Вторая часть чуть-чуть побольше, но заметно, что чем дальше, тем легче Вы "расписываетесь", и потому, полагаю, что особой правки не потребуется.

Получили ли Вы свои экземпляры "Записок"? Если да, то понравилось ли Вам? Напишите, мы ведь с Вами как бы вместе родили эту книгу на российский свет. Пятого сентября начинается Московская книжная ярмарка, где "Записки" будут представлены, обязательно сообщу Вам обо всем интересном, что будет там происходить, ведь на ярмарке будут все издатели, книжные обозреватели и прочая причастная к нашему делу публика.

В Москве сильно похолодало, уже цветут астры и гладиолусы и вообще пахнет осенью. Наш эпистолярный и телефонный диалог длится уже скоро год.

Желаю Вам всего-всего самого-самого (уже начинаю писать, как Ваши герои; мне их всех так жалко, и мужчин, и женщин – мечутся одинокие души и тела в поисках какого-то света или просвета, и не находят, никак не совпадает никто и ни с кем. Всё-таки по духу Вы очень русский писатель, такой надрыв подспудный в Вашем романе – даже плакать хочется).

Пишите.

Ваша Ольга.

---

⁷ Добровольные признания – вынужденная переписка (см. <http://www.mipco.com/win/dobr.html>) - роман, включённый в книгу *Чтоб знали!*

Михаил Армалинский – Ольге Воздвиженской

12 августа 2001

Дорогая Оля!

Книги получил!⁸ Неслабая книженция вышла. Поздравляю Вас, Ю. А. и весь Ладомир с шедевром. Издательская любовь и забота светятся отовсюду. Иллюстрации из французских черновиков – трогательны. Ваша статья (*см. ниже – М. А.*) играет всеми гранями крупного таланта.

А о языке ТЗ и не говорю – половина войдёт в поговорки (кажется, так он о "Горе от ума" отозвался?). Даже запах типографской краски – прелестный...

...шлю Вам фотографию T-shirt, где написана сакраментальная американская фраза: Don't fuck with Pushkin! Если бы в ней не было предлога with, то я бы не только воздержался от комментариев из-за очевидности перевода, но и вообще не стал бы эту фразу употреблять в силу её плосковатой грубости. Однако использование предлога with преворачивает

⁸ Имеются в виду экземпляры *Тайных записок*, полученные из издательства.

эту фразу так, что слово fuck теряет свой половой вектор и уподобляется русскому "отъебись, а то..."

Но кроме подобного смысла, в этой фразе есть много прочего – прежде всего клише Don't fuck with имеет смысл резко-угрожающего предостережения. Точного русского эквивалента я найти не смог.

Если Вы смотрели сверкающий фильм братьев Коэнов *Big Lebowski*, то вспомните тамошний персонаж: тощенького уродливенького талантливейшего актёра, которого братцы используют почти во всех своих фильмах – там он носит имя Jesus. Когда его выводят из себя, он кричит злобно-угрожающе во весь экран:

Don't fuck with Jesus!

Юмористический и святотатственный эффект получается грандиозный. Этот эпизод натолкнул меня на сию пушкинофильскую метафору.

Вы можете использовать фотографию для презентации. Смысл её – моя защита Пушкина от пушкиноедов. Маечку с такой надписью можно продавать на всех пушкинообразных тусовках.

Всего Вам доброго!

Ваш

Михаил Армалинский

Ольга Воздвиженская – Михаилу Армалинскому

4 сентября 2001

...чушь, которую по сию пору пишут о Пушкине и вокруг него разводят, это как назвать – "квазипушкинистика"?..

Пресловутая Пушкинская школа надясь к 200-летию разразилась книгой "Пока в России Пушкин длится...". Это вроде бы и история школы, и образцы ученического творчества, и умильные сочинения типа "школа – второй дом, если не первый", и учительские откровения о "воспитании традицией". Там и выкройки костюмов – сарафана Барышни-крестьянки, платья Татьяны, методы обучения бальным вальсам и полонезам, рисунки на сюжеты Пушкина, сценарии всяких спектаклей (я мечтаю поставить там со школьниками если не "Пиздрону", то "Челюсти" по "Сказке о рыбаке и рыбке") и всякая прочая мешанина на случай. И всё - на Пушкинскую тему.

Известное дело, подростки ни о чем, кроме секса, не думают, что и правильно в их возрасте (минувшей весной ставили на театральном фестивале девятые классы что-то по "Ромео и Джульетте" с балетными сценами; и вот, как только Ромео в танце объял Джульетту, в зале вылетели пробки и погас свет. Надо было слышать, какой восторженный вой поднялся среди зрителей-школьников, как правильно им показалось, что в этой сцене должно быть темно, и как очевидно, чем сейчас займутся на сцене герои). И вот в этой книжке в порядке пушкинской викторины сексуально озабоченным подросткам предлагаются вопросы:

– Чем часто занималась Татьяна? (Нормальный школьник скажет – прочила. Ан нет: "И часто целый день она сидела молча у окна")

– Какую тайну открыла для себя мать Татьяны после свадьбы? (Опять же, о чем подумает школьник? – как сексом заниматься. А вовсе "...как супругом самодержавно управлять").

Один из друзей Пушкина встречался с Татьяной. Кто он и что он сделал с Татьяной? И (вовсе не выеб, как скорее всего подумает школьник, а ". к ней как-то Вяземский подсел. И душу ей занять успел).

Чего не было в доме Онегина? И (вовсе не презервативов, а ". нигде ни пятнышка чернил").

И далее в таком же духе. Вспоминается анекдот о Вовочке, увидевшем ебущихся родителей: "И эти люди запрещали мне ковырять в носу!".

И эти люди осуждают "Записки", в которых все хотя бы изложено прямо, без распалюющих воображение намеков. По-моему, вот это и есть порнография.

У меня никаких секретов нет. И детей тоже у нас с Володей⁹ нет, ни вместе, ни порознь (у каждого из нас это второй брак) и не будет, насколько это зависит от нашей воли. И именно по тем соображениям, что изложены в романе. И потому я согласна, что все беды – от отсутствия контрацепции. А для "вопящих, сопливых и уродливых" мне хочется открыть детский пони-клуб имени Ретта Батлера¹⁰. Земля и так перенаселена.

---

⁹ Владимир Викторович Львов он же Вольфганг фон Лемберг 1937 - 2009, сотрудник, а потом и муж. Они вместе работали в *Ладомир*.

¹⁰ Ретт Батлер (англ. Rhett Butler) — персонаж и один из главных героев романа Маргарет Митчелл *Унесённые ветром*.

А вообще в романе многое оказалось созвучным лично мне – особенно во второй части, где изложены антисоветские, эстетические и мировоззренческие манифесты героя (наверно, совпадающие с Вашими взглядами). Потому мне было чем дальше, тем интереснее и приятнее заниматься Вашим текстом, мне показалось, что во многом мы с Вами – единомышленники, несмотря на расстояние между Россией и Америкой. И Америку, хотя я там никогда не была (но когда-нибудь обязательно побываю) я тоже очень уважаю. Я изучала американскую литературу в университете, и "Запад" (в моей книжке) написан в размышлениях о векторе – "держаться на Запад", фундаментальном направлении американской культуры, принесшей такие сочные плоды. А потом я долго занималась американской фантастикой, так что Америка – моей душе страна вовсе не чужая. И конечно, для меня очень интересен опыт работы с современным автором-литератором (непосредственно до наших проектов я редактировала древнеиндийские сочинения по буддизму – пятый-седьмой век, перевод с санскрита, а тут новые горизонты – современная русская поэзия и проза).

Насчет “ё” я корректоров особо предупрежу и прослежу за сохранностью этой буквы лично.

Майка уже у меня, и фотографии для Вас обязательно будут. Она пришлась мне вполне впору, а надпись на моем могучем бюсте приобрела дополнительный смысл – Не ебитесь с Пушкиным! Только я имею право делать это! И отъебитесь все! Так что получается очень весело.

Переживем ярмарку, чуть-чуть отойдет аврал, соберу Вам посылку со всеми книгами – Фонарями, Золотоносовым, м.б., найду на ярмарке толковый словарь мата, если он Вам нужен (он, кажется, еще бывает в продаже, и с "Колоколом-прессом" мы дружим).

И надеюсь, что с окончанием работ наш контакт не прервется, потому как мне очень и очень приятно наше с Вами общение, Михаил. Я рада, что этот проект познакомил меня с Вами и Вашим творчеством.

Будьте благополучны во всем.

Ольга

4 декабря 2001

...Мою покойную маму, родившуюся в 1937-м, в столетие гибели¹¹, собственно назвали Татьяной как раз в честь Пушкинской героини. А потом мне Ольгой – для комплекта. Так что естественно, что в какой-то момент пришлось заняться Пушкиным...

11 декабря 2001

Дорогой Михаил!

Сегодня получу, наверно, от Вас письмо, но пишу в опережение, сразу после вечера-презентации (в Зверевском центре произошла презентация Тайных записок 1836-1837 годов А. С. Пушкина¹²). Все состоялось, и прошло, по-моему, весьма хорошо. И народ пришел, и реагировал на все живо, и 19 экз. книги разошлось (разошлось бы и больше, просто больше не было). Майка, как водится, вызвала одобрителное хихиканье в зале, Володя читал фрагменты, а потом самого Пушкина.

Интересно, как необычно звучит литературный текст с матерными словами, когда это не ругань, а просто обозначение секса и его компонентов – на слух воспринимается совершенно по-особому. Одно дело улица и очередь

---

¹¹ А. С. Пушкин погиб в 1837 году.

¹² Видео презентации *Тайных записок* в Зверевском центре 10 декабря 2001 года.
https://m.vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fdrive.google.com%2Fdrive%2Ffolders%2F1pTXGqDkPpoAqw7WHbYBSqg_hSfHvUq9%3Fusp%3Dshare_link

за водкой, где, строго говоря, ничего эротичного нет, зато брань виснет на вороту, другое дело, когда такие слова звучат в контексте серьезного, изысканного произведения. Эффект неопиcуемый. Сразу становится ясно, что других-то слов для половых органов и актов нет, и просто малая культурность превратила эти слова в ругательства. Стоит начать произносить их спокойно, без ухмылки, строго в соответствии с их первоначальным значением, как их “смутительность” рассеивается.

Рада, что на вечере смогли побывать и Ваши друзья – мы познакомились. Им, кажется, также очень понравилось. Ц. вроде бы все отснял, теперь проблема, как переправить видеоматериал Вам...

Байтов отменно зачел Ваше приветствие – он в результате получил-таки Ваше письмо и сам Вам напишет (так он мне сказал).

Так что все прошло по плану и в очень теплой обстановке, без ханжества, но с пафосом противостояния всей и всяческой цензуре. Кроме того, на дворе была совершенно пушкинская метель, и все это происходило на самой что ни на есть родине поэта – в Немецкой слободе, что добавляло подлинности обстановке.

Продолжаю читать верстку. Корректорша, которая должна читать ее после меня, болеет. Вообще многие болеют, потому что зима. Мы, к счастью, пока здоровы. Надеюсь, что у Вас все благополучно. Пишите.

Ольга

14 декабря 2001

...

Большое спасибо – очень рада была получить информацию о том, какую бучу поднял наш вечер. Надо сказать, люди из ИТАР-ТАССа звонили в понедельник днем к Зверям, видимо, прочтя объявление на vavilon’e. Из музея их направили по телефону к нам домой, где они нарвались на Володю, от коего и получили всю информацию. А уж что сказал ИТАР-ТАСС, то имеет силу директивы. Вот и дождались мы с Вами официальных оглашений и большого шума. Теперь никто не сможет игнорировать российское издание и сам факт существования “Записок”. Мы-таки заставили их играть в свою игру и опять доказывать то, что в доказательствах не нуждается (сами дураки, иными словами). А Байтов, помнится, ещё переживал, что с пиаром у нас плоховато.

Но это еще не всё. Говорят, что 11-го утром в сводке новостей о состоявшемся вечере сообщила “Свобода” в Москве, подчеркнув мультикультуралистский характер деятельности издательства “Ладомир”.

Завтра, т.е. в пятницу, я приглашена на “Русское радио-2” (не знаю, слышно ли там у Вас FM 107,0) давать интервью в программе “Бестселлер”. Кроме того, неужели и вправду мы вошли в десятку лучших московских книжных продаж? У нас таких сведений пока что не было, так что вдвойне интересно. Похоже, мы высвистали большой ветер, М. ходит несколько ошарашенный размахом событий, но в душе, кажется, и он рад. Если будет ещё что забавное, посылайте. И надеюсь, все это уже включено в “Парапушкинистику”¹³

Пишите. У нас мороз, темнеет рано, но мы бодры и трудимся.

Всего доброго.

Ольга

18 января 2002

...Мои кошки играют с шариками на ёлке и обожают ложиться на листы Вашей верстки. Им тоже нравится Ваша книга.

19 января 2002

...Понимаю, что, наверно, буквоедствую. Мое нынешнее состояние проще всего, Михаил, описать в Вашем образном ряду. Я как бы беременна Вашей книгой, и на сносях, и вот стараюсь, чтобы для будущего дитяти всё было как можно лучше – ещё один чепчик с ещё одним бантиком, ещё побольше свежего воздуха и т.д. Хотя основы того, каким он (т.е. книга) будет, уже заложены неизменными в рукописи. Но ведь верстка – последний случай пошлифовать текст редакторским глазом, и хочется видеть его безупречным. Потому не обижайтесь на мою придирчивость.

...В стихах, видимо, блох почти не будет, сама поэтическая форма противится правке... Я снова проверила все по Вашим письмам к соответствующим разделам, он тревога остается – вдруг что-нибудь пропущено.

...

Вот такие дела. Пишите. Надеюсь, что у Вас все благополучно.

---

¹³ Давид Баевский *Парапушкинистика* – многотомное издание о реакции российского общества на Тайные записки <http://www.mipco.com/win/para3.html>

Всего самого-пересамого от рожалки-вшигонялки
Ольги

30 января 2002

...ЭТО ВСЕ !!!!! Теперь остатки верстки пойдут опять же к корректору, потом я внесу согласованные с Вами правки, будет еще кое-какая техническая возня, потом всячески постараюсь отправить текст Вам, чтобы Вы тоже поглядели...

... у меня еще не было автора, столь удаленного пространственно, хотя и близкого по духу, и ответственного в работе, и старательного, и покладистого и т.д., а Вы, Михаил, всеми этими авторскими добродетелями обладаете сполна, но расстояние все-таки несколько мешает, хотя – справляемся ведь).

...

От рассуждений в романе о мате возникло у меня забавное соображение в духе Бориса¹⁴, и адресовано оно скорее не Вам, а ему. “Мне это по хую” – говорят о чем-то незначущем, безразличном, презираемом. “Мне это по душе” – о хорошем и радующем. А вот в случае, если мужчина говорит о женщине? Мне эта женщина по душе, значит, она хорошая. А мне эта женщина по хую, скажет мужчина, то это как? Ведь если хую хорошо, в рамках логики Бориса, то и душе, наверно, тоже (если секс столь важен для отношений). Значит, мне эта женщина сексуально приятна, это ей комплимент. А получается наоборот. Вот как извратился язык.

И еще – с горячим сочувствием созерцала, читая роман, какие зубы имеет Борис (а Вы – тоже?) на Льва Толстого.

И есть еще наблюдения на тему антиабортной кампании в московском варианте. Также весьма забавно – какие плакаты висят в метро и как народ на них реагирует. Если интересуетесь – напишу, чтоб Вы посмеялись. И жду в конце недели (понимая Ваше нетерпение) ответа на все вопросы и предложения, и желаю Вам (с Борисом) и всем вашим ближним всего-всего.

С дезинсекторским приветом
Ольга

27 июня 2002

---

¹⁴ Борис – главный персонаж в романе *Добровольные признания – вынужденная переписка*

Книжка¹⁵ лежит рядом с компьютером на столе – толстая, красная, новая, и вопит, как положено новорожденному – ХУЙ!!!! ПИЗДА!!! Ебать!!!!

Поздравляем!

Шлём поэму¹⁶ скрепкой – авось посмеётесь.

21 апреля 2005

Ай, как завидно – особенно тому, что у вас уже весна. Я сделаю балконные снимки, когда реально начну там посевную. Но пока ночью минус 5, а днем плюс 5, и все вымерзнет к такой-то матери, если посадить. Я тоже люблю настурцию и сажаю её в подвесные горшочки, благо балкон на восток, солнечный, как она любит. И герань у меня есть, правда, розовая, и анютины глазки посажу, а ещё бархатцы и ноготки, и вьюнок около балконной ограды.

А бурый заяц на зеленой траве – полный отпад! чудо! Спасибо! Причем видно, что заяц американский, такой откормленный...

Кстати, вот чего у вас в Америке наверняка не знают, это технологии уборения плодовых деревьев и кустов от зайкиных зубов, а именно: обматывать их колготками, драными, разумеется. Хотите посмешить соседей, скажите Тане, чтоб, как порвутся, не выбрасывала, а стволы обматывала – примерно три пары на дерево. А потом они еще горят хорошо на костре, когда новый обмот производится. Эх, чему только русская жизнь ни научила.

Я вот, например, из начала 90-х годов прошлого века вынесла умение крутить самокрутки (лучше всего почему-то – из газеты “Аргументы и факты”), а мой сосед по даче всем друзьям в подарок вырастил тогда по мешку махорки – такая радость была! А из колготок драных ещё можно мочалки для посуды крючком плести, и подушки декоративные ими набивать, мелко порезав. И на балконах умельцы, у которых участка не было, картошку в старых ведрах выращивали. Вот так-то. Вы уехали ещё до все этих безобразий и наверняка не знаете таких вещей на опыте. И слава Богу!

Пишите – и привет Вашим садовницам..!

Ольга

---

¹⁵ Михаил Армалинский *Чтоб знали!* М., Ладомир, 2002

¹⁶ Поэма Ольги Воздвиженской *Маркиз и дева*. Впервые опубликована в Литературном журнальце Михаила Армалинского *General Erotic N73* – <http://www.mipco.com/win/GEr73.html>
Поэма также публикуется в этом издании в разделе *Стихотворения*.

19 мая 2005

Михаил, а это снова Я)). Вы там спите, проснётесь – а там писулочка от меня очередная...

25 мая 2005

Михаил, доброе утро!

После ночной смены за компом я не залегла, а ещё целый день возилась по дому и заснула довольно ранним вечером. Вот проснулась и получила Ваше письмо.

В ночной работе для меня нет ничего героического – я росла в небольшой, но шумной семейке, и заняться своими делами в нашей старой квартире можно было только когда все заснут – писать, читать, готовиться к экзаменам (тогда же, в университете, я научилась прочитывать за ночь практически любой объем текста – спасибо курсам по историям литератур). Потому я с юности привыкла все важное делать по ночам. А поскольку я уже пятнадцать лет не хожу на работу (в смысле – регулярно каждый день к установленному часу), то такой график жизни более всего для меня удобен. И вдохновение, т.е. наиболее рабочее состояние, тоже у меня ночное...

16 марта 2006

...Ольна – это старинный, исстари принятый вариант именования меня, иными словами "тусовочная погоняла".

1 июня 2006

...что касается моих статей к фонарям¹⁷, то, конечно, пишу я их в первую очередь для прокурора. т.е. если кто доебется по 242-й, то это доказательство

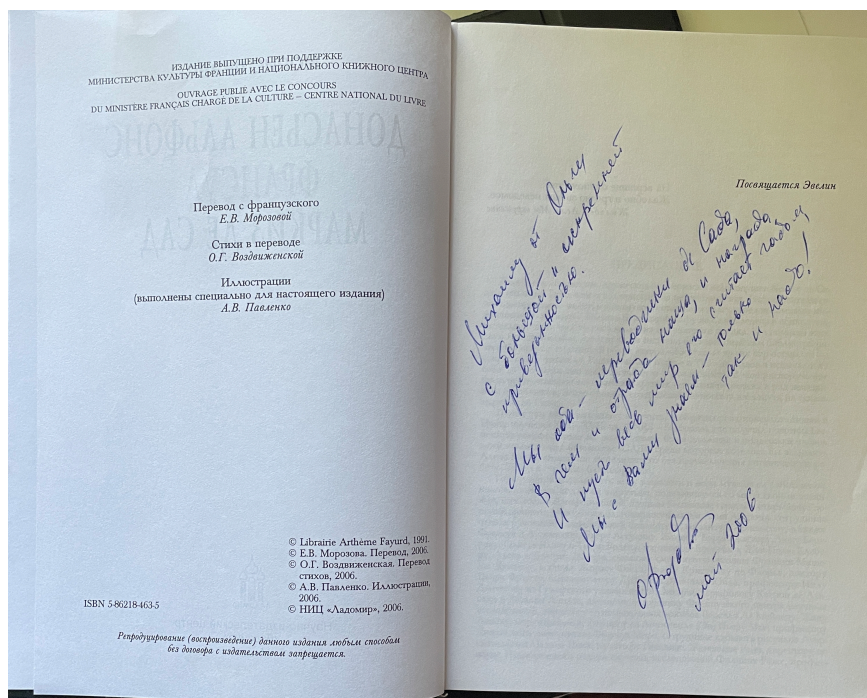
¹⁷ Ольга была составителем серии *Улица красных фонарей* и автором большинства послесловий к этим книгам.

культурологического характера проекта, и "причем тут порнография? Мы научное издательство, памятники литературные издаем, с комментариями, и концептуальную прозу". В этой стране ко всему надо быть готовым.

Во вторую очередь – для себя, дабы был какой-никакой литературный интерес собственный, ибо просто печь том за томом – для этого не надо быть литератором и филологом с наилучшим образованием, какое есть в стране. Но обратная связь действительно есть – получаю я такие письма от читателей, и есть, по моим прикидкам, сотни две-три людей, ради моих статей фонари покупающих. Я же все стараюсь эти тексты в общий литпроцесс всадить... И часто вообще ничего про текст неизвестно, тогда приходится журналистскую часть моей натуры напрягать.

Людам, я подозреваю, просто интересно, чего еще я смогу выдумать неэротического на тему...

Кроме того, именно эти статьи хоть как-то побуждают критику – всякое там Оборзение, Экслибрис и пр. считать фонари за литературный проект и отмечать в рецензиях. (Кстати, спасибо за экслибрисную ссылку насчет Маркиза!¹⁸)

Дарственная надпись Михаилу Армалинскому
в биографии де Сада

¹⁸ Ольга сделала переводы стихотворений в том Морис Левер *Донасьен Альфонс Франсуа Маркиз де Сад*. М., Ладомир, 2006. 963 с.

Рецензентам есть чего цитировать. Более того, время от времени мне намекают, что хорошо бы вот книжку написать про классическую эротику на материале статей, раз я крупнейший в стране знаток, – да и то, уж листов 15 есть, по объему почти монография. Только времени это требует, которого нет, хотя идеи есть. А книги такой на русском языке нет, и никто ее кроме меня не напишет.

А есть просто друзья, которые только статьи и читают...

26 июня 2006

Огромное спасибо, что помогли мне лично познакомиться с Сашей¹⁹. Он чудесный человек, и картины замечательные. Мы провели вместе очень интересный день, о многом поговорили, Я получила в подарок открытку с сыроежками и сама подарила Саше свои книжки – стихи и роман.

И надеюсь, что Саша выберет время приехать ко мне в гости в Москву (все же ближе, чем Миннесота), хочу, чтобы он познакомился с Володей и сходил в Биологический музей – там в последнее время много устраивается выставок живописи и графики на природные темы, вдруг они захотят Сашу выставить и его грибы? Хорошо бы было, но тут ему надо самому узнать и познакомиться.

Вишня хороша, и Вы рядом с ней – такой дачник... А у нас тропики – жара и ливни. Уже продаются так называемые "подмосковные розы" – мелкие и дешевые, но очень яркие и долговостойкие.

Зато в Карелии самое время ландышей, сирени, шиповника и купальницы размером с мой кулак. И все мне завидуют, что я и на Валааме побывала, и по скалам ползала, и Купалу справила как надо. А всё Интернет – это в сети я с карельской подругой познакомилась, на сайте по Язычеству.

через силу впрягаюсь в работу. М. звонил уже – но такой тихий и пушистый, видимо, и он от жары расслабился.

Привет Танечке²⁰ и пишите!

---

¹⁹ Давний друг Михаила Армалинского – Александр Вязьменский см. alexandermushrooms.com

²⁰ Татьяна Виленская, жена Михаила Армалинского, с которой Ольга познакомилась во время её визита в Москву см. раздел фотографий.

Михаил Армалинский – Ольге Воздвиженской

5 августа 2006

Дорогая Оля!

Спасибо за предложение передачи Ваших прав на статью²¹.

...

Я тут намерен с М. разговаривал, и он стал выражать сомнения в возможности выхода Фонарей²² к концу года, ссылаясь на Вашу инертность в этом вопросе, которую я тоже, разумеется, замечая. Оля, скажите мне прямо, что происходит? Вы ведь обещали ещё в прошлом году закончить работу над четвёркой (четыре книги Фонарей должны были выйти одновременно, одна из них была моя). Уже месяцы назад Вы писали что вот-вот высылаете предисловие Владимира. Потом обещали со дня на день репортаж по эрормаркам. Ничего из обещанного не произошло.

Получается что задействована самая отвратительная для меня русская пословица: "Обещанного три года ждут." Я начинаю думать, что напрасно Вы стали включать живых писателей в Фонари – работали бы с мертвецами, как прежде, которым уже все равно, когда их напечатают и напечатают ли вообще.

Больше всего меня удручает во всём этом, что я не могу полагаться на Ваше слово, а у друзей такого рода доверие необходимо. Уверен, что ко мне у Вас подобных претензий нет. Если есть эти ли другие – дайте знать. Говорить правду в глаза – это ещё одна прерогатива друзей.

До встреч!

Михаил Армалинский

14 августа 2006

Дорогой Михаил!

Собственно, я предложила передать Вам права на статью с единственной целью упростить оформление ее возможных дальнейших публикаций. Денежные соображения меня не слишком волнуют, т.к. я давно уверилась, что

---

²¹ Вступительная статья к *Тайным запискам* и дополнения, которые сделал Ольга к переизданию 2004 года в издательстве *Ретро*, а также на английский перевод этой статьи.

²² Книга М. Армалинского *Что может быть лучше?* должна была выйти в серии *Улица красных фонарей* в 2006 году. Но в силу разных обстоятельств, она вышла отдельным расширенным изданием лишь в 2012 году.

Вы меня не обделите. Если Вы считаете, что это не нужно – будь по-Вашему, Вам виднее.

Ну что происходит? В упадке я уже целый год, интеллектуальном, моральном, в последнее время даже физическом – все время недомогаю. О причинах и приметах говорить противно, да и долго получится и бессвязно. Видимо, это тот самый "кризис среднего возраста" – личностный, творческий и весь остальной. Года три я отмахивалась то него, да не отмахнулась (((. И дала ему быть. Я даже понимаю, что это само пройдет, он пока не то что работаю, живу через силу.

Не хочу вдаваться и озвучивать подробнее. Иногда бывают всплески – тогда работа идет нормально, где-то бываю и даже строю какие-то планы, но по большей части депрессию. Вот и всё. Простите, что невольно напрягла Вас (и не только Вас) внешними проявлениями своих внутренних проблем. Но – да, друзья имеют право знать правду. А правда в том, что мне от себя самой противно, стыдно и хочется спрятаться.

Однако, таща себя за шкирку, чего-то делаю...

В сущности, мне нужен какой-то прорыв. У меня пару раз в жизни так бывало и судьба посылала мне окно. К сожалению, мало кто из моих ровесников меня сейчас поймет (хотя М. напуган порядком, между нами) – но мелкий жемчуг не меньшее бедствие, чем жидкие щи.

Ну а если это уже клиника – тогда да, пойду к врачу.

Еще раз спасибо, и извините, что Вас встревожила...

23 ноября 2006

Дорогой Михаил!

Спасибо Вам за заботу, за дружеское участие и за советы. Я пока не принимаю антидепрессантов, потому что пытаюсь разобраться не столько в состоянии своей психики, сколько в том, как жить дальше, куда идти. Хотя и это не исключено.

Если можете потратить еще немного времени на мои проблемы, то суть их вот в чем: к 40 годам всё, чего мне в жизни хотелось, у меня или уже есть (или, как вариант – понятно, где взять, как добыть и т.д.), или уже никогда не будет. (При том, что житейские проблемы давно решены или оптимизированы). Прежде всего – в смысле творческом. Потому что именно это для меня всегда было главным, вокруг этого я выстроила свою жизнь, учебу, поиски работ, мужей и т.д. Но что-то достигнутое перестало меня

греть, а новых перспектив я пока не вижу. Вот и жду. Может, дело еще и в том, что я слишком профессионально отношусь к писанию – не могу уже в стол, просто ради самовыразиться и т.д. И в то, что рукописи не горят, тоже не верю. Не горят – просто гниют.

Ну вот, а писать в стол и игнорировать такую не востребованность я не умею. Слишком профессиональна стала. Все, что я имела самовыразить – я самовыразила. И себе все доказала – что могу написать хорошую книгу, что нужна она людям, да только люди её не купят из-за обложки, а другой обложки ей не раздобыть. Есть у меня и способности, и умению, но нет удачи...

Вот потому и депрессию – обидно ж понять, что лет двадцать пять из сорока двух гонялась за иллюзиями. Пора признать, что не получилось, и остановиться, пока еще есть немножко времени на то, чтобы сделать всё, на что раньше время и силы не тратились. Обидно, горько, стыдно даже. Как протрезвела, будто морок некий спал. А уж от окружающей меня "литературной жизни" просто тошнит.

Собственно, сейчас депрессия как таковая – грусть-тоска и пр. – уже позади. Думаю, на что теперь себя употребить. Конечно, бросить то, что всю жизнь было делом жизни, нелегко, это хуже, чем с мужем разводиться. Но есть и положительные приметы – перестала ходить на тусовки и раздражаться от тамошних рож, стала читать что нравится, а не что нужно по работе, времени много освободилось. Предвкушаю, что наконец жизнь не будет подчиняться расписанию ярмарок (а то мы с Володей всегда годовщину свадьбы впопыхах отмечали, потому как точно на осеннюю ярмарку приходится), что можно не идти на нон-фикшн, грядущий через десять дней – ну и т.д. Более того, произошла – с довольно неожиданными результатами – сортировка друзей и знакомых на тех, кому нужна и дорога я сама, и тех, кому все же что-то нужно от меня. Я ведь вообще-то социопатка, так что от резкого поредения толп вокруг меня сразу легче задышалось. И прикольно наблюдать, как, услышав, что я с литературой покончила, многие и многие сразу сворачивают разговор.

Просто же грядку пахать – не умею, мне всё или уж ничего. Как не умею быть просто редактором, как равнодушна к традиционным семейным и новомодным гламурным ценностям. Вот и подвисла.

Жизнь мне, конечно, что-то подбросит. Но пока довольно странные ощущения. На практике же я собираюсь отдать долги – закончить эту четверку фонарей и следующую сделать, т.к. она уже заанонсирована. Помогу Володе доделать Гитлера²³. И с тем – пиздец... Но работать без драйва

---

²³ Ольгин муж Владимир Львов работал над переводом биографии Гитлера.

трудно, а на отъебись – нечестно, потому и затяжки во времени. Разве что чудо какое произойдет, что заставит меня передумать, но это вряд ли. К счастью, живем мы не с этого.

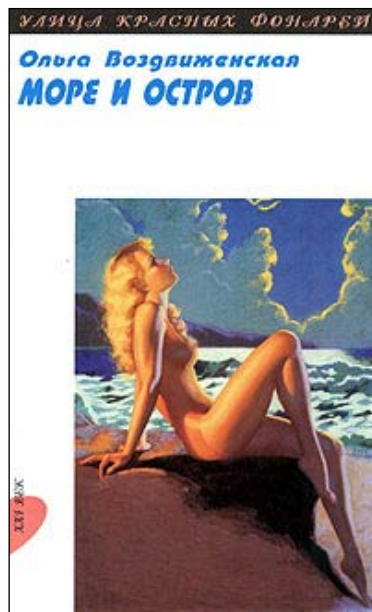
А больше всего мне хочется вообще все послать и уехать в Устюжну, и начать жить в соответствии с природными циклами, т.к. вообще-то я по вере скорее друидка.))) Два раза в жизни я была абсолютно счастлива, и оба – на природе, вдали от города и людей. Вот только Володя отказывается покидать Москву, и значит, остров будем строить здесь.

Вот такие дела.

...

Ну, сложно писать подробно о главном жизненном обломе. Постараюсь все же конспективно.

Всю жизнь, сколько себя помню, ничего не хотела, кроме литературы – для того и училась на журфаке, для того и работу всегда искала поближе к этим делам, верила – да и говорили авторитетные люди – что дал мне бог некоторые способности в этой области. Ничего другого не хотела, да и не умею. Все в это кинуто – ни детей не родила, ни больших денег не заработала, да и мужа выбрала, который тоже все для этой цели делал (отчего мне тем более стыдно теперь). Зато я профессионал. Это к тому, что писать в стол, в порядке хобби – не получается, это, имхо, графомания, которой я не страдаю, да и слишком много таких писак я перевидала на своем издательском веку. Выпустила известные Вам книги – стихи и роман²⁴.

²⁴ Роман *Море и остров* – вышел в серии *Улица красных фонарей* в 2004 году, а затем в издательстве *Книжный Клуб Книговек* – в 2011 году.

Некое количество статей написала, переводов сделала, два диска попсы на мои тексты записано. Но ни песни те хитами не стали, ни книги – бестселлерами, только время потрачено.

И вот как-то поняла, что к "слегка за сорок" стала этаким приличным литератором средней руки, каковых тьмы и тьмы. А работа с фонарями и другой подобной литературой, к тому ж, прилично испортила мне репутацию в лит. кругах местных – плюнуть бы на них, да других нету.

Самые разные люди, которым случайно попадали в руки мои тексты, говорили мне – разными словами – что я говорю то, что сказали бы они, если бы умели.

То есть что мне удастся выразить не только себя. Но – одновременно я заметила, особенно в последний год, известное противодействие к себе со стороны официальной литературы, вплоть до того, что в рецензии на Маркиза в КО²⁵ вычеркнули абзац про мои переводы (и таких случаев много, так что у меня не глюки). И на это можно было бы плюнуть, но нет других путей пробиться к настоящему читателю. Денег на настоящий пиар типа как Ирины Денежкиной или способности устраивать скандалы ради известности, как Лидия Иванова, у меня нет.

А издавать "библиотечку онаниста" и получать письма от отморожков – противно, как бы я ни делала вид, что фонари – культурологический проект.

Были уже случаи, когда авторы, писавшие сущую порнуху, отказывались издаться у меня только из-за грифа. Светка Литвак²⁶ жалилась, что её с её книжкой, даже оную не раскрыв, послали во всех толстых журналах, в том числе в *Знамени*, где она же регулярно стихи публикует. Сами же, Михаил, спрашивали, для кого я пишу свои статьи? Да и М. не раз повторял, что на продажи они никак не влияют, и я только время трачу на них. Можно было бы – была такая идея – на их основе написать настоящую литературоведческую книжку по эротологии (такой в мире ещё нет), но, похоже, под моей фамилией её никто не издаст. Ну и еще были идеи, столь же бесплодные в реале. "Воздвиженская" – это стал некий брэнд, от которого приличным считается нос воротить.

Я вижу, и с глазу на глаз многие признают, что, например, фонарный Аполлинер существенно качественней сделан, чем тот, что Ретро издало. Но ихним магазины торгуют – а наш отшивают – из-за грифа серии. То же и с Уайльдом. Сколько было уже тусовок переводчиков Аполлинера, и письма с

---

²⁵ Московский еженедельник *Книжное обозрение*.

²⁶ Левита Вакст. *Это – Любовь*. Рассказы и стихи. М., ВРС, 2002. Серия Улица красных фонарей. Книга вышла без послесловия. См. рецензию Михаила Армалинского *С хуя на хуй...* в General Erotic N83 <http://www.mipco.com/win/GEr83.html>

фронта до сих пор еще никто не перевел, кроме меня, но все делают вид, что ни книги такой, ни меня в природе нет...

24 ноября 2006

...

А насчет всего остального – ну я урод, наверно. Детей у меня никогда не было, да никогда по-настоящему и не хотелось, отца – тоже, потому как я его и не помню, а смерть матери... ну это особ статья, дящаяся по сю пору в виде истории с наследством. История гнусная и неинтересная. Потому как раз по этому поводу я не парилась никогда.

Но все же такой облом, обесмысливание прожитой жизни в её целях и устремлениях, стоил траура, имхо, при том, что вызван не внешними событиями, а назревшим осознанием ситуации. Я, в общем-то, особенно не грущу и не тоскую, это уже позади, но жизнь меня ныне привлекает пассивно-созерцательная, и в ней я нахожу все больше прелести. Благо ничто (ну, почти ничто) мне в ведении её не препятствует. Только хвосты от прежнего отягощают, как всякие долги и всякая инерция. Ну и надо решить, чем же теперь заниматься, т.к. просто плыть по течению я тоже не умею. Об том и думаю теперь.

Саше привет огромный с пожеланием всяческих удач! С удовольствием вспоминаю наш совместный питерский день минувшим летом...

25 ноября 2006

...Да мне, в общем-то, уже полегчало. но "надо что-то делать, неважно что" – Я так не умею. Зато умею на посыл "надо" спрашивать – "кому?" Мне – пока не надо, а кому другому – хватит, полжизни так делала – что-то, нужное другим и обламывалась, когда этим другим переставало быть нужно, а время и силы – мои! – уже потрачены. Но это все лирика. Просто для активности я сейчас не вижу никакой нужды, да меня ничто к тому и не толкает.

Период "носом в подушку" уже позади, да и пользы много он принес, как я теперь вижу (писала Вам про сортировку знакомств и связей). Читаю всяческие книжки необязательные, рукодельничаю, гуляю по лесам, добираю всё то, на что последние годы времени не хватало. Короче, предаюсь сиюминутным радостям жизни без особой цели. А насчет "получится, если плюнешь" - это вряд ли, да и не надо уже. А то бы не плевала.

Разговор долгий, но, полагаю, теперь Вам понятнее, что со мной сейчас происходит.

30 января 2007

...сейчас много всего надо подгонять в самых разных сферах моей жизни. И всё же – мой провал в себя в самые темные области был, по прошествии времени видно, крайне необходим и полезен. Впредь буду знать, что нельзя откладывать своих проблем, если душа чего-то хочет. А я, как Скарлетт, все обещала себе "подумать завтра"... Больше не буду (тут краснеющий смайлик).

Так что вот такие дела. Я в цветах – моя домашняя растительность по случаю мороза решила, что весна близко, все в ростках и бутонах – крокусы, красные лилии, фиалки. За окном сейчас тоже солнечно. Даже чего-то рифмуется там внутри, чего не бывало уже очень давно...

21 марта 2007

...дело не в том, что меня называют порнографом, а в том, что меня как прозаика, поэта и переводчика уже никто не воспринимает. Я в плену у своего имиджа, в общем-то, мне чуждого. Таковой теперь и пытаюсь преодолеть. А в порнографии я ничего плохого, конечно, не вижу, просто не она – цель и смысл моей работы...

29 апреля 2007

Михаил, у меня такой психофизический феномен – я несколько лет назад совершенно разучилась плакать: последний раз это было на материнских похоронах, да и то от злости и усталости. И как отрезало... а теперь вроде снова стало получаться... однако отвыкла, потому непривычно и люди пугаются.

А причины – да вот ума не приложу, чего с собой делать. Мир помалкивает, вроде как ему и без меня хорошо, всплывают какие-то знаки, но толку-то? И время уходит. Всё, что раньше составляло смыслы, как-то отсыпалось, новое не нарастает пока... М.б. это и хорошо, как Вы пишете.

Весна – вообще не мое время...

Вижу, как год от года подрастает Ваша вишенка, а Вы – почти не меняетесь, несмотря на минование круглой даты.

А у нас холодно, дождит... и сплошные похороны государственные...

7 сентября 2007

Я родилась в Москве, мать – в Шиханах, в Устюжне – бабка. Но бабка родила мать как раз в санчасти Шихан в 37 году (дед там служил), Параллельно там шли испытания зарина, замана и табуна – слышали про такие газы? По всей видимости, мать была поражена внутриутробно, чем и были вызваны и ее суставные проблемы, и полное гормональное нарушение и в результате ранняя смерть от рака. Видимо, многое из этого передалось и мне, а потому не особо лечится.

В коленке ощущение, что она выбита, но травмы не было. Даже иногда спина болит без особых причин, а позвоночник такие дает эффекты... что иной раз ни дыхнуть ни пернуть))) – то ребра, то грудь, то ноги... пугалась я (особенно по поводу груди), бегала к врачам – а оказалось что все позвоночник на почве нарушенного обмена.

Но хожу, не даю себе расслабляться...

14 сентября 2007

...мне рассылка из Зверевского приходит. Но не пойду – там будут по крайней мере три человека, которых я активно не хочу видеть. Да и заумь под видом поэзии не в моем вкусе...

25 сентября 2007

Ну так, по порядку. Братья они мне названные – по колдовскому кругу. Один ушел в академку из нелюбимого института и служит в частной охране, другой работает инженером. Есть еще третий – тот как раз маленький и опасный, в миру монтажник и бывший спецназовец. Познакомились мы на почве интереса к Северу: братья – варяги-реконструкторы и мы с ними

изучали эдды. Мы все (в т.ч. и сёстры, о которых несколькими постами ниже) совершили некогда обряд братания по-язычески и любим друг друга как родных. Просто я старше всех, потому и поддерживаю порядок)) И нам с Володей проще принимать всех у себя.

...

Пент²⁷ – да, ширится и кормит. Сайт даже сделали, но пока ондохлый, т.к. нет специального человека, который бы его вел. Предлагали Володе, но как-то не очень всерьез... ноябрьский номер посвящен будет Восточной Европе. Для октября писала про Китайскую магию, могу прислать Вам для развлечения, для сентября – итальянский был номер – писала про то, как была замужем за итальянцем. Только это сильно сократили (в основном про всякую культурологию), зато поставили "письмом месяца")...

Тема “Пушкин и кошки” меня занимала некогда. Но должна Вас огорчить – Пушкина более влекли коты. Котов в его наследии я насчитала троих: Кота ученого, естественно, кота у монаха в “юбке”, кота Татьяны Лариной, намывавшего гостей. Кошку (видимо) спасал кто-то из банды Дубровского, когда жгли поместье. Эмхо, ничего эротического (((.

С новым транспортом всячески поздравляю! Катайтесь! Зато у меня новые стеллажи, наконец-то относительный порядок в кабинете и новая электроплитка для мелких нужд там же (а то кухня довольно далеко в нашей сталинке). Так что и у меня обновки)))

...

... кошатники (равно как и собачники) – народ специфический. Тут Володю приняли в “почётные собачники” после некой акции возмездия за кражу щенка у одной из наших активисток с последующим выкупом. Эта женщина живет одна и за городом, и мы рассудили, что местные гастарбайтеры могут повадаться красть щенков с возвратом за 10 000 каждый раз. Взяли мы пяток кавказских овчарок, пару амстаффов и добермана и выехали к этой даме на шашлыки. Нас с Володей тоже позвали – для поднятия авторитета. Очень действительно оказалось))) С тех пор кавказятники и прочие владельцы крутых пород из нашего фонда всегда нас зовут. Но будут ли эти люди читать? – сказать не берусь.

Вот такие новости. Пишите, не забывайте нас!

---

²⁷ *Пентхаус* – московский ежемесячный журнал, в котором публиковались тексты Ольги Воздвиженской. Этот журнал не имел никакого отношения к американскому *Penthouse* – см. статью Михаила Армалинского *Олимпийская эстафета жуликов в русском Пентхаусе*. General Erotic N207 <http://www.mipco.com/win/GEr207.html>

---

26 сентября 2007

...котов Пушкин более жаловал. И писал о них с большим уважением, чем о кошках. “Брысь, кошка”, “полно с кошкой возиться”... зато Кот-ученый! – то в этом видится такое отрадно гетеросексуальное.... И кошачий стеб – это всегда весело.

Братаются по-разному. Мы – через кровь, секса между кровниками, как правило, не бывает – совершенно иной тип отношений и связей. А эдды – те самые, исландские, в русском переводе, в издании Литпамятников. И саги там же... Лучшего источника по практической скандинавистике нету.

Итальянцем мой первый муж был по прадеду, но свекровь в девичестве имела фамилию Росси. Ну и темперамент фамильный присутствовал.

27 сентября 2007

...после этого мужа я возненавидела наркотики, понты и шизу.

24 октября 2007

...Культурологического проекта у нас не вышло, он этой стране и культуре явно не нужен, продажи делают дровичлики, им мои статьи пофиг. Но обслуживать онанистов я больше не хочу. И так я не нажила с этого ничего, кроме дурной славы.

Ладно, это я так, брюзжу. Дело прошлое.

3 февраля 2008

...всё это как культурологический проект провалилось и что все это довело меня до депрессухи и в конце концов породило во мне отвращение к литературному труду...

...серия не состоялась, как мыслилось – и видимо, вообще не могла, при том что это единственный проект такого рода, вообще хоть как-то осуществленный в России ... но, что мне хотелось бы – не получилось и ничего, кроме потерянных семи лет и дурной славы, я не поимела. Ну не та страна, не тот язык, менталитет не тот... а я не упертая. Меня же не

пропаганда секса всегда интересовала, а именно включённость эротики в культурный контекст...

7 февраля 2008

...моё право со своей жизнью делать все что я хочу, не причиняя тем никому вреда.

Но в общем, это уже так, разговорчики в строю. Не беспокойтесь за меня, Михаил. У меня действительно всё хорошо. Я, кажется, даже начала вспоминать, чего хотела от жизни на самом деле. Что ко мне и пришло!

Ещё раз спасибо, Вы настоящий друг))) Пишите!

11 февраля 2008

...ну, возник у меня полгода назад поклонник, все вполне светски. Никуда я не исчезну – просто м.б. прокатимся максимум на денёк, дабы опробовать новый ягуар. Просто у мужика были очень крупные неприятности всё лето, он был в бегах, Я старательно играла в жену декабриста, теперь дела потихоньку налаживаются...

16 февраля 2008

...ягуар еще не видела, только слышала про него. Он на оформлении. Знаю только, что 92-го года выпуска, потому сравнительно недорого куплен...

4 марта 2008

Статья предназначалась Вам²⁸. Помнится, мы долго это обсуждали – мне очень хотелось написать о *Записках* именно как о тексте, как о романе, отойдя от вопросов подлинности, пристойности и т.д., т.к. меня уже тогда предельно

---

²⁸ см. эту незаконченную статью на с. 268.

раздражали спекуляции вокруг *Записок*. Я считала и считаю, что сам текст, неважно, кто и когда его написал – именно как литературный текст – весьма хорош и важен, и даже секс тут вторичен, а главное – психологизм творческой личности в столкновении с реальностью. В те наивные времена я еще верила, что эрос в этой стране можно сделать просто темой культурного процесса, как во всем мире... вот дура-то.

Мы ещё предлагали легенду создать – мол, это написала училка-литераторша, прочитавшая *Записки* и прозревшая – но тут был важен именно мой опыт как человека, наверно, подробнее всех записки изучившего. Но – дальше этого зачина не пошло, духу просто не хватило. Должен был получиться этакий серьезный текст про композицию, про постмодернизм, про интонацию, с выводом, что не Пушкин это, конечно, а хороший современный роман...

...Делайте с этим текстом, что хотите. Я не в Америке живу и назад пятками не хожу, так что, конечно, не допишу. Как и многое другое. Потому и чищу свои архивы, рассылая остатки по принадлежности. Вы будете единственным обладателем этого текста – я этот файл стерла...

18 апреля 2008

Скандал начался и в данном момент в самом разгаре. Богачев²⁹ плакал в телефон. Насколько удалось установить, эта новая ихняя гендиректорша куда-то подевала деньги, в результате чего не только нам – всем авторам давно не плачено. Все авторы – в т.ч. и мы – написали жесткие заявления с требованием расплатиться, они были приняты, зарегистрированы и должны быть переданы ей. Богачев предлагает звонить ей, её номер не отвечает, по имеющимся сведениям, она забегает в редакцию на пару часов и совершенно неуловима. Пользуясь отпуском Б., она своей властью (!) поменяла обложку на майском номере, на что тоже деньги ушли. Б. в истерике, вопит “Ну хоть в суд на нас подайте” и грозитя по окончании скандала уйти. То же хочет сделать и бухгалтерша, с которой мы имели дело.

Не только мы – все авторы прекратили писать до прояснения и расчетов. Очень похоже, что наша дружба с Пентом на том и завершится. Но деньги мы будем выколачивать...

---

²⁹ Главный редактор русского *Пентхауса*

10 августа 2008

Работаю я именно что консультантом, с утра до вечера, два, иногда три раза в неделю – пока учусь, считается, что это стажировка, без определенного графика и с получкой от выручки. Продается там музыка в записях и экзотические музыкальные инструменты, украшения в этнодухе, разные штучки для интерьера, травяные чаи, курительные палочки, свечи. Так что сижу среди красавок, отвечаю на вопросы про Язычество – и меня всегда к этому тянуло.

... мое нынешнее воплощение – которое Ольна Лемберг...

4 января 2009

...финансовый кризис на моей новой работе сказывается весьма позитивно)))) Народ ко мне и моим коллегам прет косяком...

... ладно, признаюсь, рискуя навлечь Ваше презрение, я же не просто консультант... а консультант-таролог, попросту говоря, гадалка, всю жизнь этим занималась (от покойной бабки вприглядку еще в детстве научилась), претерпела все, что полагалось за интерес к эзотерике при совке... а минувшим летом получила лицензию и меня прямо с курсов взяли в “Путь к себе”. Вот перед новым годом как раз завершила продвинутый курс, теперь думаю о дипломе. Так что в жизни происходит на самом деле много нового...

...мне нравится: сюжеты забавные, народ интересный и приятный, гуманитарное образование и начитанность очень кстати, ну и платят, конечно... хотя странновато ходить на работу. Но всё лучше, чем прокисать дома в сознании неудавшейся жизни. Плюс ощущение новизны и полного отрыва от прежнего – была на последнем нон-фикшне, очень остро-радостно ощутила.

Общий же настрой последних месяцев таков: приходит клиентка – “что он обо мне думает?”, а по картам выходит, что думает он вовсе и не о ней, а как раз о кризисе – не сократят ли после каникул, заплатят ли в следующем месяце и т.д. Вот и изощряешься “он сейчас озабочен, сможет ли чувствовать себя мужчиной в глазах женщин, потому что неуверен в своем завтрашнем дне...”

9 января 2009

А на самом деле "трудно быть богом" – такие бывают навороты, что мама не горюй. Когда получив некую информацию по бизнесу крутой мужик тут же по мобильнику на её основе кого-то увольняет, например, или прекращает переговоры... а вдруг я ошиблась??? Ну и плачущие дамы...

Кстати, мужчин-клиентов никак не меньше. И про любовь, и про бизнес, и про духовные поиски.

У нас прейскурант смешной составлен (хотя реальный действующий документ). Там последний пункт – "беседы на посторонние темы" – и дороже всего.

Ну а насчет природы дивинаций – это долгий разговор о судьбе и свободе воли, о вариантах выбора, о том, ты посредник между здесь и там или как... но устаешь от такой работы сильно, потому мы и работаем по ротации. Но нынче ж святки в России, самое гадальное время. Вот потому я работала вчера и буду сегодня и м.б. еще на наступающей неделе.

И ведьмачу-то я давно))) как положено, с первых кровей...

24 марта 2009

Михаил, Володя умер сегодня утром. Сердце...

О.

Михаил, спасибо Вам....

Наверно, кто-то там наверху меня все же слышал, когда все годы, что была я замужем за человеком почти на 30 лет себя старше, молилась: пусть будет он со мной как можно дольше, бодрым и здоровым, а когда придет срок, чтоб сразу....

Володя никогда не жаловался, отказывался считать себя хоть сколько-нибудь стареющим и нездоровым... в пятницу три "скорых помощи" уехало с отказом от больницы, только четвертая сумела его отвезти. И ему даже становилось уже лучше, но...

Судьба была милостива к нему – там был такой букет всего, а Володя не чувствовал, жил активно и многообразно... плевал на одышку, на погоду...

Только мне вот предстоит теперь понять, как же дальше-то... без него....

Я напишу, когда хоть чуть-чуть опомнюсь.

30 марта 2009

...

В пятницу была кремация. Потом поминки. Надо сказать, мне очень все активно помогли – и Ладомир, и тарологи, и в особенности зоозащитницы. Володю все любили и в такой час это проявилось.

Сама я как-то пытаюсь держаться. Правда, наплакалась так, что под глазом сосуд лопнул и хожу теперь с синяком.... и бегая по слякоти со своими печальными хлопотами, по второму разу простудилась, так что снова кашляю и в соплях. А дел очень много – и оформление всякое, и кошки – они же живые, и просто повседневность... Так что лечусь, потому что и на работу хотелось бы уже выйти.

Ну а о духовном... Мы с Володей были друг для друга всем, и осталась от меня ровно половина теперь. Впереди какая-то новая реальность, но её я пока вообразить себе просто не могу...

15 июля 2009

На Севере, как всегда, чудесно – было тепло и ясно, Я много купалась, созрела земляника и любимая Пушкиным морошка, все цветёт, вдоль грунтовых дорог стоит жужжащий гул от шмелей над ромашками, люпинами и колокольчиками....

Последняя мода в Устюжне – это ставить в избы т.н. "евроокна", очень забавно выглядят они в резных наличниках))) Стоит такой по окна первого этажа вросший в землю дом, из серых бревен, на нем тарелка спутниковая, интернет, по компу у каждого жильца и по мобильнику, а "биотуалет" в огороде и колонка водяная на улице – "ведропровод"...

И так – ну люди живут, едят, помирают не хотят, на кризис плюют... Дети у друзей выросли... кого я помню младшими школьниками, пацанами, уж студенты – я 4 года в Устюжне не была.

...

А я приехала и работаю-работаю... Но такие попадаются интересные истории, такие повороты открываются в раскладах.... Очень интересно и увлекательно для меня. Ну и занята, что тоже полезно.

Но вообще у меня теперь все совсем по-другому. Как – ещё не знаю, но все старое закончилось. Даже имя расходное поменяла, нету больше литератора Ольги Воздвиженской, есть таролог Ольна Лемберг.

16 июля 2009

...А вот эзотерика как основное занятие – этого мне всегда хотелось. Я не чувствую себя оракулом, но помочь людям получается обычно, и это радует.

Вот так – м.б. коряво – я и вышла из жизненного кризиса. Теперь можно все сначала начинать.

October 5, 2009

...развеела прах Володи над Яузой, как он хотел... что сопровождалось некими мистическими знаменами. И он перестал мне сниться.

А внутри пребываю в апатии – без особых целей и смыслов переживаю день за днем. Здоровя не очень, но это от переменчивой осенней московской погоды.

8 ноября, 2009

...и кстати – вот забавные сплетения! – у Вас там поблизости одно из главных издательств по Таро))))³⁰. Понимаю, что совершенно не Ваша тема, но получается, что Миннесота в моей жизни суть некий центр...

15 апреля 2010

Дорогой Михаил, предупреждать же надо!))))³¹

Спасибо, что хоть сейчас предупредили)))) А я-то уже почти отпросилась с работы и думала, как буду прятаться от М. на Вашем вечере....

Конечно, никому не скажу. И разведку постараюсь произвести, но это – как сумею рвануть с Покровки.

А вообще жаль – действительно надеялась Вас живьем хоть увидеть.

---

³⁰ <https://www.usgamesinc.com>

³¹ см. *Небывалый визит* в General Erotic N209 <http://www.mipco.com/win/GEr209.html>

Ну да ладно.

Хотя... была примета: я Вам писала про даму-таролога, Вашу нынешнюю землячку, издавшую "Таро для писателей", так вот как раз за пару дней до появления Вашей афиши я эту книгу купила в Москве, уже изданную по-русски. Типа привет такой из Ваших краев.

Ну посмотрим, чего будет в субботу)))) В надежде на банкет народ наверняка понабежит.

23 июня 2010

Михаил, рада Вас вновь приветствовать!

Когда писала Вам в прошлый раз, изучала каббалистику – "без печали и забот растет Древо Сефирот" (не я, к сожалению, сочинила). Теперь прохожу дополнительную практику по Марсельскому Таро – это одна из самых старинных и классических колод, 17-й век. Закончу этот курс, буду освежать имеемые с детства от бабушки умения гадать на простых игральных картах... Все равно до начала августа у меня переуплотненный рабочий график, я в Москве, а дополнительные знания в нашем Таро-клубе очень и очень приветствуются. Параллельно 22 июля буду читать на работе в Облаках (вроде я Вам ссылку на их сайт посылала) публичную лекцию "История и культурология для начинающих оккультистов"; и народ еще хочет мастер-классы по амулетикам и всяким колдовским штучкам.... Так что при отсутствии глобальных новостей занята я выше всякой крыши. А в свободное время дом реконструирую.

...

Ох, Михаил, ведьмой я родилась вообще-то... просто время от времени уходила "в резерв", но что-то практиковала всегда и даже в трудные времена зарабатывала этим. А теперь вот стало это и основным занятием. Деньги – да, не жалуясь, ттт!, но и смыслы тоже и в первую очередь. И радость быть среди своих... Называюсь теперь Ольна Лемберг – Ольна по кличке, данной мне учителями по магии еще в юности, Лемберг – в честь Володи, по его последнему псевдониму...

6 июля 2010

... очень хорошо, что на место сенсационности и скандальности в историю ТЗ³² приходит вдумчивая спокойная профессиональная аналитика. Наверно, это естественный этап – крики кончились, а серьезные люди начали ЧИТАТЬ эту книгу и понимать, а что там, собственно, написано, без истерики. Так и должно быть...

17 января 2012

...архивы Фонарей у меня не сохранились, компьютер теперь другой – времени же много прошло. А все бумажное я в Зеленоград³³ отправила...

24 апреля 2012

... Часто даже бывает, что приходят спустя несколько месяцев – "вы мне тогда сказали, что будет то-то, быть такого не могло никак и я вообще не понял, про что вы, но все так и вышло и точно в срок, когда вы указали". Присылают своих знакомых, приходят за дальнейшими советами, становятся постоянными клиентами. Бизнесмен один есть из Подмосковья, третий год все решения принимает только после консультации, привозит на гадание документы, досье, записывает все на диктофон. Точность у меня больше 90 процентов. Так ведь четвертый год уж консультирую. Девиз нашего Таро-клуба "Осторожно говорим правду". И еще – Таро такая система, что позволяет рассматривать варианты, и их всегда $n+1$. И еще момент чисто психологический – первым делом важно помочь клиенту задать правильный вопрос, узнать, что именно он хочет узнать; и только потом раскладывать карты.

Сейчас еще в другом центре иногда провожу мастер-классы по колдовскому рукоделию – славянские обережные куклы, узелковые амулеты и т.д. Так что не скучаю)))) и дальше учусь-учусь-учусь....

16 августа 2012

---

³² *Тайные записки 1836-1837* А. С. Пушкина, см. <http://www.mipco.com/SJAd.html>

³³ В Зеленограде, под Москвой, находится издательство *Ладомир*.

...срочно дописываю книжку про Animal Lords Tarot – по весне Аввалон конкурс объявлял по списку колод, моя заявка прошла, теперь срочно текст надо доделывать, но вроде получается. Хочется в отпуск, но это получится не раньше 10 сентября. Думаю и о других тарологических проектах, общаюсь с художниками. Несмотря на лето, клиенты всё идут, так что работы много, тем более приходилось коллег отдыхающих замещать. Вот так примерно и живу. Всерьез размышляю продать уже все квартиры в Москве и уехать в провинцию насовсем, посадить сад и заняться обретением внутренней гармонии. Видимо, старею.

7 декабря 2013

...Презентация прошла очень мило и весело, все говорят, что книга хорошая) Мне присвоили звание Бакалавра Таро и арканологии (номер 38 – за всю историю нашей науки в России))). Моей соавторше – тоже (написала всё я, но идея заняться этой колодой была её). Ну и разные перспективы на будущее открылись тоже...

..в свое время, меняя род занятий – из эротологов уходя в оккультисты, я произвела полный ребрендинг))) И с согласия Володи стала публично жить под его псевдонимом. Ну только без "фон". Так-то в обоих браках я официально фамилию Воздвиженская никогда не меняла, но тут взяла псевдоним по мужу). Да и Таро – вещь глубоко нерусская, с церковно-славянской фамилией было сложно. К тому же редкая она в своем ряду, все путали то Вознесенская, то Воскресенская, то Преображенская)))) Ну и слишком четко ассоциировалась она с эротикой, а я тогда полностью сменила профиль. Так теперь и живу – вдова Лемберг и все новые знакомые меня знают только так. Важно ж не что в паспорте, а что на визитной карточке написано))) А в членском билете Таро-клуба и на всех сертификатах – обе две меня.)))))

4 июня 2016

...А все же, по прошествии 30 лет, скажите (мне, по секрету) – это Вы написали?)))))...

я не про эссе спрашивала, а про сами *Записки*...

Армалинский – Воздвиженской

4 июня 2016

Оля, на этот вопрос у меня есть единственный ответ: я – издатель *Тайных записок*, а кто их написал, пусть решают лингвисты, историки и прочие учёные.

Воздвиженская – Армалинскому

8 июня 2016

...я с удовольствием и легкой ностальгией читаю новости о *Записках*, изредка вспоминая то боевое время. Хорошо, что оно было, хорошо, что завершилось. Я, конечно, никогда не вернусь в то состояние и не стану снова профессиональным литератором, не буду издавать и редактировать книги (были попытки меня затянуть – отбилась!)), не стану никак активничать в этой сфере, но вспомнить приятно...

27 января 2018

...тихая кончина в кругу любящих близких – это, наверно, лучшее, чем может закончиться жизнь.

Я верю, что Там мы все встретим своих любимых и родных, а пока мы еще здесь, надо помнить о них...

30 марта 2018

...Квартира сдаётся, это позволяет мне не сильно париться о заработках и даже о грядущей пенсии)))

---

3 апреля 2018

...Вот удивительный народ – почти 20 лет, как *Записки* вышли здесь, стали фактом русской литературы, а они все никак не уймутся))))

28 октября 2018

Лето выдалось пустым и никаким – я болела непонятно чем, из-за этого многие дела отодвинулись. Но осень для меня всегда время животворное. Сейчас пишу новую книжку про Таро. Есть такая колода "Колесо года" – о языческом календаре и временах года, очень красивая и понятная...

Я несколько лет назад придумала, как выяснять по ней довольно точные сроки будущих событий, это работает; я провела много семинаров по ней, коллег научила. Пришло время это описать.

30 ноября 2018

Михаил, здравствуйте!

Ну, Вы известный мастер провокаций, все очень забавно развивается. И Вы повеселились, и сын Бродского тоже повеселился – кстати, очень достойная реакция.³⁴

Вероятно, тут еще роль играет то, что в этом году литературного Нобеля вообще не присуждали, не о чем поболтать-посплетничать-поскандалить, а Вы подбросили такой повод))))

Да и собственные новости у нас тут такие... угрюмые, что отвлечься всякий рад.

Я тоже искренне повеселилась)

14 января 2019

Михаил, простите, что не сразу – я серьезно больна. вижу одним глазом и печатаю одним пальцем...

---

³⁴ см. У Бродского хотят отнять Нобелевскую премию в General Erotic N335 <http://www.mipco.com/win/GEr335.html>

19 января 2019

Восстановление после инсульта – дело долгое Сижу-лежу дома, друзья и ученики приходят каждый день... Читать трудно – зрение расфокусировано, печатаю одним пальцем правой руки, говорю не очень внятно. Прогноз хороший...

8 февраля 2019

...Миновал самый опасный в смысле рецидива первый месяц. Завтра должен прийти врач, скажет, надеюсь, как лечиться дальше. Но хожу пока по стенке, печатаю одной правой рукой и глаза быстро устают. Хуже всего – скука. Очень хочется на воздух, но пока не могу.

У меня цвели гиацинты и нарциссы, с осени посаженные в холодильник – такая небольшая личная весна.

9 февраля 2019

...Врач снял очередную ЭКГ и сказал, что скорее всего одновременно с инсультом был инфаркт. Скорректировал лекарства.

10 февраля 2019

...А наша медицина – это да. Трепанацию и мне хотели сделать в больнице, пришлось отбиваться и бежать.

8 марта 2019

Мне надо знать вот что. Был в прошлом некий мужчина, с которым было много всякого. С апреля прошлого года мы не общаемся, и поссорились типа

навсегда. но так уже бывало. а нынче у меня какие-то ощущения внутренние... вопрос: не объявится ли он еще и если объявится, то когда и зачем? а если нет, то и слава Богам.³⁵

...А здоровеется, увы, медленно, но говорят, так и должно быть. Надеюсь к концу марта начать выходить, печатать стараюсь двумя руками, статью подготовила в Хроники, стишки плохие сочиняю. Но скука – самое страшное в моей ситуации, и главное тут – стараться не привыкать быть больной, но начать строить жизни вокруг болезни.

14 марта 2019

...я пока только на балконе перекуриваю, чтоб привыкнуть к ощущению пространства.

22 апреля 2019

...Ну я так вполне прилично. Выхожу до ближайшего магазина сама, на более дальние прогулки с кем-то. Ездить в транспорте пока не рискую.

Повторное МРТ показало, что совершенно зря меня собирались резать зимой в больнице – нет в моём мозгу никаких аневризм. Хорошо, что я воспротивилась, была б сейчас овощем с бритым черепом (а как уговаривали, чем только ни угрожали....

...я дописала свою книжку про Таро Колесо Года, теперь иллюстрациями занимаюсь. И еще две статьи для Хроник. Вроде бы Боги миловали и интеллект не пострадал.

Так что как-то так. Продолжаю лечиться и восстанавливаться.

23 мая 2019

Здоровье понемногу налаживается. сейчас важно расходить ноги – отвыкли за зиму и болят при ходьбе – и начать ездить на транспорте. Пока только хожу в магазин и аптеку, зато каждый день. Реабилитация, как все говорят и пишут – дело небыстрое.

---

³⁵ Эта часть письма была отправлена мне по ошибке - М. А.

А так нормально всё. Цветник на балконе сделала, книжку про Колесо Года дописала, сдала в издательство. Вальтера Скотта вычитываю, Московское Таро пишу. Стараюсь вернуться к нормальности.

А как Ваша вишня – еще больше стала? цвела обильно?

21 августа 2019

...Оформляю инвалидность – тот еще квест! Проблемы и последствия пока есть, надеюсь, не навсегда...

27 октября 2019

...Похоже – ттт! – что в этом году выйдет две книжки. Потихоньку работаю, пишу, преподаю, оформила инвалидность. Стараюсь больше активничать, вот завтра пойдет на Рен-ТВ рассказывать о стихиях – я у них любимая ведьма. Завелась в ФБ, но чисто для профессиональных нужд. Здоровье понемногу выправляется, но медленнее, чем хотелось бы.

26 декабря 2019

Да, этот год оказался странным – просидела дома почти весь год, но зато аж две книги вышло. Так что стала такой весь себе авторитетный таролог))))))
Завтра вот с издателями небольшую вечеринку устраиваем по этому поводу...

А что до литературы... то свинья грязь найдет, даже и в оккультизме. Совсем не писать не получается...

27 декабря 2019

...я писала даже не про предсказания даже, а про таро как архетипы, которые проявляются как элементы системы описания мира в самых разных местах.

24 марта 2020

Здоровье мое – ттт! – вполне нормально, даже реже стала общаться со своим врачом, она вроде за меня спокойна. Но, с завтрашнего дня, как перенесшая инсульт/инфаркт и ослабившая тем иммунитет, буду в затворе на две недели, так московские власти решили. Основная деятельность в интернете, вебинары вот веду, да и написать много нужно чего...

Собиралась в мае в Крым на некое профессиональное сборище, а теперь неведомо, будет ли оно. Пишу статью в Хроники про карты, показывающие ситуацию карантина. Вспоминаю Пушкина, застрявшего в Болдине из-за холеры... Но, поскольку я теперь вообще в основном дома, вся эта ситуация мало что для меня меняет. Читаю все, что давно собиралась, да некогда было. Берегусь, конечно. Сфоткалась вот в респираторе, считаю, что весьма прекрасна в нем))))).

В соседнюю квартиру давеча въехала милая молодая пара с детишками, ребята сами вызвались помогать, если что. Будем живы, не помрем!

В Москве очень ранняя весна, уже цветут одуванчики, что обычно в мае.

И Вы себя берегите!

29 апреля 2020

...У нас парки обвязаны полосатыми лентами, как и скверы, и детские площадки – никаких прогулок. На велосипедах ездят курьеры. Перекос цен – катушка ниток стоит, как и в обычном магазине. 20 р, доставка – 200. Народ устал, конечно. Парад на День Победы отменили, выбегаю только в супермаркет через дорогу и в аптеку, весну вижу только во дворе – вишни цветут, сирень собирается...

Работаю только в сети, благо всякие скайпы и тому подобные программы позволяют видеть клиента. Много пишу – хочу по максимуму закончить начатое, раз уж карантин. Из близких и знакомых, ттт! никто не заболел. А так – ждем, после праздников обещали некие послабления режима.

21 июля 2020

...Я Вам давно ещё говорила, что любые материалы моего авторства, явившиеся свету в процессе нашего сотрудничества (и по ТЗ, и материалы Генэротики и все прочее) Вы можете использовать по своему усмотрению в любое время без каких-либо возражений с моей стороны.

Могу только удачи пожелать двуязычному переизданию!³⁶

27 января 2021

Не считали, во сколько раз по объему *Парапушкинистика*³⁷ уже превосходит Сами *Записки*? В три, в четыре? Все растет, как дерево, за все эти многие годы уже такой мощный дуб получился, как в Лукоморье))))

А что я там – так это род бессмертия!

---

³⁶ Речь идёт о русско-английском издании *Тайных записок* <http://www.mipco.com/SJAd.html>

³⁷ см. Литературный памятник <http://www.mipco.com/win/pushLP.html>

26 сентября 2021

...А если всерьез – то *Записки*, хотят или нет этого наши оппоненты – стали естественным фактом русской культуры, от их существования уже невозможно отмахнуться. Так что пускай пишут диссеры и защищают – *Записки* уже давно живут своей жизнью))) Рада я, конечно.

5 декабря 2021

...к сожалению, это, видимо, последний раз – больше Бестиариев не будет((((Позавчера мы схоронили одного из организаторов (мужа главной организаторши) и все в трауре. Она, конечно, не в силах физических и эмоциональных дальше это проводить, так что все 9 бестиарных сборников превращаются в редкость...

29 января 2022

...уже двадцать лет!!!³⁸ как время-то идет...
Но да – мы тогда это сделали и это останется навсегда!
С юбилеем, Михаил!

11 августа 2022

...а я вот тут задумалась – отчего у Пушкина женщина-жертва – всегда Мария? в Дубровском, в Полтаве, в Бахчисарайском фонтане?

Что до Таро, то события последнего полугодия, конечно, людей очень волнуют и запросов таких много. Но увы, никто (а мы обсуждали с коллегами, в том числе и с той стороны) не может ничего точно разложить, будто Там тоже неведомо или ситуация еще не сложилась. Отвечаем только на конкретные вопросы – как у кого-то отдельного что пойдет в этих условиях, глобально – ни у кого не получается.

---

³⁸ *Тайные записки 1836-1837 годов* А. С. Пушкина были изданы в 2001 году

А так – держимся, что ещё остается... Хотя, конечно, все это ужасно((((((((

22 августа 2022

...бегаю по врачам по поводу ежегодного продления инвалидности, а так – работаю. Как в сказке – одну книгу делаю, за другой тянусь, третью примечаю, а четвертая мерещится. Но все мне самой интересно, так что это, скорее, радует. Рисую вот всякие сорняки и цветочки по утрам, пока в кабинете светло.

11 сентября 2022

Ох, Михаил, как врем-то идёт! действительно уже 20 лет...³⁹ героические были времена! сама иногда не верю, как вспомню... Но что сделано, то сделано и в истории останется!

27 декабря 2022

...*Записки* глубинный и многоплановый текст, что много можно в них найти поводов, чтоб высказаться)))

12 января 2023

Михаил, спасибо, рада, что Вы поделились такими важными вещами, как память.

Еще когда мы делали *Чтоб знали!*, я заметила, что родители героя, пусть упомянутые в тексте мельком – самая счастливая, если не единственно счастливая пара на весь Ваш роман. Теперь я понимаю, что Вы писали о своей семье.⁴⁰

---

³⁹ Том Михаила Армалинского *Чтоб знали!* был издан в 2002 году

⁴⁰ Михаил Армалинский *ПАМА и МАПА* <http://www.mipco.com/win/PAMA.html>

Пока я только мельком проглядела первые страницы. Ваша мама в молодости – такая красивая! Обещаю, что внимательно прочитаю всю книгу и еще напишу Вам.

Это очень важно – книги о любви и счастье! И не всем, увы, удастся такое написать, не всем есть о чем... Потому Вам, конечно, очень повезло! и правильно, что Вы делитесь с миром такими важными вещами!

26 января 2023

...Хотя я вроде и пенсионерка на инвалидности, а никогда не была так занята, как в последнее время.

22 февраля 2023

да... в России сейчас... трудно. Впрочем, а когда тут не было трудно? У нашего Пушкина много об этом. Вот только метель и сравнима с прочим миром(((((((

25 февраля 2023

Ну всё естественно, *Парапушкинистика* – это не только книга, но просто такой процесс, он давно уже идёт независимо и разнообразно) и хотят того или не хотят его участники, а включаются невольно в рекламу *Записок*.

26 марта 2023

Михаил, как идет время... Уж и Литпамятнику⁴¹ 10 лет... Я Вас встречно поздравляю! Записки во всех видах уже сами история – литературы, заблуждений, борьбы... просто история))))

---

⁴¹ см. Литературный памятник *Тайные записки 1836-1837 годов с Парапушкинистикой* был издан в 2013 году. см. <http://www.mipco.com/win/pushLP.html>

5 июля 2023

Михаил, спасибо – генеалогические изыскания это очень интересно. Но Лемберг (а у Володи Вольфганг фон Лемберг) – это псевдоним, Володя был Львов, а Лемберг – австро-венгерское название города Львова. Такой вот иностранный псевдоним. Потом и я стала под ним работать и жить и печататься, смена имени была тогда как своего рода реинкарнация, хотелось в той депрессии середины 2000х начать новую жизнь. Так и живу теперь и все знакомые последних лет знают только Ольгу Лемберг (и пиетс латиницей не совсем так, как название города – Aallna Lehmberg). И книга Вальтера Скотта в Володином переводе выйдет под этим его псевдонимом.

Другое дело, что Львов – тоже не настоящая фамилия, а партийный псевдоним его отца-наркома. У меня есть его объяснительная записка в Партконтроль (в ней ни слова правды)), но факт смены ФИО еще в 1920х годах отмечен.

Про Володиноho отца, моего стало быть, свекра, вот тут написано https://ru.wikipedia.org/wiki/Львов,_Виктор_Константинович. Я бы и фото вставила, у меня есть, просто не знаю, как с администрацией Википедии связаться.

Видела Ваш вишенный урожай, порадовалась.)

...Мать Володина, моя любимая свекровь мама Рита, была еврейка из Харькова (вся семья там под немцами погибла((((), Маргарита Павловна Ротенберг в девичестве. Так что по галахическому закону Володя вполне еврей, таковым себя и считал, всегда это было для него важно и поминаю я его в Московской хоральной синагоге. А нарком вообще родом из Западной Белоруссии, поляк вообще-то... его я, к сожалению, не знала, он умер в 70х.

Володю в жизни скорее всегда подозревали в родстве с князьями Львовыми) А семья мамы Риты вся погибла в 1943м. Она одна осталась, потому что уже с мужем и маленьким Володей из Ленинграда уехала в Сибирь, где он военными заводами заправлял. Чудесная была женщина, столько интересного мне рассказывала, так радовалась нашему союзу, мы с ней очень дружили, жаль, быстро умерла (очень была уже старая(((.

Но да, когда меня спрашивают, почему при такой славяно-северной внешности я Лемберг, отвечаю – это по мужу, а муж был еврей. И всем все ясно))))

17 февраля 2024

А что до инсульта, то, к счастью, в самый момент и в первые самые острые дни я ни на миг не теряла сознания и не дала проделать с собой всяких страшных вещей, быстро выбралась из больницы и уже дома нашла очень хорошего, компетентного и внимательного врача, у неё и наблюдаюсь поныне, мне в этом просто повезло. И было сразу понятно, что сдаваться нельзя, лежать и продумывать свои похороны – это их накликают. Надо вставать и что-то делать, а интеллект вроде не пострадал, хотя некие последствия есть и ощутимы... но легче, чем могло бы быть. В мире ещё столько всего интересного. Я хожу ныне без спешки и по горам не лазаю, и наклоняться мне особо нельзя, а читать, писать и говорить – вполне)))) И ещё (столько хочется сделать)

11 марта 2024

Михаил, ужасно это всё, у меня много друзей в Израиле и я очень беспокоюсь о них... Так что позицию Дины Рубиной⁴² более чем понимаю.

У меня и в Украине много друзей и коллег((((Связь с ними фрагментарна, по случаю, я и о них очень беспокоюсь....

У меня тут все наоборот. Позиция большинства...

Мне со многими пришлось просто молча прекратить общаться(А многие любимые друзья уехали просто(

12 марта 2024

Ну, Михаил, ничего удивительного – нарождаются новые поколения, открывают для себя *Записки* и с новым свежим пылом начинают пополнять *Парапушкинистику*)))) Забавно, но естественно) А вот что форумы ещё существуют в эпоху соцсетей – то реально удивительно. "Как остановить?" – да никак. И не запретят *Записки* – по первости не запретили, а теперь и точно не до того на родине поэта.

6 июня 2024

---

⁴² см. Открытое письмо Дины Рубиной <https://www.kasparov.ru/material.php?id=65EF2A3917B21>

Да, Михаил, и Вас встречно с нашим общим праздником, тем более, что Пушкин – мой сосед и земляк)))) Как бы мы без него?)

Смотрим с подругой *Барышню-крестьянку* 1995 года в честь праздника – прелестный фильм! В Москве грозы, у меня давление скачет, но всё это никак не мешает праздновать Пушкинскую днюху!

22 июля 2024

Ох, Михаил, слухов всяческих полно. Нас, эзотериков вообще всё время требуют запретить, то рекламу нашей деятельности, но вообще нас как явление. Временами проводятся акции устрашения и шельмования, то Зараева посадят якобы за обман старушек – а он ведущий астролог, потом потихоньку выпустили; то вот сейчас Алену Польшу – она, конечно, позор нашего ремесла и совершенно вульгарная особа, но всё равно тревожно. Так что лицензии – не самое страшное. Да и доказать, что тут курсы, а не просто треп по интересам, сложно...

...в начале месяца закончила первый курс художки – решила на старости лет научиться рисовать по-настоящему, сама из себя я уже достигла потолка, а занятие мне по-прежнему нравится. Так что полгода штриховала, рисовала гипсы, черепа, драпировки – вывешивала в ВК. Хвалят меня, так что буду дальше, сейчас вот хожу на факультатив по обнаженке – ничего, кстати, эротичного, одна анатомия.

Пытаюсь что-то такое писать, по жаре была пауза, сейчас вот наверстываю. Жду осени.

Сочувствую Вам в утрате друга – увы, и у меня начало выбивать из рядов(. И много старых друзей уехало из России после 22го года(, и, видимо, совсем((((((А новых заводить – это не то всё.

А парашушкинистический сюжет вечен – пока в России Пушкин длится и т.д. И идиоты не переведутся тут никогда, да и должен же то-то Вас развлекать)))

Пишите и главное – будьте здоровы!

---

27 августа 2024

...Увы, я сейчас погружена в некие внезапные проблемы со здоровьем(((и потому да, не ответила на прошлое Ваше письмо – почти не подхожу к компу. извините. Но активно занимаюсь этой проблемой, потому что это не жизнь(((и надеюсь, что в обозримом будущем вернусь к обычному уровню активности, не беспокойтесь, все вроде под контролем.

7 сентября 2024

Михаил, рада весточке! ну как... бывают дни хорошие, бывают плохие. сегодня хороший, и вообще – когда нет наплывов головокружения – всё хорошо, но они внезапны(((и тогда я хватаюсь за что-то твердое, чтоб не упасть, Но к счастью, со мной почти всегда кто-то из друзей, так что жизнь почти всё время нормальная.

Надеюсь, что скоро все это совсем прекратится и вернусь к обычной активности, пока же сложно выходить одной из дома, но с друзьями выхожу) Тем более, что дела никто не отменял, и меня ждут в разных местах на разных сборищах, нельзя, чтоб забыли... вот в субботу 14го придется даже за город поехать, неотменно.

22 сентября Ольга умерла от второго инсульта в больнице, одна, а если бы дома, то в окружении многочисленных кошек, которых она обожала и лелеяла у себя в квартире.

Послесловия

В серии *Улица Красных фонарей* издано 37 книг. Первые книги выходили в издательстве *Ладомир*, затем они стали выходить в дочернем издательстве *ВРС*. Ольга Воздвиженская была не только автором послесловий, но и составителем серии.

Первая книга в серии вышла без послесловия:

Джон Клеланд *Фанни Хилл. Мемуары женищина для утех*. Ладомир-Алгоритм, М., 1997, 192 с.

Некоторые произведения выходили в двух томах. В таких случаях *Послесловие* имелось только во вторых томах.

К двум книгам послесловие написал муж Ольги Воздвиженской Владимир Львов:

Аноним. *Домашнее обучение*. Ладомир. М., 1999, 190 с.

Ольга Воздвиженская. *Море и остров*. ВРС. М., 2004, 263 с.

Ниже публикуется издательская листовка с перечнем книг в серии *Улица красных фонарей*.

В листовке не указаны две вышедшие книги, обе без послесловий:

Левита Вакст. *Это – Любовь*. Рассказы и стихи. М., ВРС, 2002⁴³

П.М. Макаров. *В гостях у тётушки*. М., ВРС, 2003⁴⁴

К сожалению, не удалось добыть послесловия в книге:

Г. Аполлинер. *Одиннадцать тысяч палок; Похождения Дон-Жуана; Письма с фронта*

---

⁴³ см. рецензию в General Erotic N83 <http://www.mipco.com/win/GEr83.html>

⁴⁴ см. рецензию в General Erotic N99 <http://www.mipco.com/win/GEr99.html>

Все мыслимые проявления страсти, все прихоти
человеческой природы, чувственные игры без правил —
в прогулках по “Улице красных фонарей”!

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ВРС”

Серия “Улица красных фонарей” — лучшие эротические сочинения всех времен и народов,
зарубежная классика жанра, произведения современных русских авторов.

(Формат 12,5x20 см, гибкий красочный переплет)

Порядок получения книг почтой оговорен в отдельном бланке заказа. В Москве книги можно приобрести в магазинах “Библиоглобус”, “Москва”, “Дом книги на Арбате”, “Дом книги “Медведково””, в Санкт-Петербурге — магазине “Подписные издания”, в Новосибирске — “Топ-книге”, Екатеринбурге — “Доме книги”; Омске — Торговом доме “Собрания сочинений”.

Склад издательства — (095) 533-84-77, E-mail: lomonosowbook@mtu-net.ru ladomir@mail.compnet.ru

*Приглашаем к распространению региональных оптовиков, книжные магазины,
торговые предприятия эротической направленности.*

ИЗДАНЫ:

- Кн. 1. ДЖ. КЛЕЛАНД.** *Фанни Хилл, или Мемуары женщины для утех* (192 стр.)
“Шокинг!” — восклицают невозмутимые англичане, когда речь заходит о Фанни Хилл — жрице любовных утех, за именем которой стоит целая энциклопедия человеческого сладострастия.
- Кн. 2. АНОНИМ.** *Желтая комната; Э. СЕЛЛИОН. Новый эпикуреец* (125 стр.)
Героиня “Желтой комнаты”, молодая девица ханжеского воспитания, попадает под опеку родственника, весьма искушенного в подготовке юных дев к тяготам и сладостям “женской доли”, хотя для воспитания им применяются весьма “новаторские” методы... “Новый эпикуреец” — откровенная повесть о чувственных забавах английского помещика.
- Кн. 3. АНОНИМ.** *Домашнее обучение* (190 стр.)
“Домашнее обучение” — одна из наиболее откровенных и шокирующих книг, рисующих подлинные нравы викторианской эпохи, эротическая пародия на “Сагу о Форсайтах”.
- Кн. 4. АНОНИМ.** *Мы с “Фрэнком”* (206 стр.)
Повествование ведется от лица английского дворянина-холостяка, в один прекрасный день принявшего в дом красивого, хорошо воспитанного юношу по имени Фрэнк, бежавшего, по его словам, от дурно обошедшихся с ним опекунов. Когда же юноше за грубость по отношению к прислуге довелось отведать розог, выяснилось, что Фрэнк на самом деле — девушка... И тут события принимают совершенно иной оборот...
- Кн. 5. НЕКТО ИЗ КЕМБРИДЖА.** *Две девицы и Париж;*
Г. ВАРЛЕЙ. *Начало, или Девушка нашего времени* (157 стр.)
“Две девицы и Париж” — повесть о том, как некий британский дипломат повел своих соотечественниц-школьниц в парижский бордель высшего класса исключительно в просветительских целях, чтобы те, оставаясь девственницами, тем не менее получили представление о мире наслаждений.
Во второй повести сборника предстает тот же Париж, но в канун Второй мировой войны. Героиня познает всяческие виды чувственных утех, а за горизонтом — еще не видимая, но ощущаемая грядущая катастрофа...
- Кн. 6. АНОНИМ.** *Любвеобильный турок; АНОНИМ.* *Ночь в Мавританском гареме* (176 стр.)
Две изысканные, слегка ироничные повести о любовных приключениях европейских дам в гаремах мусульманских владык.
- Кн. 7. АНОНИМ.** *Безграничье; Э. ФЕЙДО.* *Мемуары Павы* (160 стр.)
Теория и практика “эротической философии” глазами богатого англичанина и состоятельной француженки.
- Кн. 8. АНОНИМ.** *Белатрис* (160 стр.)
Знаменитый роман, посвященный чувственному взрослению молодой женщины.
- Кн. 9. СПЕДДИ** (Рене Дюнан). *Колетт, или Развлечения хорошего тона;*
Беспутства (176 стр.)
Сборник открывает неортодоксальная биография знаменитой писательницы С.-Г. Колетт, не признававшей в жизни и творчестве никаких ограничений. Вторая повесть посвящена истории взросления молодого француза, любознательного и щедрого в области чувственных удовольствий.
- Кн. 10. АНОНИМ.** *Сладопедия* (160 стр.)

Кн. 10. АНОНИМ. *Сладопедия* (160 стр.)
Философское и шуточное в одной повести посвящено истории чувственного наслаждения в жизни и творчестве великой английской гения повести посвящено истории взросления молодой француженки
Сборник открывает неортодоксальная биография знаменитой писательницы С.-Г. Колетт не признававшей в жизни и творчестве никаких ограничений. Вторая повесть посвящена истории взросления молодого француза, любознательного и щедрого в области чувственных удовольствий.

Роман написан от лица обыкновенного мужчины в царстве прекрасных дам...

Кн. 11. АНОНИМ. МОНАСТЫРСКИЙ ПРИВРАТНИК (154 стр.)

Монашеский обет — не повод для отказа от любовных утех. Герой повести проходит все степени монастырской иерархии и все круги сладкого греха под руководством опытных наставников. Пастушки и знатные дамы, прелестные прихожанки и лукавые монашенки — никто не может отказать святому отцу.

Кн. 12. АНОНИМ. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БЛОХИ (157 стр.)

Пронырливая и резвая блоха скачет где хочет и видит все, что недоступно глазу человека. Спрятавшись в девичьем кружеве или в складках монашеской рясы, блоха становится свидетелем любовных сцен между монахами и девицами, а потом рассказывает в своих мемуарах все, что видела, и сопровождает своими комментариями наблюдения над человеческим сладострастием.

Кн. 13. КАПИТАН Ч. ДЕВЕРЬЕ. ВЕНЕРА В ИНДУСТАНЕ (186 стр.)

Капитан Чарльз Деверье преуспевает не только на службе в колониальных войсках королевы Виктории, но и в рядах верных воинов Венеры. Покинув туманную Англию, молодой офицер погружается в водоворот любовных приключений в Индустане, особенно остро переживаемых в затишье между боями.

Кн. 14. КАПИТАН Э. СЕЛЛОН. ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ БЫТИЯ (117 стр.)

Автобиография Эдварда Селлона — одно из самых ярких произведений викторианского андеграунда, а автор — правдивый и беспощадный нравоописатель своего времени. Э. Селлон — современник М. Ю. Лермонтова, и его жизнь и творчество во многом перекликаются с судьбой русского поэта. Как и Лермонтов, Селлон служил в колониальных войсках своей империи и подробно описал не только свою романтическую жизнь и любовные приключения, но и нравы и быт покоренных стран, а также житейско-бытие офицеров в затишье между боями. “Взлеты и падения бытия” — своего рода “Герой нашего времени” на английский лад.

Кн. 15—16. АНОНИМ. КАК ПО-МУЖСКИ ОБХОДИТЬСЯ С ДЕВИЦЕЙ; УИК-ЭНД В ДЕРЕВНЕ
(соответственно 165, 120 стр.)

Лондон полон ханжами в юбках, а нежные чувственные дамы томятся в провинциальных поместьях. В первой книге дилогии Джек-Победитель сурово карает жеманных девиц и их мамаш, а во второй — устремляется в объятия истинных возлюбленных, вознаграждая их пылкой страстью.

Кн. 17. АНОНИМ. (Дж. Р. Бакхус). НА СУШЕ И НА МОРЕ (184 стр.)

Дилогия, написанная в лучших традициях английского журнализма, рассказывает о том, каким превращениям подвергались в начале XX века в Англии те, кто бросал вызов светским условностям и жил в свое удовольствие. Прелестные дамы полусвета и богатые бездельники-аристократы, застигнутые на месте своих вольных развлечений, вынуждены бежать в море, где предаются эротическому пиратству.

Кн. 18. ПЬЕР ДЮ БУРДЕЛЬ. МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ МЮСТЕЛЬ И ЕЕ ПОДРУЖКИ;
ПЬЕР ДЮ БУРДЕЛЬ. АМУРНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ СОММРАНЖ;
ПЬЕР МАК ОРЛАН. КРАПЛЕННЫЕ КАРТЫ (176 стр.)

Французская девушка не растеряется и не пропадет, в какую бы эпоху она ни жила. Великая Французская революция или начало XX века, Париж или провинция — везде галантная девица проложит себе путь, вымошенный сердцами мужчин.

Кн. 19. АНОНИМ (Вэл Льютон). ГРУШЕНЬКА (192 стр.)

Так была ли русская любовь во все времена только чистой, возвышенной и бесплотной? Как бы не так! Бросая вызов русским писателям-классикам, автор “Грушеньки” — сам выходец из России — описывает тернистую, полную самых неожиданных коллизий чувственную жизнь и карьеру крепостной девушки, ставшей хозяйкой шикарного дома свиданий.

Кн. 20. ЛЕВИТА ВАКСТ. ЭТО — ЛЮБОВЬ (192 стр.)

Как и кем ощущает себя современная женщина в интимной сфере? Кого, как и за что она любит? В каких словах и поступках способна она выразить движения своей души и своего тела? Рассказы и стихи Левиты Вакста — одна из первых в современной российской литературе попыток поговорить обо всем без страха и стыда.

Кн. 21. АНОНИМ. НАЛЯ;
МИРЬЯМ ВОЛОШИНА. НАТАША (176 стр.)

Есть женщины в русских селеньях! Таинственная славянская душа, скрытая в соблазнительном теле, бессловесное смирение и безграничная удаль, галантная эпоха Екатерины Великой и причудливый мир “серебряного века”, какими они виделись европейцу. Любовь под “развесистой клюквой” и необыкновенно точные психологические зарисовки отличают две повести, составившие этот выпуск серии.

Кн. 22. Г. АПОЛЛИНЕР. ПОДВИГИ ЮНОГО ДОН ЖУАНА; ОДИННАЦАТЬ ТЫСЯЧ ПАЛОК;
ПИСЬМА С ФРОНТА (176 стр.)

Великий французский поэт не признавал ограничений ни в жизни, ни в творчестве. Литература должна подчиняться фантазии, а жизнь — любви. И обе повести, вошедшие в этот сборник, и письма к возлюбленным, написанные из действующей армии, представляют читателю новые грани таланта и личности Гийома Аполлинера.

Кн. 23. П.М. МАКАРОВ. В ГОСТЯХ У ТЕТУШКИ (208 стр.)

Еще один взгляд на советский период в истории Родины. Что делалось в тылу, пока Красная Армия сражалась с фашистами? Каково приходилось женщинам, чьи мужья были на фронте или в лагере? Местами страшное, местами смешное или лирическое повествование об интимном быте Страны Советов, написанное автором старшего поколения, который на себе испытал все перегибы отечественной истории.

Кн. 24. АНОНИМ (Адольф Бело). *ПАРИЖСКИЕ ЗАБАВЫ; ЗНАМЕНИТОСТЬ ПОД МАСКОЙ. Роман Виолетты; АНОНИМ. ПАРИЖСКИЕ ПРЕЛЕСТИЦЫ* (256 стр.)

Парижанки — лучшие подружки для любого мужчины, ценящего шарм и изобретательность в любовных забавах. Повесть “Парижские забавы” приписывается англичанами французскому эротоману-классику Адольфу Бело и описывает галантные светские игрища парижанок из высшего света и их кавалеров. “Роман Виолетты” в разное время приписывался то Альфреду де Мюссе, то Александру Дюма, но “Знаменитость под маской” оказалась французской аристократкой. “Парижские прелестницы” — английский справочник по чувственным удовольствиям французской столицы, изданный в конце XIX века для молодых джентльменов, завершающих свое образование на континенте.

Кн. 25 Ж. ДОНВИЛЬ. ЮБКИ ВВЕРХ!; ПОРШЕНЬ. ПОЛНОЧНАЯ ВСТРЕЧА (208 стр.)

Две повести о причудах людей, предающихся необузданному сладострастию. Герои — как мужчины, так и женщины — делают с собой и друг с другом то, о чем большинство смертных только мечтают.

Кн. 26. ОСКАР УАЙЛЬД. ТЕЛЕНИ, ИЛИ ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ; ОБРИ БЕРДСЛЕЙ. ИСТОРИЯ ВЕНЕРЫ И ТАНГЕЙЗЕРА (223 стр.)

В книгу вошли два вершинных произведения английского эротического модерна: самый откровенный роман Оскара Уайльда, традиционно публикуемый как анонимный, и единственная повесть блистательного графика Обри Бердслея.

Стремление к Красоте, доводящее героев до безумия и преступления, наслаждение, граничащее со смертью, мучительные странности любви — все это испытает читатель вместе с героями знаменитых повестей.

Кн. 27—28. НЕЛЛ КИМБЭЛЛ. ЗАПИСКИ ИЗ ПУБЛИЧНОГО ДОМА (соответственно 163, 176 стр.)

Нью-Орлеан — один из культурных центров американского Юга. Город джаза, город карнавалов, город веселья... И именно в этом городе девушка-сирота, убежавшая с фермы, делает весьма своеобразную карьеру: в публичном доме она из “рядовой” служащей превращается в “мадам”. Сенаторы и сезонные рабочие, солдаты и полицейские, судьи и гангстеры — ей знакомы все... А вместе с ней с героями подлинных мемуаров Нелл Кимбэлл знакомится и читатель.

Кн. 29. МАРГАРЕТ ЭНСОН. ОРДЕН СВЯТОЙ БРИГИТТЫ; БЕРНАР МОНТОРГЕЙЛЬ. ДРЕССИРОВКА (227 стр.)

В первом из включенных в сборник произведений женщины дрессируют друг друга, во втором — мужчин. И то, и другое — классика флагаелляционной литературы, апофеоз самоутверждения женщины и ее самоупоения силой и властью, когда розга, плеть и другие инструменты заставляют слабых покоряться, а равных — смиряться, ибо рано или поздно настанет и их черед брать верх.

Кн. 30. АНОНИМ. ВОСПОМИНАНИЯ СЛАДОСТРАСТНИКА (213 стр.)

Мальчики становятся мужчинами... Казалось бы, классический сюжет “романа воспитания”. Но эти мальчики — особенные: они учатся в английской закрытой школе XIX века. И их мужское становление приобрело бы весьма своеобразные формы, если бы не прекрасные парижские аристократки французского и русского происхождения.

Кн. 31. АДЛЬФ БЕЛО. АДРЕСА ЛЮБВИ; АНОНИМ. ПИСЬМА ДАМЫ ИЗ СРЕДНЕГО СОСЛОВИЯ (225 стр.)

В обеих повестях главное — воспитание чувств и приобретение любовного опыта вне брака. Более того, самое лучшее для героев этих произведений — наличие человека, с кем можно этим поделиться, кому можно поведать обо всем новом, не таясь и не пряча подробностей. Правда, всех героев ожидают жизненные драмы, но от этого никому не дано уйти.

Кн. 32. ОЛЬГА ВОЗДВИЖЕНСКАЯ. МОРЕ И ОСТРОВ (263 стр.)

Эта книга о том, как сливаются в чувственном объятии две стихии: струящаяся вода и земная твердь, женщина и мужчина. Каждый из партнеров рассказывает свою историю, а встретиться им суждено в полосе прибой. Роман — о поколении тех, кому сейчас от тридцати до сорока.

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Кн. 33. АНОНИМ. ВЕНСКИЕ СКАЗКИ; ФРАНК СПАНГЛЕР. АМУРНАЯ ЖИЗНЬ ФЕЙ

Авторы знаменитых сказок — братья Гримм, Шарль Перро, Ханс-Кристиан Андерсен — были все-таки взрослыми людьми. А как звучали бы их волшебные истории, окажись они адресованы вовсе не детям? Сказка — ложь, да в ней намек...

Кн. 34. АЛЕКСАНДР ДЮМА. ДЕВИЦЫ, ЛОРЕТКИ И КУРТИЗАНКИ; ГИ ДЕ МОПАСАН. ЛЕПЕСТОК РОЗЫ; ЛУИ АРАГОН. LE CON D'IRENE

За минувшие два столетия Франция много раз меняла свое государственное устройство, но всякий раз оставалась страной любви. Три знаменитых французских писателя — монархист, республиканец, коммунист, три жанра — очерк, фарс, повесть, три взгляда на проблему, три цвета времени и сладострастия.

Кн. 35—36. АНОНИМ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕДИ ХАРПУР

Конец XVIII века. Английские колонии в Вест-Индии. Там всегда светит жаркое солнце, там выращивают жгучий перец, там черные женщины рожают белым мужчинам красивых и страстных дочерей — с солнцем и перцем в крови. Героиню этого романа назвали в честь королевы, и она становится истинной королевой, ибо ее власть над мужчинами абсолютна.

Кн. 37. КОРА ПЕРЛ. ВЕЛИЧИЕ В ПОСТЕЛИ

Подлинные мемуары знаменитой французской куртизанки, одной из тех женщин, что прославили “блестящую эпоху”. Кору Перл рисовали знаменитые художники, воспевали талантливые поэты, ее любили политики, вельможи, полководцы и сам император. Оказаться в постели Кору — значило сделать шаг к бессмертию.

Кн. 38. АКАХИГЭ НАМБАН. ХРИЗАНТЕМА, РОЗА И САМУРАИ;

ЁСИВАРА — ГОРОД НАСЛАЖДЕНИЙ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЯПОНСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Япония эпохи самураев — жестокие ритуалы, изысканное искусство любви, долгое странствие духа и плоти. Бродячая танцовщица, европейская монахиня, молодой самурай переживают на своем пути многочисленные экзотические приключения. Вторая часть сборника — историко-культурный очерк о традиционной японской эротической практике.

Кн. 39. МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ. ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ?

Новая книга рассказов знаменитого писателя-эротолога, с 1976 года живущего в США. Все истории — о любви, странной и пронзительной, иной раз непонятной, но такой, без которой нельзя жить.

Кн. 40. АНОНИМ. СИНИЙ БАРХАТ;

АНДРЕ ПЬЕЙР ДЕ МАНДЬЯРГ. ДЖЕНТЛЬМЕН ИЗ АДСКОГО ЗАМКА

Обе повести погрузят читателя в призрачный мир изощренного сладострастия, мир, где не действуют обычные законы, где кошмар — другая сторона наслаждения, где повседневные ценности утрачивают всякий смысл. Роскошная вилла в столице или уединенный замок — места, где героев ждут испытания чувственностью. И горе слабому!

Аноним *Желтая комната*, Сэр Эдвард Селлон *Новый эпикуреец*
М., Ладомир. 2000. 206 с. 1999. 128 с.

«БЕЗОПАСНЫЕ СВЯЗИ»

«Уж не пародия ли он?»

А. С. Пушкин *«Евгений Онегин»*, гл. 7

... Там же, в «Евгении Онегине», несколькими главами раньше упомянут исследуемый нами жанр: «... Роман классический, старинный, отменно длинный, длинный, длинный, нравоучительный и чинный, без романтических затей».

В очередной выпуск серии «Улица красных фонарей» вошли два произведения, не длинные, правда, но в остальном совершенно соответствующие определению классика отечественной изящной словесности. Если посмотреть повнимательнее, то сюжет обоих произведений — игра в жизнь; что касается жанра, то он сам — игра в другой жанр, то есть все-таки пародия.

«Желтая комната» неизвестного автора представляет собой этакий псевдо-«роман воспитания», т. е. именно роман «нравоучительный». При этом он с пугающей точностью напоминает опять же классическое произведение — «Алису в Зазеркалье» некоего Чарльза Доджсона, более известного как Льюис Кэрролл. Смотрите сами. Во-первых, основная сюжетная линия — из пешки, невежественной, незначительной и управляемой фигуры, каковой прибывает в Босмер-Холл *наша* Алиса, она через несколько ходов, или стадий (четко обозначенных названиями глав «Желтой комнаты»), становится королевой — владелицей поместий, драгоценностей, капиталов, причем единоличной владелицей, несмотря на замужество в последней главе (при желании можно усмотреть здесь намек на королеву Викторину, каковые намеки имеются также и у Кэрролла). Во-вторых, тщательно описанные наряды *нашей* Алисы — все эти панталоны, стоящие дыбом накрахмаленные многослойные юбки, распущенные волосы, низко вырезанные туфельки — прямо-таки вызывают в памяти классические иллюстрации Джона Теннисла к Кэрроллу; да и обращаются со взрослой девицей как с сопливой

девчонкой. В-третьих, Кэрролл пишет, к примеру: «Целых три пропутка... а ты еще ни за один из них не заплатилась! Ну, подожди, накажу я тебя за все сразу — через неделю! — А что было бы, если бы меня тоже стали наказывать за все разом?»¹ А сэр Эдвард именно так и поступает с *нашей* Алисой, как бы давая ответ на вопрос Алисы кэрролловской. И вообще, «дядюшка» Эдвард, который *нашей* Алисе совсем не дядюшка, овдовевший задолго до начала сюжета (то есть, в сущности, холостой) и весьма заботящийся о благе своих «девочек», чем-то отдаленно напоминает самого Кэрролла — закоренелого холостяка, друга маленьких девочек в знакомых семействах (особенно если принять во внимание проскальзывающие иногда в разных источниках намеки на тщательно подавляемые сексуальные наклонности писателя). И наконец — сама логика, а вернее, антилогика Зазеркалья, которой пронизано все бытие в желтой комнате. Все тот же кэрролловский мотив — приключения здравого смысла (Алисы) в вывернутом слева-направо мире, причем приключения, идущие Алисе на пользу и способствующие обретению иной мудрости, чуждой так называемому здравому смыслу.

Еще немного о пародийности «Желтой комнаты». Что стоят, например, «законодательные инициативы» насчет обязательной дефлорации особ женского пола — и никаких романтических затей, все слишком серьезно! И прямой подсказкой о пародийности этой повести звучат эпиграфы из Рабле, Шекспира, Готье — классиков! — предваряющие сцены самого разнузданного содержания. Такое вот Зазеркалье, отражающее другое Зазеркалье, «весьма правдоподобное и чинное».

Вторую часть этой книги представляет собой «Новый эпикуреец» — произведение в некогда популярном, «старинном» жанре романа в письмах. Своего рода «Опасные связи» наизнанку. Действие происходит «в глуши, в деревне... прелестный уголок» (опять на ум приходят онегинские цитаты — это неспроста!). О, эти загородные дома в доброй старей Англии — уже упомянутый Босмер-Холл из «Желтой комнаты», Робин-Хилл из «Саги о Форсайтах», Брайдсхэд, воспетый в одноименном романе Ивлином Во. Что за идиллическая жизнь течет там среди бесконечного лета на стриженных английских газонах — и как горька дальнейшая судьба их обитателей. Вот и юный Дафнис (сиречь Джек), едва повзрослев, погибнет в бою на чужбине, сгинет подобно героям вышеупомянутых серьезных книг. Впрочем, Дафнис-Джек — герой второстепенный. Лучше обратиться к судьбе сэра Чарльза. Сей достойный джентльмен философического возраста весьма преуспел в построении Аркадии в

¹ См.: *Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье*. М., Пресса, 1992. С. 152. Перевод Н. Демуровой.

одном отдельно взятом поместье. Он делит свой бесконечный досуг между чтением французских просветителей, перенесенной с подругами прежних дней (кои даны имена античных героинь¹) и галантными забавами «под сенью струй» меж куц и чап. Жизнь героя течет уединенно и мирно, в согласии с собой, с прелестной юной супругой, союз с которой лишь украшает и облегчает аркадийское бытие, в изучении натурфилософии в обществе юной скотницы, в чувственном просвещении молодых особ.

Как это похоже на «Опасные связи» Ш. де Лакло (только связи здесь вполне безопасны) — комфортный замкнутый мир, окруженный надежной стеной, ключи от потайных комнат, изящные туалеты, преданные слуги и служанки, горничные и садовники, закрытый пансион для девиц, игрушечная молочная ферма в версальском вкусе, любовные игры от скуки — и все так легко уладить с помощью светских знакомств и нескольких монет. И конец этого безмятежного бытия столь же внезапен и трагичен, как в романе-первоисточнике. В мир шуточных страстей и галантных забав вторгается жизнь во всей своей грубости: настоящая тайна, настоящая любовь — и настоящая кровь на натуральных стальных клинках подлинного поединка — доигрались! Смертельная схватка — одна и другая, успешное бегство истинных любовников из мира призрачных любовей, безутешное горе возлюбленной и монастырь. Все как у де Лакло, все по законам жанра. Так кончается игра в жизнь, игра в роман, игра в жанр. Но по-прежнему уже старый «новый эпикуреец» (и его автор) верен себе (вернее, традиции) — в конце письма (и жизни) поставил «vale!» (ну прямо как Онегин).

Так вот вопрос — «Уж не пародия ли он?» (роман). Кажется, все-таки да. Просто авторы пародий, наверно, написали до конца все то, о чем умолчали признанные классики. Может быть, именно так смыкаются литература и жизнь — в игре.

Ольга Воздвиженская

¹ Здесь опять вспоминается Пушкин, на сей раз ранняя его лирика, а еще и его собственный «Роман в письмах».

Аноним Мы с "Фрэнком" М., Ладомир. 2000. 206 с.

ВЕСЕЛАЯ АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ И РАЗЛАДЕ

Забавная все же вещь — так называемый английский юмор. При мысли об этом предмете воображаешь собаку чисто английской породы — бассета. У этого существа все части тела будто нарочно взяты от собак других охотничьих пород: лапы от таксы, уши от спаниеля, хвост от хаунда, и к тому же в глазах мировая скорбь — невозможно глядеть без смеха. И при всем при этом бассет сам по себе — отличный охотничий пес. Только британцы могли придумать одновременно нечто смешное и полезное. Вот и роман анонимного британского сочинителя «Мы с “Фрэнком”» — такая же из различных кусочков собранная, весьма занимательная при чтении и при этом более чем серьезная по мысли, даже нравоучительная книга. При чем кажется, что весь английский сентиментализм в ней высмеивается со всей силой английской же сатиры.

Неторопливо рассказанная история жизни Чарльза и Фрэнсис — своего рода сюжетный и характерный свод, этокое зеркало английской литературы. Кривое зеркало, почти как у Кэрролла. Всмотримся же в него внимательнее.

Длинной вереницей (и вполне за синей птицей — за счастьем) во главе с филдинговским Томом Джонсом бредут по английской литературе сиротки, бедные и храбрые мальчики и девочки: Джен Эйр и Бекки Шарп, Дэвид Копперфилд и Оливер Твист, Джим Хокинс и Лилли Стьюбек*. Здесь же и наша героиня Фрэнк/Фрэнсис — рука об руку со своей сестрой Джоном/Джоанной из «Черной стрелы» Стивенсона. Почти точно так, как у классика, герой встречает на пустынной лесной дороге одинокую девочку, переодетую мальчиком, сбежавшую от жадных и злобных опекунов, желавших ею торговать. Все повторяется чуть ли не слово в слово — и насмешки над «не мужским поведением» ряженой девочки, и сцена с ремнем (только в гораздо более подробном развернутом виде), и то, что эта встреча — начало долгой любви (но о любви чуть погодя).

«Мы с “Фрэнком”» — своего рода ироническая энциклопедия английского светского быта. Сезоны в Лондоне и на Ривьере, сельская охота и старое доброе Рождество в имении, прогулки в Риджент-парке, парижские кабаре и дамы лондонского полусвета — все подробно и насмешливо описано придиричьим пером анонимного автора. А чего стоят две почтенные ханжи — вдова садовника и ее незамужняя дочь — с

* См. соответствующие романы Ш. Бронте, У. Теккерея, Ч. Диккенса, Р. Стивенсона и Дж. Олдриджа.

истинно христианским рвением истязавшие девочку-подкидыша во имя ее исправления (что-то в том же духе будет описано у У. Коллинза в «Лунном камне», кстати, упоминаемом здесь, и гораздо позже в «Правдивой истории Лилли Стьюбек» Олдриджа). Эпизоды школьной жизни маленьких девочек (и их художественное повторение в «живых картинах», исполняемых в лондонском борделе) кажутся гротескными заимствованиями из «Джен Эйр». О вбывании в юную особу благонамерения с помощью домашних туфель мне недавно довелось прочесть в мемуарах Эллен Терри. А уж сцена, где Фрэнсис держит пари со своей гувернанткой — дюжина ударов розгой против дюжины пар перчаток, — выдержана в истинно шеридановском духе. Пожалуй, только Джону Фаулзу в «Женщине французского лейтенанта» (написанной почти сто лет спустя) удалось с той же силой показать истинное лицо «старой Англии».

Наш герой — тоже брат или хотя бы кузен многих викторианских персонажей. Подобные ему сельские джентльмены, спортсмены и коллекционеры, дамские угодники, путешественники и светские бездельники заполняют страницы романов Бульвера-Литтона, Уайльда, Олдингтона, Киллинга, Голсуорси, Во. Чарльз не страдает от любовных мук, а добродушно выдает замуж, когда приходит время, одну за другой своих подружек. Чарльзу чужда истинная ревность, он требует от Фрэнсис (как и от других) лишь соблюдения приличий, а обнаружив флирт своих возлюбленных с кем-нибудь еще, усматривает в этом лишь повод предаться любимой забаве — шуточной порке. Его современники строят империю, прокладывают дороги, изучают мир, воюют в Южной Африке, и он также путешествует по свету, ведомый новым увлечением (что-то сви́фтовское проглядывает в описании этих странствий). Он коллекционирует не только старинное оружие, но и поротые женские зады. Через Европу в Соединенные Штаты, потом на Дальний Восток и в Китай, по чайным домикам Японии, цветочным баркам Шанхая и тростниковым хижинам Гавайских островов, среди женщин всех цветов кожи несет он свое «бремя белого человека» (по-английски «человек» и «мужчина» обозначаются одним словом). И приходит к выводам — «нет никого лучше англичанки», можно было спокойно оставаться в своем Оукхерсте*.

Вот тут-то и надо сказать о любви в нашем романе. Двадцать лет — с первой встречи на лесной дороге до второго замужества — терпеливо и скромно, пускаясь на все уловки кокетства и потакая всем причудам любимого, ждет Фрэнсис любви своего Чарльза. И для него «нет никого лучше Фрэнсис» — по всем внешним статям, в которых Чарльз такой знаток и о которых готов говорить столь подробно. Ничто не бе-

* При желании здесь можно усмотреть намек на ученого современника (тезку и соотечественника нашего героя), который также в результате кругосветного путешествия сделал выводы, к каковым можно было прийти просто путем наблюдений в любом английском парке.

рет этого веселого сквайра — ни ревность, ни разлука, ни нежность истинного чувства. Такая вот история о любви и разладе, который длится почти всю жизнь. И только в последней главе, возвращаясь из счастливого семейного гнезда Фрэнсис к своему холодному камину и одинокому ужину, Чарльз смутно сожалеет о том, как все сложилось. «Я знаю, у вас за спиной вольный лес, и он очень заманчив... Но когда-нибудь вы станете старой седой обезьяной... Вы будете сидеть в вашем вольном лесу, и на душе у вас будет холод, и смерть ваша будет близко, и верхушки деревьев будут совсем голыми» (кажется, так сказал одному из своих героев еще один английский классик, Г. К. Честертон). Здесь кончается роман, кончается и иронично-издательский тон, наступает расплата за то, что всю жизнь наш герой смотрел жизни и любви не в лицо, а в... то место, по которому бьют розгой лентяев и дураков. Истинная глубина души, а не светские таланты, вознаграждается счастьем и благополучием. «Пусть небо сохранит сирот!» — сказано несколько сентиментально, но зато в истинно английском духе.

Ольга Воздвиженская

Некто из Кембриджа *Две девицы и Париж*,
Гелена Варлей *Начало, или девушка нашего времени* М., Ладомир. 2000. 158 с.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ В ВЕСЕЛОМ ПАРИЖЕ

«Последняя осень... Ни строчки, ни вздоха...
Последние песни осыпались летом...
Процальным костром догорает эпоха,
И мы наблюдаем за тенью и светом
В последнюю осень...»

Ю. Шевчук*

Кажется, ничего особенного не происходит. Стоит погожая осень 19.. года. Герой — он же, видимо, и автор, скрывшийся под псевдонимом — по пути во Францию заводит на корабле обоюдно увлекательный флирт с молоденькой англичанкой. В порядке вполне отеческой заботы о просвещении юной особы относительно некоторых сторон взрослой жизни, а также тем самым совмещая приятное с полезным, по прибытии в Париж Джек В. устраивает для своей новой приятельницы и ее подружки экскурсию в мир чувственных удовольствий в изощренном французском вкусе. После чего девицы в целом и сохранности доставляются обратно в пансион, а герой приступает к своим обыденным делам. Все очень мило, светски, весело — отчего в интонации повествования проскальзывает грусть и горечь? Почему с улыбкой на устах, но с печалью во взорах смотрят шестнадцатилетние школьницы вслед такси, увозящему «дядю Джека» — ведь он же пообещал, что в следующий его приезд в Париж все повторится? Да и подруги в выпускном классе в следующем году будут ошеломлены полученными Эвелин и Норой познаниями — о чем же печалиться юным красоткам? А все потому, что это не просто осень — это последняя осень, и не опавшие листья горят в парижских садах, а веет иным дымом.

Сколь подробно описаны сцены «просвещения» юных леди, столь же сдержан автор-герой в описании примет времени. Это у него профессиональное — ведь он же дипломат на службе Его Величества, опытный конспиратор и никогда ничего лишнего не скажет. Но с истинно дипломатической хитростью он расставил в тексте своих воспоминаний (а это именно воспоминания о счастливой поре) намеки, которые ныне так легко расшифровать. В действительности обозначены с максимальной точностью время и место, и в форме изящных иносказаний выражены предчувствия грядущего.

Итак, повторимся: наш тридцатипятилетний герой — дипломат и

* Мне никогда, к сожалению, не доводилось видеть текст этой песни напечатанным, так что приношу извинения автору, если при цитировании «по слуху» невольно возникли неточности.

кембриджский выпускник (Оксфорд и Кембридж — традиционная кузница кадров для Британской империи); направляется в Париж, и не в первый раз, с секретной дипломатической миссией (настолько секретной, что даже останавливается не в посольской резиденции, а в отеле как частное лицо; да и в некоем заведении он известен только по прозвищу). При этом, по его словам, он «опытный мореход», т. е., вероятно, специалист по морским делам. Что-то здесь наводит на мысль о Лондонской морской конференции или иных переговорах в рамках Антанты. В Париже еще нет развитой телефонной связи (телеграммы и посылные), но уже ходят такси, а на ленч с шампанским Джек приглашает своих «племянниц» (в матросских костюмчиках) в уже популярное, но пока что единственное американское кафе. Процветает «великий немой» — кинематограф, через Ла-Манш курсируют скоростные пароходы. Джек, наконец, цитирует французских символистов и своего современника Киплинга. И, кстати, отчего же по пути на корабле его посещают размышления о хрупкости человеческой жизни перед разбушевавшейся стихией? Джек знает, зачем срочно командирован в Париж и какой стихии следует опасаться этой осенью — 1913 года. «Процальным костром догорает эпоха...» в эту последнюю солнечную и беззаботную осень. Знаем это и мы, знаем, что будет дальше. И то, о чем острожно намекает автор-герой, вскоре подробно опишут великие писатели нашего столетия.

Прелестные школьницы мечтают в будущем году поразить своих одноклассниц по парижской школе новоприобретенными сведениями. Но они не вернутся после каникул во Францию в следующем октябре — в августе начнется мировая война. «Дядя Джек» предрек им счастливые замужества. Но их будущие мужья (а ныне еще мальчишки-свертнники, с которыми девочки знакомы по «детским дням в Челси и посещению соревнований между Итоном и Хэрроу») уйдут в армию и погибнут в этой самой Франции, как «герой» у Ричарда Олдингтона в «Смерти героя». А если и придут с войны живыми, то или с искалеченной душой и уверенностью, что «все люди — враги» (как Тони в романе того же Олдингтона), или с отстреленными яйцами, подобно герою хемингуэвской «Фиесты» — и те и другие потеряны для любви. Из них, мальчиков-учеников Итона и Хэрроу выпуска 1913 года, рекрутируется «потерянное поколение» мужчин, а наши героини Эвелин и Нора и их ровесницы составят первое (увы! — не последнее) в этом веке поколение невостребованных женщин. А ведь они как раз достигнут двадцати одного года — совершеннолетия по британским законам, брачного возраста — к концу войны. Вот тогда, наверно, и произойдут (т. е. произошли, о чем вскользь упоминает рассказчик) новые любовные встречи девушек со своим наставником, потому что ровесников им не достанется. «На германской войне только пули в цене, а невесту другой услокоит» — это уже из другой русской песни.

Кстати, третьей героине — Розе, «звезде» заведения мадам Р. — весьма пригодится в государственном военно-полевом борделе для союзных войск ее умение бегло говорить по-английски... Воистину, что есть человек перед лицом стихии — морской ли бури, военной ли... «Прошедшая буря шута разметала...» (это опять Шевчук).

Есть и еще намеки. Трижды в повести словно невзначай возникают темы и сюжеты итальянского искусства, где наслаждение и смерть ходят рядом. Римские статуи в Лувре — а чем кончил Рим? Фильм по одной из самых фривольных новелл «Декамерона», рассказанной в разгар чумы. И веселый мотивчик из трагической оперы Верди. И наконец, в канун мировой бури покидает этот мир поэт, воспевавший чувственные радости и женскую красоту — «в последнюю осень уходят поэты, и их не вернуть — заколочены ставни. Остались дожди и замерзшее лето, осталась любовь и ожившие камни в последнюю осень». Дожди, размывшие поля сражений во Фландрии, замерзшее, оцепеневшее от ужаса лето четырнадцатого года. Осталась только любовь и камни на могилах.

Джек пообещал подружкам, что в следующей поездке снова поведет их развлекаться. Но его очередная служебная поездка в Париж, видимо, будет теперь нескоро — в начале 1919 года, в составе английской дипломатической миссии на Парижской мирной конференции. И Париж будет уже другим: понаследут американцы и займут все столики в парижских кафе, настанет «век джаза», а за рулем парижских такси окажутся русские штабс-капитаны и полковники — бывшие дроздовцы, деникинцы, корниловцы (мы всех их скоро встретим, когда во второй части книги вернемся в Париж). И об этом напишут Скотт Фицджеральд, Олдингтон, Хемингуэй, а также Куприн, Бунин, Алексей Толстой. Но это будет (вслед за героем процитируем Киплинга) «совсем другая история». Новейшая история. Жаль, но ее уроки никому ничему не учат, так что история у нас будет не совсем уж другая. И все: и глобальные события, и эпизоды частной жизни людей — повторится, не пройдет и четверти столетия.

Перевернув страницу, мы снова окажемся в Париже, на празднике, который, как известно, всегда с нами. И опять будет прекрасная погода, изящные туалеты и жадное изучение молодой благвоспитанной девицей науки любовных удовольствий под руководством более опытных наставников обоего пола. Париж вновь веселится накануне мировой войны — уже второй в этом веке. Роман «Начало, или Девушка нашего времени» вышел в свет первым изданием в 1938 году*.

* Оригинальное издание книги снабжено множеством весьма фривольных иллюстраций работы Поля-Эмиля Бека (1885 – 1960), чья первая выставка, по любопытному совпадению, состоялась как раз в 1913 году.

Под псевдонимом «Гелена Варлей» скрывалась довольно известная французская романистка Мишель Николаи, автор многочисленных любовных и детективных романов. И опять, как и в сочинении кембриджца, автор искусно маскирует себя среди действующих лиц, представляя в данном случае в образе матери героини — светской писательницы, которая неустанно сочиняет трепетно-любовные книжки и совершенно отказывается от любви в собственной реальной жизни. Роман полон гротеска: мама — верная супруга, образцовая мать и хозяйка, певица возвышенных чувств — в конце повествования оказывается обвиненной в порнографии.

Схожи и сюжеты, и мотивы, и герои, да и само настроение двух предвоенных фривольных повестей. Отец юной Флоранс выведен этаким весьма искусственным дамским угодником зрелого возраста*; он, кстати, ветеран Первой мировой войны, уцелевший, к счастью, и сохранивший вкус к жизни (чего стоит одна оговорка, что сей господин мог бы быть отцом всех юношей призывного возраста в местах, где начиналась та война, т. е. в Боснии-Герцеговине; а там и опять война который уж раз только-только прекратилась)... И лихорадочная горячка парижских развлечений, и грусть о краткости мгновений наслаждения, и добродушная усмешка умудренной зрелости над неистовой юной чувственностью вместе с готовностью всячески помочь этой чувственности в мире взрослых страстей. Как и было обещано, мы в эту пору встречаем во французской столице соотечественников: озлобленного юношу из белогвардейской семьи, который «бросил все и пошел в альфонсы» (по выражению русско-парижского поэта Дона Аминадо), и пустившуюся во все тяжкие княжну Стасю, т. е., вероятно, Анастасию. И не обойдется описание этого горько-пряного времени без эксцентричных американцев — за самого яркого и бесшабашного, но и самого мудрого из них наша героиня выйдет замуж, разочаровавшись в восемнадцать лет во всех чувственных радостях, если за ними не стоят истинные чувства. И закончится роман опять же более чем гротескным эпизодом: утонченно-целомудренная и добродетельная мама накануне венчания даст Флоранс практически те же советы, что и циничная, во всем, кроме плотских наслаждений, разуверившаяся княжна Стася. И вот опять, проведя героиню в начало ее взрослой жизни, в канун очередной

* Интересно отметить, что один из эпизодов «Начала» — когда Флоранс смело вмешивается в любовное соперничество между своим отцом и своими же братьями — будто предвосхищает сюжет первого романа Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть!», где все будет описано гораздо мягче — уже в шестидесятые. Литературный дебют Саган превратился чуть ли не в скандал. А ведь Саган, получается, просто следовала традиции французской женской прозы.

мировой войны мы покидаем Париж, надеясь на лучшее — и что русские эмигранты не погибнут в войну в немецких, а после войны — в сибирских лагерях, и что братья Флоранс, студенты-юристы и будущие участники Сопротивления, останутся живы, и муж ее, говорящий по-французски американец Роб Райт, уцелеет и еще вернется в Париж, сперва высадившись в Нормандии, всего через пять лет после той веселой осени, когда все казалось столь безмятежным. Но от чего же было так горько?..

Ольга Воздвиженская

Аноним *Любвеобильный турок*, Аноним *Ночь в мавританском гареме*
М., ВРС. 2001. 176 с.

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ СЕРАЛЬ

«Запад есть Запад, Восток есть Восток» — изрек великий английский поэт и в той же балладе убедительно доказал, что и на Западе, и на Востоке — везде живут люди. Но живут по-разному, и потому таинственный Восток издавна привлекал взгляды европейцев, желавших узнать восточные нравы и обычаи и то, какими выглядят сами европейцы с восточной точки зрения. Литература, естественно, никак не могла пройти мимо этой двунаправленной тенденции, в том числе в произведениях эротического жанра.

В начале XVII века образованная Европа обрела первый перевод «Тысячи и одной ночи», вышедший во Франции в 1703—1713 годах. В Англии это случилось почти столетием позже: сокращенный перевод «Arabian Nights» увидел свет в 1824 году в Калькутте, а полный, увенчавший многолетний труд выдающегося востоковеда (и исследователя экзотической эротики!) сэра Ричарда Бертона, только в 1885—1888 годах. Почти невозможно перечислить, скольких выдающихся писателей вдохновили эти восточные сказки. «Персидские письма» Монтескье и ряд философских повестей Вольтера, сказки В. Гауфа и Х. Андерсена, «Западно-восточный диван» Гете, а в Англии — прежде всего романтические поэмы Байрона (а также С. Кольриджа, Т. Мура и других литераторов). Влияние Байрона, испытанное Пушкиным, привнесло ориентальные мотивы и в русскую литературу, тем более что Россия именно тогда очередной раз оказалась пограничьем западно-восточного, христианско-мусульманского столкновения (и до сих пор, к сожалению, остается таковым). Влияние «Тысячи и одной ночи» на европейскую культуру трудно переоценить: не составляют исключения и повести, вошедшие в эту книгу. Самый жанр и тема во многом определены изысканным эротизмом первоисточника — не надо забывать, что Шахразада рассказывала свои сказки именно по

¹ Перу Бертона принадлежит также фундаментальный перевод «Камасутры», ставший, в свою очередь, основой для переложения этого трактата на многих других европейских языках.

ночам, на ложе любви, а внимал им разомлевший от наслаждения Шахрияр.

«Любвеобильный турок», главный герой первой повести, вполне мог бы быть персонажем одной из сказок. Действие повести отнесено к 1814 году, когда Алжир, где герой правит, в сущности, уже не являлся полностью самостоятельным государством. Однако Алжирский Дей Али во всем подобен совершенному правителю халифу Гаруну ар-Рашиду, каким его рисуют легенды (разве что Дей, согласно требованиям времени, в совершенстве владеет европейскими языками и женщины предпочитает европейским). Али по-восточному мудр и могуч, богат и великодушен, а еще «повелитель войск, стражи, челяди и слуг»², подобно легендарному халифу, склонен к мистификациям с пересодеванием. Кроме того, с истинно восточной страстью он искренне влюблен в женскую красоту³ и способен завоевать подлинное чувства каждой новой девицы, оказывающейся в его нежной власти. Подобная широта души и чувств воплощает собой истинный мусульманский идеал мужа. В Коране сказано: «...женитесь на женщинах, которые нравятся вам, — на двух, трех, четырех. Если же опасаетесь вы, что не сможете заботиться о них одинаково, то женитесь на одной или на тех, кого вы взяли в плен...»⁴. Искренним пылом, изредка хитростью, но вовсе не силой (в отличие от жестоких Мурзы и Османа), а лишь даря любовное наслаждение, перемогает он заповеди христианского девичьего воспитания, так как знает:

Не верь посулам жен и дев,
Их легким увереньям,
Ведь их довольство или гнев
Подвластны вождельням...⁵

И подобно героиням арабских сказок, плененные христианки сперва сменяют гнев на милость, а потом, покоренные обаянием этой сказочной страсти, томятся и смертно тоскуют от малейшей немилости своего господина и повелителя. (Интересно, что одновременно, в пределах одного десятилетия, эта тема воплотилась и в России: «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, чудесная поэма о страсти и ревности, в сущности, повествует о том, как одна христианка соперничает с другой за любовь благородного мусульманского владыки.) Кстати сказать, для здорового контраста в повесть включены эпизоды из жизни католических аббатов, непрямо связанные с сюжетом, но показывающие, что в монастырях

² Здесь и далее цитируется по изд.: Тысяча и одна ночь: Избранные сказки: В 3 т. / Перев. М. Салье. М., 1988. Т. 1. С. 8—14.

³ Именно потому нам представляется неверным встречающееся в исследованиях название повести — «Похотливый турок». См., например, русский перевод книги М. Хайда «История порнографии» (М.: Крон-пресс, 1997).

⁴ Коран, 4: 3 / Перев. М.-Н. Османова.

⁵ Тысяча и одна ночь / Стихи в перев. Д. Самойлова.

христианской Европы с нравственностью гораздо хуже, чем во дворце женолюбивого Дея.

Повесть выдержана в традиционном европейском жанре эпистолярного романа, в переписке двух святых отцов слышны отголоски сюжетов «Декамерона» (заметим, что сама форма «обрамленной повести», рассказа внутри рассказа, пришла с Востока именно через «Тысячу и одну ночь» и на многие годы прижилась в европейской литературе). В «католических» эпизодах анонимный автор позволяет себе легкий иронический пинок в сторону отживающего свое «готического романа» (все эти монастыри, подземелья, церковные суды, замуровывание заживо, таинственные похищения и прочие такого рода детали). Сюжет изложен в духе добротного английского сентиментализма, что само по себе — ирония. Под явным влиянием «Тысячи и одной ночи» находится сам стиль «Любвеобильного турка» — тягучие, приторные, как восточные сласти, иногда утомительно подробные славословия любовным утехам, монотонно повторяющиеся описания почти неотличимых эпизодов. Автор, пожалуй, и впрямь, на современный взгляд, излишне, а может быть, и нарочито старателен в достижении арабской стилизации (хотя почему-то объявляет алжирского Дея турком, и на иллюстрациях к оригинальному изданию Дей изображен темнокожим).

Известный исследователь английской эротической литературы Стивен Маркус усматривает влияние Байрона в романтизированно-преувеличенном восхвалении любовных страстей и восточной экзотики⁶, свойственным нашей повести. Но байронизм присутствует не только в стиле повествования, а просматривается в самих описываемых событиях. «Любвеобильный турок» опубликован впервые в 1828 году, так что его автор, скорее всего, был знаком не только с текстом «Arabian Nights», но и с событиями современной ему реальной политики. Широко известен тот факт, что в начале 1820-х годов лорд Байрон оказался непосредственным свидетелем (и едва ли не вдохновителем) восстания православной Греции против мусульманского турецкого владычества. Борьба греков за независимость стоила многих жертв, но увенчалась успехом. И вот в «Турке» сперва возникает тема страданий гречанки Адianti, чей жених «был рожден для свободы» и убит за это жестоким турецким наместником. А в конце повести другая — безумная — гречанка, не в силах вынести погугания основ своей веры (к чему, с православной точки зрения, понуждал ее Дей Али), кинжалом самого Дея лишает того инструмента насилия и погибает за свою честь. Все это происходит в присутствии двух англичанок, которым в результате и достаются трофеи этой битвы (аналогичным образом, например, в Британский музей попали фризмы Парфенона). И эта «международно-политическая линия» в эротическом романе сразу вносит известную иронию в любовные сцены. Как всегда, эротика оказывается лишь поводом сказать о чем-то ином.

⁶ См.: Marcus S. The Other Victorians. N. Y., 1974.

Вторую повесть сборника — «Ночь в мавританском гареме» — отделяет от первой почти сто лет. Монтгомери Хайд в своей «Истории порнографии» с оговорками относит ее первую публикацию к 90-м годам XIX века. Это уже совсем иная историческая эпоха — Крымская война совершила очередной передел сфер влияния в регионе, все опять перемешалось (например, при дворе православного черкесского князя служат одновременно Селим и Рудольф), и нравы стали гораздо свободнее. Британия гордо правит морями и их берегами и, при случае, тем, что английские моряки находят на берегу. Но опять во вполне европеизированном сюжете всплывают образы «Арабских ночей». «Суровый паша Абдаллах» описан весьма похожим на того ифрита, что прятал похищенную им в канун свадьбы девушку в двойном сундуке. А девушка имела ожерелье из пятисот семидесяти перстней, по одному полученных в дар от своих любовников⁷. Все невольницы паши следуют ее примеру. И очутившийся в серале Абдаллаха английский моряк подчиняется все тому же сказочному призыву: «Вонзай, да покрепче!»⁸ В остальном же гарем паши подобен европейской гостинице полусвета, а с величественным героем предыдущей повести этого владыку роднит только пристрастие к европейцам. Те же дурят его как хотят, и только одно из рассказанных местными Шахразадами приключений имеет какое-то отношение к хозяину серала. Но по-прежнему актуальной остается форма «обрамленной повести», а герой лорд Джордж Герберт своей биографией, красотой и мужскими статями напоминает лорда Джорджа Гордона, то есть все того же Байрона. Романтические страсти сведены к анекдоту, трагические происшествия к водевиллю, и только две мусульманки — Зулейка и Эль-Джелис — повествуют об истинной любви в своих судьбах. Здесь легкая ирония переходит в откровенный сарказм по отношению ко всему — идее, сюжету, персонажам, самому жанру. Волшебство рассеялось, на том и сказке конец.

Ольга Воздвиженская

⁷ Тысяча и одна ночь.

⁸ Там же.

Аноним. *Безграничье*. Фейдо Э. Мемуары Павы М., ВРС. 2001. 160 с.

ПОВЕСТИ О ДВУХ ГОРОДАХ, ИЛИ ИСКУШЕНИЯ НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Нет историй нравственных или безнравственных — есть истории хорошо или плохо рассказанные, заметил некогда Оскар Уайлд, сам прекрасный рассказчик, пребывавший с моралью своего времени весьма в сложных отношениях. Впрочем, в своей судьбе, как и в своем эстетическом кредо, он был вовсе не одинок среди коллег-современников. В поисках наиболее точных способов отражения жизни и мира они то и дело переходили черту «пристойности».

Во второй половине XIX века, освобождаясь от парадной линейности классицизма и идеально-возвышенных иллюзий романтизма, европейская литература заново приступила к разработке точной меры «отношения искусства к действительности». В поисках типических фактов и характеров, в стремлении изобразить жизнь как она есть, без брезгливости и смакования, иногда пренебрегая оценками ради объективности, в надеждах на оправдание своих усилий и создание реальных моделей бытия рождалась так называемая «натуральная школа» (именуемая также «критическим реализмом»). Поиски оказались плодотворными. И по сию пору великие (как по художественной силе, так зачастую и по объему) романы XIX века — от Диккенса до Мопассана и Золя — являются надежным подспорьем в любых поисках правды.

Эротическая же литература всегда находится в струе своего времени, почти ничем не отличаясь по жанру, художественным приемам и методам, излагая на свой лад и на своем материале господствующие идеи. Она просто чуть более откровенна и лишь называет вещи своими именами. Весь пафос фривольных сочинений той эпохи сводим к одному — люди действительно *это* делают, и им *это* нравится, и нравится об *этом* читать. При чем тут мораль? Это Жизнь (именно так и назван один из наиболее характерных романов эпохи). Но дабы избежать обвинений (в том числе уголовных) в «оскорблении общественной нравственности», авторы принимали определенные меры безопасности. Не исключение и повести, вошедшие в этот выпуск серии «Улица красных фонарей» — «Безграничье» опубликовано в 1884 году без имени автора (и мы ничего не можем поведать о нем читателю), а

«Мемуары Павы» Эрнста Фейдо вышли в свет в 1877 году, через четыре года после смерти писателя.

Перед читателем предстают два образчика псевдомемуаров, жанра, весьма популярного в XIX веке — своего рода «исповеди детей века» (по выражению Альфреда де Мюссе). А если еще раз вспомнить Диккенса, это действительно повести о все тех же двух городах, вечно противостоящих друг другу — континентальной «столице мира» Парижа и оплота имперского консерватизма Лондона. В этих городах и их ближайших окрестностях безбедно, но отнюдь не беззаботно живут наши герои, вернее, в одном случае сын своего века, во втором — того же века дочь. Типизация — характерный прием критического реализма, склонного искать и находить «героев своего времени». А протагонисты обеих повестей — почти ровесники и выходят из одного и того же круга, даром что один — британец, а другая — француженка (это различие как раз существенно менее всего).

«Безграничье» — достаточно условный перевод названия «Randiana», производного от южноафриканского понятия «rand» — граница, рубеж. И действительно, герой сперва, по собственному признанию, объехал полсвета в поисках нового опыта, а потом убедился, что расширять границы познания в избранной области можно и на родных Британских островах. Герой именует себя «egotic philosopher». Он вполне склонен к рефлексии и обобщению жизненных реалий, в своей области твердо следует научной традиции текущего века — добротному позитивизму в духе Дарвина и Фрэнзера (а также раннего Маркса, с которым он вполне мог бы встретиться в том же Лондоне¹). Только вот его исследовательские экспедиции проходят в поместьях, трущобах, отелях, на курортах и вокзалах. В чем-то «Безграничье» — такая плутовская повесть — в сжатой форме повторяет бессмертные, хотя и «посмертные» Пиквикские хроники². Пестрая вереница эпизодов и персонажей³, встречающихся герою в его странствиях — похотливые священники под маской ученых богословов-религиоведов, практичные и непритязательные горничные, почтенное и скрывающее

¹ Иначе откуда коммунистические аллюзии в финальной главе повести?

² Кстати, любопытно отметить само происхождение мистера Пиквика. Как ныне известно и современному россиянину, «Пиквик» — старинная чаепитательная фирма, издавна конкурировавшая с фирмой «Липтон». Основатель последней сэр Томас Липтон был известен как филантроп и спортсмен, но также как убежденный холостяк. Липтон и Пиквик — имена, равно находящиеся на слуху. Потому, видимо, и появился у Диккенса любознательный холостяк мистер Пиквик, и так смешно выглядит для осведомленного человека обвинение м-ра Пиквика в нарушении обещания жениться.

³ Что дало известному исследователю викторианской эротики Стивену Маркусу повод для несправедливого обвинения повести в хаотичности и отсутствии строгой композиции (см. его книгу «The Other Victorians»).

свой внутренний разлад семейство генерала — ветерана колониальной службы, brave королевские гвардейцы, сельские помещики и светские хлыщии — все знакомые лица. Мы всех их встречали у Диккенса, Бульвер-Литтона, Стивенсона, Честертона, Конан Дойла, а чуть позже их с такой же пристальностью начали описывать реалисты нового поколения — Джером, Олдингтон, Киплинг, Голсуорси. Все они викторианцы — и герои, и авторы, достойные представители славной эпохи, когда в веселой Англии долго правила добрая королева Вик. К тому же англичане — прирожденные путешественники, и странствия в поисках сокровищ (у каждого своих) — любимая тема английской литературы от Беньяна и Чосера до Фаулза. Как правило, странствующий рыцарь, пират, паломник, миссионер, исследователь — англичанин обретает свой грааль, свой остров сокровищ, торжество своей веры. И герой «Безграничья» — не исключение. Поседев в исполнении своей миссии, во всеоружии опыта он находит свое пристанище, правда, не вполне тихое, но достойно увенчивающее его жизненный путь. «Happy end» — сам термин пришел из английской литературы.

И еще одна черта позволяет безошибочно отнести автора «Безграничья» к критическим реалистам: провозглашаемый устами героя равный физиологизм подхода к представителям (вернее, представительницам) разных социальных слоев, о чем говорится в тексте повести со всей прямотой.

«Мемуары Павы» написаны соотечественником, современником и другом таких разных писателей, как братья Гонкуры, Готье, Сент-Бёв, Флобер и Бодлер — все громкие имена. Так же, как и первая повесть сборника, произведение Фейдо носит многозначное название. «Cocodette», как называет автор свою героиню-мемуаристку, означает «куколка», но в этом слове явно с ведома автора слышится кудаханье курицы. А героиня определенно имеет куриные мозги и самоименные павлина (который тоже курица, только красивая). Потому мы и осмелились назвать Эме «Павой», самкой павлина. Все-то она суетится и квохчет, квохчет — и все о себе, о своей красоте, светском успехе, более всего о тряпках, нарядах, балах, о зависти к себе со стороны всех женщин, начиная с собственной матери. Все это она называет «открыть душу» и все собирается поведать о своей ловкости в ситуациях «серьезных, деликатных, щепетильных», когда, попросту говоря, приходится открывать вовсе не душу, а тело. А ловкости никакой нет, во всем и всегда оказываются виновны несчастные обстоятельства и нечестные люди. С истинным, даже чрезмерно критическим пафосом, достойным своего времени, повествует Фейдо о едва прикрытом разврате в семье и в свете, о легкомысленных девицах и распушенных матронах, о зыбкости морали, замененной ханжеством и правилами хорошего тона. Получается типичный роман о светских нравах, по крайней мере на первый взгляд. Натурализм господствующей литературной школы также найдет свое отражение у Фейдо в вопросе о социальной среде и биологической наследственности. Героиня совершенно всерьез возво-

дит свои жизненные передраги к итальянской крови отца и впечатлениям детства. Чуть позже Золя посвятит доказательству физиолого-социальных аргументов целый сериал о Ругон-Маккарах, но уже у Фейдо эта тема заявлена. А история с последним ребенком матери Эме, отцом которого был ее любовник (по мнению Эме, весьма противный господин), взявший небывалую власть в доме, много раз в разных вариантах повторится у Мопассана. И опять же в традициях своей эпохи, автор запинается и умолкает, когда дело доходит... до дела, заставляя героиню только ахать и ужасаться и не давая ей познать ни простой чувственной радости, ни настоящей любви. Критическая типизация доводится Фейдо до абсурда, все герои узнаваемы с пугающей легкостью, ярче всего описаны не характеры, а пейзажи, интерьеры и туалеты — такой вот гипертрофированный реализм. А потому обличительная повесть как бы сама пародирует свой жанр и явно смахивает на скабресный водевиль, чего, по всей видимости, автор и добивался. Насмешка над всем на свете — над самим собой, над канонами жанра, над банальностью конструкций спрятана очень глубоко, ее выдает лишь легчайшая ирония вроде заявления о стремлении нравиться всем⁴. Флобер, прочтя рукопись Фейдо, воспринял все всерьез и объявил ее «невообразимо неприличным романом», вероятно, потому что сам некогда подвергся судебному преследованию за безнравственность «Госпожи Бовари» — романа, ныне признанного классикой критического реализма. А Сент-Бёв нашел у Фейдо «то, что нужно кузнецу, чтобы выковать самое прочное железо — у него есть огонь». Так что великие современники признавали автора «Мемуаров Павы» вполне своим, достойным стоять в их славном ряду.

Так что недаром под одной обложкой сошлись две повести о светских играх в двух городах — города разные, а сюжеты и жанр почти одинаковые, и все это игра, ибо вся жизнь — игра, и нет у героев никаких настоящих проблем.

Многое роднит эти две повести — не только одновременность их создания или выхода в свет, не только стремление авторов скрыться от суда общественной морали, не только способ построения сюжета путем нанизывания эпизодов от детства к старости, и уж конечно, не только тема. Герои и обстоятельства, первые опыты и похождения молодости, мудрость зрелых лет, определившая в конце концов выбор образа жизни; место и время, сам банальный пафос — все по канонам жанра почти навязчиво повторяется. Критическим реалистам обычно присущ антиклерикализм — и вот в «Безграничье» выведены католические пастыри — любители розги, а в «Мемуарах Павы» — монастырский панси-

⁴ Здесь явно слышен отголосок реплики Флобера о бедной Эмме Бовари, которая смеется и рыдает, любит и умирает одновременно во всех городах и деревнях Франции. Флобер же провозгласил, что мадам Бовари — это он сам. Повесть Фейдо — это тоже он сам, потому он и заявляет устами своей героини «Я прекрасна».

он с просвещающимися барышнями; принято обличать институт современного брака — и Эме уходит от мужа, а философ-эротист остается холостяком, зачав нескольких детей и спровоцировав несколько разводов своих подруг. В обеих повестях описано вполне характерное загородное поместье с увлеченным своим хобби хозяином и томлящейся красавицей хозяйкой, которую утешит друг дома, от чего появятся незаконные дети... И наконец, ставший почти общим местом чуть не главный мотив времени: жизненное и житейское превосходство предпринимчивой и напористой буржуазии над отживающей свое вырождающейся аристократией. Эта идейная линия воплощается с блистательной комичностью. Почти всегда верный друг-соперник героя «Безграничья» с дворянской фамилией Де Во оказывается в проигрыше в их извечной борьбе за благосклонность дам⁵. А разорившегося маркиза, мужа Павы, спасет от банкротства ее же любовник-финансист. И даже женская эмансипация как актуальная для тех времен тема мелькнет в наших повестях — в обеих появятся весьма энергичные и предпринимчивые разведенные дамы и недотепы-мужчины. В общем, вполне хрестоматийный «критический реализм». Что же до темы, до «нспристойности», «неприличности», так на то и «натуральная школа», чтобы говорить правду о человеческой натуре, как она есть. Ведь люди действительно делают *это*. И им *это* нравится.

Ольга Воздвиженская

⁵ Интересно, что один из эпизодов повести — когда герой напоил до беспамьятства соседа по пансиону, чтобы тот проспал поезд и не встретил даму — будто предвосхищает сюжетную ситуацию набоковской «Машеньки». Невольно создается впечатление, что великолепный знаток литературы и англоман Владимир Набоков был знаком с нашей повестью, хотя утверждать это наверняка, конечно, нельзя. Возможно, мы просто имеем дело с блуждающим мотивом европейской литературы.

Аноним *Беатрис* М., ВРС. 2001. 154 с.

«ЗАГАДОЧНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ»

Вот и такие бывают английские эротические романы. Некие мужчины и женщины совершают, казалось бы, абсолютно немотивированные действия (нельзя сказать — поступки), вдруг куда-то отправляются — в соседнее поместье или на другой край света — с неизвестными целями или вовсе без цели, обмениваются отрывистыми загадочными репликами, и даже сам эротизм воспринимается как-то отстраненно.

Текст «Беатрис» не легок для читательского восприятия. Он не сразу впускает в себя, и с первых же страниц читатель оказывается в мире размытых понятий — как физических, так и этических. Потолки в комнатах то взмывают до небес, то опускаются, как крышка гроба. Странные отношения внутри семей, неожиданные подспудные конфликты и их разрешения. Отрывистые фразы, повисающие в тишине, когда, кажется, останавливается время. Мир, где изгнаны простые радости, замененные символами, смутно отдающими христианством — «поездка в Иерихон», семь лет служения, проповеди-литании о послушании. Героиня повторяет: «Мы дурные», но в интонации нет и тени раскаяния в грехах (а ведь мысли и поступки ее, с точки зрения обыденной морали, иначе и не назовешь). Трудно понять, сколько времени длится действие романа — стоит кажущееся бесконечным теплое лето, один день тянется, незаметно перетекая в другой, и так же одна в другую переливаются странные ассоциации самой Беатрис. Пыльные чердаки наводят на мысли о времени, о когда-то произнесенных бессмысленных словах-обрывках, обыденные явления — вода в ванной — навевают грезы о далеких краях, морях, островах¹. Мелочи — клубки ниток, старая шляпа, вкус вина, звук гобоя, голос служанки, донесшийся с улицы, — вырастают до многозначительных символов². Сами слова, навязчиво повторяясь — «одинокая в своем одиночестве», «стонал стонами», «открывались открытостью», «в темноте моей тьмы», «округлял своей округлостью», «торчащий ... торчал», «выкрикнула тонкий крик» (таких оборотов в тексте нарочито много) — как бы реверберируют, отдаваясь эхом в пустоте, и теряют привычный

¹ Джойсовский Леопольд Блум тоже мечтал о жаркой Палестине и восточных сокровищах в дощатой будке сортира, с обрывком сионистской листовки вместо туалетной бумаги.

² Позже на подобных приемах, унаследованных от символизма, во многом будет выстроена европейская экзистенциалистская проза.

смысл. Даже такие главные слова, как «люблю», «ненавижу», «да», «нет». Собственно эротические действия порождаются не чувственностью, а любопытством и странным пониманием долга и называются «благословением», а также «избранностью». Героиня задает себе вопросы, словно сомневаясь в необходимости ответа: «Я знала, что... Знала ли я? Не знаю. Я что-то знала, но не знаю, что именно я знала... я хотела, не хотела». Ни в чем нельзя — и не надо — быть уверенным. Все, что происходит с героиней — со всеми героинями, — обязательно. И подчинение — не подчинение, и испытания — не испытания, и страдание — не страдание, хотя и больно, и наслаждение — не в радость. И власть одних над другими — иллюзорна, неясно, что можно, а чего нельзя сегодня и так ли будет завтра. Картины наплывают друг на друга беспорядочной чередой, как во сне, но сон все не кончается, а реального человеческого мира словно и вовсе не существует.

«Беатрис» — необычная книга, во многом выпадающая из ряда традиционных текстов, к каким уже привык читатель серии «Улица красных фонарей». Как и многие другие, она принадлежит перу анонимного автора, и даже дата ее написания и выхода в свет неизвестна. Одни исследователи выискивают в реалиях романа приметы 80-х годов XIX века — первые фотографии, неразвитая газопроводная сеть, отсутствие электричества в жилых домах в провинции. Другие усматривают в тексте зачатки сюрреализма и потому датируют роман первыми годами XX века, огорчиваясь, что подобные языковые изыски были свойственны и поздним викторианцам... А нам кажется, что этот роман написан много позднее — в 1920-х годах, после Первой мировой войны, и представляет собой образец совершенно нового подхода к литературе. Перед нами — текст, фиксирующий не события, а восприятия и ассоциации, насыщенный символами мировой мифологии и полемизирующий самой своей структурой с традиционными способами повествования. Иначе говоря, тот самый «поток сознания», впервые явленный читающему миру в «Улиссе» Джойса и в значительной мере определивший модернистскую литературу только что минувшего столетия, особенно англоязычную — вплоть до психоделической прозы киберпанка 90-х годов.

Конечно, газовая атака на Ипре изменила в мире все, даже для тех, кто непосредственно там не был. Мировая война разорвала привычную логику мира, порядок вещей и отношений, восприятие хода времени и движения в пространстве. Мир оказался дискретен, разъят. Отнюдь не только реалистам «потерянного поколения» присуще мироощущение, в котором доминирует неуверенность не то что в завтрашнем дне, но просто в следующем шаге. Главный мотив грезы Беатрис — переменчивая стихия моря и корабль, на котором в дальние страны уплыл отец-любовник, на котором он, может быть, вернется, что, впрочем, необязательно и не важно. Джойс дал герою своего главного романа имя античного героя-скитальца, уподобив один день обыденной человеческой жизни многолетним странствиям Одиссея. Анонимный автор нашего романа назвал свою героиню дантовским именем, и она проходит по разомкнутым кругам

какого-то параллельного бытия, где нет ни Ада, ни Рая, а ждут ее испытания парадоксального Чистилища. А позже Апдайк увидел школьного учителя из американской провинции в образе наставника-Кентавра, и уже совсем недавно в недрах квазиреалистического пространства компьютерной Сети, тождественной человеческому сознанию, Уильям Гибсон обнаружил тайный чертог колдуна-Нейроманта. Рефлексия относительно всего на свете, в том числе и себя самой — самая, пожалуй, характерная черта культуры XX века. Недаром и в «Беатрис» навязчиво повторяются мотивы детства — Рождество, игрушечная лошадка, ожидание лакомств и подарков, страх порки. Это тоже своего рода «поиски утраченного времени», иллюзорной опоры, отсутствующей внутри героев. Символично начало романа — по-дантовски «земную жизнь пройдя до половины», двадцатипятилетняя Беатрис возвращается в родной дом. Но в отличие от космоса Данте, построенного по логико-этическим законам греха и воздаяния, здесь нет ни этики, ни логики. Разорванный мир Чистилища, где Рай и Ад ниже пояса, причем Рай — спереди, а Ад — сзади (или наоборот — релятивизм полный и абсолютный). И Бога нет. И потому финал книги нарочито еще более символичен: под опеку безбожной «команды» Беатрис своих дочерей оставляет священник.

Для автора «Беатрис» перспектив не было. Автор предисловия к английскому изданию книги Патрик Хэндон вспомнил, как Дизраэли разделил мир на «господ» и «остальных». Сама Беатрис рассуждает: «Восемь человек из десяти готовы подчиниться при надлежащих обстоятельствах и под управлением надлежащей личности. В этом их спасение. Их ведут — им позволяют. Принуждая, им позволяют». Так появляются фюреры. Беатрис — старшая сестра, главная в своей семье, а скоро придет Старший Брат. Мир 20-х годов XX века продолжал делиться и дробиться. На эксплуататоров и эксплуатируемых. На партию внешнюю — внутреннюю³. На «красных» — «белых» — «их». И наоборот. На арийцев и неарийцев. На свреев и несвреев. И в итоге — на два противостоящих военных лагеря.

И лишь к концу XX века люди стали осознавать, что мир не «делится на...», а «состоит из...». Истинным, объединяющим всех Интернационалом теперь является Интернет. И чтобы XXI век стал веком единения человечества, надо четко осознать всю аморальность насильственного разъединения. Потому публикация книг, подобных «Беатрис» и обнажающих концепцию разделения мира, становится вкладом в прощание человечества с античеловечным прошлым.

Ольга Воздвиженская

³ От безнадежности грядущих времен практически покончил с собой самый суровый летописец века — Джордж Оруэлл, запечатлевший непоправимый трагический раскол своего мира. По странному — опять же — совпадению через год после обозначенной им даты, в 1985 году, описанному им миру начал приходить конец. Вот и так бывает с английской литературой.

Спедди (Рене Дюнан). *Колетт, или Развлечения хорошего тона; Беспутства М.*, ВРС. 2001. 176 с.

**ИВЕТТА, ЛИЗЕТТА, ЖАНЕТТА,
РЕНЕ И КОЛЕТТ...**

Этот список имен престелниц на мотив известной песенки из «Соломенной шляпки» можно продолжать долго. Он вполне отражает некую легкость представлений об отношениях между мужчинами и женщинами, свойственную порой французской мысли и культуре. Действительно, наряду с книгами, торжественно называвшимися: «Графиня Рудольштадт», «Мадам Бовари», «Евгения Гранде», «Жюли де Карнейян», история литературы знает французские (или франкофонические) книжки с другими женскими именами в заголовках — «Жюльетта»¹, «Княжна Мими» и «Княжна Зизи»², «Жижи»³, «Мадемуазель Фифи» (хотя герой последней, кажется, был и вовсе мужчина и немец, ну да не в этом суть). Так что примерно с XVIII века в литературе (иногда даже у одного и того же автора) образ трагической, романтической, возвышенной героини вполне мирно сосуществует с образом пикантной, веселой, неунывающей и пылкой француженки, чаще всего парижанки, достойной и во всем равной подружки истинного галльского петуха.

Веселое и бурное время, что принято называть «*belle époque*», наряду с мужчинами — политиками, писателями, художниками — в равной степени прославлено и женщинами, оставшимися в истории под псевдонимами-прозвищами в том же небрежно-шутливом ключе — модельер Коко Шанель (по метрике — Габриэль), первая эротическая танцовщица Европы и разведчица Мата Хари (в миру Маргарета Целле), Иветт Жильбер — героиня жизни и творчества Анри Тулуз-Лотрека, Гала — трагическая муза Сальвадора Дали. В этом же ряду и две наши героини — Спэдди и Колетт.

Обычно книги, включаемые серию «Улица красных фонарей», в

¹ Роман маркиза де Сада.

² Россию начала XIX века с полным основанием можно отнести к странам франкофонии, а потому в наш список включены светские повести князя Одесского.

³ Эта поздняя повесть самой Колетт по времени действия отнесена к концу того же XIX века.

оригинале выходили анонимно либо под псевдонимами, и их агрибуция во многом основывается на догадках и предположениях. Но авторский сборник «Добродетельные беспутства» — счастливое исключение. Об авторе и о заглавной героине нам известно довольно многое, о чем мы с удовольствием поведаем читателю.

Начнем с героини. Сидони-Габриэль Колетт (1873 — 1954), по первому мужу — мадам Готье-Вийяр (Анри Готье-Вийяр, светский журналист и беллетрист, в духе времени был известен как Вилли, и сама писательница иногда подписывала свои сочинения — «Колетт-Вилли» или даже «Виллет-Колли»); по второму — баронесса де Жувенель (барон Анри де Жувенель ввел Колетт в журналистику и в высший свет Парижа, будучи главным редактором газеты «Матэн»), по третьему — госпожа Гудекет (Морис Гудекет, ювелир по профессии, участник французского Сопротивления, спутник зрелых лет писательницы). Но эта замечательная женщина осталась в истории французской и мировой литературы просто как Колетт (что по-французски и женское личное имя, и фамилия). Писательница и актриса, театральная критик и журналистка, мастер женского макияжа и любительница животных, страстная любовница и законодательница мод, киносценаристка и драматург, президент Гонкуровской академии и полный кавалер ордена Почетного легиона — на все в ее долгой и замечательной жизни хватало времени и места в душе. Особой же заслугой Колетт является то, что, будучи яркой звездой французской прозы, она заставила современников и потомков воспринимать женщину, женский мир и творчество всерьез, без снисходительных скидок.

Теперь об авторе. Рене Дюнан родилась в 1892 году, годом ее смерти принято считать 1936-й, хотя публикации, подписанные этим именем, появлялись и позже (что, возможно, было просто мистификацией или попыткой использовать популярное имя). Журналистка и романистка, автор эротических, научно-фантастических, детективных и любовных романов, эзотерических и философских эссе, литературный и театальный критик дадаистской школы, писательница известна под многими псевдонимами — Люс Борроме, Жорж Дюнан, Марсель Ла Помп, Рене Камера или, как в нашей книге, — Спэдди⁴. Эта страстная феминистка, поборница свободы чувств, в жизни и творчестве отваживалась на все. «Нужно осмелиться и заговорить — не важно о чем! А мораль каждый для себя выводит сам», — заявила Рене Дюнан в одной из своих статей.

И наконец, о книге, что перед вами, — о дуэте героини и автора. Мораль каждый для себя выводит сам, и потому вопрос о том, совместили ли с хорошим тоном описанные развлечения, оставим за скобками. Интереснее другое. Две писательницы, француженки, парижанки, со-

⁴ Спэдди — мужское имя. Такой псевдоним, кроме личных склонностей Рене Дюнан, отражает и старинную французскую традицию. Величайшая французская романистка мадам Аврора Дюдеван тоже осталась в истории под мужским именем — Жорж Санд.

временницы, люди одного творческого и светского круга, прекрасно знавшие друг друга, обладавшие сходными взглядами на чувственную сторону жизни, — могли ли они не быть своего рода подругами-соперницами? Посвященная Колеетт повесть вышла в свет в 1937 году⁵, когда героиня уже пользовалась большой известностью как прозаик (и как критик, и как актриса)⁶. И перед нами — пародийный, заостренно-гротескный обзор не столько жизни, сколько творчества Колеетт (при том, что это творчество в высокой степени автобиографично). А может быть, и просто сведение если не личных, то литературных счетов. Интересно пройти по тексту «Колеетт» и параллельно — по прозе самой Колеетт (справедливости ради надо сказать, что любовные коллизии у писательницы занимают едва ли не центральное место и притом не всегда традиционны). Совпадений множество, вплоть до имен действующих лиц, не говоря уже о сюжетах и эпизодах.

Первые же страницы — описание сцены между взрослой дамой и юным красавчиком — напомним об Ангеле («Снеги»), герое двух романов⁷, юном возлюбленном пожилой дамы полусвета. Роман Леа и Ангела, бывшего к тому же сыном ее «коллегги», прервался браком молодого человека с дочерью третьей соратницы Леа. Молодой человек был прозван Ангелом за выдающуюся юную красоту (что подчеркивает Спэдди: «...бледное личико херувима...»), как громом поражающую женщин. Но так и не сумел забыть опытную куртизанку, открывшую ему суть чувственных отношений. К этой теме Колеетт вернется в романе «Неспелый колос» (в другом переводе «Ранние всходы», 1923), описав, как просвещенный взрослой «дамой в белом» мальчишка тут же воспользовался полученными знаниями со своей юной подружкой. А в повести «Рождение дня» (1928) молодой герой готов пренебречь своей сверстницей ради стареющей писательницы. И дальше в сочинении Спэдди все время возникают «незрелые плоды» — очень юные участники и участницы любовных игр.

Вторая глава вводит нас в мир театра и кабаре, где Колеетт одно время подвизалась как исполнительница пантомим, что позволило ей в дальнейшем профессионально писать о театре и для театра. История знакомства героини с повествователем вызывает в памяти повесть «Странница» (1910). Тут же мы встречаем первого мужа Колеетт — Вилли, в повести готового поощрить любые капризы супруги, а в дей-

ствительности приохотившего Колеетт к писательскому труду и к миру секса, чтобы и себе ни в чем не отказывать. В «Страннице» же Колеетт вспоминала о Вилли с содроганием, а о театральном мире и его нравах — с большой теплотой. Третья глава отсылает нас к дилогии «Невинная распутница» (1909), героиня которой еще девочкой убежала ночью из дому в поисках парижской уличной романтики, а впоследствии довольно долго кочевала по холостяцким квартирам в надежде обрести элементарное телесное удовлетворение, не найденное в браке.

Существенную часть прозаического наследия Колеетт составляют ее воспоминания об идиллическом детстве во французской провинции, о пансионе, о семье. На основе автобиографического материала написан также цикл из пяти романов о Клодине — бойкой девочке, довольно рано проявившей интерес к своему телу, ставшей умудренной молодой женщиной, советчицей своих подруг. Перед читателем медленно и неторопливо проходит детство Клодины, ее учеба в школе для девочек со всеми доступными этим девочкам опытами, раннее замужество, принесшее ей искушенного мужа и пасынка-гомосексуалиста, первая любовная связь на стороне — причем с женщиной, ставшей в какой-то момент их общей с мужем возлюбленной, возвращение с мужем в родные края и sentimentalная экскурсия в школу... Текст Спэдди изобилует косвенными и прямыми отсылками к романам о Клодине. Колеетт у Спэдди обожает рассказывать другу о прошлом (чего стоят одни девические игры под портретом любимой бабушки!), поощряет его к связям с юными родственницами, к любовным забавам с расширенным кругом участников. Параллели очевидны. Особый акцент в нашей повести делается на чувственные развлечения с животными. Колеетт в жизни была большим знатоком и любительницей мира живой природы, и среди ее сочинений особое место занимает повесть «Кошка» (1933) — о том, как молодой муж, напуганный слишком бурным началом своего брака, всю свою привязанность отдал кошке, покинув молодую жену после того, как та из ревности покусилась на священное животное. Спэдди просто доводит подобную ситуацию до абсурда в пятой главе своего повествования. А в последней главе в действие вступает некая Фанни — это имя носит героиня еще одного произведения Колеетт — романа «Вторая» (1929). В этой книге рассказана история некоего брака втроем, причем «вторая» — секретарша мужа — влюблена, в сущности, в жену, но за неимением лучшего... И наконец, в 1932 году Колеетт были написаны «Эти удовольствия» (в последующих изданиях — «Чистое и порочное»), автобиографические эссе в защиту однополрой любви как между мужчинами, так и женщинами. Такого рода эпизодами изобилует и текст Спэдди, послушно следуя за своим предметом. Неслучайные совпадения можно перечислять еще очень долго. Тот, кто возьмет на себя труд внимательно перечитать четырехтомник прозы Колеетт, вышедший на русском языке, поймет, что не так уж не права Спэдди, обвиняя свою героиню в эксгибиционизме и развратности. Правда и то, что Колеетт излагала свои сюжеты

⁵ По-видимому, для конспирации в первом издании (см.: Сен-Клу, «Храм Цитеры», издатель Морис Дюфлу) указан год выхода 1936. «Беспутства» были выпущены этим же издателем чуть позже.

⁶ Подробно биография и анализ творческого пути Колеетт приведены в цикле статей-послесловий к четырехтомному собранию сочинений писательницы на русском языке (Колеетт С.-Г. Ангел мой: Романы; Клодина: Романы; Невинная распутница: Романы; Чистое и порочное: Романы, повести, эссе. М., 1994).

⁷ В русском переводе «Ангел мой» (1920) и «Конец Ангела» (1926).

безукоризненным стилем и всегда стремилась провидеть за самыми противоестественными изгибами страстей поиски любви, а наслаждение считала неотъемлемым правом человека. И в жизни, и в литературе она искренне и страстно любила прекрасный мир во всех проявлениях и прославила все виды испытанной ею любви. А потому и в изображении пристрастной современницы Колетт всегда торжествует и наслаждается.

«Беспутства» — книга не то чтобы вторичная, но как бы зеркальная по отношению к «Колетт». Если в первой прославляется, пусть нетрадиционным способом, женская страстность, то «Беспутства» посвящены всестороннему изучению проявлений того же свойства у мужчины. Но безудержный либертинаж героя совершенно параллелен судьбе героини первой повести, как и его взгляды. Жадная и изощренная страстность героя никому не приносит вреда, а получая и даря наслаждение сменяющимся или объединяющимся подругам, герой, может быть, и порочен, но эгоизм — не его порок. Интересна и сама попытка женщины-писателя поставить себя на место мужчины, примерить на себя кожу и костюм существа противоположного пола в ситуациях, где мужчина и женщина традиционно противопоставлены друг другу. Рене Дюнан признавалась, что и в жизни чувствует и ведет себя в одних случаях как мужчина, а другой раз — как женщина. Но нельзя не согласиться, что радость существования буквально брызжет с написанных ею страниц. Калейдоскоп лиц и положений, а сколько способов предаваться любви и быть счастливыми, красивыми, веселыми! Если счесть эти книги хоть в какой-то степени свидетельством времени, можно поверить — то была воистину «прекрасная эпоха».

Ольга Воздвиженская

Аноним *Садопедия* М., ВРС. 2001. 160 с.

«ЕСЛИ ЖЕНЩИНЫ ДЕРУТСЯ...»

«...в драку лучше не вступать!» — гласит продолжение этой пословицы. Пословица русская и потому имеет узко национальное применение. Герой же нашей книги — англичанин, и потому смело ринулся в драку с женщинами, бывал и победителем, и умел, если надо, быть битым. И сочинил на темы битья, определяющего сознание, сей роман, могущий поначалу показаться русскому читателю жестоким и антигуманным. Ну так посочувствуем, по русскому обычаю, униженным и оскорбленным.

От века любимая в мире тема — своеобразие России. Но об этом мы не будем — все равно умом Россию не понять. А будем о новой книге серии «Улица красных фонарей» и ее возможном восприятии по-русски. И тут усматриваются вырастающие из контрастов между Россией и остальным миром любопытнейшие параллели.

На первый взгляд, в доме, куда волей случайного светского знакомства попадает молодой студент-аристократ, царит мрак кромешный и кошмар кровавый. То его самого бьют, то он кого-то лупцует и сдачи получает, и бывает, что один на всех и все на одного или на одну. Потом на даче у героев с ведома своих родителей гостят две племянницы, и их лупят по чем попало и чем попало все кому не лень. И все завершается грандиозной дракой между дачниками и местным населением. А почему-то все остаются довольны, расстаются с сожалением и ждут с нетерпением продолжения массового побоища. «Садопедия» — весьма веселая и забавная книга. Так почему Англия не Россия?

Потому что при всех тяготах собственного феодального периода Англия, как и большинство европейских стран, не знала крепостного права с его главной мерзостью — полным бесправием и унижением огромного числа людей. Символ имперской России — помещичий кнут, армейский шпицрутен, гимназическая линейка для битья по пальцам. Потому даже случаи чисто сексуального садизма — как в истории с Салтычихой — воспринимались в первую очередь как примеры барского произвола. А между тем в Англии (хотя основоположник идейного направления был французским аристократом) телесное наказание являлось скорее способом воспитания выносливости юных леди и джентльменов (помните, как горд был Том Сойер из Новой

Англии, когда принял на себя вину Бекки и положенное ей наказание?). В Англии хлыст для верховой езды был пикантным атрибутом изощренного секса, а в России за провинности крестьян таскали на конюшню, и постылый муж-деспот сек жену вожжами при малейшем подозрении в измене, чем и побуждал к неверности — «старый муж, грозный муж, режь меня, жги меня... Я другого люблю», как писал А. С. Пушкин. Контраст российского и европейского восприятия проблемы запечатлен и в отечественной литературе — в цикле уральских сказов П. Бажова упомянут француз-управляющий Паротя. Он получил свое прозвище от привычки чуть что кричать «Па-а-ароть!». Русский язык он знал плохо и слабо понимал смысл собственной угрозы. Но реально при нем на Демидовских заводах, как пишет Бажов, «народ на пожарну не гоняли» — французю и в голову не приходило всерьез сечь взрослых людей.

Герои «Садопедия» весело смеются при обоюдной порке и потом садятся за дружеский ужин с вином, а одновременно (тоже рубеж XIX — XX веков) ахматовская героиня жалется: «Муж хлестал меня узорчатым вдвое сложенным ремнем», и было за что — героиня томится по переменчивому любовнику. «Не могу молчать!» — возопил по поводу телесных наказаний властитель русских дум, а в Англии и не молчали, но издавали книги, подобные нашей, и не видели в этой теме никакого трагизма. Более того, примерно в те же годы, на рубеже веков, был издан весьма примечательный сборник садомазохистических текстов «Whippingham Papers», где среди прочего помещены отрывки из сочинений английских путешественников по России; эти тексты исполнены крайнего изумления: оказывается, что в Англии — интимная забава великосветских господ и дам или нормальная педагогическая практика для воспитания элиты, то в России — суровая реальность угнетенного народа. И потому не красовское «Там били женщину кнутом...» на английский взгляд — не обличение социальных пороков самодержавной России, а эротический стишок. В том же сборнике анонимно опубликованы две поэмы А. Ч. Суинберна на темы порки мальчиков в закрытых английских школах — весьма фривольные сочинения, но единственной русской параллелью можно считать «Очерки бурсь» Г. Помяловского. Россия — не Англия.

И еще одно важное различие. В русской традиции барин бьет мужика, мужчина — женщину, старший — младшего, сильный — слабого. А в английской — по договоренности. То, что в России — мордобой, англичане, между прочим, возвели в благородный спорт — бокс. И, как можно заметить, в «Садопедии» все происходит в игровой форме: две подружки изображают леди и ее горничную, мороча голову гостю. Вся компания играет в древнеримский пир с патрициями и рабами, и роли в любой момент могут поменяться. То аристократка прикинется покорной одалской или виноватой школьницей, то веселый легкомысленный студент из Оксфорда вместо учебы устроит пикник и игру в салки со шлепками, смеясь, когда достается и ему самому. Женщины в русских

селениях в это время горько утешаются: «Бьет — значит, любит», а русские студенты, недоучившись, то режут лягушек и по-дурачки помирают, заразившись при опыте, то старушек убивают топором, а то и царя — бомбой.

Пора сказать, что «Садопедия» вышла в свет в 1907 году. Свет казачьих нагаек слышится русскому уху в сценах суровой порки, восставший народ — горничная — при поддержке и подстрекательстве передовой интеллигенции в лице студента-рассказчика бунтует против барыни-самодурши. На фоне бурной морской стихии (где-то рядом так и мерещится буревестник) происходит драка в стиле «рюсс» — стенка на стенку, переходящая в смычку города и деревни. И все разрешается царством любви и согласия. В великом революционном романе «Мать» М. Горького курсистка Саша обретает в рабочем Павле Власове соратника по общей борьбе. А в «Садопедии» светская леди, преодолев классовую ограниченность и сословные предрассудки, отправляется в народ, дабы приникнуть к его могучей груди, приобщиться к исконно-почвенной мудрости и незатейливой справедливости и постигнуть в слиянии с простым народом истинную сущность любви (это — самая комичная сцена в книге). Так что английский эротический роман — зеркало русской революции.

Осталось добавить немного. В 1907 году роман был опубликован якобы в Эдинбурге в вымышленном издательстве «G. Ashantee & Co.», а на самом деле, скорее всего, частным образом в Париже. Автор не был указан, долгое время авторство приписывалось то все тому же Суинберну, то знаменитому ученому-психологу Хэвлоку Эллису. Однако аноним со временем был раскрыт, сочинителем романа оказался некто Джон Пул Кирквуд, как и его герой Сесил Прендергаст, тоже оксфордский выпускник, мирно проживавший в английской провинции. Если по России ходила песня «А в стране хозяйка — плетка да нагайка», то национальным английским пороком — чуть ли не бедствием — считалась склонность к садомазохизму. И вероятно, Дж. П. Кирквуду казалось, что он написал обличительную сатиру на современников. Так что, хотя Англия — не Россия, а у них тоже свои «скелеты в шкафу», как гласит английская поговорка. А аналогичная ей русская утверждает: «В каждой избушке свои погремушки». Так что не слишком-то мы и отличаемся, когда доходит до драки.

Ольга Воздвиженская

Монастырские тайны

1. Аноним *Монастырский привратник* М., ВРС. 2002. 154 с.
2. Аноним *Жизнеописания блохи* М., ВРС. 2002. 157 с.

НИ ОДНА БЛОХА НЕ ПЛОХА

Еще Джованни Боккаччо в свое время заметил, что когда монах снимает рясу, то становится просто мужчиной, и, стало быть, ничто мужское ему не чуждо. И оттого начиная с эпохи Возрождения католический монах и священник — неизменный герой западноевропейского эротического сюжета. Безбедное и праздное существование духовных лиц невольно склоняет их к потворствованию страстям, а высокие стены монастырей и полумрак исповедален надежно укрывают любовные тайны святых отцов. Врага надо знать в лицо, тем более Врага рода человеческого, и потому век за веком святые отцы бросаются в пучины греха, чтобы изведать все его разновидности и знать, как бороться с блудодеем. Слаб человек, и потому борьба иногда оборачивается почетным поражением. Не согрешишь — не покаешься. И две повести, составившие двухтомник «Монастырские тайны», целиком укладываются в старинную традицию эротической антиклерикальной сатиры.

Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать, сказал Вольтер. Если бы не было греха, что стало бы со святостью? Просветители XVII—XVIII века подхватили ренессансный пафос обличения псевдосвятости и принялись яростно разоблачать лицемерие, ханжество и разврат, прикрытые католической рясой. В конце концов, Господь сотворил мужчину и женщину на радость друг другу, и насильственное разделение полов, отказ от нормального порядка вещей — по-своему грех больший, чем нарушение монашеского обета. Грешная плоть требует своего, и противоречие земного и небесного неизменно разрешается в пользу земного. Но тайное потворствование страстям приобретает изощренные, а порой и извращенные формы.

Зачастую авторы такого рода сатирических и эротических сочинений сами носили тонзуру — Пьер Абеляр, поплатившийся мужественностью за плотский грех, Франсуа Рабле, в жизни и творчестве не пренебрегавший здоровой чувственностью, Антуан-Франсуа Прево, прославивший грешную страсть, что сильнее смерти. Суровый инквизитор доминиканец Лопе де Вега даже устроил церковную аннуляцию брака своей возлюбленной, дабы предаваться плот-

ским радостям, не нарушая заповеди «не пожелай жены ближнего своего» и, стало быть, не совершая смертного греха. Сочиняя свои фривольные комедии и новеллы, он, по-видимому, предмет знал досконально, как и прочая литературно-монастырская братия. И не было в католической литературной традиции обличителей более язвительных и певцов любви более пылких, чем сами служители Господни.

Потому и «Монастырский привратник» неспроста написан как исповедь монаха, прошедшего все круги плотских страстей, предавшегося похоти нормальной и не вполне, в конце жизни разделившего участь Абельяра и пришедшего к подлинно святой жизни в роли привратника наподобие св. Петра.

Автор «Привратника», однако, по всей видимости, человек светский: роман, вышедший в декабре 1740 года или в январе 1741 года, скорее всего, принадлежит перу Жан-Шарля Жервеза де Латуша (1715? — 1782), до того дебютировавшего на ниве эротических сочинений романом «Мемуары мадемуазель де Бонваль» (1732). Правда, кое-кто из исследователей XX века ставит авторство де Латуша под сомнение и полагает, что более правы полицейские власти тогдашнего Парижа, считавшие, что автором «Привратника» был некий Ла Камю...

Понятно, что сегодня этот спор носит чисто академический характер. В прошлое ушли попытки королевских фавориток типа мадам де Ментенон или мадам де Помпадур создать при дворе обстановку показной нравственности, легитимизировавшую их собственное весьма двусмысленное положение. Как монах без рясы — просто мужчина, так и знатная дама в negligé мало отличается от пастушки. Другое дело, что под покровом показной святости творятся воистину страшные дела — сын совокушается с матерью, дочь — с мужем матери, храм становится пристанищем оргий, а монахи не только воспевают Содом в стихах, но и следуют содомическим наклонностям на практике. Отсюда и прозвище заглавного героя — дом Бугр (интересно, что от слова «бугр», по-видимому, произошло слово «бугор» русской фени; бугор — хозяин, главный в мужском социуме, имеющий право «опускаться», то есть утверждать свою власть, в том числе сексуальную, над прочими мужчинами). Монашеская страсть к сочинительству, к написанию латинских и французских виршей и более серьезных трудов — исторических, богословских, нравоучительных и т. д. — также воплощена в тексте «Привратника»; с образчиками таких сочинений читатель, надеюсь, познакомится не без удовольствия.

Сразу после публикации «Монастырского привратника» началось полицейское расследование, чем и вызвано воспроизведенное в нашем переводе ироническое посвящение к книге. «Привратнику», вышедший в свет еще до Французской революции, долгое время

был запрещен и внесен в индексы как аморальное сочинение — надо полагать, не столько из-за эротичности сюжета, сколько из-за остроты антиклерикальной сатиры. Хотя сюжет книги развивается по вполне католическому сценарию — жернова Господни мелют медленно, но верно: возлюбленная героя маленькая Сюзон принимает мученическую христианскую кончину, сам же дом Бугр, лишившись грешных частей плоти, приобщается истинной святости. Порок наказан, добродетель обретет награду в мире ином. Только через назидательный тон концовки романа проступает неистребимая ирония, каковая и составила славу сочинениям Века Разума. Славу настолько громкую, что эти сочинения еще многие десятилетия оставались образцом для подражания.

«Жизнеописание блохи» в действительности вышло в свет в 1887 году, но, имея целью подчеркнуть преемственность просветительской традиции, автор датировал свое сочинение 1789 годом, то есть началом Французской революции. Маскировка была прозрачной — несколько экземпляров первого издания «Блохи» отпечатаны на бумаге ручной выделки с водяным знаком «1885». Повесть была в течение десятилетия переиздана в Америке, переведена во Францию, выдержала несколько английских изданий. Популярность ее была такова, что в позднейшее время вызвала подражания-продолжения (то, что сейчас именуется «сиквел») — «Жизнеописание блохи-2», «Возвращение блохи» и т. д.

Автор этой повести, разумеется, не насекомое, а преуспевающий юрист Станислас де Родс, практиковавший в Лондоне в 80—90 годах XIX века. Потому блоха, от лица которой ведется повествование, явно университетски образованная особа, отличающаяся знанием света и людских нравов. В этом тоже угадывается традиция — если некая блоха могла, как о том спел Мефистофель, сделаться королевским советником и, одетая в золото и бархат, держать в страхе весь двор, то почему ее соплемянница не способна судить о пороке и добродетели, о женской красоте и мужской стати? Пантесистический взгляд на природу, свойственный веку Просвещения, позволил де Родсу, искусному стилизатору, приписать блохе высоко нравственные взгляды и свободу воли, атеизм и стремление к лучшей жизни. Блоха прыгает где хочет — «свобода», самонадеянно судит о людях и прочих тварях со своей точки зрения — «равенство», охотно разделяет участие в забавах своих носителей — «братство». Но даже для насекомого оказались невыносимы оргии, которым предаются монахи и девицы. Сладострастная велеберечивость святых отцов, в понимании блохи, ведет только к растлению неопытных душ и тел. Блоха — явно английская протестантка, сочетающая в себе антикатолицизм и викторианский пуританизм, хотя сюжет повествования неоднократно перемежается высокоучеными рассуждениями самой блохи.

Надо сказать, что в терпимой к иноязычным публикациям

Франции еще в предвоенном 1914 году «Жизнеописание блохи» находилось под полицейским запретом — опять-таки, как и «Привратник», вовсе не по сексуальным соображениям: на грани вот-вот готовой разразиться мировой войны межрелигиозная рознь могла расколоть нацию перед лицом союза мультиконфессиональных немецкоязычных государств: Германии и Австрии, где господствовал принцип «культурно-национальной автономии», обливавшийся грязью со стороны всех «правоверных» марксистов, в особенности в тогдашних газетно-журнальных публикациях В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В отечественной же литературе, пожалуй, только Николай Лесков, глубоко верующий человек, поднялся до таких высот антипоповской критической сатиры. Даже в сочинениях Льва Толстого в отношении чувственности, греха и праведности царя полная путаница. Властитель дум был отречен от церкви за попытку пропаганды монашеского поведения для мирян. И недаром единственная по-настоящему красивая женщина из толстовских героинь — Элен Безухова — приняла-таки католичество...

Но время расставило всё по своим местам. И сегодня мы способны абстрагироваться от страхов и полемик прошлого, читая изысканные тексты, герои которых не боятся секса и не прячутся от него. Более того, они способны сказать о нем, не прибегая к ханжеским уверткам, увы, до сих пор характерным для иных российских изданий, где, к примеру, молодых людей и девушек именуют «перцами» и «морковками»... К сожалению, и современное российское «неоправославие», в отличие и от современного католицизма, и от протестантизма, стремится навязать, прежде всего молодежи, ханжеские взгляды на чувственную сторону человеческой жизни. А ведь Христос ничего подобного нам не заповедал. Мне лично сказал один из высших церковных иерархов, что «дружные монахи и в пятницу скоромное едят, просто чокаются так, чтобы игумен не слышал»...

Ольга Воздвиженская

Казармы Венеры - 1 Капитан Чарльз Деверье *Венера в Индустане*
М., ВРС. 2002. 186 с.

Казармы Венеры - 2 Капитан Эдвард Селлон *Взлёты и падения бытия*
М., ВРС. 2002. 117 с.

ДВА КАПИТАНА

*Это было все да сплыло, вспоминай не вспоминай.
Севиши в омнибус у Банка, не доедешь в Мандалай.
Да, недаром поговорка у сверхсрочников была:
«Тем, кто слышит зов Востока, мать-отчизна не мила»*.*

В пределах матери-отчизны, т. е. в метрополии, которую Дж. Голсуорси называл «Островом фарисеев», цветет ханжество. Все усиленно делают вид, что секса нет нигде, кроме как в счастливом супружестве, в которое молодые люди вступают девственными и невестственными. То, чем джентльмены прикрывают свои нижние конечности, нельзя даже назвать вслух, и в ходу термин «невыразимые». Куда же податься молодому англичанину, все существо которого противится вынужденному воздержанию, а жениться нет средств? На Восток, в колонию. Карьеры делаются и состояния наживаются в Индии. Индия — страна древней сексуальной культуры, в Индии много солнца, и зов Востока властно влечет всякого «офицера и джентльмена» к новым и новым любовным приключениям в затишье между боями. Англия далеко, молодая жена или невеста осталась по ту сторону океана, а здесь, в Индии, девушки расцветают сочной прелестью и сводят с ума (в самом прямом смысле). А местные красотки сговорчивы и недороги. Любовному поветрию поддаются все — и рядовые Томми Аткинсы, и бравые субалтерны, и седые полковники, и губернаторы, и сам вице-король. «Ждем британского солдата, ждем солдата в Мандалай!» И вот перед читателем — два новых выпуска «Улицы красных фонарей», вернее, двухтомник — «Казармы Венеры» (названный так в честь стихотворного сборника Редьярда Киплинга «Казарменные баллады и другие стихи»). Одновременно со службой королеве Виктории героини этих повестей служат царице Венере, под чьей властью находится весь мир, а жаркие страны — в особенности.

Строго говоря, капитанов было не два, а намного больше. Армейских капитанов — героев любовных историй — в английской литературе не меньше, чем поручиков — в литературе русской. В сознании русского читателя в одном строю стоят поручики Гринев из «Капитанской дочки», Печорин — из «Героя нашего времени» (и автор романа

* Киплинг Р. Мандалай. (Здесь и далее цитируется в переводе И. Грингольца).

тоже был поручик), Ромашов из купринского «Поединка», безымянный поручик буинского «Солнечного удара» (и пародирующий его поручик из «Четырех») А. Каменского), виртуальный поручик Кижэ и две фигуры из фольклора: трагическая — поручик Голицын и комическая — поручик Ржевский. И всяк из них по воле своего автора неминуемо становится победителем или жертвой любви. Видимо, молодой офицер — усы, выправка, мундир — неотразим для дам. Пусть чин невысок и жалованье невелико, зато впереди — победы, на поле сражения или в буддуре возлюбленной. Армия победоносна!

То же и в Англии. Небогатый, но щеголеватый пехотный капитан, молодой и лихой «офицер и джентльмен» — традиционный герой любовного сюжета, лирического или фривольного. Капитан Гедсбай из одноименной пьесы Р. Киплинга, художник в мирной жизни и пехотный капитан в войну Чарльз Райдер (вспомним «Возвращение в Брайдсхед» И. Во), капитан Доббин из «Ярмарки тщеславия», художник же и капитан Джордж Уинтерборн («Смерть героя» Р. Олдингтона), который так запутался в своих любовях, что решил с войны не возвращаться... Много их, всех не перечислить — кавалеристы, артиллеристы, пехотинцы. В том же строю предстают перед нами и два наших героя, чьи воспоминания составили эти выпуски «Улицы красных фонарей».

Капитан Эдвард Селлон уже знаком нашему читателю по повести «Новый эпикуреец», опубликованной во втором выпуске серии. Настало время рассказать подробнее об этом авторе, чью автобиографию мы представляем вниманию русского читателя. Один из немногих, Эдвард Селлон никогда не публиковал свои сочинения анонимно или под псевдонимом, всегда честно ставил свое имя. «Взлеты и падения бытия»* — чистосердечное описание реальных событий жизни Селлона, и добавить нам остается совсем немного. Но вот то, что особенно интересно! Эдвард Селлон — сверстник и «коллега» Михаила Лермонтова, и многое в судьбах российского и британского офицеров, а также в характере их дарований кажется пугающе похожим — оба воевали, наводя порядок в колониях своих империй, оба сочиняли эротику и оба неплохо рисовали, оба были несчастливы в любви и нашли преждевременный трагический конец. А потому «Взлеты и падения бытия» можно рассматривать как своеобразный аналог «Героя нашего времени».

Селлон родился в 1818 году, действительно прослужил десять лет в индийских войсках (1834 — 1844), откуда вернулся с капитанским чином. Кроме описанных в автобиографии занятий, он посвящал свой досуг писательству и востоковедению, правда, чаще всего опять же с эротическим уклоном. Его перу, кроме художественной и биографиче-

* Эта книга чаще упоминается как «Моя жизнь: взлеты и падения» («Ups and Downs of Life»), но на авторской вклейке к первому изданию рукой Селлона отчетливо выписано «Ups and Downs of Existence», причем «взлеты» и «падения» иллюстрируются рисунком соответствующих состояний мужского члена.

ской прозы, принадлежат ученые труды о сексуальных верованиях у индусов и тамилдов: «Аннотации к священным письмам Хинди» (1865)*; «Пещерные храмы Индии» (1865); «О Лингуа Пуйа, или Фаллический культ в Индии» (1865); «Заметки о Шанкти Пуйа, или Култ женской силы» (1866). Селлон выступал также как переводчик со многих языков — в его переводах по-английски были изданы эротические отрывки из «Декамерона», латинские эротические эпиграммы, индийские эпические поэмы. Кроме уже упомянутого «Нового эпикурейца» и его продолжения — романа «Феба Киссенджен», Селлон написал приключенский роман об Индии «Герберт Брейксбир», а также многочисленные стихи и рассказы, чаще всего посвященные его излюбленной теме. Наконец, Селлон был одаренным рисовальщиком и часто иллюстрировал свои и чужие сочинения изящными рисунками. К сожалению, эти рисунки абсолютно беззастенчивы, хотя и выполнены с большим мастерством, а потому, снисходя к остаткам ханжеского мировоззрения российского читателя, из всех авторских иллюстраций к «Взлетам и падениям» мы решились опубликовать только одну. Селлон был близко знаком и сотрудничал с таким прославленным андерграундными издателями, как Джордж Огест Сала, Ф.П. Пайк и Генри Спенсер Эшби, с чьими именами связан золотой век британской эротики. Однако неудачная женитьба в 1844 году, постоянная материальная нужда, несмотря на многочисленные литературно-издательские занятия, пылкий нрав, не раз доводивший Селлона до светских скандалов, привели писателя к трагическому концу. Все это подробно описано неунывающим автором, из всего он извлекал материал для своих сочинений и средства к заработку, но окончательно запутавшись в долгах, тягостной семейной жизни и хаотических любовных связях, Эдвард Селлон как писал о себе с беспощадной честностью, так и поступил в реальной жизни — в 1866 году он покончил с собой, вскрыв вены в гостиничном номере. Автобиография, также писавшаяся на заказ и предназначенная к немедленной публикации, осталась незаконченной и была напечатана уже посмертно в следующем году. По сложившейся традиции, во всех последующих публикациях текст «Взлетов и падений» завершается автоэпитафией Селлона «Навек», написанной накануне самоубийства и адресованной последней возлюбленной писателя**. В общем, «погиб поручик от дамских штучек».

От первого издания «Взлетов и падений» сохранился единственный экземпляр, но сама книга считается уникальным по полноте и достоверности документом, свидетельством нравов ранневикторианской эпохи. На ее страницах сменяются портреты изыскивающих от

* Эта работа поставила Селлона в один ряд с сэром Ричардом Бертоном, переводчиком «Кама-сутры» и «Тысячи и одной ночи», также работавшим в Индии, и до сих пор считается классической по своей теме.

** Впервые это стихотворение было опубликовано анонимно в сборнике «Гимны Цитеры» (1870).

индийской жары офицерских жен и стоворчивых местных девушек, тупых полковников и предприимчивых младших офицеров, плутоватых восточных слуг и чопорных обитателей метрополии. Но в Индии, вдали от лондонских гостиных, в любой момент капитана с его ротой могут поднять по тревоге и бросить в бой, и потому, наверно, эмоциональные переживания и порывы страстей воспринимаются острее.

«Там, к востоку от Суэца, злу с добром — цена одна, десять заповедей — сказки, и кто жаждет — пьет до дна... О, дорога в Мандалай!»

Молодые люди, младшие сыновья лордов, отпрыски небогатых семейств едут в колонии за карьерой, за деньгами, но и за большей свободой нравов. Их ждут тропические ливни и иссушающая жара, постоянные опасности и смертельные для европейца болезни.

Но что делать на Востоке, если в данный момент нет войны? А чем, в сущности, в то же самое время и почти в тех же краях занимался Печорин с Болой, княжной Мэри и Верой? — тоже плел бесконечные любовные интриги и рисковал своей жизнью. И описывал свои приключения. Видимо, в колониальных войсках любой империи нравы схожи. Потому Эдвард Селлон — вполне герой своего времени и беспощадный его свидетель.

Время шло. Современная Лермонтову николаевская Россия кончилась с Крымской войной, пережила ряд катаклизмов, сменила еще двух правителей и снова стала «николаевской» — ибо очередной (и последний!) русский император тоже носил это имя, только был уже Вторым. А королева Виктория, старея, все продолжала царствовать, и в Англии по-прежнему длилась викторианская эпоха, а потому все еще царил скука и ханжество. Великие державы то объединялись, то конфликтовали между собой, в колониях время от времени становилось неспокойно, а потому на Востоке по-прежнему флиртовали и воевали.

Перемены внутри армии касались, в основном, внешней формы: если сослуживцы Селлона были облачены в голубой мундир с серебряным шитьем, то однополчане Деверье уже переоделись в хаки. Но боевые традиции береглись свято, а потому неизменно сочинялись, и издавались, и читались военно-эротические сочинения о приключениях на колониальной службе. И новые поколения офицеров-эрописцев подхватывали знамя из рук старших товарищей: если капитан Селлон мог бы служить вместе с поручиком Лермонтовым, то капитан Деверье — современник поручика Куприна. «Венера в Индустане» была впервые опубликована в 1889 году. Однако, как актуально звучит ее первая фраза! «Война в Афганистане, по всей видимости, приближалась к концу...» — речь идет о Второй англо-афганской войне, но такое уж место этот Афганистан, что нынче (как и двадцать, как и сто двадцать лет назад!) там снова воюют, и кажется, опять военная операция близка к завершению.

Книга, как было принято в то время, опубликована в Париже —

где о ней восторженно отзывался Гийом Аполлинер, сам оставивший заметное литературно-эротическое наследие (и тоже в свой срок надевший военную форму). Но местом издания указана Англия, и, без сомнения, перед нами — прекрасный образец поздневикторианской эротики. Капитан Чарльз Деверье — псевдоним, и подлинное имя автора «Венеры в Индустане» нам неизвестно. Соблазнительно приписать ее авторство Редьярду Киплингу. Великолепное знание языка и индийских реалий, подробностей жизни и быта колониальных войск облачает очевидца, если не участника событий. Да и сам главный герой выглядит почти двойником уже упомянутого киплингского капитана Гедсбая — пылкого молодого офицера, преданного своим товарищам, но ветренного с женщинами, необычайно чувствительного к женской красоте и прелести, но твердо блюдущего офицерскую честь, грешащего, кающегося и вновь с головой бросающегося в любовные сражения. Все это почти прямо указывает на принадлежность книги перу молодого Киплинга. К тому же время написания повести с точностью совпадает с датами творческой деятельности писателя, чьи первые книги появились как раз в 80-х годах XIX века. В тон с сюжетом «Венеры» звучит и известное стихотворение Киплинга «Молитва влюбленных» из сборника «Казарменные баллады» (1892). Лирический герой этого стихотворения, рассказав о четырех любовных эпизодах — «серые глаза... черные глаза ... карие... синие», признается: «...Сжальтесь надо мной: ведь вот — весь в долгах перед Амуром я — четырежды банкрот! И моя ли в том вина? Если б снова хоть одна улыбулась благосклонно...»*. Но никаких документальных доказательств нашей версии не имеется. Просто скажем: если это не Киплинг, то очень и очень похоже на Киплинга. Александр Куприн как-то заметил, что печоринский тип неистребим в русской армии. И, видимо, киплингский тип также вечен в армии британской.

И, наконец, несколько слов о пафосе этих сочинений.

Капитан Деверье, как и его старший товарищ капитан Селлон, — отнюдь не развратники. Секс для них неотъемлем от если не любви — пусть даже мимолетной, преходящей, — то безусловной и взаимной признани. Но секс бывает и следствием обмана, а то и шантажа. Но и тут галантный кавалер, защищая честь и покой своей истинной возлюбленной, оказывается на высоте и своими сексуальными подвигами, так сказать, «на стороне» обеспечивает себе право беспрепятственно соединиться с той, которая на данный момент является его подлинной избранницей... На этот счет, по-видимому, ничего не сказано в тексте воинской присяги, но стоит заметить: что бы ни творили наши герои в постели своих возлюбленных, ради доброго имени дамы они не пойдут ни встать к барьеру, ни кинуться в бой с превосходящим по численности противником, — словом, сделают все, чего потребует офи-

* Перевод В. Бетаки.

перская честь. А потому союз Марса и Венеры нерасторжим, и покуда где-нибудь идет война, никогда не прекратятся «военно-полевые романы», и всегда найдется молодой человек в мундире, который опишет свои приключения.

Единение бога войны и богини любви стало своеобразной литературно-мифологической нормой еще со времен античности. Для галантного восемнадцатого столетия это было естественным продолжением греко-римской и возрожденческой традиции. Для машинного девятнадцатого — противовесом грубой реальности бытия. Для двадцатого, пережившего две мировые войны, любовь между боями — знак краткости и обостренной ценности бытия. Но все-таки: лучше заниматься любовью, чем войной!

Ольга Воздвиженская

Джек Потрошитель - 1 Аноним *Как по-мужски обходиться с девицей* М., ВРС. 2002. 165 с.

Джек Потрошитель - 2 Аноним *Уик-энд в деревне* М., ВРС. 2002. 118 с.

THE IMPORTANCE OF BEING JACK

Что по аналогии с названием известной уайлдовской пьесы можно перевести — «Как важно быть мужчиной»*. Герой дилогии, опубликованной в 1908 г. и составившей очередные выпуски серии «Улица красных фонарей», недаром носит это знаковое имя. «Джек» для человека англоязычной культуры примерно то же, что «Иван» — для русского. Согласно словарю, корень «jack» входит в название многих инструментов, которыми выполняется традиционная мужская работа, — молотка, долота, рубанка, перфоратора. «Джеком» зовутся матрос и карточный валет, а в просторечии — молодой мужчина, парень. «Джек и Джилл» — в английской традиции синоним парочки, как «Иван да Марья» у русских (кстати, «Jack-and-Jill» также называлась разделяющаяся баллистическая ракета английского производства). С именем «Джек» связаны наименования солдатских сапог и кожаных курток, емкостей для спиртного, охотничьих фонарей и складных ножей, уничижительные прозвища чиновников, священников и палачей, шутов и шулеров (не говоря уже о том, что «джек» — довольно распространенный эвфемизм мужского члена). Джек Фрост — английский аналог Мороза-Красного носа, «Джек в коробочке» — игрушка, пружинный чертик, а Дьявол, чтобы не вызвать одного к ночи, именуется «Старый Джек». Все знают старую английскую сказку (или диснеевский мультфильм) о Джеке — Победителе Великанов, и мальчик на старинном, еще от кельтов пришедшем празднике весны традиционно зовется «Джек в зеленом». Загадочный, так и не пойманный убийца женщин был прозван Джек-Потрошитель и стал в новейшее время популярным героем романов и фильмов ужасов. И сам британский флаг зовется «Онион Джек». Короче, Джек — это молодой, сильный, англоговорящий мужчина, и недаром одного из самых обаятельных мужчин двадцатого столетия никто не звал Джоном Фицджералдом; он остался

* Ср.: «The Importance of Being Earnest» — «Как важно быть Эрнестом» или «Как важно быть серьезным». В попытке передать английскую игру смыслов один из русских переводов уайлдовской пьесы и вовсе назывался «Как важно быть Серрейж».

в истории не только как политик, но и как герой войны, муж известной красавицы и прославленный любовник, замешанный во многие и многие сексуальные скандалы, совершенно неотразимый, большезлазый, навеки молодой ирландец, 35-й американский президент — Джек Кенеди.

Но вернемся к нашему герою. Джек, герой дилогии, несомненно, с полным правом носит свое имя. Он молод и холост, бодр и силен, неутомим в своих поисках и прямолинеен в достижении поставленных целей. Он способен на пылкие чувства, но лишен сентиментальности, что доказывается сразу же в первой главе первой повести. Не тратя лишних слов на объяснение ситуации — это не по-мужски, — Джек терпеливо выжидает удобного момента, а дождавшись, прямо приступает к делу. Казалось бы, потайная комната в лондонской квартире Джека перенесена прямо из рассказов Эдгара По — таинственная темница с цепями и орудиями пыток. Выясняется, что странная комната служила приютом для утративших рассудок и давно заброшена; вскоре начинается гроза, и с очередным ударом молнии в мрачном застенке свершится страшная месть. Словом, чистый Эдгар По — последний певец черной романтики. Но Америка, где расцвел и стигнул его талант, вообще задержалась (как считалось в конце XIX — начале XX века) в своем развитии — к тому моменту романтизм в культуре «исторической родины» давно изжил себя, сменившись верой в прогресс и практицизмом. И Джека мало волнует готический колорит его нового помещения. Ведь все это находится не где-то в заброшенном замке среди мрачных скал, бездонных озер и вересковых пустошей, а в самом центре английской столицы. И потому Джек, сын своего рационального века, с чисто английской трезвостью приспосабливает бывший частный сумасшедший дом к своим вполне конкретным нуждам. И страшная месть свершится по отношению к девице, цепляющейся за давно отжившие предрассудки, и пойдет ей же на пользу. Трагедия буквально через несколько дней сменится комедией, а просвещенная девица станет исправной помощницей Джека в его мужских развлечениях. В своем падении она мстительно увлечет за собой других женщин — дам и служанок, зрелых и юных, досаждающих ей и Джеку или просто попавшихся под руку. Все они будут пойманы, раздеты, выпороты и использованы по женской принадлежности. А потом выставлены прочь. Джек свое дело знает.

Характерно, что главных героинь первой и второй повестей зовут одинаково — Элис. Образ трезвомыслящей и в своей трезвости туповатой девочки, наивной, но слишком рано переросшей сказки и не верящей в чудеса, со страниц Кэрролла прочно перекочевал в андерграундные сочинения (читателю нашей серии, например, уже знакома анонимная «Желтая комната» — интерьер одного помещения весьма напоминает обитель развлечений нашего героя, а героиню опять же зовут Алисой). Джек встречает двух девушек, носящих это знаковое имя, только одна, наказанная девственница, — безусловно, Элис-«No», то-

гда как вторая, свободная от ханжества и девических заморочек, — Элис-«Yes». И если с первой можно и должно поступить по всей строгости закона оскорбленной мужественности, то вторая, добровольно идущая навстречу прежде всего собственным желаниям, щедрая и открытая, свободная от зависти и соперничества в любовных утехах, будет вознаграждена со всем великодушием, на какое способен Джек. Если в первой повести герой старательно избегает брачных ловушек, а когда домогательства заневестившейся девицы и ее мамы становятся невыносимы, то подвергает эту пару наказанию в своем стиле, то Элис-«Yes» становится для Джека желанной возлюбленной и подругой. Нежно и осторожно сорвав распустившийся цветок, Джек откровенно любит свою нареченную невесту. Потому две повести, из которых состоит диалогия, как бы демонстрируют весь спектр мужских точек зрения на женщину. С ломаками-задаками, гордячками и ханжами Джек суров до жестокости, но с истинными женщинами, не стыдящимися своего темперамента и потребностей своей природы, Джек — галантный кавалер, неутомимый участник и инициатор взаимно приятных забав, всегда готовый услужить дамам. Кроме того, согласно авторскому замыслу, Джек как бы выполняет своеобразную миссию по восстановлению справедливости. Ведь ханжи в юбках, с холодной кровью и заскорузлыми взглядами на радости жизни, разгуливают по Лондону, по званым вечерам и балам, а настоящие пылкие женщины, волей злобных покойников обреченные на посмертную верность мужьям, изнывают в уединенных поместьях. Может ли настоящий джентльмен допустить такое? И достоин ли он зваться Джеком, то есть мужчиной, если не вмешается в эту противоположную ситуацию?

Викторианский и поствикторианский эротический андерграунд (как и любой другой) порожден стремлением к свободе и реализации естественных прав человека. Диалогия о Джеке как бы ставит во все времена актуальный вопрос: что есть истинные и мнимые достоинства? Что такое настоящее мужество и настоящая женственность? В чем должны заключаться подлинная галантность мужчины и подлинное благонаравие женщины?

К сожалению, именно женщина в довоенном английском обществе становилась главной объектом ханжеского «промыывания мозгов». Мужчина, кроме дома и церкви, получал некий противоречивый показной морали социальный опыт вовне, что в те времена женщинам в массе было недоступно. Суфражистское же движение не ставило своей целью сексуальное освобождение женщины: женщин, добившихся определенных социальных и имущественных прав, скорее учили обходиться без мужчин (вспомним ибсеновскую Нору!). И, с точки зрения «передовых умов», освободителем женщины от викторианской грязи, рывшейся под мораль и нравственность, мог быть только мужчина. Мужчина, уже имеющий сексуальный опыт, что также противоречило формальным нормам викторианства, хваставшегося, что якобы оно

покончило с «двойной моралью» и сделало добрый секс столь же запретным для мужчины, как и для женщины.

И диалогия, написанная, казалось бы, в лучших традициях реализма, на самом деле по содержанию абсурдна: насилие становится путем к истинной личностной свободе, и все переворачивается с головы на ноги.

И потому нельзя не капнуть ложкой дегтя в бочку меда. При всем наличествующем в диалогии «хепи-энде» слишком явственно прорисовывается аналогия с распространенным тогда среди социалистов заблуждением, будто бы «угнетенные классы» не в состоянии сами выработать философию и идеологию свободы, и в их среду все это необходимо вносить извне. Если, следуя тогдашним передовым социологам, женщин следовало также причислять к угнетенным обществом слоям населения, то методы Джека обретают универсально-социальный характер. «Революция — повивальная бабка истории», — чуть раньше высказывался Маркс, в те времена тоже проживавший в Лондоне. Правда, английский социализм (не «ингсоц» по Оруэллу!) обрел весьма умеренный облик фабианства, сделав своим девизом лозунг древнеримского полководца Фабия Кунктатора «Festina lente» — «Поспешай медленно».

И все же не будем забывать, что поведение Джека-Победителя освящено историей. Ибо почти что так же у Шекспира Петруччо укрощал ханжу-мужененавистницу Катарину: вопреки русским переводам (основой которых, как известно, является не столько оригинал, сколько «Семейный Шекспир» 1818 года), герой безжалостно порол невесту по голый заднице, «пока белое не станет красным». Зато благородный король Ричард III* оказывался в состоянии при помощи обаяния, мужественной красоты (легко обозвать виртуоза-фехтовальщика «горбуном», когда у него профессионально разработано правое плечо!) и — скажем прямо — светскости поведения образумить и склонить к любви скорбящую вдову поверженного противника. Война — дело мужчин, дело англичан. А женщины-англичанки должны любить. С ними, однако, следует обходиться по-мужски, что бы это ни означало. Ведь мужчина и его главное достоинство по-английски зовутся одинаково: «Jack».

Ольга Воздвиженская

* Как выяснилось, не только не убивавший своих племянников, но возместивший им убытки и потери войны и подбодривший их знатных и богатых невест.

Аноним *На суше и на море* М., ВРС. 2002. 184 с.

ЛЮДИ С ФЛИТ-СТРИТ ГИМН МОРЯМ ПОЮТ...

Календарное наступление нового, XX века ознаменовалось в Британской империи как крупными, так и мелкими, но столь же значимыми переменами. Любопытно теперь, в начале опять-таки нового, XXI века, живя в аналогичных обстоятельствах, со столетней дистанции взглянуть в тогдашние события.

В конце зимы 1901 года от огорчения из-за затяжных неудач английской армии в бурской кампании престарелую королеву Викторию хватил удар, от которого она уже не оправилась. «Виндзорская Вдова» правила почти весь XIX век, при ней родились и умерли несколько поколений англичан, и со смертью Викторией ушла целая эпоха, названная ее именем. Шок от события, казавшегося почти невероятным, был велик — стоит только вспомнить, как описывал Дж. Голсуорси многоголосый стон, плывущий по Лондону по мере продвижения королевского похоронного кортежа. Но все в этом мире преходяще. Королева умерла — да здравствует король! Да здравствует новое время!

На престол вступил уже немолодой Эдуард VII. В результате жестоких и решительных действий генерала Китченера мятежные буры через год оказались замиренны, и Южная Африка надолго вошла в состав империи. Новый монарх также изменил и некоторые светские условности и обычаи — например, вместо портвейна в конце званого обеда стали подавать кофе¹, и эта революция в официальном протоколе по-своему не меньше потрясла традиционалистскую Англию. Молодые люди вернулись из Трансвааля с ощущением, что между этой войной и следующей пройдет не так много времени, и потому надо успеть урвать от жизни все возможные удовольствия. «Золотая молодежь» предала проклятью викторианские нравы, обычаи и предрассудки своих родителей, и первый раз в XX веке (но отнюдь не последний) принялась шокировать почтенное британское общество. Новое поколение взяло прямой курс на наслаждение. К услугам наслаждающихся оказались многочисленные технические новшества — пароходы и авто-

¹ Нововведение немаловажное. Портвейн, завершавший многочасовой обед с несколькими переменах блюд и вин, к сожалению, частенько вызывал инциденты, подобные застольному происшествию с герром Кунстом и его алмазами. А потому эдвардианское новшество в протоколе имело чисто практический смысл.

мобили, фотография, кинематограф, телефон. Новый расцвет переживала массовая пресса, нарождавшаяся в современном виде шоу-бизнес и вся прочая индустрия развлечений (во что посильный вклад внесли и герои нашей книги).

Разумеется, у этого краткого, но вонистину золотого времени нашлись свои летописцы. И вот перед нами — один из наиболее ярких образчиков прозы, в несколько карикатурной, но исторически удивительно точной форме запечатлевшей приметы времени и господствовавших настроений в обществе — и в литературе. В дилогии ясно ощутим дух знаменитых современников — новая романтика Редьярда Киплинга, певца пота, крови, тяжкого труда и военных походов в дальних экзотических странах, в то время пребывавшего в зените своей славы; и саркастическое презрение к общественному мнению — наследие только что умершего Оскара Уайлда, гедониста-изгнанника, эстета и индивидуалиста, чья судьба страдальца за красоту и свободу нравов сделала его в своем роде идеалом для бунтарей против ханжеской добродетели. И где-то рядом совсем недавно проплыла по реке лодка с тремя джентльменами и собакой, оставив за собой след грубоватого джеромовского юмора. Все это одобрено изрядной порцией английского журнализма в духе Флит-стрик, что делает аромат эпохи особенно ощутимым². Ведь перед нами — профессионально сделанный репортаж, не претендующий на сколь-нибудь глубокий анализ, но замечательный по остроте взгляда, ироничности стиля (местами почти фельетонного), нарочитой узнаваемости персонажей и обстоятельств. Так давайте поглядим на то, как жили и что делали сто лет назад, — глазами очевидца. А заодно и познакомимся с ним самим.

Англия — страна традиций. Они исторически сложились во всем, в том числе и в издательской практике применительно к эротической литературе. Весь Лондон в начале прошлого века знал, кто пишет эротические повести — кружок авторов журнала «Савой», образованные молодые люди из приличных семей, зачем-то упорно эпатирующие публику; кто издает эти сочинения — Леонард Смитерс в Лондоне и Чарльз Каррингтон в Париже, и где эти книги можно купить, и сколько они стоят. Но принято было такого рода сочинения публиковать анонимно — и мы следуем этой традиции, не вынося имя автора на обложку. Хотя сам автор «На суше и на море» не то что не прятается, а, наоборот, прямо-таки высовывается поперек своего повествования, беззастенчиво рекламируя на страницах этих двух повестей остальные свои сочинения, также весьма популярные среди читающей публики — как тогда, так и ныне. Не скрывает он и рода своих занятий. Книга написана профессиональным журналистом, знакомым с рекламным делом и газетной технологией (в тексте повестей то и дело попадают рекламные объявления, уведомления об условиях размещения рекламы и заметки корректо-

² Кстати сказать, и Киплинг, и Джером, и Уайлд, и Конан Дойл, и Честертон, и Хаксли — многие английские писатели рубежа позапрошлого — прошлого веков начинали в газете. Так создавался и оттого процветал великий английский реализм.

ров, а также сожаления об отсутствии иллюстраций — фотограф вовремя не подоспел). Ему знаком и лондонский свет, и полусвет, и театральный мир; он в курсе главных веяний эпохи и всех громких европейских скандалов. Ему также (необходимость чего подчеркивал в одном из рассказов Г. К. Честертон) известны все пошлые анекдоты, коими он щедро делится с читателем, делая вид, что рассказывают их только мужчины в своем кругу.

Имя автора тоже известно — Джордж Реджинальд Бакхус, родившийся в 1873 году, закончивший Оксфорд, в 1899-м женившийся на известной в то время актрисе Изе Боумэн, в миру слева репортер, а потом колумнист уважаемых светских и даже религиозных еженедельников. Истинное же лицо Бакхуса, его призвание и посмертная вековая слава — эротическая проза. Бакхус — друг и соратник Джона Кирквуда (автора «Садопедии», уже известной читателю «Красных фонарей») и Обри Бердслея, человек, вхожий в круги «Савоя» и «Желтой книги». Перу Бакхуса принадлежит трилогия об интимных приключениях актрисы со сценическим псевдонимом «Немезида-охотница» («The Confessions of Marie Carey», 1902; «The Romances of Blanche la Mare», 1903; «The Story of Nemesis Hunt», 1906). Бакхусу также приписывается английский перевод «Парижских забав» Адольфа Бело³. И, наконец, шедевром эдвардианской эротики признана книга, что перед нами — «На суше и на море», — впервые вышедшая в свет около 1910 года⁴.

Итак, начало века. На берегу Темзы стоит уединенный, старинный с виду, но оборудованный по последнему слову тогдашней техники особняк — телефоны проведены даже в сад и в купальню. В особняке хозяйничает очаровательная и лишенная предрассудков Моды, особа совершенно аморальная, но зато веселого нрава. На дворе время перемен, и эта молодая женщина сразу нарушает нравоучительную литературную традицию — как подчеркивает автор, она не дочь священника, сбившаяся с пути, а вполне эмансипированная особа, мечтающая о большом бизнесе. Бизнес процветает — на другом конце мира, в Российской империи, другой писатель-репортер-современник, Александр Куприн, включает в свои зарисовки о киевских типах «продавца карточек», подпольного торговца продукцией, вполне возможно, выходящей из фотостудии Моды.

³ В истории с «Парижскими забавами» все не так просто. Английские исследователи упорно приписывают этот текст известному французскому эротописцу Адольфу Бело (см., например, аннотированный двухтомник Клиффорда Шайнера: *Scheiner Clifford J. The Essential Guide of Erotic Literature. Ware, 1996. Part One. P. 187*). Однако их французские коллеги столь же упорно не считают «Парижских забав» среди сочинений Бело. В любом случае спешим уведомить читателя, что русский перевод «Parisian Frolics» уже запланирован к изданию в одном из очередных выпусков «Улицы красных фонарей».

⁴ Эти повести неоднократно переиздавались, иногда в виде трех отдельных произведений (по отдельности «Моды», «Курс — наслаждение: на море» и «Курс — наслаждение: на суше»), составляя, таким образом, трилогию; иногда в виде двух томов (именно в таком виде оригинал достался нашим переводчикам); чаще всего — под одной обложкой, как сделали и мы.

Новое искусство, так и называющееся «модерн», как раз в то время вновь переосмысливает и обыгрывает вечные сюжеты (достаточно вспомнить графику Бердслея, труды Дж. Рескина, школу прерафаэлитов, произведения брата и сестры Росетти) — и мифологические, библейские, кельтские мотивы тут же воплощаются в фотопостановках и домашних спектаклях в особняке. Запускается современное Олимпийское движение — и в саду Моды проводятся состязания обнаженных спортсменов в совершенно античном духе. Все согласно требованиям времени.

Слом эпохи собирает в «Розовой долине» самую пеструю компанию. Старый шотландец-генерал, прошедший все войны викторианского века — Крымскую (кстати, положившую начало литературной карьере Льва Толстого), афганскую (тогдашнюю — не путать с событиями 1980-х годов, а также с современной акцией возмездия после взрывов в Нью-Йорке в 2001 г.), русско-турецкую на Балканах, англо-бурскую, кампании в Египте, Индии, Судане, — но генерал бодр, по-прежнему охоч до женщин и беспощаден к легкомысленным бездельникам, суров, но справедлив. Оксфордский сексуальный бунтарь Чарли с многочисленной фамилией и тощим кошельком — самый младший сын отца-лорда, без шансов когда-либо получить титул и наследство, вынужденный в майоратной Англии сам о себе позаботиться. (Эти двое — совершенно киплинговские персонажи.) И пресловутая «тетушка Чарли», богатая викторианская дама, помнящая еще чуть не позапрошрое царствование, но вполне способная преодолеть конфликт поколений. Юные интеллектуалы-заумники из старых университетов. Поэт-модернист с содомическими наклонностями — надо ли объяснять, кто послужил его прототипом? Дамы из театрального мира — недаром автор дилогии был женат на актрисе (а весь сюжет словно списан из уайлдовской комедии положений). И прониравшие коллеги автора, репортеры из «Дейли миррор», одной из старейших английских газет, никогда не брезговавшей светской хроникой и просто сплетнями. Именно им (а стало быть, и себе) автор доверяет в конце первой книги раздуть скандал и принудить героев к бегству. Точно так же ханжеское общественное мнение вынудило Уайлда к изгнанию, и его недавнюю безвременную смерть на чужбине герои не устают оплакивать, в то же время пускаясь в путь с джеромовских берегов Темзы в неизведанные пространства «семи морей» по заветам Киплинга.

Во второй книге в повествование влетает еще одна традиционная, но переосмысленная на новый лад английская тема — счастливый остров в южных морях, где можно внедрить некоторые блага современной цивилизации (для лучшего комфорта англичанина) и одновременно избежать ее пороков (кто как их понимает). Остров Утопия Томаса Мора, остров Робинзона Крузо, и Остров сокровищ Стивенсона, и Остров Фарисеев Толсуорси, и Западные острова эльфов Толкиена — много островов в английском литературном архипелаге... между прочим, заодно и Остров доктора Моро; в данном романе его подобие находится под властью Германии и маячит на горизонте в финале...

Сборище персонажей становится еще пестрее — пират-аристократ (тоже весьма традиционный образ, наполненный новым содержанием) и еврей — торговец алмазами из только что покоренной Южной Аф-

рики; беглый русский каторжник, которому после «славного корабля — омулевой бочки» очень нравится плавать на паровой яхте с боевым оснащением. Моряки трансатлантических линий (до гибели «Титаника» еще далеко!) и темнокожие красотки-туземки, с восторгом ожидающие объятий белого мужчины-полулбога (то еще «бремя белых» по Киплингу!). Уморительный в своей грубости, жадности и невежестве герр Кунст (знаменующий начало создания пропагандистского образа «немецкой свиньи», «гунна», а в союзной Франции — «боша»). И деловитые американки — охотницы за титулами и фамильными состояниями (о чем предупреждал еще Генри Джеймс в «Осаде Лондона» и тот же Уайлд в «Кентервильском привидении»). Все они — беглецы от устаревшей морали и напыщенного ханжества, пророки нового практического и свободного любящего века. И, как всякие пророки, они оказались нетерпимы в своем отечестве.

И все-таки Англия, даже изгнав своих сыновей на чужбину, не отпускает от себя — англичанин, где бы он ни был, всегда переодевается к обеду и всегда помнит, что его страна правит морями, а сам он никогда не будет рабом. И на волшебном острове принято в кафе приходить одетыми, и на борту «Нового Декамерона» между двумя абсордажами обед происходит в строгом соответствии с протоколом. А потому, когда обнаружилось захватнические планы Германии и возникла реальная опасность, отчизна, хранимая в душе вопреки всякому нигилизму, позвала веселых пиратов на подвиг. И «...мы вышли в открытое море в суровый и дальний поход». Под киплинговские строки о лучших вещах — женщинах, лошадях, власти и войне — корабли уносят англичан с острова утопии в бой, на штурм германской военно-морской базы — и в туманные просторы еще молодого столетия. Но прямо по курсу — отнюдь не только наслаждение.

Женщины у героев имеются в избытке, всех цветов, возрастов и сословий — но очень скоро они перестанут быть предметом роскоши для отважного британца-мореплавателя-спортсмена-победителя; «Женщины должны работать» — так вскоре назовет свой роман Ричард Олдингтон. Лошади и даже автомобили тоже будут реквизированы, не пройдет и нескольких лет. Власть? — эксцентричные богатые лорды и простолюдины пойдут в одно строю, одетые в хаки. Как раз потому, что войну-то все они скоро получают. И старый генерал Фицхай еще послужит своей родине хотя бы в качестве военного эксперта, а герр Кунст станет «гунном» и более не рискнет в обществе «чистокровных» англичан распевать свою любимую песню «Германия превьше всего». А его бизнес-конкурент, а заодно и любовник его жены Соломон Йозельштайн после Первой мировой войны и Декларации Бальфура 1919 года о «еврейском национальном очаге» в только что оказавшейся под британским мандатом Палестине — вопреки резолюции Исполкома Коминтерна о ее «арабизации и большевизации» — обеспечит финансовую опору и поддержку герра Кунста спастись от грядущего Холокоста, и, еще сам того не ведая, станет одним из предтеч Государства Израиль (первым президентом которого, кстати, будет *английский* химик Хаим Вейцман, до того открывший формулу ацетона).

Надо отдать должное прозорливости Бакхуса — ему удалось не только передать дух начала века, но с большой точностью многое предсказать на будущее — и хорошее и плохое. Война будет, и даже две мировых войны, и обе — именно с Германией, на суше и на море. Генерал Фицхай на своем веку много послужил в колониях и повоевал в пустынях — Египет, Афганистан, Южная Африка. Этот опыт пригодится британской армии — в середине века при Эль-Аламейне (а в конце того же века — у Персидского залива).

Киплинг еще напишет про новые бои; а современник английского поэта, русский пролетарский писатель Максим Горький напишет про самого Киплинга. Обвинив «железного Редьярда» во всех грехах — колониализме, милитаризме, империализме, — Горький вынужден будет (в последней фразе статьи, но лапидарно, с абзаца) сквозь зубы признать: «Влияние Киплинга на мировую литературу огромно». Впрочем, это было ясно уже в 1907 году, когда «певец британского империализма» стал Нобелевским лауреатом.

Почему американки настолько привлекательнее англичанок? — Наверно удивляются герои Бакхуса. Увлечение высокородных англичан американками поближе к середине века, в 1936 году, достигнет своего пика и чуть не приведет к политической катастрофе, когда очередной британский монарх, Эдуард VIII, отречется от престола ради брака с дважды разведенной американкой миссис Симпсон. Нация не поймет своего короля, чья выходка нарушала уже всякое приличие, а потому счастливая чета навсегда покинет Англию и — по традиции! — проживет всю жизнь в изгнании. Модернизм как художественный метод вызовет к жизни великую литературу на английском языке по обе стороны Атлантики, а последний английский роман про «Остров» напишет Олдос Хаксли уже во второй половине века, в 1962 году. Эротический фотобизнес, зачинавшийся Модри и Чарльзом в глубокой тайне, превратится в индустрию, породит журналы типа «Плейбой» и «Пентхауза», и такого рода издания станут международными. Англия в течение века лишится большинства колоний, и младшим сыновьям знатных родов уже не надо будет искать счастья на чужбине. Но после войн XX века лордам и сыновьям лордов станет не зазорно заниматься любой работой, даже баллотироваться в Палату общин — в пику отцам.

...Дольше всего описанного в дилогии продержался немецкий круизный лайнер «Германия», упомянутый в начале второй книги. Он благополучно пережил обе мировых войны, после второй из них в качестве трофея отошел к СССР, был модернизирован, перекрашен, переименован в «Адмирал Нахимов»⁵ и затонул уже на памяти нынешнего поколения — в 1988 году, в катастрофе у Новороссийска.

Сам же Джордж Реджинальд Бакхус умер в 1945 году. В нарушение своего обещания, коим заканчивается дилогия, он, по-видимому, так и не

⁵ Имя адмирал Нахимов в Крымскую войну оборонял Севастополь, где «небритый, грязный, замерзший до полусмерти» начинал свою славную боевую жизнь будущий генерал Фицхай. М-да... связь времен воистину неразрывна.

написал продолжения своего сюжета⁶. Зато он успел увидеть своими глазами, что получилось из надежд и опасений его молодости — и в этом, наверное, высшая удача для хроникера своего времени. Таким, как он, английским журналистам, тем самым «акулам пера», «гнинам ротационных машин», «шелкоперам с Флит-стрит», охальникам, сплетникам, бесстрашным, беспринципным и беспристрастным летописцам посвятил последнюю в цикле своих «Военных эпитафий» столь любимый им Киплинг: «We have served our day» — «Свой век мы служили своему веку»⁷.

Ольга Воздвиженская

⁶ Во всяком случае, нам его обнаружить не удалось.

⁷ Пер. С. Степанова. Цит. по: Киплинг Дж. Р. Стихотворения. СПб.: Северо-Запад, 1994. К сожалению, русский поэт (и военный журналист!) К. Симонов, также переводивший в свое время «Военные эпитафии» Киплинга, почему-то оставил этот фрагмент без внимания.

Пьер Дю Бурдель *Мадемуазель де Мюстель и её подружки, Амурные приключения мадемуазель де Соммранж,*
Пьер Мак Орлан *Краплёные карты*
М., ВРС. 2002. 164 с.

ПОД СЕНЬЮ ФРАНЦУЗСКИХ ДЕВУШЕК

«...В мире очень, очень мало первосортного, а то, что есть, главным образом французское». Это сказал — устами одной из своих героинь — один из самых умных и проницательных людей XX века, Олдос Хаксли, в 1921 году. Такая оценка, тем более данная англичанином (а Англия традиционно противопоставляет свои ценности континентальной Европе, «ездящей по неправильной стороне улицы»), заслуживает того, чтобы отнестись к ней со всей серьезностью.

Три повести, объединенные в этом выпуске «Улицы красных фонарей», достаточно наглядно подтверждают этот тезис. Ибо речь в них идет — прямо или косвенно — о превосходстве французских девушек и женщин над всеми прочими. И написал их современник Хаксли, что делает их еще более удобной иллюстрацией вышеприведенной цитаты. Ну да начнем по порядку, сперва об авторе, потом о текстах.

Пьер дю Бурдель (или дю Бурдей) и Пьер Мак Орлан — одно и то же лицо. И то, и другое имя — псевдонимы. Истинное имя знаменитого писателя — Пьер Дюмаршей. Человек этот прожил долгую жизнь: родился в 1882 году, а умер в 1970-м, пережив обе мировые войны, многочисленные катаклизмы эпохи и успел увидеть зарю сексуальной революции и начавшуюся либерализацию эротики в свободном мире.

Две первых повести — вещи ранние и датируются примерно 1911—1912 годами. Версия же «Фанни Хилл», по-видимому, создавалась в два приема и потому имеет двойную дату: 1929—1952.

Надо не забывать, что для современников, еще не знакомых с эротическими шедеврами автора, Мак Орлан тем не менее был человеком весьма известным в литературном мире. Перечень его опубликованных произведений занял бы не меньше страницы*. В ряде вещей ему удалось угадать сумеречные настроения межвоенной эпохи, когда Фран-

* В частности, достаточно полная библиография приведена во вступительной заметке к новеллам Мак Орлана в сборнике «Французская новелла XX века. 1900—1939» (М.: Художественная литература, 1973. С. 314—315). Там же, между прочим, сказано, что писатель начинал свой литературный путь в Париже как сочинитель кафешантанских песенок — и этот опыт, по-видимому, воплотился в балладе, которой заканчиваются «Краплёные карты».

ция-победительница впадала в отчаяние, видя, как шаг за шагом рушится созданный в Версале и Трианоне в 1919 году мировой порядок. Когда в 1927 году Мак Орлан написал повесть из жизни марсельского уголовного мира «Набережная туманов», пессимизм ее, казалось, шел вразрез с самоуверждением века чарльстона и Голливуда, века пассажирских аэропланов и трансевропейских экспрессов, века подъема акций на нью-йоркской бирже и успехов уже обреченного на гибель нэпа в Советском Союзе. Когда же в 1938 году Марсель Карне поставил по этой повести одноименный фильм, где главную роль с блеском исполнил Жан Габен, то можно было только поразиться, до чего провидчески угадал Мак Орлан катастрофические настроения, приведшие Францию к разгрому на первом этапе Второй мировой войны.

Издавался Мак Орлан и у нас. И в двадцатые годы, и в семидесятые. Так, из вышедшей в 1927 году в Ленинграде книге «Огни Парижа» можно было узнать много любопытного о жизни французского литературного мира, в частности, о Гийоме Аполлинере, с которым автор был знаком весьма близко.

Уже в конце своей жизни Мак Орлан говорил: «Россия — страна, с которой мы можем отлично ладить. Француз и русский близки друг другу»*. Но отдельные рассказы и повести, вышедшие на русском языке в разное время, — лишь крохи литературного наследия Мак Орлана. И потому нынешнее издание открывает читателю новые грани творчества писателя, грани, казалось бы, совершенно неожиданные, но весьма для него органичные. Да, Россия ныне уже не та, что была в прошлом веке, а потому и Мак Орлан в нашей книге предстанет не таким, каким его хотели бы видеть советские (да в свое время и французские) издатели.

Первые две, довоенные, повести были в свое время опубликованы в Париже подпольно (и исследователи предполагают, что таких повестей Мак Орлан написал под разными псевдонимами гораздо больше, но не все до сих пор идентифицированы). Издательство извещало, что находится якобы в Квебеке, на книгах стояли ложные даты — 1910 год. Это не помешало ни успешному расследованию по поводу «аморальности» этих публикаций, ни приговору суда, согласно которому все обнаруженные экземпляры были уничтожены в 1913 году, а вторая порция — в 1914-м. Другое дело, что далеко не все экземпляры были обнаружены, кое-что, видимо, уцелело, и в 1928 году эти книги были — опять-таки под псевдонимом и с соблюдением конспирации — переизданы и мгновенно распроданы. Подлинное имя автора было установлено стараниями Паскаля Пиа (который пишет об этом в своем труде «Адские книги») и Общества друзей Мак Орлана. «Крапленые карты» же вышли в свет под настоящим именем автора, но это было уже в другое время, да и собственно эротика в этой книге нет.

Но эротика (если не принимать во внимание низкопробные тексты, прямо ориентированные на разжигание в читателе плотских страстей, — а здесь ведь речь о сочинениях талантливого мастера) — чаще всего

* Цитируется по уже упомянутой вступительной заметке к публикации 1973 г.

повод поговорить о чем-то еще, ибо и «ниже пояса» невозможно игнорировать ни время, ни идеи, ни веления судьбы и истории.

Мировая война как явление называется так не только потому, что участвует в ней весь мир, но и потому, что мир после нее уже никогда не остается прежним. И оттого в душах думающих людей военных поколений рождается либо мятежный протест против нелености существования, либо ностальгия по старым добрым временам, по традиции, которая тем не менее бессильна уберечь мир от болезненных перемен. А эротическая литература в той части, где она не столько эротика, сколько литература, всегда идет в ногу с общенациональным процессом своего времени. И сборник, который вы держите в руках, — еще одно свидетельство, подтверждающее это положение. В нем есть и поиски утраченного, и попытки угадать истоки мирового беспорядка, и довольно злобная полемика с классиками в рамках жанра.

Первые две повести — это вызов великой тени Брантома, что отражено даже в выборе псевдонима (хотя свою роль, сыграли, конечно, и цензурные соображения), ибо «гражданским» именем сенатора де Брантома было Пьер дю Бурдель, традиционно транслитерирующееся по фонетическим законам XVI века, отчего указанный нами псевдоним воспроизводится точно так же, а не в современном чтении («Бурдей»). Важно и то, что Пьер дю Бурдель де Брантом сочинял свои «Жизнеописания галантных дам», пока вокруг католики резали гугенотов, а те сопротивлялись, и Франция была охвачена гражданско-религиозной войной. Брантом же писал о любовных утехах, о красоте и остроумии знатных дам, о превратностях человеческих страстей. И Мак Орлан словно пытается унаследовать не только тему, но и стиль предшественника, стараясь укрыться в предшествующих эпохах от веющих вокруг трагических ветров. Но и в те времена, о которых он пишет, не все обстояло благополучно, и честный писатель не смог совершенно уберечь своих героинь ни от превратностей Великой французской революции, ни от неприкаянных настроений предвоенной Европы XX века.

Да, жизнеописания «галантных девиц»: мадемуазель де Сомбранж и мадемуазель де Мюстель — созданы автором, как уже указывалось выше, еще до Первой мировой войны. Ненавистная Мак Орлану революция, Террор — всё в прошлом, и хэппи-энд для девицы де Сомбранж закономерен: всё возвратилось на круги своя, с санюлотами покончено, аристократы выжили, не утратив своих манер, на смену насилию через все отверстия пришла нежная, чувственная любовь, точно так же, как на смену трехлитровому ветеринарному клистиру, выступавшему в роли орудия пытки и унижения благородной аристократки, придет изящная клизма с серебряным наконечником и рукояткой из слоновой кости. А сестры де Мюстель будут жить в солнечном мире, где кареты с кучером и форейтором лишь сменяются на лимузины с шофером, а поршневые клистиры — на подвесные кружки. Но неизменными останутся стадии воспитания чувств, эротического взросления юных девиц. И впереди у мадемуазелей — счастливые браки и жизнь, полная удовольствий. В предвоенные годы, когда вышли в свет эти повести, еще можно было на это надеяться.

Повесть «Крапленые карты, или Приключения мисс Фанни Хилл»

написана, кажется, совсем другим человеком — послевоенным (дважды «послевоенным») автором. Здесь уже ведется откровенная, переходящая на личности дискуссия с предшественником — Джоном Клеландом, создавшим в XVIII веке «первоначальную» «Фанни Хилл». И от собственного лица — в развернутом авторском предисловии, и голосом своей героини Мак Орлан утверждает, что Клеланд ни черта не смыслил ни в самом предмете, ни в антураже того, о чем писал. Декоративным трущобам и изящным невздам Фанни Мак Орлан противопоставляет грязь настоящей нищеты, грубость настоящего простонародья, бедствия настоящей войны. И если клеландовская Фанни остается в душе добропорядочной дамой, чьи похождения были всего лишь игрой и чья жизнь увенчивается богатством и счастливым замужеством за вновь обретенным первым возлюбленным (чем и заканчивает мемуары «женщина для утех», отправляя их своей старшей подруге), то макорлановская героиня трезво судит и о своих содержателях-скотах, и о муже-пьянице, и о возлюбленном-сутенере, и жизнь ее угаснет в одиночестве и весьма скромном достатке, а ее мемуары окажутся найденными в грязной канаве в самом подозрительном квартале Лондона.

И все же, все же, все же... Никакие невзгоды не могут сломить французскую девушку — пылкую и очаровательную, но способную быстро и безжалостно отбросить всякие сантименты ради выживания. Пройдя огонь, воду, насилие и измену любимого, грязь и позор, она сохранит трезвость ума и женскую неотразимую привлекательность, что, в свою очередь, сохранит ее саму среди бедствий всех времен с надеждой на лучшее будущее. Куда до них англичанкам! Мисс Кэтти, английская гувернантка Люсетты де Мюстель, бледнеет рядом со своей подопечной. Леди Люси Морган, содержательнице дома свиданий в Париже, и не снились те приключения, что довелось пережить Марии-Терезе де Сомранж, — англичанка удрала при первых выстрелах Революции. Фанни же, согласно версии Мак Орлана, просто по рождению была французской, чем и объяснялись все ее победы над мужчинами. Кстати, не были англичанками и ее подруги — негритянка Харриот и ирландка Пат. Так что Хаксли, говоря о первосортности и превосходстве всего французского, был в чем-то прав.

Важно еще одно. Оборачиваясь в прошлое в поисках опоры в настоящем, автор этих повестей невольно разоблачает еще один миф французской литературы — образ счастливого детства, «жизни в цветущем», когда какой-нибудь Большой Мольн или Пьер Нозьер, окруженный любящей родней и преданными слугами, лет до двадцати грезит наяву, совершает прогулки «в сторону Свана», а его чувственность, убаюканная родительской лаской, играми на дворе лица и чтением классиков, терпеливо ждет прихода любви. Мак Орлан заставляет своих героинь взрослеть рано и навсегда, ибо жизнь (в том числе сексуальная) — игра для взрослых, и выиграть в ней значит выжить. И сам Мак Орлан выжил, прожил долгую и плодотворную жизнь, пережил все, что готовило ему его время. И, может быть, свою роль в этом сыграл скромный патриотизм и любовь к французским девушкам.

Ольга Воздвиженская

Аноним Грушенька М., ВРС. 2002. 192 с.

РУССКИЙ СЕКС,
БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ

«...Раздался пронзительный женский вопль:
это была Грушенька».

Ф.М. Достоевский

Да-да, это была Грушенька. Вы только что прочли целый роман про ее вопли. А автор романа, составившего новый выпуск «Улицы красных фонарей», вступил, как вскоре станет ясно, в непримиримую борьбу и с русской литературой всех времен, и с русской действительностью своей эпохи.

На первый взгляд, перед нами очередная «развесистая клюква» — англоязычное эротическое сочинение с русскими реалиями, выписанными достаточно небрежно и со множеством анахронизмов и неточностей. В действительности же «Грушенька» — непростой, многослойный текст с острой политической направленностью и весьма актуальный для своего времени.

Полное название романа — «Грушенька, или Три женских времени». Три временных измерения и у самой книги. Впервые роман был издан в США в 1933 г. без имени автора¹ как якобы перевод русского сочинения XIX в. (анонимный переводчик — некто с инициалами J.D.), действие же происходит в послепетровской России первой трети XVIII в. Всё это так — и не так. «Грушенька» как русская матрешка — откроешь, а внутри еще одна, а в ней еще и еще.

Первый слой правды состоит в том, что, как сказано в «Путеводителе по эротической литературе» Клиффорда Шайнера, автор «Грушеньки» — американец Вэл Льютон², довольно заметный персонаж в американской культуре середины прошлого века. Льютон остался в истории прежде всего как голливудский киносценарист и продюсер, в его творческом наследии — в основном фильмы ужасов³ (полная фильмография

¹ И по сию пору «Грушенька» по традиции публикуется как анонимное сочинение. Мы тоже последовали этой традиции, не вынося на обложку имя автора.

² См.: Scheiner Clifford D. The Essential Guide to Erotic Literature. Ware, 1996. Part Two. P. 55. Другое дело, что Клиффорд Шайнер не вполне прав, объявляя «Грушеньку» оригинальным американским романом.

³ В этом смысле характерны названия биографий Вэла Льютона, например: Теллот Дж. П. Трезвы тьмы: Фантазия и фильмы Вэла Льютона (1985), или: Банзак Эдмунд Г. Страх темноты: Карьера Вэла Льютона (1995), или: Сигал Дж. Е. Вэл Льютон: Реальность террора.

Льютона насчитывает 14 лет, и один названия чего стоит — «Люди-кошки» (1942), «Прогулка с зомби» (1943), «Сельская жертва» (1943), «Корабль-призрак» (1943), «Остров смерти» (1945), в нескольких поздних фильмах Льютона снимался Борис Карлов, прославившийся именно в жанре «horror» — ролью чудовища Франкенштейна). Кроме того, окончив в 1922 г. Колумбийскую школу журналистики в Нью-Йорке, Вэл Льютон стал профессиональным писателем, автором многих статей, стихотворного сборника «Шкура пантеры и гроздя» (1923) и других поэтических произведений, а также радиопьес и романов, самый известный из которых — «No Bed of Her Own» («Своего дома ей иметь было не суждено»), — в свою очередь, был экранизирован в 1933 г. с Кларком Гейблом в главной роли. Среди многочисленных публикаций Вэла Льютона биографы сдержанно упоминают и «rotography».

Но «Грушенька», будучи написана в Америке по-английски, действительно в каком-то смысле является переводом с русского. Дело в том, что Вэл Льютон, а вернее — Владимир Левентон — родился в 1904 г. в Ялте. Семья покинула Россию в 1906-м (видимо, при такой своей фамилии Левентоны опасались деятельности Союза им. Михаила Архангела и подобных ей организаций), сперва перебралась в Германию, а в 1909-м — в США, где в то время блистала тетка Владимира, известная актриса немого кино Алла Назимова (в миру — Мариам Левентон). Мать Владимира — Нина Левентон — нашла работу в сценарном отделе киностудии «Метро-Голдвин-Майер» и впоследствии, в 1933 г., именно она по просьбе знаменитого продюсера Дэвида Селзника вовлекла сына в деятельность «фабрики грёз» как специалиста по русской теме — для написания сценария по «Тарасу Бульбе»⁴. Ясно, что родным языком Льютона остался русский, и придумана «Грушенька» именно по-русски, а по-английски только записана. Или точнее — перед нами русский роман, написанный волею судеб в Америке и по-английски (Набоков со своей двуязычной «Лолитой» был не одинок!). И нынешнее издание — не более чем обратный перевод русской эротки (а она всегда была, даже в советское время, да только не на Родине) на «язык родных осин».

Теперь о «трех временах» романа.

То, что при первой публикации «Грушенька» была отнесена к якобы русской беллетристике XIX в., тоже неслучайно. Очевидна полемика с Достоевским, по которому в XX в. обмирал весь мир (прочтя его, между прочим, преимущественно по-английски). «Это самое фантастическое из фантастических созданий!.. Аграфена Александровна, ангел мой!.. Вот она, эта ужасная женщина — “зверь”... самое обыкновенное и простое существо на взгляд... так похожая на всех других красивых, но “обыкновенных” женщин! Правда, хороша она была очень, очень даже — русская красота, так многими до страсти любимая». Описание Достоевским «инфернальной» Грушеньки — порывистой в добре и зле,

⁴ Среди сочинений Льютона имеется и книга «Насилие на Волге: русский роман». Так что в Америке Льютон считался, видимо, русским человеком.

не вполне владеющей своими страстями, равно привлекательной для мужчин и женщин — вполне приложимо и к героине Льютона, носящей знаменитое имя из знаменитого романа⁵. Правда, непосредственно за процитированными строками у классика следует сцена, лесбийского характера которой мог не разглядеть только соплик Алеша Карамазов. Правда и то, что Льютон безостановочно разоблачает миф о таинственной русской девушке из народа, буйной в страстях и в покаянии, стихийно жестокой и одновременно ангельски доброй, которая чем ниже падает в пучину разврата, тем становится чище сердцем, а уж каторга для такой — просто божий рай для спасения души. Грушенька Льютона тоже многолюбовна по своей и по барской воле, проходит и рабство, и заточение, но всё ей ничем: выпороли — заживет, изнасиловали — так ведь не убили, полюбили — заплатят. И в конце Грушенька сама оказывается хозяйкой дома терпимости, где погибнут (извиняюсь, «страданиям очистятся») еще многие терпеливые и страдающие русские девушки. И это куда больше соответствует жизненной правде, чем все всплывы великой русской литературы насчет страстей и святости в женской душе. Саркастическими намеками на Достоевского выглядят и упоминание о некоем поэте, который ходит в бани, чтобы в соитии с доступными девушками-банщицами спасти их души, и платонический роман продажной девки Грушеньки со студентом-резонером, который очень много рассуждает о любви и целомудрии, боясь прикоснуться к женщине.

(И чтобы закончить о знаменитом имени героини — нельзя не вспомнить о любимом занятии русского мужика: «хуем груши околочивать»). Ох, и колотят же Грушу с первой и до последней страницы!)

Вторая дата, существенная для «расшифровки» сути романа — 1728 г., когда начинается его действие. Это период короткого (и не имевшего особых последствий для российской истории) царствования Петра II. Ничем не прославился рано умерший подросток-император, кроме того, что был он Петром Вторым, внуком Петра Великого. Но двумястами годами спустя, в 1929 г., началась публикация первых глав самого знаменитого из русских имперских романов — «Петра Первого» Алексея Толстого. «Грушенька», стало быть, — своего рода «Петр»-второй, — недаром по тексту повсеместно рассыпаны аллюзии на сочинение «красного графа»: то наследника князя Соколова автор назовет Львом Кирилловичем в честь дяди Петра Великого (который в «Петре Первом» столь же проходной персонаж, как и молодой князь в «Грушеньке»); то народолюбивую, нравом строгую и набожную графиню, что пригрела потаскуху Грушеньку, поименует Натальей Алексеевой (а царевна Наталья Алексеевна, сестра царя, выведена Толстым как строгая, но добрая девица, покровительствующая любви царя к будущей его супруге, «солдатской подстилке» Катерине)... Таким образом, текст Льютона исподволь пародирует советский исторический роман, один из тех, что сделал Россию страной с непредсказуемым прошлым и, согласно тогдашнему социальному заказу, оправдывал тиранию.

⁵ А Набоков, например, упоминал русскую оперу «Татьяна». Эти эмигранты вообще страдали ностальгией несколько саркастического толка.

И тут мы вплотную подходим к третьей и самой главной дате «Грушеньки». 1933-й — год ее выхода в свет и год начала больших политических процессов в Стране Советов, год, упрочивший абсолютную власть Сталина. И все реалии «Грушеньки» довольно легко прочитываются в контексте сталинизма. Изверг князь Соколов, поворачивающийся спиной к соратникам и родственникам, чувствующий себя вправе безнаказанно пристрелить иностранца из личного оружия, жестоко и без суда расправляющийся с «изменщиками», в частности, с собственной женой (мораль правящего класса выше личных страстей). Жандармы, т. е. политическая полиция (в действительности не существовавшая в России в XVIII в.), арестовывающие по доносу, бездоказательно обвиняющие своих жертв в шпионаже, пытающие узников в самом центре Москвы и казнящие их без суда. Совершенно выпадающие из послепетровского исторического контекста, но очевидные для советской практики «командующие военных округов» — ибо офицерские звания и погоны в армии еще не введены. Мельком упоминаемый муж одной из банщиц — солдат, служащий в Сибири, откуда он вряд ли вернется, и в женской верности не заинтересованный, — и зачем, в самом деле, лагерному охраннику жена, оставшаяся на московской окраине, любящая «мирным трудом крестьян», в действительности, как всем известно, через Москву не протекает — но канал Москва-Волга уже рекламизировался в 1933-м как успешно строящийся, и эски, в том числе из раскулаченных крестьян, гибли там сотнями. Голод, из-за которого тянутся в город нищие мужики и бабы, разразился как раз в начале тридцатых годов. Подробно и неоднократно обсуждается в романе тема свободы перемещения крестьян (надо понимать — колхозников, которым без сельсоветовской справки нельзя даже на рынок податься), то, какую «анкету» Грушеньки считать правильной — вольная эта девка или крепостная; и неожиданный вывод этой дискуссии — человек принадлежит государству, как заявляет представитель «органов». Опасность любой заграничной поездки, после которой путешественник односторонне воспринимается на Родине как шпион и участник политического заговора против существующей власти («возлюбленного Государя» — хотя никакого мужчины-государя в 1738 г., которым датируются последние главы романа, в России не было, зато таковой был в 1933-м). Ну, а сцены массового насилия и лесбийский секс вполне гулаговского толка даже не нуждаются в комментариях — такого рода эпизодов более чем достаточно в многочисленных лагерных мемуарах, опубликованных с наступлением гласности. Народ же, как водится, совершенно бесправен, но даже не думает бунтовать, он любит (!) своих хозяев, и каждый только тем и занят, что старается выслужиться за счет товарища.

Характерно выглядят и сама карьера Грушеньки-выдвиженки: эта поначалу даже неграмотная крестьянка — то жертва репрессий, то их инициатор; страдает по ложным доносам, но не брезгает доносить сама; страстно влюблена, но бросает любимого по первому слову вышестоящих (ах, «любовь пчел трудовых» и партийная этика!); спасается от сибирской ссылки в заграничной эмиграции, где изучает основы буду-

щего дела (чуть не написала — «борьба»), — вспомним судьбы «пламенных революционеров»... Наконец, почти прямое указание — упоминание в одной из первых глав романа «старости» Петра Великого. Первый российский император умер, кстати, вовсе не старым — в возрасте 53 лет. Именно столько было Сталину в год выхода «Грушеньки», и не есть ли это своего рода намек через сравнение — мол, не пора ли очередному российскому тирану на тот свет? Увы, тиран прожил и проправил Россией еще ровно двадцать лет.

А тогда, именно в 33-м, были установлены дипломатические отношения между СССР и США. И Льютон словно пытался предупредить свою вторую родину о том, что происходит на первой, открыть глаза читателей на бесчеловечность установившегося в России строя, какой, впрочем, отлично подошел к традиционному русскому менталитету. Главный символ России для Льютона — не лихая тройка с извозчиком (в оригинале — «droszki driver», почти «водитель кобылы» из песенки Утесова, которая зазвучит всего двумя годами позже), а кнут во всех видах, под который попадают все, без различия чинов и заслуг. Русский секс — воистину, как и всё в этой стране и в эту эпоху, бессмысленный и беспощадный, — не имеет отношения к любви, в нем нет нежности и ласки, он становится лишь средством насилия, унижения, подкупа, мести, даже убийства, и потому страшен. Но извращенные тоталитаризм русские души и тела начинают находить сладострастное удовольствие именно в таком сексе, в насилии и побоях — и когда ты бьешь, и когда бьют тебя, и в роли насильника, и в положении жертвы. Нормальные человеческие отношения обезцениваются и пропадают равно и в высших слоях элиты, и среди грубых мужиков и баб. И, к слову, изображая вроде бы православную на описываемый исторический момент страну, ни автор, ни его герои ни разу всерьез не упоминают о Боге, его просто нет в такой системе ценностей, что и понятно — советское общество совершенно атеистично. Грушенька молится единственный раз на всем протяжении романа — и то лишь потому, что ей повезло.

Главный пафос книги о Грушенькиной судьбе — рабство развращает не только хозяев, но и рабов (тем более, что они мало чем отличаются друг от друга, и те и другие — скоты, а хозяин и раб в любой момент могут поменяться местами — и вот уже князь пишет признания под диктовку своего мучителя-мужика). Но еще более развращает неограниченная власть, к которой в финале романа восходит героиня. И символично, что Грушенькин дом разврата обустраивается на деньги, конфисковываемые у своих жертв тогдашним ОГПУ, то есть будущим НКВД (а по тексту, выражаясь эзоповым языком Льютона, — жандармским капитаном и сукой-надзирательницей). Грушенька — персонаж вполне отвратительный, но типичный: едва оправившись после пыток, она уже готова сама «стучать» на сокамерников, истязать их и добиваться благосклонности начальства. Более того, в какой-то момент она собирается чуть ли не умереть за истязательницу княгиню Нелидову, свою хозяйку-садистку — точно так же, как с кличем «За Сталина!» через десять лет после публикации романа пойдут солдаты Красной Армии гатить своими телами белорусские болота в ходе операции «Багратион»...

190

И наконец: «Тех, кто повиновался, Грушенька не трогала, но девушек, не готовых подчиниться, она хлестала снова и снова, пока не добивалась безоговорочной покорности. Грушенька утратила свою былую мягкость, она забыла все те ужасы, которые ей самой довелось испытать в юности. И это обеспечило ей успех». Прямее, пожалуй, и не скажешь про советского человека тридцатых, когда на любого мог обрушиться ужас репрессий и любого очередная перемена курса могла сделать и жертвой, и палачом, и всем это казалось естественным положением вещей, что и было страшнее всего. Ужасы забывать нельзя, иначе они будут бесконечно повторяться и воспроизводиться руками беспамятных.

Ясной становится и причина столь многослойной «конспирации» нашего романа — ведь, как декларировалось в тридцатые, 58 статья — «контрреволюционная деятельность» — распространялась на весь мир; а Льютон был к тому же из семьи русских эмигрантов...

Он умер 14 марта 1951 г. сорока шести лет от роду от сердечного приступа; смерть застала нашего героя на взлете его кинокарьеры — он был приглашен в качестве продюсера высокобюджетных фильмов и успел снять уже три таковых, готовился к новой работе вместе со знаменитым Стенли Крамером. Он и умер там же, в Голливуде, где в тот момент особенно свирепствовала Комиссия Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности. Чистки среди американской творческой интеллигенции шли по вполне сталинскому шаблону, да и направлялись, как теперь известно, из Москвы. Что было причиной этого сердечного приступа — переутомление, болезнь или «страх темноты»? А может быть, создав вокруг душную атмосферу подозрительности, ступачества и повсеместного страха, руками сенатора Джозефа Маккарти до Льютона все-таки дотянулась далекая, но не забытая Родина?

Через два года, почти день в день, умер и Сталин. А через полвека не стало и последней модели российской тоталитарной империи — СССР. Среди прочих перемен было и то, что к русскому читателю хлынул поток ранее неизвестной литературы — и эротической, и антисоветской.

Творчество Вэла Льютона за пятьдесят лет, прошедших с его смерти, стало предметом пристального изучения, ему посвящено несколько книг, специальная страница в Интернете, видеокассеты с его фильмами продаются как в оригинальном варианте, так и дублированные на немецкий и французский языки, звуковая дорожка «Людей-кошек» считается классикой киномузыки. На настоящей же родине Вэл Льютон до сих пор был практически неизвестен. И русская эротика послеоктябрьского периода считалась предметом несуществующим — даже «Лолита» была издана только в перестройку, что уж говорить о «Грушеньке», которая и в Америке-то была опубликована анонимно!

Но надо вспоминать, если забыли, — и про русский секс, и про трагический период нашей истории, и про книги наших соотечественников, оказавшихся в эмиграции, и про них самих, видевших весь ужас тоталитаризма и предупреждавших мир всеми доступными способами — даже вот так.

Ольга Воздвиженская

Аноним *Парижские забавы*, Знаменитость под маской *Роман Виолетты*,
Аноним *Парижские прелестницы* М., ВРС. 2003. 256 с.

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ «ФИАЛКИ»...

Есть известный анекдот из серии «французских». Некого туриста приводят на верх Эйфелевой башни и показывают оттуда вид на разные достопримечательности: вот Лувр, а толпа вокруг — это продажные женщины; вон Триумфальная арка — а под ней прячутся от дождя продажные женщины; а там — Елисейские поля, где прогуливаются продажные женщины. Турист удивляется: да неужели в Париже нет порядочных женщин? Есть, месть, говорят ему, но очень дорого.

Кроме анекдотов, коих о парижских нравах сложено множество, о легкомыслии любовного быта французской столицы написаны романы, повести, новеллы, сочинены оперы и оперетты. Можно вспомнить один из лучших романов Бальзака — «Блеск и нищета куртизанок», многочисленные новеллы Мопассана и романы Колетт (в частности, «Ангел мой» и «Жижи»), «Театральную историю» Анатоля Франса и «Даму с камелиями» Дюма-сына, «Богему» Пуччини и «Травиату» Верди; упомянем, наконец, и «Фиалку Монмартра» — прелестную оперетту Кальмана, правдивее всего трактующую нашу тему.

Подлинным воплощением «прекрасной эпохи» стала парижанка полусвета, пылкая, но расчетливая, при этом в порыве страстей не знающая цены деньгам, желанная возлюбленная для всех: от бедного студента или художника до богатого финансиста или члена королевской фамилии. Чаще всего такая женщина — актриса или мечтает стать актрисой, но попадают среди красоток полусвета и настоящие высокородные дамы. Содержать куртизанку было модно среди старой и новой интернациональной европейской аристократии, а поставляла таких содержанок Франция. Эти женщины могли быть любой национальности, но выучку и шик они обретали только в Париже. Что ходить далеко — наш соотечественник Иван Сергеевич Тургенев, обогативший русскую литературу образом «тургеневской барышни» — чистой, пылкой и возвышенной в чувствах девушки-дворянки, — сам всю жизнь оставался верен французской певице сефардских кровей и исправно содержал всю ее многочисленную семью во главе с покладистым господином Виардо. Вот так-то... И было это как раз в ту пору, о которой мы ведем речь.

La Belle Époque, без преувеличения, оставила яркий след в культуре Старого Света. Несмотря на сомнительное с точки зрения нравственности содержание, вышеупомянутые литературные и музыкальные шедевры прочно остаются в сокровищнице мировой классики. Вот и мы решили посвятить очередной том «Улицы красных фонарей» этому блистательному и веселому времени и Парижу, каким он был в 80-х годах позапрошлого века. Не претендуя на классичность, мы собрали под одной обложкой три книги о парижанках того времени, написанные в разгар «блестящей эпохи» свидетелями и участниками событий, и у каждой из этих книг есть свой секрет, своя интрига.

«Парижские забавы» приписываются перу известного французского беллетриста Адольфа Бело (1829—1890). Этот цикл из четырех новелл, связанных общим героем, публиковался порознь с 1889 по 1894 годы, а в

виде цельной книги впервые вышел в 1906-м. Автор указан не был. Английский перевод, которым мы воспользовались за недоступностью французского текста, датирован 1912 годом и был (если был) выполнен анонимным же переводчиком из круга журнала «Савой». В разное время перевод приписывался литераторам, уже известным читателю «Улицы красных фонарей»: то автору «Садопедии» Джону Кирквуду, то Реджинальду Бахусу, автору «Немезиды-охотницы» и «На суше и на море». Интрига же состоит в том, что именно англоязычные литературоведы уверены в авторстве Бело¹; зато ни в одном французском справочнике мы не нашли «Парижских забав» в библиографии сочинений Бело. Кроме того, стоит обратить внимание и на тот факт, что в английском тексте оставлено множество французских выражений, чего при доброкачественном переводе быть не может, но вполне допустимо при стилизации под французский оригинал и что было характерно именно для английской андерграундной литературы того времени. Следует заметить также, что «Забавы» начали публиковаться в последний год жизни, а продолжались — после смерти Адольфа Бело, и вполне вероятно, что язык этой книги изначально английский, а в отношении авторства применен традиционный прием «ссылки на покойника», ибо Бело *мог бы* быть автором, так как уже прославился как «спорнограф». Для чопорной тогдашней Англии вполне допустима ситуация, когда оригинальный английский текст эротической тематики выдается за пришедший от легкомысленных соседей с континента — хотя бы по цензурным соображениям. (Тот же Тургенев, сам писавший о крестьянском вопросе и эмансипации, одновременно исправно заботился о своевременных и качественных переводах Мопассана на русский язык — и о гонорах для своего друга, получавшихся из «Вестника Европы» и от прочих русских издателей. Чего нельзя писать жителю Российской и Британской империй, то вполне позволительно гражданину Французской республики, а тема — весьма и весьма...) Большинство эротических книг на английском языке все равно печаталось в Париже, а в Англию ввозилось контрабандой. Точно так же, как если на французской эротической книге написано «Париж», то, скорее всего, напечатана она в Брюсселе, а если «Брюссель» — то в Ницце, и так далее. Современные эротологи любят разгадывать такие конспиративные ходы.

«Роман Виолетты» — книга с не менее интригующей историей. Первое, подпольное издание этой повести появилось в 1883 году (год смерти Тургенева!), задним числом помечено 1870-м, а местом издания указан аж Лиссабон. Авторство было представлено так: «посмертная публикация некоей знаменитости под маской» — этаким псевдоним-аноним. Долгое время книга приписывалась Александру Дюма-отцу, и сравнительно недавно, подпа под влияние этого мифа, московское издательство «Арт-Бизнес-Центр» включило «Роман Виолетты» в 100-томное комментированное собрание сочинений плодovitого писателя. Но — совершенно зря. Ибо и в этом случае имеет место «ссылка на покойника»: Дюма-пэр (а 1870 — год его смерти) частенько пользовался услугами литературных «негров», в силу этого обстоятельства затруднена идентификация многих его сочинений, а уж тем более «посмертно» и анонимно опубликованного текста. Чем и воспользо-

вался автор «Виолетты». По утверждению главного авторитета французской эротологии Жан-Жака Повера, «Виолетту» написала женщина, французская аристократка маркиза де Маннури д'Экто². В пользу этой версии говорят несколько чисто текстологических аргументов. Во-первых, на одного героя-рассказчика в повести приходится целых три героини, гораздо более активно движущих сюжет. Во-вторых, герой пишет свои воспоминания как бы с того света, притом вполне по-земному отправляя их по окончании своего труда издателю, то есть ссылка на посмертность — заведомая фикция. Но к литературному семейству Дюма это сочинение имеет прямое отношение. Как может заметить читатель, повесть почти целиком состоит из диалогов, ее очень легко разыграть по ролям и даже пропеть, если есть желание. По-видимому, перед нами — пародия на пьесу Дюма-сына «Дама с камелиями», а вернее, на ее музыкальный аналог — «Травнату». В самом деле, героиня, Виолетта, носит то же имя, что героиня Верди, и так же находит в финале конец от чехотки. Только трагизм, присущий первоисточнику, в повести напрочь отсутствует, вместо роковой любви куртизанки и знатного юноши сюжет описывает страстные ласки между женщинами. Чуть позднее другая Виолетта, кальмановская героиня, и вовсе не станет умирать ни от чехотки, ни от разбитого сердца, а весело и ловко устроит своим друзьям карьерный взлет в искусстве, а себе — театральный успех и счастливое разрешение любовного романа. Виолетты-Фалки на Монмартре и прочих парижских холмах хрупки и беспомощны только на первый взгляд и в глазах романтиков, а на самом деле — ловки и лукавы. Парижанки могут все — пользуясь свои очарованием, влияя на политику, разорить биржу, протанцевать на столе в кафе и даже написать книгу, как наша маркиза, истинная и истая парижанка.

В доказательство всемогущества женских чар французской столицы мы включили в сборник «Парижских прелестниц» — справочник, подробно описывающий дам парижского полусвета, с адресами и ценами, сплетнями и слухами. Двенадцатью выпусками этот бесценный ныне документ «блестящей эпохи» был опубликован в Париже в том же 1883 году. Не будучи первым в своем роде изданием (и уж далеко не последним!), этот аннотированный перечень был изначально написан на английском языке и адресован английским же джентльменам, кои не сумели удовлетворить свои плотские стремления на родине и вынуждены пересечь Канал, чтобы спустить пар в гостях у легкомысленных соседей (вернее, соседок). Потому и цены указаны в фунтах стерлингов, и особо отмечено, буде та или другая из дам имела успех в Лондоне или является англичанкой по происхождению (или выдает себя за таковую), а стало быть, знает английский язык. Специально выделены особы, имевшие любовную связь с будущим Эдуардом VII — сей монарх еще в бытность принцем Уэльским прославился оригинальным вкусом в любовных утехах и стал законодателем мод в этой сфере, а потому пройти по его стопам — почетно и патриотично. Кроме того, среди «до-стопримечательностей» не забыты подруги прочих европейских монархов и политиков, а также литераторов и композиторов — например, любовни-

¹ См., например: *Scheiner Clifford J. The Essential Guide to Erotic Literature*. Ware, 1996. Part 1. P. 187—189. Следует оговориться, что Шайнер посвятил свой труд именно эротике в британской литературе и включил «Парижские забавы» в свой классический перечень как *английский* текст.

² Данная повесть — отнюдь не единственное сочинение веселой вдовы-маркизы. Ей также, по-видимому, принадлежат столь же эротические «Кузины полковницы» (1880?) и «Тайные воспоминания дамского портного» (1880). Притом забавно, что многие исследователи до сих пор приписывают «Кузину» перу Мопассана.

цы Александра Дюма-отца и Жака Оффенбаха. Первоначальный тираж, по сообщению издателя («Альфонс и компания», Париж, rue de Дешаржер, 69), распределен так: 4 экз. на тончайшей сифилигически-зеленой бумаге для префекта парижской полиции; 60 экз. на пергаменте для распространения среди духовенства; 4 экз. на бумаге ручной выделки для Общества матерей... 100 — для обычных английских распутников, по пол шиллинга за экземпляр. Даже в этих, казалось бы, простых типографских заметках явственна та же убийственная ирония, которая пронизывает весь сборник. Теперь-то выходят всевозможные журналы на тему, в Интернете существуют сетевые каталоги знакомств, даже в современной Москве городская пресса исправно публикует объявления о «досуге» на любой вкус, но наш справочник как образец сексуального столичного быта неподражаем и сейчас — в доскональном знании предмета, города, вкусов и историй³.

Так какие они, парижанки блестящей эпохи? Прочтя три текста, три своеобразных документа истории подряд, можно сказать — это красивые или чаще слышущие красивыми женщины всех сословий («...твой носик невозможен, рот тоже оставляет желать лучшего, скулы несколько мужиковаты... но зато у тебя есть глаза, ресницы, зубы и волосы, и если ты не полная дура...»⁴), куртизанки, умеющие сойти за даму. Впрочем, если верить Бело, то самые настоящие дамы порой уподобляются куртизанкам, посещая дома свиданий, чтобы без огласки поправить денежные обстоятельства. Это коллекционерши антиквариата, искусные любовницы, законодательницы мод и при том зачастую нежные матери (мадам Виардо, например, была весьма многолетна, но господин Виардо тут был ни при чем). Среди них попадаются журналистки и мемуаристки⁵, и даже настоящие аристократки, правда, чаще всего иностранные, но более всего — левицы и драматические актрисы. Появление на сцене любого парижского театра — от Французской Комедии и Оперы до шестьюразрядного мюзик-холла — весьма способствует успешной карьере дамы полусвета. Недаром крошка Виолетта, только-только вырвавшаяся из швейной мастерской, уже мечтает о сцене, равняясь на сестру Полины Виардо — Марию Малибран. Успех же парижской актрисы зависит не столько от ее талантов, сколько от ее связи с автором пьесы или директором театра.

Все три источника сходятся в том, что однополая и двуполовая любовь занимают равное место по популярности среди этих женщин, но первая все-таки предпочтительнее, потому что чаще всего бескорытна (графиню — возлюбленную крошки Виолетты — можно только пожалеть!). То есть мужчина — источник заработка, а источник наслаждения — другая женщина.

³ Справочник публикуется с незначительными сокращениями — убраны адреса легальных парижских борделей и краткие комментарии по некоторым из них. Все равно по этим адресам в Париже теперь что-нибудь иное. А путешественник по современному Парижу сам разберется, куда ему податься со столь специфическим интересом — как известно, на пляс Пигаль.

⁴ *Каземм*. Жизнь (см.: *Каземм С.-Г.* Чистое и порочное. М.: АСТ, 1994. Пер. М. Архангельской).

⁵ В частности, неоднократно упомянутая в справочнике Кора Перл оставила любопытнейшие мемуары «The Grand Horizontals», которые также готовятся к изданию в нашей серии. Существует легенда, что эти мемуары были первоначально написаны с целью шантажа некоторых светских особ, выведенных героями книги, и каждый знатный возлюбленный выкупал у мемуаристки рукопись соответствующей главы.

Бизнес зачастую имеет семейный характер, известны целые династии престлестниц. Куртизанки — излюбленные модели художников; всего лишь через год после публикации справочника на парижском Осеннем Салоне произошла сенсация: центром экспозиции стала «Олимпия» Эдуарда Мане — изображение голышовой розовой девки с пышными формами и наглым взглядом⁶. Настоящий шик придает такой женщине роман с журналистом, а прочное положение — связь с английским лордом или русским баринном (да-да!). Почти все дамы-профессионалки в свое время гастролировали в Санкт-Петербурге и Москве (там-то и познакомился русский классик со своей пассией), что повышает класс и позволяет сделать сбережения, хотя жестокие вкусы русских клиентов могут быть опасны для цивилизованной куртизанки. Многие из этих дам начали свою карьеру еще при Второй империи (и даже прямо в постели Наполеона III), но кое-кого толкнула на этот промысел Парижская Коммуна. Равно дамы и полудамы носят профессиональные прозвища, а мужа и тех и других — просто часть декорума. Куртизанки тпятся сойти за порядочных, дамы ведут себя как проститутки, а по-настоящему порядочная женщина та, что не стыдится своих занятий. И чем порядочнее такая парижанка, тем она дороже обходится своему любовнику (слово «спонсор» тогда еще не было в ходу, как и слово «эскорт» в применении к проституции).

И, наконец, только с этими женщинами мужчина может познать все глубины и оттенки чувственного наслаждения, если, конечно, не окажется третьим лишним... Но тут все зависит или от состояния кошелька кавалера, или от его искусности в любовных играх. Справочник честно предупреждает клиента об особенностях ремесла той или иной дамы, о ценах и прейскуранте услуг, а таинственные авторы повестей свидетельствуют — именно так все и обстояло, и это был сплошной восторг! И блеска в жизни куртизанок было куда больше, чем нищеты (ибо эти женщины были очень практичны, а согласно справочнику, «нет более удручающего зрелища, чем состарившаяся нищая шлюха»).

Фиалка — символ скромности и изысканности, но неприхотлива и растет в любой тени. Фиолетовый цвет идет не каждой женщине, его надо уметь носить, но сколь шикарен лиловый туалет! А книги, что перед вами? По прочтении читателя охватывает своего рода ностальгия — вот умели же тогда если не любить, то хотя бы развлекаться! Какие тогда были наряды и какие блестящие постановки шли в парижских театрах, и какие женщины в них играли (Тургенев рукоплескал премьере «Турецкого дома» Мопассана⁷ — уморительного и совершенно неприличного фарса, а в соседних креслах сидели Эдмон Гонкур и Эмиль Золя)! Как хороши, как свежи были розы! И фиалки! И камелии! И ведь (опять процитируем Тургенева) все они умерли, умерли, умерли... Осталась только литература того времени, ставшая классикой. И Париж, вечный праздник чувственности.

Ольга Воздвиженская

⁶ Именно в честь этой модели позднее было названо знаменитое парижское эротическое издательство «Олимпия-пресс».

⁷ Эта пьеса, никогда не переводившаяся на русский язык, также имеется в портфеле нашей серии.

Аноним *Надя*, Мирьям Волошина *Наташа* М., ВРС. 2003. 171 с.

РУССКИЙ ВОПРОС

Самый главный русский вопрос — если умом Россию не понять, то чем тогда ее понимать прикажете, милостивые государи, дамы и господа?

А игнорировать русский вопрос еще никому не удавалось. Раза два-три в каждом веке, начиная примерно с XVI, эта никому (не исключая собственное население, правительство, царя, элиту etc.) не ведомая держава, тихо-тихо расширявшаяся со скоростью сто километров в столетие, напоминала о себе прочему цивилизованному миру. Оный цивилизованный мир вдруг обнаруживал, что зоной русских «жизненных интересов» становились то Поволжье (при Иване Грозном), то Калифорния (при Александре Первом), то Новая Гвинея (трудами барона Николая Миклухо-Маклая), то Гималаи и Гиндукуш, исследованные Н.М. Пржевальским; то Балтийское побережье при Петре Первом, то Африканский Рог при Л.И. Брежневе; то древнерусская идея насчет «щита на вратах Цареграда» каким-то образом трансформируется в желание помыть сапоги русских солдат в Индийском океане... Понять это невозможно, можно только привыкнуть. Но и привыкнуть трудно — слишком часто это всё случается.

Единственным утешением цивилизованному миру может служить то, что мы сами ни черта в этом не понимаем. Где-то веке в XIX на нас накатил новая напасть — так называемая «национальная идея». Первым ее воплощением можно считать слоган «Православие, самодержавие, народность», сочиненный католиком, республиканцем и аристократом графом Уваровым, лицейским соучеником Пушкина (главного национального поэта, камергера и ученого секретаря Отделения изящной словесности Российской академии наук, человека сефардско-африканских кровей, боярина и англомана, чьи первые стихи были написаны по-французски). Данный набор пропагандистских понятий в разное время трансформировался (читатели старшего поколения еще застали «демократический централизм», «пролетарский интернационализм» и «национальную гордость великороссов», а также «международный сионизм» и «американский империализм»). Эта напасть, а вернее необходимость самоопределения, расколола цивилизованную часть русского общества сперва на «западников» и «славянофилов», а потом на «советских людей» и «безродных космополитов», и ныне мы присут-

ствуем при непримиримых спорах «патриотов» и «глобалистов». Периодически возникали то «пангерманизм», то «панмонголизм», бывали еще и «евразийцы», но это уже относится не к идеологии, а к сфере деятельности ОГПУ за рубежом. Тем не менее территория, заселенная неким социумом, говорящим, как представляется, на одном и том же языке, все еще занимает одну шестую часть обитаемой суши, и игнорировать ее нельзя, и российский орел по-прежнему зорко смотрит в обе стороны...

«Они» честно пытались понять нас умом. Не вышло. Переводили книги русских классиков и современников на цивилизованные языки и принимали на жительство изгнанников из России. Конец позапрошлого и абсолютно весь прошлый век «они» пытались постичь тайну «славянской души». (Бог им судья, сколько постигаемых душ были славянскими. По нашим подсчетам, из пяти писавших по-русски Нобелевских лауреатов по литературе этнически русскими было двое, эмигрантами — три с половиной, российскими гражданами — один, советскими — двое, американскими — также двое. Вот такая русская литература...) От полного отчаяния крупнейший славист и советолог, госсекретарь при администрации Картера Збигнев Бжезинский («белый англо-саксонский протестант» весьма относительный, а «в натуре» сам славянин) посоветовал никогда не пускать в свободный мир людей с этой территории. Ибо двое русских правителей подолгу жили за границей: Петр Первый и Ленин, и чем это кончилось? И сколько свободному миру потом пришлось с этим разбираться?

Тем не менее «их» постоянно разбирало сформулировать о «славянской душе» всё «что вы всегда хотели знать, но стеснялись спросить». Русская тема всегда в моде — то *sputnik*, то *perestroika*, и всегда — *banya, vodka, garmon' & losos*. Ну прямо-таки *Wolga, Wolga, Mutter Wolga*... Впрочем, и это не ново. Еще граф Толстой (о котором речь пойдет и далее) зафиксировал в «Анне Карениной» визит в Российскую империю некоего иностранного принца, сопровождать которого было поручено графу Вронскому. Так вот, из чисто русских развлечений европейскому аристократу более всего понравились французская актриса, шампанское с белой печатью и медвежья охота с английским оружием.

Шутки в сторону — русский вопрос стоит перед Россией и перед миром сейчас острее, чем когда бы то ни было. Рассудительность и нормальная рефлексия не входят в набор традиционных черт русского национального характера, и потому очень важно взглянуть в то, как видели нас, русских, те, на кого мы традиционно привыкли равняться, — интеллектуалы Запада. Потому, не претендуя на обладание абсолютной истиной, но стремясь внести посильный вклад в понимание России умом (или хоть чем-нибудь!), мы посвятили очередной том «Улицы красных фонарей» именно русскому вопросу.

И вот в заголовках этих повестей — русские, притом уменьшительно-ласкательные, «домашние» имена: Надя, Наташа...

Первая повесть считается «переводом с французского», притом западные издатели традиционно оговариваются, что анонимный автор — современник описываемых событий. Скорее всего, так оно и есть — современник, хотя написан этот текст, конечно, по-английски. Упоминание Плевны и Шипки в первой же главе «Нади» сразу позволяет датировать время действия этой повести: 1876—1877 годы, война на Балканах. Точно так же, как самый сюжет повести довольно точно указывает на русский литературный прототип — «Анну Каренину» графа Льва Николаевича Толстого, «писателя дворянского класса». Собственно, это становится ясно уже с первых страниц: европейское написание имени писателя — Leo Tolstoy, а главный герой повести именуется «Грегорио Стенов», хотя он, конечно, Григорий. И оба — графы. На Шипку или под Плевну, дабы сложить голову в русско-турецкой войне, готов сбегать от превратностей любви граф Стенов в «Наде» — и сбегает-таки в толстовском романе граф Вронский после гибели Анны. Есть и более мелкие приметы, указующие на роман-прототип: Надин брат Михаил на протяжении всей повести зовется «Мишель», а Степан и Дарья Облонские у Толстого чаще упоминаются как Стива и Долли; можно сравнивать сцены офицерской жизни в оригинале и в пародии — сходство очевидно; у Стенова имеется любовница Мари, а у Стивы, помнится, в какой-то момент завелась танцовщица Маша, а до нее была французенка-гувернантка... Не забыта и непререкаемая «народность» творчества Толстого — так же внезапно и без сюжетной логики, как в «Анне Карениной», в «Наде» в повествование вдруг вторгаются героини-простолудины; Левин у Толстого косил вместе со своими мужиками и тем проникся величием крестьянского труда, а Надя в нашей повести предается ласкам со своей горничной и тем начинает обретать подлинную женскую мудрость и утешение в своих скорбях. (Европейцу-пародисту простительно утрировать детали русской жизни, в частности, придворной. Ясно, к примеру, что в действительности свитский генерал не имел права взять в жены дочь пусть самого на свете богатого, пусть самого что ни на есть русского купца-зерноторговца. Ибо такой брак — прямой путь в отставку и в светское небытие. Кстати, свитские генерал-адъютанты на фронтах не воюют, а состоят при особе Его Императорского Величества. Точно так же, как не может русская дворянка носить фамилию Станица. Но это к слову.)

Текст «Нади» не только пародирует сюжет и приемы толстовского романа. Суть полемики лежит глубже — в идейном содержании. По собственному признанию Толстого, в «Анне Карениной» он более всего любил «мысль семейную» (граф не пользовался международным термином «идея»). А весь сюжет «Нади» — счастливая история семейной пары. Вот здесь-то и заключен корень дискуссии анонимного автора «Нади» с графом Толстым. Толстой игнорировал сексуальную подоплеку брачных отношений: вот, к примеру, Китти венчается с Левиным, а через десяток страниц, посвященных чисто хозяйственному устройству

новобрачных в усадьбе, уже «нездоровье Китти была беременность» — будто ей ветром надуло. Наш же автор подробно исследует пути, на которых молодая женщина постигает сущность «супружеского долга» и семейного счастья. Секс для Толстого — почти синоним блуда, и все сексуально гармоничные союзы в его романе — беззаконны. А для автора «Нади» брак — прежде всего взаимное удовольствие мужчины и женщины, и если налицо телесная и эмоциональная гармония, то можно не принимать во внимание даже сословное неравенство супругов. Что и говорить, с концепцией Толстого война идет на каждом шагу. Вспомним «Анну Каренину» — в Каренине героиню раздражали торчащие уши. Только ведь и Вронский был не красавец — он рано начал лысеть, а привлекательным в глазах Анны его делала ее собственная страсть. Автор «Нади» акцентирует именно этот момент — если поначалу для Нади граф Стенов отвратителен и мало чем отличается от свирепого, грубого, жестокого зверя, то к концу повести он становится для молодой супруги олицетворением силы, мощи, мужественной привлекательности — и воплощением надежной жизненной опоры. Для Толстого хорошая женщина — это непременно жена, притом глупая и некрасивая, вечно беременная или кормящая (а что еще может примирить с женщиной мужчину, скрывающего от света свою истинную сексуальную ориентацию?). Толстовская положительная героиня, как правило, думает маткой (в чем Толстой и видит подлинную женственность), а отрицательная — красива, умна и темпераментна, в чем, по Толстому, заключается беда, и разорение, и «все смешалось». Для доказательства этого положения граф написал огромный том, немедленно по выходе в свет породивший эпиграмму, приписываемую Некрасову:

Толстой, ты написал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена, не бяда.

Автор же «Нади» (кстати сказать, этот текст — компактный и динамичный, в отличие от первоосновы) описывает свою красавицу героиню пусть сперва наивной, но умной, открытой миру, гармоничной душой и телом, и обретенная ею чувственность влечет за собой чисто волевые поступки. Открытие телесных радостей именно и делает Надю по-настоящему преданной женой, которая, пренебрегая российским бездорожьем и опасностями путешествия на Кавказ, отправляется к мужу прямо на место дислокации. (Что касается Кавказа и местного колорита, юмористически описанного в повести, то, конечно, где-то тут «схали “Казачи”».) И следует редкий для эротического жанра *happy-end*: торжествует «мысль семейная», и вновь обретшие друг друга супруги отправляются блистать в Петербург. Оказывается, что женщина с русским именем Надя — просто женщина, как везде в мире, и сильный мужчина будет с ней счастлив вполне космополитичным счастьем. И в

этом куда больше универсальной правды: русские люди — это просто люди, и действительно «все счастливые семьи похожи друг на друга», и национальность здесь ни при чем. Чтобы понять это, особого ума не требуется, и русский вопрос в этом случае вообще не стоит.

Действие второй повести — «Наташа» — происходит через царствование: на свете нет не только Александра Второго, но и Александра Третьего, на троне Николай Второй. И вот какой стала «северная Пальмира»: «Петербург жил бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью... Всё было доступно — роскошь и женщины. Разврат проникал всюду, им был, как заразой, поражен дворец. То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком... Девушки скрывали свою невинность, супруги — верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, невращения — признаком утонченности».

Так писал о столице Российской империи граф Толстой. Только другой, «красный», о котором тоже была сочинена эпиграмма: «Алексей — не Константинович, Николаевич — не Лев». Это он — автор незавершенного романа «Егор Абозов», герой которого покидает ряды РСДРП и, вернувшись из сибирской ссылки, погружается в угарный мир петербургской богемы. Это он напишет пьесу «Заговор императрицы», в которой всерьез доказывалось, что «шарица-немка» и впрямь пыталась в 1916 году навязать России, воевавшей с Германией и Австро-Венгрией, сепаратный мир. Это он вместе с П.Н. Щеголевым станет публикатором жемчужины Танеевой-Вырубовой, где император Николай Второй мало чем отличается от Ивана Грозного и Джека-Потрошителя одновременно: чего стоит хотя бы сцена, когда император приносит одной из великих княгинь мешок с собственноручно разрубленным на куски ее шофером, осмелившимся, как показалось Николаю, слишком фамильярно себя с нею вести...

Вот и в повести «Наташа» появляется инфернальная личность — великий князь Максим, в которого безответно влюбляется благородная дама по имени Асинья (не Акинья — намек тут иной: по-латыни *asilus* — осел). Великий князь Максим — гомосексуалист, генерал лейб-гвардии и патрон великосветского флагелляционного «клуба» (на Островах!), руководимого профессиональной бандершей — некой мамашей Шармье (в переводе с французского на современный — «Очаровашкой»). Можно сказать, что в его образе слились многие типические черты предреволюционного поколения Романовых — Михаила, считавшего себя толковым штабистом, Константина — он же поэт «К.Р.» и организатор программы «Русские учителя за границей», зангрявавший с интеллигенцией и богемой. Были среди них и гомосексуалисты, как Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, убитый в 1905 году бомбой эсера Каляева. И в обычае молодых великих князей действительно было покровительствовать артистам, а заодно и бегать по балетным императорским театрам, и ходили слухи, что в особняке Матильды Кшесинской устраивались оргии не хуже, чем описанные в повес-

ти. (Потому неудивительно, что именно с балкона этого особняка выступал перед народом зачинщик самой разнузданной и кровавой оргии в русской истории...)

До какого-то момента воля великого князя Максима — закон: героиню повести княжну Наташу, раскрывшую «непосвященной» тайну клуба, по его тайному повелению порют розгами в полицейской части (вещь столь же неправдоподобная, как и разрубленный на куски шофер: хорошо это или плохо, но императорская фамилия всегда защищала привилегии российской аристократии). Но немудрено, что на обновленный светский бордель графини Асиньи обрушились монаршьи кары — дьявол в золотой короне и пурпурной мантии мог восприниматься не только как символ всепобеждающей, воцаряющейся похоти, но как оскорбление самого монархического принципа.

Аллюзии по поводу «серебряного века», органической частью которого являлся будущий «красный граф», присутствуют повсюду. Автор повести объявлена мифическая русская писательница Мирьям Волошина (указан даже «переводчик с русского» — некто Говард Нельсон). Ясно, что в этом имени волей настоящего автора (несомненно, англичанина) должны усматриваться параллели с реальными фигурами русского литературного декаданса: Миррой Лохвицкой и Максимилианом Волошиным одновременно. А бисексуальный *alter ego* великого князя Максима носит фамилию Нижинский и выведен цирковым жокеем, артистом. Реальный Вацлав Нижинский действительно был и артистом — звездой Императорского балета, и бисексуалом, что вызывало бешеную ревность Дягилева и вынудило танцовщика покинуть русскую труппу. Но именно гомосексуализму Дягилева обязаны своим успехом «Русские сезоны», именно он ввел в русский балет мужской сольный танец, венцом которого явился балет Стравинского «Петрушка»¹. Модернистский балет с античной символикой, поставленный для великосветских любителей, поражающий роскошью постановки и развратным содержанием, служит кульминацией повести. Не зря упомянута и Фонтанка как место тайных встреч — именно туда князь Юсупов со товарищи заманил Григория Распутина, там его и прикончили.

Все это есть в нашей повести — и продолжим цитировать: «бессонные ночи зимой... крутящиеся пары за окном, бешеные тройки... в свисте ледяного ветра и пронзительном завывании флейт — парад войскам перед наводящим ужас взглядом византийских глаз императора».

¹ Увы, после советского времени нам осталось от этого одно воспоминание — балет «Спартак», а многие выдающиеся отечественные танцовщики покидали СССР в поисках творческой перспективы, ибо в застывшем на образах XVIII века советском балете танцовщику отводилась роль грузчика и переносчика примы с места на место.

Да, именно император пытается в эпилоге повести «Наташа» навести порядок в собственном семействе и в столице: обеих сбившихся с пути высокородных дам он ссылает в их дальние имения, а великого князя Максима откомандировывает на Дальний Восток командовать дивизией сибирских казаков. Но разве полумерами можно было спасти империю?² И вообще, поздно! Запертые дворцы проштрафившихся дам так и останутся запертыми, имения, куда их сослали, скоро запылают, а о судьбе великого князя Максима можно только догадываться. Но, без сомнения, она будет ужасна — скорее всего, расстрел, сибирская шахта, безымянная могила...

Ибо выпоротая блестящими офицерами прислуга Асиньи (понимай — народ!) покидает место наказания со злобой и ненавистью в глазах. И когда начнутся «аграрные беспорядки», эта ненависть выплеснется наружу и превратится в остервенелое преследование всех тех, кто грамотнее, образованнее, умнее и красивее. В обстановке раздора и разлада, когда за окном уже XX век, а аристократам мерещатся барские вольности времен крепостного права³, когда двор отчужден от интеллигенции, правящие классы — от народа, закладывают основы для той самой кровавой и страшной оргии, которую предстоит пережить России. — Октябрьского переворота.

Действие «Наташи», судя по описанным реалиям, происходит в 1913—1914 годах (хотя, судя по общему настроению повествования, написано оно позже, где-то уже в двадцатых). Еще есть время для необузданных страстей, но не зря у императора «византийские глаза» — как на иконе великомученика. И потому над петербургским иступлением, описанным в «Наташе», висит мрачная тень грядущей войны, голода, бунта, революции, которая сметет всю имперскую роскошь, но оставит боль и терзания, и крови прольется еще много. Вот тогда-то русский вопрос вновь встанет перед всем миром как вопрос выживания этого мира. Автор «Наташи» на свой лад отвечает: *вся* русская жизнь — хождение по мукам, баре истязают мужиков, мужчины — женщин, царствующая фамилия — подданных, а Россия, дай ей волю, — весь мир.

Прах последнего императора наконец упокоился в соборе города, вновь называющегося «Санкт-Петербург», а русский вопрос все так и стоит: в чем же сила, слабость и особенность этих русских, чем же их

² Империя, честно скажем, и без того была обречена — на смену династии (или переход к республиканскому правлению), ибо Николай Александрович Романов, женившийся по любви на гессенской принцессе Алисе, внес через нее в царствующий дом ген гемофилии, передающийся мужчинам по женской линии.

³ Надо сказать, что подобные взгляды в свое время разделял и Алексей Толстой. Его ранние романы — «Заволжье», «Чудаки», «Хромой барин» — описывают помещичьи развлечения, граничащие со скотством, но при этом полны ностальгии, оттого что усадеб все меньше и поколение таких помещиков вымирает.

понять? Конечно, только мы и сможем дать русский ответ, когда пересмотрим все наше прошлое, критически оценив прошлых «властителей дум», когда перестанем видеть в ближнем врага, когда уйдет из языка объединяющий разные явления фразеологизм «секс и насилие» — ибо это не одно и то же. Тогда, когда прочтем среди прочего и такие книги.

Ольга Воздвиженская

Ж.Донвиль *Юбки вверх*, Поршень *Полночная встреча* М., ВРС. 2003. 208 с.

А ПОД ОДЕЖДОЙ ОНИ ВСЕ ГОЛЫЕ!..

В первые месяцы «перестройки» близ Калужской заставы в Москве открылся один из первых «кооперативных» универмагов, где в витрине мужской одежды красовался слоган: «В человеке всё должно быть прекрасно: и пальто, и сорочка, и галстук». Очевидно, само собой разумеется, что Чехов, из высказывания которого и заимствована первая часть столь броского рекламного призыва, женщину человеком не считал... Более того, всем известно, что и собственную жену свою русский писатель держал от себя на расстоянии не менее тысячи верст. Но именно про Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову в каких-то мемуарах сказано, что когда она входила, то распространяла вокруг себя таинственный запах духов и шелест шелков. Нынешние женщины, подчеркивал мемуарист, так не шелестят. Увы. Единственный звук, который мне удавалось издавать своей одеждой, это шаркающий свист нового денима — штанина об штанину. Но тогда мне было шестнадцать, и я бросала вызов маминим вечерним платьям, рюшечкам, кримпленам. Однако после многих стирок джинсы сносились и больше уже не свистели при ходьбе.

Что ж, в этот выпуск преднамеренно включены два произведения, посвященных сугубо «дамской» тематике. Более того, их объединяет редкая для нашей серии нерасшифрованность подлинных имен авторов — по сей день они остаются загадкой для всех серьезных исследователей.

Первый из этих текстов, «Юбки вверх!», вышел в 1937 году в знаменитой серии Жана Фора «Глухая крапива», специализировавшейся на темах флагаелляции и «медицинского секса». Нелишне будет напомнить, что именно эта серия дала своего рода «путевку в жизнь» такому всемирно известному автору, как Пьер Мак Орлан¹, с книгами которого читатели нашей серии уже знакомы и будут знакомиться и впредь.

Кто скрывался под псевдонимом «Ж. Донвиль», которым подписана повесть «Юбки вверх!», неведомо никому — ни французским издателям, как тогдашним, так и современным, ни эротологам. Неизвестно даже, принадлежит ли этот псевдоним мужчине или женщине². В нем, правда, содержится отдаленный намек на некий город

¹ Правда, многие из романов серии Мак Орлан подписывал «Сэди Блэ-кай» (то есть «Сэди с фонарями под глазами») — издевательский характер псевдонима «по теме» налицо.

² Этому автору принадлежит еще один роман — «Откровения херувима», в свое время выпущенный тоже в рамках серии «Глухая крапива».

(ville), где все «дают» друг другу («давать» по-французски — *donner*). Действие же, разумеется, происходит в межвоенном Париже, а Париж всегда — мировая столица стиля, законодатель моды во всем: в одежде и в манерах, в методах международной дипломатии и в способах любовных наслаждений.

Новеллы, из которых складывается повествование, рассказаны женщинами, на страницах звучат почти исключительно женские голоса — дам из общества, служанок, продавщиц, школьниц и школьных учительниц. Главным же действующим лицом является не живая женщина, не ее тело и даже не секс — в центре повести женское белье. Юбки вверх! — и читатель просто задыхается в шелковых, батистовых, кисейных облаках. Крахмальные юбки и сорочки-шенизетки, нижние рубашки, панталончики с кружевами — с разрезом и без оного, пояса с резинками и просто подвязки... Детально, подробно — что в каком порядке надето, что как шуршит, что чем пахнет. Хаос ароматной ткани и полный хаос в чувствах. Можно было бы считать героиню романа фетишистками, нарциссистками и эксгибиционистками, если бы все восторги имели хоть какое-то реальное отношение к сексу. Но под оборками и ленточками редко когда мелькает живое женское тело, лишь от белья доносится его запах и сквозь многослойные юбки ощущается тепло. Эти женщины твердят — «восхитительное наслаждение, блаженство», но самое главное блаженство для них — вызывать восхищение окружающих, причем преимущественно женщин же, превзойти подруг — соперниц или любовниц — элегантностью нижнего наряда, соблазнить юную девушку предаться тому же распутству роскоши, при котором она ничем, в сущности, не рискует в смысле физиологии... Выворачивается наизнанку сам первоуродный грех — первая женщина, вкусив запретного плода, познала стыд наготы, здесь же женщины-парижанки упиваются пикантной ситуацией неловкости при полном отсутствии обнаженности. Такое вот распутство, при котором немудрено запутаться в тряпках. Красота женского тела — бедра, груди, волосы, стройность или пышность — подменяются изысканным вкусом и богатством, позволяющим накупать груды белья и пользоваться услугами ведущих кутюрье. Возбуждение и оргазм для таких женщин — не высшая ступень чувственности, но ощущение удовлетворенного тщеславия. И даже мужчины оцениваются этими женщинами в зависимости от того, насколько они способны наслаждаться красотами интимного ландшафта, а испытания новых моделей фаллоимитаторов именуется «примеркой». Кстати говоря, и по сю пору ведущие дамские модельеры Парижа, как правило, не французы по национальности, а по половой принадлежности... как бы это сказать... вроде мужчины, но уж совсем не похожи на таковых, и на женщин тоже...

«Девичий стан, шелками схваченный» — блоковский образ таинственной, волнующей женственности; а неоднократно повторяемый в нашей повести сюжет о сладострастном союзе младшей женщины со

но чуть позднее, в 1939 г. В нем рассказ ведется от лица героя-мужчины. Это произведение мы также обязательно опубликуем в «Улице красных фонарей».

старшей по возрасту или статусу — теть и племянница, учительница и ученица, хозяйка и горничная — приводит на память цветаевское «Письмо к Амазонке», написанное в 1932-м году по-французски (!). К тому же две именно *русские* дамы посещают модный салон, негласно патронируемый юной Люсетт де Шатай, и излагается некая «повесть о Сонечке» и ее подруге Наде... Знаменитая Колетт, родоначальница современной французской женской прозы, сама посещала закрытые дамские клубы и открыто защищала женскую гомо- и бисексуальность, являлась образцом острого изящества, и многие страницы ее книг посвящены женским увлечениям по части внешнего вида — сочетанию оттенков и фактуры как в верхней одежде, так и в белье.

Ах, вышитые подвязки, складчатые шемизетки, ротонды и тальмы — а кто еще помнит, что это такое? Развевающиеся шарфы Айседоры Дункан! Хорошо в те времена было быть женщиной! Но еще в 1915-м австралийская спортсменка-кинозвезда Аннетт Келлерман была арестована на пляже за появление в «непристойном виде» — так родился на свет обтягивающий цельнокроенный купальник из эластичной материи, ныне считающийся самым что ни на есть скромным. В момент действия «Юбка» еще в ходу сорочки и корсажи, многослойные нижние юбки и чулочные подвязки как самостоятельный предмет дизайна — но в последнем фрагменте маркиза де Шатай с опаской пишет о грядущей победе унисекса. И не зря. Уже маршируют по Красной площади и Унтерден-Линден шеренги девиц в синих сатиновых (не *satın*, то есть отнюдь не в атласных!) трусах и майках, уже написана знаменитая картина «Девушка в футболке» (а футболка полосатая, как тюремная роба). «Живем хорошо, одеты по сезону» — стандартно сообщают родным колымские эзки, имеющие «право переписки», в том же самом 1937 году.

И совсем немного времени остается до того момента, когда многие женщины наденут мужскую одежду не в силу своей эксцентричности или публично демонстрируемой сексуальной ориентации, а потому, что профессионально заменят мужчин. Экипаж самолета «Родина» под командованием Марины Расковой добьется приказа по наркомату обороны СССР, согласно которому летчицы получат право носить на службе (тем более в полете) мужские форменные брюки. Символы женственности минимизируются до красной женсоветовской косынки и «синего платочка». В знаменитом кинофильме «Светлый путь» (1940) с ткацких станков волнами льются тонкие полотна. А Любовь Орлова шагает вдоль этого великолепия строевым маршем с песней, облаченная в комбинезон. В Германии брюки наденут женщины-полицейские, вожатые и кондуктора трамваев, а потом придет большая война и — «сапоги, ну куда от них денешься...». После войны мир захватит изобретение Леви Страусса, и даже джинсовые юбки начнут застегиваться на молнию спереди, по-мужски. А Коко Шанель оденет женщин в пиджаки мужского кроя. Шорох шелка и кисеи заменится на электрический треск синтетики. Секс перестанет быть таинством, превратится в нечто навязчиво демонстрируемое — мини-юбка уже невозможно задрать до головы, да и незачем — и так все видно, и призыв «юбки вверх!» трансформируется в определение длины подола. Появятся даже юбки с отпахивающейся полкой (фасон «мужчина некогда»), которые в случае внезапного

секса даже задрать не надо, и не особенно удачный комплексный предмет «юбка-брюки». Идеал спортивной, атлетической женщины, посещающей тренажерный зал, породит майки типа T-shirt, которые на мужские и женские различаются лишь по цвету, а для молодежи обоюбо пола станут площадками самовыражения, и на майках появятся граффити, как на заборах. На рубеже 1970 — 1980-х войдет в моду стиль «сафари», подразумевающий множество карманов и удобство при обращении с оружием, который сменится женским стилем «милитер», в чем несомненная заслуга Деми Мур — ее героиня являлась на свидание к возлюбленному по-армейски стриженная, в «идентификационной» майке с фамилией на груди и с синяком на лице, полученным на тренировке по рукопашному бою. «Солдат Джейн» отличалась от однополчан только тем, что не брилась, а в ее казарменной тумбочке вместо презервативов хранился «тампакс». Ясно, что белье в таких обстоятельствах становится чем-то, что не должно мешать и требовать времени на снятие-одевание. Какие уж тут оборки и кружева! Для женщины второй половины XX века при ее образе жизни сущим спасением стали колготки (и был такой анекдот, что богатая женщина — это та, что носит не порванные колготки *под брюки*). Чулки с подвязками и бюстгалтер с заметной отделкой стали рабочей одеждой проститутки, хотя и тут вытеснялись приметы женственности: «суровая массажистка» Железная Лошадь из ремарковского «Черного обелиска» носила не только казацкую папаху, но и черное прозрачное белье, а современные «госпожи» облачены в комбидрессы из черной кожи с металлическими цепями и заклепками... Упадок и разрушение. Конец прошлого века ознаменовался тем, что девочкам стали внушать: главное в белье — гигиеничность, потому нет ничего лучше простого белого хлопкового трикотажа. Многие фирмы в наши дни требуют от сотрудниц применения интимных дезодорантов и ежедневного пользования биде — никаких тайных ароматов плоти! И верхом дамской элегантности объявлен черный *брючный* костюм — как раз такой, какие носили на своих сборищах парижские лесбиянки в межвоенную пору, в таком однажды снялась Колетт, что вызвало общественный скандал.

Нынче, к счастью, наблюдается возврат к вечным ценностям. Давеча я купила очередную «книжку для девонок» под названием «Классное белье!» (именно так, с восклицательным знаком). В ней отражена настойчивая попытка вытряхнуть молодое поколение из велосипедных трусов и тишперток, из кроссовок и бейсболок, соблазнив носить трусики «стринг», «перидоль», «колоттж», лифчики «балконет», «анжелика», «пуш ап», а также всевозможные новшества — боди, бюстье, бодилайнеры. Снова в моде корсажи и пеньюары, узорные чулки и сетчатые колготки. Вот было бы раздолье героинями «Юбка»! И хотя новая женская сексуальность подразумевает не тайну, скрытую пыльным слоями изысканных одеяний, а наоборот, чтобы все было на виду, в обтяжку и прозрачно, сама тенденция весьма отрадна. В дни, когда я пишу эту статью, по ТВ через каждые пятнадцать минут по всем каналам рекламируются новые прокладки под черные трусики «танга» — гигиена и практичность снова приноравливаются к моде, а не наоборот; а модные журналы этого лета предлагают женщине обвешаться оборками, круже-

вами и лентами в стилях «Кармен», «кантри» и «ар-нуво». Страх перед грядущим, нагнетавшийся в канун миллениума и выразившийся в серо-черном минимализме женской одежды, сменился наслаждением жизнью, и самые модные узоры сезона — цветы, символы женственности. Женщина вновь призвана своим обликом украшать мир, и снова неважно, что если задрагать юбки вверх, то под юбками у всех во все времена — одно и то же.

Вторая повесть — тоже явно межвоенная (хотя оригинальная издательская аннотация относит ее к викторианскому периоду). И явно пародирует распространившийся в Великобритании после Первой мировой войны жанр сексуальных мемуаров (типа известнейшей книги Фрэнка Харриса «Моя жизнь и мои любви»). Опять-таки неясно, кто такой «Поршень», обозначенный как автор. Зато ясно, почему избран именно *этот* псевдоним: изображенный на страницах повести чисто механический секс предполагает, что мужчина, от лица которого ведется повествование, обладает соответствующими сексуальными возможностями и выносливостью, как тот самый паровоз, который из железа...

Но и тут мужская роль, надо полагать, второстепенна. Мужчина хорош лишь как, скажем, «фаллофор». Дамам, которых он «обслуживает», личность его явно безразлична, хотя, конечно, безопаснее совокупляться с джентльменом, чем с уличной шпаной. Зато дамам не безразлична их собственная внешность и все атрибуты привлекательности — одежда, белье и прочие аксессуары. Ибо в заключительной фразе повести недвусмысленно утверждается в одних устах ханжеская, в других — наглая истина рубежа веков: а под платьем-то они все голые! И, как навязчиво и требовательно заявляет текст, все они хотят одного и того же, соперничая друг с другом, — мужчину! А вернее — сексуального удовольствия, которое проще всего понять от мужчины. Хотя за неимением такового можно и обойтись своими силами...

Да, конечно, эта повесть, возможно, потому причислена к викторианскому андерграунду, что воюет именно с бредовыми идеями того времени относительно женской асексуальности, сдержанности, благопристойности... О какой «благопристойности» может идти речь, если только что спасенные от нападения хулиганов-насилльников дамы готовы немедленно — в знак благодарности! — «раздвинуть ноги» перед тем, кто оказался сильнее? А может быть, и спасать-то было незачем, а визги и вопли типа «Насилуют!» — всего лишь, как справедливо предполагает герой, либо своеобразное соблюдение правил игры, либо, как уже говорилось ранее, нежелание иметь дело в качестве партнеров с данными конкретными личностями? Ибо каждая из тех, кто встречается на пути героя, — мягко выражаясь, далеко не девушка, а вплетенные в ткань повести их исповеди о приобщении к сексу вряд ли характеризуют героинь как викторианских скромниц!

Стиль повести, однако, ее язык, фигурирующие в ней понятия, с моей точки зрения, явно относят ее к более позднему времени. Вряд ли, в частности, даже для поздних викторианцев значимым времяпровождением являлся загородный туризм в современном его понимании. Как мне представляется, знакомым является даже отсутствие во многих случаях конкретных примет эпохи. Из текста, напри-

мер, неясно, чем освещались улицы и жилища — газом или электричеством, какие экипажи преобладали — конные или моторные, и т.п. Более того: если высмеивается и разоблачается викторианский миф о женской асексуальности и фригидности, то одновременно утверждается сексистский миф об изначальной женской проституированности — миф, доведенный до клинического абсурда в докторской диссертации венского лже-психолога Отто Вейнингера «Пол и характер» (1903).

Итак, почему же все-таки обе повести, столь разные по стилю и лексике, попали под одну обложку? Ведь если в первой то и дело умалчивается о конкретных действиях секса и о местах, где эти действия осуществляются, — просто «под юбками», в случае же необходимости употребляются эвфемизмы типа «штучка», «шалунья», то вторая подчеркнуто-демонстративно насыщена табуированной лексикой; рассказ в первой ведется от женского лица, а базовый рассказчик во второй — не просто мужчина, а, как сегодня принято говорить, «мачо». Однако обоих авторов объединяет одна и та же идея: источником наслаждения является не некий абстрактный секс, но конкретное женское тело со всеми его анатомическими деталями, и неважно, как названо то или иное отверстие: «шалунья» или «шпизда», «фрозочка» или «срака», в какие конкретно модные одежды это тело наряжено. Наслаждение уравнивает всех, кто носит юбки, — горничных и дам, учениц и учительниц, графинь-баронесс-леди и уличных «курочек». Эти дамы не путают любовь, чувственное наслаждение и брак (недаром в обеих повестях замужество героинь — досадный, хотя необходимый эпизод). И потому женщины — не просто носительницы, а как бы воплощения сладострастия. Важно, как уже не раз было сказано выше: под платьем они все голые. Даже я.

Ольга Воздвиженская

Оскар Уайльд *Телени, или Обратная сторона медали*
Обри Бердслей *История Венеры и Тангейзера* М., ВРС. 2003. 223 с.

ЛАЗОРЕВЫЕ НЕНЮФАРЫ

Ненюфары — это по-французски лотосы, водяные лилии. И извилистые стебли, на которых растет цветок ослепительной красоты, цветок, воплощающий в себе, кажется, всю мыслимую чистоту и тем самым парадоксально вводящий в соблазн; вызывающий мысль, что его сверкающее совершенство своим происхождением обязано густому грязному илу на дне водоема под зеркальной гладью воды, о чем лилия, может быть, и сама не ведает, целуемая ветерком... Какое богатство символических ассоциаций, смыслов и оттенков смыслов — Офелия среди кувшинок и прекрасные девы рек, любовь к которым гибельна для смертного, «лилии полевые», не знающие забот, и воспоминание о таинственном Востоке, о Будде, Конфуции и «позе лотоса» индийских йогов, ведущей к постижению высшей истины; наконец, сколь прекрасен сам облик водяной лилии — нежный, как невинная девственница, и почти жестокий, ибо формой цветок напоминает изысканное оружие. И как красиво на непривычный слух звучит ее французское название... Недаром водяные лилии были в искусстве модерна одним из любимых символов и элементов модернистского орнамента — один из наших героев, Обри Бердслей, часто их рисовал на обрезах иллюстрируемых книг. А другой герой, Оскар Уайльд, всю жизнь писал об опасности, соблазне и высшей ценности совершенной Красоты.

Ну, а лазоревые — это чтобы сказать «голубые», но покрасивее, так, чтобы вызвать у читателя ассоциации не только с известным сексуальным отклонением, но со всем, что в жизни может иметь этот цвет, в том числе, с небесной вышиной, где обитает Создатель всей мировой красоты. Кувшинки вообще-то белые, но в эстетике модерна гораздо больше объекта живой природы ценилось его изображение средствами искусства, изощренность художнического видения самых обыденных вещей, потому в воображении эстетов-модернистов росли не кувшинки и не голубые, а лазоревые ненюфары.

В этом выпуске «Улицы красных фонарей» не случайно встретились два великих английских творца эпохи модерна. Встречались они и в жизни. Эти двое принадлежали к одному художественно-интеллектуальному кругу, шли весьма близкими эстетическими путями. Были если не друзьями, то коллегами и единомышленниками, весьма взаимно уважительными и ценившими талант друг друга. «Мистер Обри Бердслей, блистательный и изумительный молодой художник»¹ — так Уайльд рекомендовал Бердслея в 1894 году, а годом позже посвятил французское издание «Саломеи» «единственному художнику, кроме меня, который знает, что такое танец семи покрывал, и способен видеть невидимое», то есть тому же Бердслею, иллюстратору пьесы. Бердслеевские рисунки к «Са-

¹ Уайльд О. Письма. СПб.: Азбука, 2000. С. 168. Вся переписка Оскара Уайльда цитируется по этому изданию. (Далее — Письма.)

ломее», весьма далекие от библейской трактовки, поражают своей чудовищно-изысканной непристойностью, но «я ни на минуту не сожалел о своих рисунках к “Саломее”»² — откликнулся Бердслей в 1895-м. Уайльд и Бердслей много и активно сотрудничали, вместе выпускали «Савой» и «The Yellow Book», публиковались у одного и того же издателя — Леонарда Смитерса, с чьим именем связан последний период золотого века британской эротики. («Самый образованный эротоман Европы» — писал о нем Уайльд³.) Сохранились многочисленные письма обоих авторов своему издателю, ему адресовано последнее в жизни письмо Бердслея от 7 марта 1898 года⁴ и письмо Уайльда от 20 марта того же года⁵ с выражением сочувствия по поводу кончины Бердслея и с вопросами об издательских делах — Смитерс один из немногих, кто не отвернулся от Уайльда после выхода того из заключения, но поддержал его, издав «Балладу Редингской тюрьмы». Он же не выполнил предсмертной просьбы Бердслея — не уничтожил циклы его эротических рисунков, тем самым сохранив их для истории искусства. Были у писателя и художника и другие общие друзья-коллеги — Андра Рафалович и Роберт Росс, много сделавшие для поддержки авторов при жизни, для реабилитации столь «непристойных» особ после смерти и для увековечения их памяти.

А что до пристойности, нравственности и прочих внэстетических категорий, то сам Уайльд и предупреждал: «Не приписывайте художнику нездоровых тенденций: ему дозволено изображать все». Так оба и делали — и поэт, писавший романы, рассказы, пьесы, статьи, и художник-график, писавший стихи и прозу.

Много общего у двух творцов было и в характере их дарований, и в весомости вклада, который они внесли в становление искусства двадцатого века (до начала которого, впрочем, ни тот, ни другой не дожил); и в образе жизни, которую каждый из них постарался саму сделать произведением искусства. Оба были блестяще образованы и черпали для своего творчества мотивы из всей сокровищницы мировой культуры, отчего их искусство — «moderн» — легко и прочно вписывалось в многовековую традицию. Оба жить не могли без «света», ценили дух лондонского клуба и редакции, оба блестяще владели искусством едкой, на грани сарказма шутки и афоризма, оба с легкостью блуждали в дебрях остроумного парадокса, перенося его из гостиной на бумагу, в линии рисунка или реплику комедии. (При всей разности творческих манер авторов таковы же, кстати, и герои обоих произведений: мужчины с причудливо изломанными душами и парадоксальным интеллектом, но одаренные почти болезненным восприятием прекрасного, неизменно остроумные, элегантные, совершенно аморальные и безупречно светские.) Оба — и Оскар, и Обри — были вольнодумцами, но тяготели к католичеству и приняли его в самом конце жизни, увлеченные не столько этим способом вероиспове-

² Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее. М.: ТПО «Игра-техника», 1992. С. 218. (Далее — Альбом.)

³ Цит. по: Hyde M. A History of Pornography. L.: 1966. P. 185. (Далее — Hyde.)

⁴ См.: Альбом, с. 223.

⁵ См.: Письма, с. 298.

дания, сколько красотой римской обрядности; оба познали славу и восторги еще при жизни. Оба, наконец, встретили безвременную смерть на чужбине, во Франции, что, впрочем, тоже вполне укладывается в старую, но живучую английскую традицию — вынуждать к изгнанию из Британии поэтов, которые составляют ее славу, от Джона Китса до Джона Леннона. Уайльд покинул родину, когда после тюрьмы перед ним закрылись все двери английских гостиных, салонов, театров и редакций, а Бердслей — вроде бы по объективной причине, по состоянию здоровья; но надо помнить, что Англия, во всем придерживавшаяся ханжеской морали, последней из цивилизованных стран приняла социальное законодательство о борьбе с туберкулезом, ибо само слово «чахотка» считалось неприличным и его нельзя было произнести публично, тем более в парламенте... Оскар Уайльд умер в парижском отеле сорока шести лет отроду, в 1900 году, Обри Бердслей подавился кровью в Ментоне двумя годами раньше — ему было двадцать пять.

И два текста, составившие «Причуды и мучения», в полной мере отражают и характер, и судьбу своих авторов, в них причудливо, парадоксально переплетаются высокая трагедия героя, заблудившегося в своих страстях, и насмешка над несовершенством человеческой природы на фоне искусства; почтительное обращение к наследию предыдущих времен и язвительная пародия на литературный первоисточник; противоречивое стремление к спасению души путем веры и неприятие обманов религии. И конечно, воспевается искусство как высшая мера всех вещей, источник высшего наслаждения, доступного человеку и богу, и эротизм, возведенный на высшую ступень искусства, когда божество обретает триединый лик — Красота, Сладострастие, Смерть.

Кроме того, оба текста имеют непростую историю. До сих пор исследователи спорят о принадлежности «Телени» перу Оскара Уайльда и об обоснованности той версии «Венеры и Тангейзера», которую мы предложили русскому читателю в нашей серии. Истории эти весьма нетривиальны, их стоит рассказать поподробнее.

Так кто же написал «Телени» — сам Оскар Уайльд, или Уайльд с помощью друзей, или друзья Уайльда, нашедшие после его смерти незаконченные фрагменты и черновики? Начнем с конца. Последняя версия приведена в статье Гизелы Бляйбтрой-Эренберг, лет семь назад опубликованной по-русски⁶. Достаточно произвольно обращаясь с фактами (доскать, душеприказчик Уайльда Росс не владел литературным мастерством и потому, обнаружив черновики «Телени», призвал на помощь другого общего приятеля — Фрэнка Харриса, не брезговавшего «порнографией», который и довершил работу; а стало быть, роман был опубликован десятью годами позже обычно указываемой даты), автор статьи ведет к тому, что это все-таки не Уайльд⁷.

⁶ Бляйбтрой-Эренберг Г. Телени. Об апокрифическом романе Оскара Уайльда // РИСК: Альманах. М.: АРГО-РИСК, 1995. Вып. 1. С. 95 — 96.

⁷ Ее аргументы не выдерживают никакой серьезной критики — опубликованные, в том числе по-русски, письма Росса, в частности, пространное описание смерти Уайльда, которой Росс был свидетелем, вовсе не оставляют сомнения в литературной одаренности Росса — известного литературного и художественного критика своего времени, духовного лидера своего творческо-

Более авторитетные эротологи⁸ практически в один голос рассказывают такую историю: в 1889 году в Лондоне открылась книжная лавка Чарльза Хирша, торговавшая французскими книгами — как легально изданными, так и не вполне. Уайльд вскоре стал постоянным покупателем Хирша, заказывая в том числе «содомитические» сочинения. В конце 1890 года Уайльд попросил Хирша взять на хранение некую рукопись и передать другому человеку, который предъявит визитную карточку Уайльда. Так и вышло, притом процедура передачи и возврата через Хирша повторялась трижды, после чего Уайльд забрал рукопись. Каждый раз, получив рукопись у очередного посланца, Хирш замечал, что в ней все больше и больше правок и заметок на полях, сделанных разными почерками, — отсюда и пошла легенда о соавторах Уайльда. Через три года, в 1893 году, в двухтомнике, выпущенном Смитерсом, Хирш опознал тот текст, правда, с некоторыми изменениями: в частности, действие было перенесено из Лондона в Париж. Всю эту историю Хирш поведал, однако, только в 1934 году, в предисловии к французскому переводу «Телени».

Как бы то ни было, впервые «Телени» был опубликован именно в 1893 году⁹, именно Смитерсом, в двух томах, тиражом 200 экз. А на вопросы об авторстве всего ответил сам текст романа, если сопоставить его с «официально признанными» сочинениями Уайльда.

Хронологически «Телени» лежит между двумя другими крупными прозаическими творениями Уайльда — «Портретом Дориана Грея» (1891) и «De profundis» (1897, первая публикация — 1905). Следует также заметить, что «Телени» вышел в свет в один год с «Саломеей», причем опубликован роман был анонимно, а пьесу не допустили к постановке на английской сцене — и то и другое, естественно, по причине «безнравственности». Легко заметить, что оба текста в равной степени демонстрируют склонность своего автора даже не то чтобы к пародированию, но к дерзкому, на грани кощунства, переосмыслению классического сюжета. Только в одном случае извращенно-эротическими тонами окрашивается библейский миф, а в другом наизнанку выворачивается нравоучительный роман Просвещения, вероятно, один из «знаковых» текстов для Уайльда,

го поколения! Ему же принадлежит блистательный труд о творчестве Бердслея. А Харрис обратился к эротическому жанру намного позже, его знаменитая книга «My Life and Loves» (с которой мы в свое время также обязательно познакомим читателя «Улицы красных фонарей») вышла в конце 20-х годов. Прочие текстологические доказательства немецкой исследовательницы также малосубъективны. Ссылка же на то, что, живя во Франции после выхода из тюрьмы, Уайльд почему-то не признался в авторстве «Телени», хотя ему уже нечего было терять, вовсе несерьезна на фоне биографического контекста — даже «Баллада Редингской тюрьмы» в первых семи изданиях вместо имени автора имела шифр С.3.3 — эзковский номер Уайльда. Да и жил писатель во Франции под псевдонимом «Себастьян Мельмот», что, кстати, вызвало известные сложности с его похоронами (об этом см. Письма, с. 336).

⁸ См., например: *Hyde*. P. 149 — 153; *Scheiner Clifford J. The Essential Guide to Erotic Literature*. Ware, 1996. Part One. P. 211 — 215; *Kearney Patrick J. A History of Erotic Literature*. L., 1982. P. 120 — 121.

⁹ Патрик Керни в своей монографии приводит обложку первого издания, на которой ясно читается дата «1893»; см.: *Kearney*. Op. cit. P. 121.

особо отмеченных им: «Дориан, недовольно хмураясь, рассеянно перелистывал превосходно иллюстрированное издание “Манон Леско”, найденное им в одном из книжных шкафов»¹⁰. Очевидно, именно роман аббата Прево и стал литературным первоисточником «Телени». Герой-рассказчик носит имя героя «Манон Леско», злосчастного кавалера де Грие, о чем и сам прямо говорит ближе к концу романа. Оба сюжета — и Уайльда, и Прево — толкуют о «необоримой страсти, что делает несчастнейшим из смертных»¹¹, об измене и ревности, о бедности, денежных долгах и продажной любви, о трагической кончине одного из любовников. Повторена даже сама форма рассказа — исповедь (для сравнения: «Дориан с интересом поглядывал на темные исповедальни, а иногда подолгу сидел в их сумрачной тени, слушая, как люди сквозь ветхие решетки шепчут правду о своей жизни»). Но тут «недовольная нахмуренность» превращается в уничижающий гротеск — если герой XVIII века горько раскисается, изливая душу добросердечному аббату, и готовится вступить на праведный путь, то герой конца XIX-го рассказывает о своей противоестественной любви новому возлюбленному, подробно отвечает на его вопросы и порой даже ропщет на Бога и его заповеди (в тексте «Телени» поражает обилие библейских аллюзий и даже прямых цитат с самыми богохульными комментариями). Через несколько лет Уайльд и сам ощутит потребность в исповеди и на этот раз обойдется без всякой иронии, но все-таки тоже адресует свои признания возлюбленному...

Рука Уайльда узнается во многом — герои «Телени», например, щедро наделены склонностью к коллекционированию предметов искусства, к жизни в эстетическом окружении, и автор не жалеет красок для описания роскошных интерьеров. Перенос действия из Лондона в Париж, наоборот, выполнен нарочито небрежно — герои продолжают разезжать в кебах (в Париже это называется «фиакры»); и о реке, текущей через равнодушный, загадочно-устрашающий темный город, в которую готов броситься отчаявшийся Камиль де Грие, не скажешь наверняка, Сена это или Темза; а купол, виднеющийся на горизонте, с равным успехом может венчать и парижский Дом Инвалидов, и лондонский собор Св. Павла. Описания трущоб, населенных продажными женщинами, или закоулков, где бродят неприкаянные содомиты, вполне параллельны соответствующим страницам «Портрета Дориана Грея», рисуящим прогулки героя по оплумным притонам. И еще здесь прячется маленький проблеск оксфордской образованности, опять же нарочно вульгаризованной, — в своей отчаянной слежке за любимым де Грие мыкается между уличными писсуарами рю Веспасьен; римский император Веспасиан, согласно историческому анекдоту, прославился тем, что первым придумал взимать налог с общественных уборных, отчего и родилась поговорка, что деньги не пахнут. А чисто английское высокомерное презрение ко всему иностранному, свойственное Уайльду? В одном из писем периода его американского турне (1882) читаем: «Сам не знаю, где я нахожусь, где-то среди каньонов и койотов: одно —

¹⁰ Уайльд О. Избранные произведения. В 2 т. М.: Госиздат, 1960. Т. 1. С. 71. Здесь и далее «Портрет Дориана Грея» цитируется по указанному изданию.

¹¹ *Аббат Прево*. Манон Леско. М.; Л.: Academia, 1936. С. 16.

разновидность лисицы, другое — глубокое ущелье, я точно не знаю, что есть что...»¹². А в «Телени» герою кажется непроницаемой и варварской фамилия великого австрийского композитора — ведь в ней целых три согласных подряд: Liszt, и этого достаточно для салонного остроумца, чтобы объявить Листа «неизвестным».

Можно обнаружить и прочие мелкие сюжетные и стилистические пересечения, убеждающие в авторстве Уайльда: например, жена лорда Генри сбежала именно с пианистом, но и красавец Дориан Грей — виртуозный пианист-дилетант, пленяющийся равно Шопеном и Шубертом и варварской, экзотической, в том числе цыганской (!) музыкой, притом, подобно Камилло де Грие, ненавидит благотворительные концерты. Мадм де Грие весьма схожа с леди из светских комедий Уайльда. Можно заметить и чисто уайльдовскую склонность изображать предельно безобразное с той же увлеченностью, как и совершенно прекрасное, сопоставляя два эстетических полюса (стоит сравнить шлюх, так напугавших юного де Грие, и Карлика из «Дня рождения инфанты»). Заметны в тексте характерно уайльдовские приемы описания прекрасного (особенно отчетливые в его сказках) — природа через искусство, современность через древность, простота через роскошь: Телени похож на статую Антонио, природные ландшафты — на картины известных мастеров, а луна окрашивает груди деревенской девушки в оттенки опала, придавая коже служанки «атласный блеск и янтарное сияние».

Совершенно уайльдовским видится и своеобразный мистицизм, ощущение ирреального, которым пронизан «Телени», — телепатическая связь, что в самые эмоционально напряженные моменты устанавливается между любовниками, присущая им обоим суеверность, мотив таинственных двойников, сама атмосфера Рока, нависшего над этой любовью. Точно так же портрет, отражавший подлинную сущность Дориана Грея, стал его страшным талисманом, хранившим от бед и толкавшим на все новые грехи; а в «Кентервильском привидении» Уайльд, высмеивая балаганный оккультизм, поведал о грозном невидимом мире, что существует рядом с человеком.

И наконец, Уайльда выдает самый пафос этого романа, главная тема, прошедшая через все его творчество от сказок до тюремной баллады: тождество любви и смерти, убежденность, что человек, предающийся любви, непременно погибнет. Любовь — сама по себе всегда трагедия; неважно, какие формы она принимает: альтруизм Счастливого Принца, преодоленный эгоизм Великана, нарциссизм Дориана Грея или первая девическая влюбленность Сибиллы неизменно ведут к смерти. «Но каждый, кто на свете жил, любимых убивал...»¹³ — напишет Уайльд в последнем своем творении и с ужасающей тщательностью перечислит:

Любимых убивают все,
Казнят и стар и млад,
Отравой медленно пят
И Роскошь и Разврат,
А Жалость — в ход пускает нож,

¹² Письма, с. 71.

¹³ Уайльд О. Баллада Редингской тюрьмы (пер. Н. Воронель).

Стремительный, как взгляд.
Любимых убивают все —
За радость и позор,
За слишком сильную любовь,
За равнодушный взор...¹⁴

Единственная любовь, что не сгубит любящего и любимого, — любовь к искусству, притом такая любовь должна быть абсолютно бескорыстна, а «всякое искусство совершенно бесполезно». Способность творить прекрасное уравнивает человека с богами, но измена искусству, измена чистой красоте наказуется — и тем беспощаднее, если искусство забыто ради человеческой любви. Саломея, способная заморозить любого танцем семи покрывал, казнена за свою жестокую страсть к пророку. Актриса Сибилла, скинув наряды шекспировских героинь, теряет всякую прелесть в глазах возлюбленного. Соловей, певший всю ночь, чтобы помочь влюбленному Студенту раздобыть розу для равнодушной девушки, гибнет зря. Легко поставить в этот ряд уайльдовских героев и Рене Телени, возлюбившего человека больше, чем свою музыку, спустившегося с горных высот Красоты и утрагившего божественную неуязвимость. Музыкант, зачаровывающий своей игрой, вызывающий у слушателей волшебные видения, единожды изменив своей художнической, высшей природе — оступившись в человеческую чувственность, — вынужден падать все ниже и в конце концов предаваться наиболее низменному для себя занятию — совокулплаться с женщиной ради презренных денег, тем самым уничтожая и любовь свою, и жизнь. Допустив в свою душу земную страсть, он обречен.

Тут следует обратить внимание на пусть не главного, но значимого персонажа романа — художника Брайанкорта, своего рода антипода Бэзилу Холлуорда, написавшего роковой портрет Дориана Грея. Холлуорд, позволивший себе увлечься человеком сильнее, чем его изображением, а результатом творчества больше, чем его процессом, падает жертвой этого увлечения, убитый рукой своего любимого (забегая вперед, скажем, что увлечение художника красотой юного Дориана, как оно описано Уайльдом, носит, при всем эстетизме, привкус гомосексуальной чувственности). Сам же треугольник трех молодых мужчин в «Телени» весьма напоминает аналогичную фигуру, которую образуют Дориан, Бэзил и лорд Генри в главном романе Уайльда. Брайанкорт, находящийся с де Грие и Телени в противоречивых отношениях дружбы-вражды-страсти, все-таки видит даже в самом красивом юноше лишь модель для картины. И потому, при всей несимпатичности Брайанкорта, он, по-видимому, воплощает для Уайльда некий парадоксальный идеал — не вступая в спор со своей природой, все же не подчиняется ей целиком, но стремится к Красоте, в коей его единственная настоящая страсть. Оттого даже чудовищные оргии, происходящие в мастерской Брайанкорта, носят столь изысканный характер и описаны автором с таким любованием: «художник не моралист». Брайанкорт — единственный из героев, кто благополучно выбирается за пределы сюжета, несмотря на трагикомический конец сборищ в своем доме. Выживает и де Грие, вероятно, потому, что его натуре

¹⁴ Уайльд О. Баллада Редингской тюрьмы (пер. В. Топорова).

присущ отстраненный эстетизм: даже при виде кошмарной измены своего любовника — вдвойне кошмарной, потому что с женщиной, втройне кошмарной, ибо с его собственной матерью! — он способен все-таки залюбоваться игрой света на белом атласе...

Пора сказать о природе мучительной любви, которая обурекает героев «Телени», ибо наиболее шокирующим в романе может показаться именно то, что посвящен он отношениям гомосексуалистов (и здесь — самое острое пародии, направленной против сочинения аббата Превю, ведь его герои все-таки мучались от страсти вполне традиционной). Но после первого шока понимаешь, что главный акцент падает все-таки не на описание взаимных анальных соитий и оральных ласк между мужчинами, а на душевное состояние героев, и вопрос об особой запретности такой любви довольно быстро перестает их беспокоить. Рене Телени, как и сам Уайльд, бисексуален, и читатель заметит, что наряду с упоением однополую мужскую страстью в романе не без эстетизма описан и гетеросексуальный секс. Гомосексуализм Уайльда не агрессивен, и женское тело в его глазах столь же прекрасно, хотя и не желанно.

Для всякого, кто хотя бы поверхностно знаком с жизненной историей писателя, неизбежен и вопрос о возможной автобиографичности «Телени». Роман вышел в свет в 1893-м, писался, если верить Хиршу, примерно с 1890-го. Даты, вполне совпадающие с хронологией блаженной, бурной и губительной для Уайльда «дружбы» с Бози — Альфредом Дугласом. Нет смысла пересказывать эту трагическую историю подробно — Уайльд сам сделал это в «De profundis» со всей беспощадностью истинного художника. Можно пытаться разглядеть белокурые локоны Бози в пудреной шевелюре Телени, сопоставить синеву глаз вымышленного героя и реального юноши; можно при желании угадать в генерале Брайанкорте — «благородном отце», тайно разделяющем пороки сына, — маркиза Куинсберри, отца Бози, затеявшего роковой судебный процесс, а в мадам де Грие — мать Бози, постоянно вмешивавшуюся в запутанные денежные счета между писателем и его юным возлюбленным. И еще можно сравнить с по-смертно опубликованной исповедью самые эмоционально насыщенные страницы «Телени» — и поразиться сходству.

Но для меня более убедительно другое — неоднократное упоминание о некой книге, которую подарил юному Дориану лорд Генри и которая на всю жизнь отравила тайным сладким ядом душу юноши. «Книга была написана своеобразным чеканным слогом, живым, ярким и в то же время туманным... Порой трудно было решить, что читаешь — описание религиозных экстазов какого-нибудь средневекового святого или бесстыдные признания современного грешника... Герой книги, молодой парижанин, в котором так своеобразно сочетались романтичность и трезвый ум ученого, казался Дориану прототипом его самого, а вся книга — историей его жизни, написанной раньше, чем он ее пережил» (курсив мой. — О.В.). Имеется и письмо Уайльда, написанное именно в год вероятного начала работы над «Телени»: «Фатальная книга, которую лорд Генри прислал Дориану, — это одно из многих моих ненаписанных творений. Как-нибудь я должен буду проделать формальную процедуру перенесения ее на бумагу...»¹⁵ Даты совпадают. Совпадает и беглый очерк главного героя — омоло-

¹⁵ Письма, с. 118.

лого парижанина». И кто знает, вдруг «Телени, или Обратная сторона медали» — это и есть та книга, которую писатель должен был написать, прежде чем пережить ее сюжет в реальности? И Оскар Уайльд, «способный видеть невидимое», создал этот роман и глазами Камилля де Грие впервые заглянул в ту бездну отчаяния, в которую должна была завести его безрассудная и преступная страсть, бездну, что потопила его два года спустя? Сцена, когда герой, выловленный таинственным двойником из Сены (или Темзы? или Стикса?), приходит в себя в морге, словно предвосхищает ощущения Уайльда, чувствовавшего себя заживо похороненным в Редингской тюрьме. Тема могилы, неизбежной в конце всякой любви, пронизывает тюремную «Балладу», и «de profundis», из могильной глубины, звучат слова Уайльда — но их мог бы произнести и умирающий Рене Телени: «Ты пришел ко мне, чтобы узнать Наслаждения Жизни и Наслаждения Искусства. Может быть, я избран, чтобы научить тебя тому, что намного прекраснее — смыслу Страдания и красоте его»¹⁶.

Обри Бердслей своей более чем вековой славой обязан прежде всего своему таланту графика, но и его литературное наследие известно не меньше, хотя оно сравнительно невелико — несколько стихотворений, сборник афоризмов «Застольная болтовня» и «История Венеры и Тангейзера», упоминаемая также как «Под Холмом» и при жизни Бердслея незаключенная.

Надо сказать, что творчество Обри Бердслея и как рисовальщика, и как писателя сразу же после его безвременной смерти в 1898 году стало предметом пристального и доброжелательного изучения. Фундаментальные статьи Р. Росса, А. Симонса, Дж. Пеннеля, а также русских авторов («серебряного века» — Н. Евреинова, С. Маковского, монография А. Сидорова, вышедшая в пограничном 1917 году)¹⁷, дают читателю подробнейшие сведения о жизненном и творческом пути Бердслея. К ним мы и отсылаем желающих глубже проникнуть в его причудливую натуру.

Что же касается «Венеры и Тангейзера», то эта повесть стала знаменитой еще до публикации — первый раз она упоминается в аннотации Джона Лейна, где обещано целых двадцать полномасштабных иллюстраций автора (реально их меньше десятка). Можно представить, что Бердслей сперва нарисовал свои видения, а лишь затем сопроводил их текстом, и самые ранние рисунки на сюжет повести были напечатаны уже в 1895 году в «The Yellow Book». Первые фрагменты текста были опубликованы годом позже в «Савое», причем в жестко цензурированном виде. В этой версии вместо рыцаря действовал аббат Фанфрелуш, а вместо богини — Прекрасная Елена¹⁸ (что единожды сохранено и в публикуемом нами перево-

¹⁶ «De profundis» цит. по: Уайльд О. Избранное. Свердловск, 1990. С. 426.

¹⁷ Почти полное собрание материалов о Бердслее было издано в России еще в 1912 г. См.: Обри Бердслей: Рисунки, повесть, стихи, афоризмы, письма, монография... М.: Скорпион, 1912. Это уникальное издание с добавлением позднейших материалов практически целиком воспроизведено в Альбоме 1992 г.

¹⁸ Именно то, что герой в этой версии — аббат и влюблен в смертную женщину, а также посвящение повести князю католической церкви, дало Н. Евреинову основание увидеть в повести некую раннюю попытку покаяния Бердслея, — что вполне простительно, если помнить, что заключительных глав в то время не существовало. Тем не менее ревностным като-

де). Эти же отрывки были воспроизведены в сборнике, изданном Дж. Лейном в 1904 году¹⁹ с примечанием: «полный текст рукописи издатели сочли неудобным для печати». Полностью бердслеевский текст был опубликован в 1907 году все тем же вездесущим Леонардом Смитерсом, которому умирающий художник в последние годы жизни пересылал по мере готовности части своей рукописи. Это издание — тиражом 300 экз. — вышло без пропусков, но зато не содержало рисунков (Венера и Тангейзер в этом варианте получили свои подлинные имена). Повесть обрывалась на середине десятой главы — там, где смертельно больного автора оставили силы.

Через полвека после публикации и более чем через шестьдесят лет после смерти Обри Бердслея повесть была окончена. Американский поэт Джон Гласко, долгие годы усердно изучавший творчество английского художника и проникшийся его духом, взял на себя смелость дописать бердслеевский текст, строго руководствуясь планом, что Бердслей изложил на первой странице своей рукописи, и общим ходом классического сюжета о рыцаре и богине. И получился не просто сиквел знаменитой книги. В предисловии к изданию 1958 года Гласко настаивает, что Бердслей никогда не оставлял брошенными начатых творений, но всегда доводил до совершенства самые мимолетные замыслы, ссылаясь на так называемые «последние письма», где Бердслей говорит о своей увлеченности сочинением этой повести. А потому собственная работа Гласко — выполнение невысказанного завета рано умершего художника, довершение его тщательно разработанной композиции и дань любви к его гению. К сожалению, пишет Гласко, можно еще подражать прозе Бердслея, но нет художника, который смог бы выполнить недостающие иллюстрации, и эта часть замысла утрачена навсегда.

Надо благодарить американского поэта-литературоведа за ту тактичность, с которой он продолжил труд великого предшественника, хотя при всем стилизаторском таланте Гласко его текст, конечно, отличается от бердслеевского. Продолжателем не обладал ни столь огромной искусствоведческой эрудицией, позволявшей Обри Бердслею с легкостью оперировать всем мировым художественным наследием, засыпать читателя, словно тучей пестрого конфетти, обилием мимолетных ссылок, упоминаний и намеков²⁰, а при необходимости изобрести какого-нибудь «Жана-Батиста Дора и его школу»; ни широтой общекультурного кругозора, какой давала толь-

ликом художник стал лишь за год до смерти. Имя же Польди-Пеццолли носит знаменитая художественная галерея в Милане с богатейшей коллекцией средневекового и ренессансного искусства.

¹⁹ См.: Under the Hill and Other Essays in Prose and Verse by Aubrey Beardsley. L.: Lane, 1904.

²⁰ Потому следует откровенно признаться, что наш комментарий к повести страдает вынужденной неполнотой. Известно, кто такой Клод Лоррен, но существовало ли собрание леди Длавер, и могла ли знатная англичанка носить фамилию по названию индейского племени? Что из реалий, упомянутых Бердслеем, просто затерялось за сто лет, а что он похода выдумал сам в порыве игрового вдохновения? Очевидно, половина намеков, брошенных вскользь и ясных друзьям и современникам, до нас просто не доходит. Полный комментарий к «Венере и Тангейзеру» по силам, вероятно, только искусствоведу-универсалу.

ко старая британская система образования, готовившая не специалистов, а джентльменов; ни неподражаемой иронией светского англичанина, с которой Бердслей, например, объявляет «комедией» монументальную оперу Вагнера. Наверно, Джону Гласко нелегко было почувствовать себя «блистательным и изумительным молодым художником», еще не имеющим подражателей (коих с тех пор объявилось множество), нелегко даже мысленно перенестись в мир, еще не знающий ужасов Мировой войны и «социалистического реализма», в эпоху, когда стиль «модерн» не принадлежал истории культуры, но само слово просто указывало на современность, модность художественной тенденции, покамест не ставшей классикой и даже не помышлявшей об этом. Кроме того, двойной талант Бердслея — в графическом и словесном искусстве — позволял ему, вероятно, при сочинении текста опираться на собственные зрительные образы, какового преимущества стилизатор был лишен. И все-таки «наследнику» удалось создать гармоничное целое, повесть, читающаяся как стилистически единый, законченный текст.

Обри Бердслей ведь тоже начинал свое повествование не на пустом месте. «Юд Холмом» — изящнейшая сатира на целую литературную традицию. Тангейзер, по-видимому, историческая личность, германский рыцарь-миннезингер XIII века, чья бурная и полная приключений жизнь вошла в народные предания. Баллада «Тангейзер» была впервые издана в Нюрнберге в 1565 году. Ее русский текст²¹ начинается с намерения рыцаря покинуть грот Венеры, а заканчивается новой радостной встречей любовников и посрамлением папы Урбана IV. В дальнейшем к этому сюжету обращались Гейне, сохранивший в своем «Тангейзере» и ритмику, и фактуру старинной поэмы, а также патриоты-романтики Людвиг Тик и Клеменс Брентано, знаменитые собиратели германского фольклора. Нельзя не упомянуть написанную много позже «Волшебную гору» Томаса Манна (герой которой, к слову, был чахоточный, как Бердслей). Наконец, этот сюжет вдохновил на создание одноименной музыкальной драмы Рихарда Вагнера. И представляется, что Бердслей полемизирует именно с немецким композитором. Будучи современниками, принадлежат к одному творческому поколению, являясь новаторами каждый в своей области, практически одновременно обратившись к европейскому эпосу, немецкий композитор и английский художник пришли к совершенно разным художественным итогам. Бердслей населил страницы «Смерти Артура» изящными юношами и томными девами в фантастических одеяниях, насадил леса диких деревьев и таинственные сады. Вагнер же создал громоздкие постановки, для которых построен специальный театр, и, чтобы насладиться авторской редакцией опер, надо ехать в Байройт. Тем не менее, при всей условности рисунков Бердслея, они, среди прочего, ныне оказались востребованы в дизайне высокой моды. Показы этой весны полны коллекциями, где манекенщицы демонстрируют платья Изольды, Джиневры, Саломеи и Иродиады, точно повторяющие в материале фантазии художника, — изуми-

²¹ Баллада имеется в русском переводе Льва Гинзбурга, см.: Немецкие народные баллады. М.: Госиздат, 1959. О принципах русского перевода «Тангейзера» см.: Гинзбург Л. В повях Святого Грааля // Поэтика перевода: (Сб. статей). М.: Радуга, 1988. С. 12 — 20; Левик В. Лев Гинзбург: Опыт литературного портрета // Там же. С. 212 — 234.

тельное зрелище! Вагнер же (в чем, конечно, нет его вины) заслужил печальную славу любимого композитора Гитлера. Впрочем, все это было еще впереди, когда, берясь за вагнеровский сюжет, Бердслей перенимал все на игриво-непристойный, но удивительно гармоничный и изысканный лад, ввел в свиту Венеры персонажей из античных анекдотов, комедии масок, а также толпу выдуманных и реальных персонажей. Он перенес действие в некое мифическое европейское пространство и в сказочное время, где одновременно живут изящные и суетные кардиналы Возрождения и парижские кокетки, языческая Богиня и Римский Папа; а своего героя наделил и чертами средневекового рыцаря-католика, и приметам светского хлыща из лондонской гостиницы. Так что «Под Холмом» — не только шутка гения, решившего порезвиться с арсеналом другого вида искусства, но и реплика художника в серьезной эстетической дискуссии о классическом наследии и новом искусстве.

Если же от контекста перейти к непосредственному содержанию повести, то при всей видимой несхожести с уайльдовским романом сочинение Бердслея толкует все о том же — о наслаждениях жизни и искусства и о красоте страдания. Венерин Холм²², как и будуар Рене Телени, — убежище от обыденности, даруемое судьбой мужчине-эстету. И Тангейзер (бисексуальный, как Телени), пусть в условном, гротескно-фантастическом мире, в сущности, проходит тот же путь, что Камилль де Грие: скрывается от банальности земного света в таинственные, сумрачно-прекрасные чертоги, где предается прихотливым, утонченным до извращения утехам духа и плоти; одновременно стремится к совершенной красоте и спасению души; не находит утешения в религии и осознает тщетность и бесплодность покаяния, не ведая, что Небеса все же милосердны, а людям не дано судить грешника; в отчаянии пытается положить конец своей загубленной жизни, в которой смертному никогда не дотянуться до полного слияния с любимым; но выживает и возрождается для новых наслаждений. И снова красота, страсть и смерть оказываются тремя ликами одного божества.

Кстати, забавно, что, по утверждению биографов, в 1896—1898 годах любимой книгой Бердслея была как раз «Манон Леско»;²³ а средневековый сюжет о расцветшем посохе грешного рыцаря занимал Уайльда²⁴ — еще один аргумент в пользу соединения этих двух текстов под одной обложкой. И в потаенных садах обоих авторов растут одни и те же цветы, на страницах переключаются метафоры и символы. Например, дикая роза — метафора хаотически неупорядоченной живой природы (ланью в зарослях шиповника видится деревенская девушка Камилло де Грие, ветка шиповника нарушает вычурную элегантность наряда Тангейзера); или оранжерейный изыск — гелиотроп: знаком неотвратимого сближения уайльдовских любовников стано-

²² А если написать с маленькой буквы, то получится медицинский термин, означающий женский лобок, — еще одна скрытая саркастическая усмешка универсально образованного англичанина. И тогда вся повесть превращается в развернутую метафору полового акта, где оргазм — маленькая временная смерть.

²³ См.: Сидоров А. Обри Бердслей: Жизнь и творчество. М.: Венок, 1917. С. 20.

²⁴ См.: Письма, с. 321, 408.

вится любимым обоими запах белого гелиотропа, а Венера, готовясь к встрече с Тангейзером, сбрасывает с себя пеньюар гелиотропового шелка... Оба автора в один голос противопоставляют сияющий мир грекоримской античности, где искусство и чувственность были неразделимы, тесному и суровому духу христианства, для которого вещественная красота суетна, а страсть — грех. Общим текстам свойственны эклектичность, переплетение барочной вычурности и пасторальной безыскусности, строгость старой гравюры и кафешантанная пестрота на грани дурного вкуса... Таким был весь модерн, но что бы стало с искусством XX века без этого стиля? Что характерно, ныне ведущим художественным направлением является постмодернизм, весь целиком ориентированный на сознательное освоение предыдущего эстетического опыта — от прямой цитатности до пародии.

«Телени» на русский язык переведен впервые, если не считать кусков, помещенных на официальном гейском сайте России (где отрывки, естественно, выбраны «по теме»). С «Венерой и Тангейзером» дело обстоит сложнее. Фрагментированная публикация Лейна 1904 года была почти сразу переведена в России — в следующем же году этот же текст появился в журнале «Весь». С версии, изданной Смитерсом в 1907-м, было скопировано русское англоязычное издание того же года, сразу же запрещенное к открытой продаже. С него для «скорпионовского» издания 1912 года был осуществлен русский перевод М. Ликиардопулоу, каковой и считался до сих пор каноническим. Этот текст с тех пор неоднократно воспроизводился, в том числе и в Альбоме 1992 года. Он имеет многочисленные пропуски, на месте всех «сомнительных» пассажей стоят многоточия — к усилиям британской цензуры добавились старания русской. Но с тех пор и времена изменились, и книга обрела завершенность. Именно этот «синтетический» вариант повести мы и предложили читателю нашей серии, впервые переведя все целиком на русский язык и таким образом внося посильный вклад в историю этой книги. Разумеется, все цензурные пропуски в нашем издании восстановлены. Место, где текст Бердслея сменяется текстом Гласко, отмечено особо.

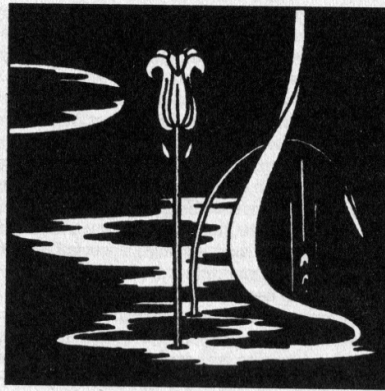
Русские переводчики начала прошлого столетия, в сущности, имели дело с текстами современников или, по крайней мере, старших сверстников, чьи эстетические принципы, мироощущение и личность, естественно, были гораздо ближе и понятнее людям «серебряного века», нежели нам, потомкам и наследникам. Лучшим ранним переводчиком Уайльда авторитетные исследователи признают Михаила Кузмина²⁵, он же перевел и все немногие стихи Бердслея. Но Кузмин во многом и эстетически, и тематически (вспомним кузминский гомосексуальный роман «Крылья»), и биографически шел по стопам Уайльда — чего стоил один громкий скандал с любовником Кузмина Всеволодом Князевым и любовницей последнего Ольгой Глебовой-Судейкиной. В этой уже русской истории опять сплелись в мучительный узел красота, страсть и смерть, что, в свою очередь, стало высоким искусством — ведь именно об этом первая часть ге-

²⁵ По крайней мере, так утверждает Е. Витковский, составивший недавно первое полное собрание стихов Уайльда в переводах на русский язык. См.: Уайльд О. Полное собрание стихотворений и поэм. СПб.: Евразия, 2000. С. 417.

ниальной ахматовской «Поэмы без героя»... Но для нас они все — классики, и переводим мы Бердслея и Уайльда, вполне отдавая себе отчет в дистанции, нас отделяющей от этих гениев и их времени. Осуждение человека за нетрадиционную сексуальную ориентацию нам теперь кажется нам таким же странным и неправдоподобным, как расцветший посох.

Но мы только что пережили собственный *fin de siècle*. И вечные боги — Красота, Сладострастие и Смерть — вовсе не покинули смертную человеческую природу. Они еще обрекут нас на мучительные причуды и причудливые мучения. Нам еще предстоит вырастить собственные шиповники, гелиотропы и нениюфары.

Ольга Воздвиженская

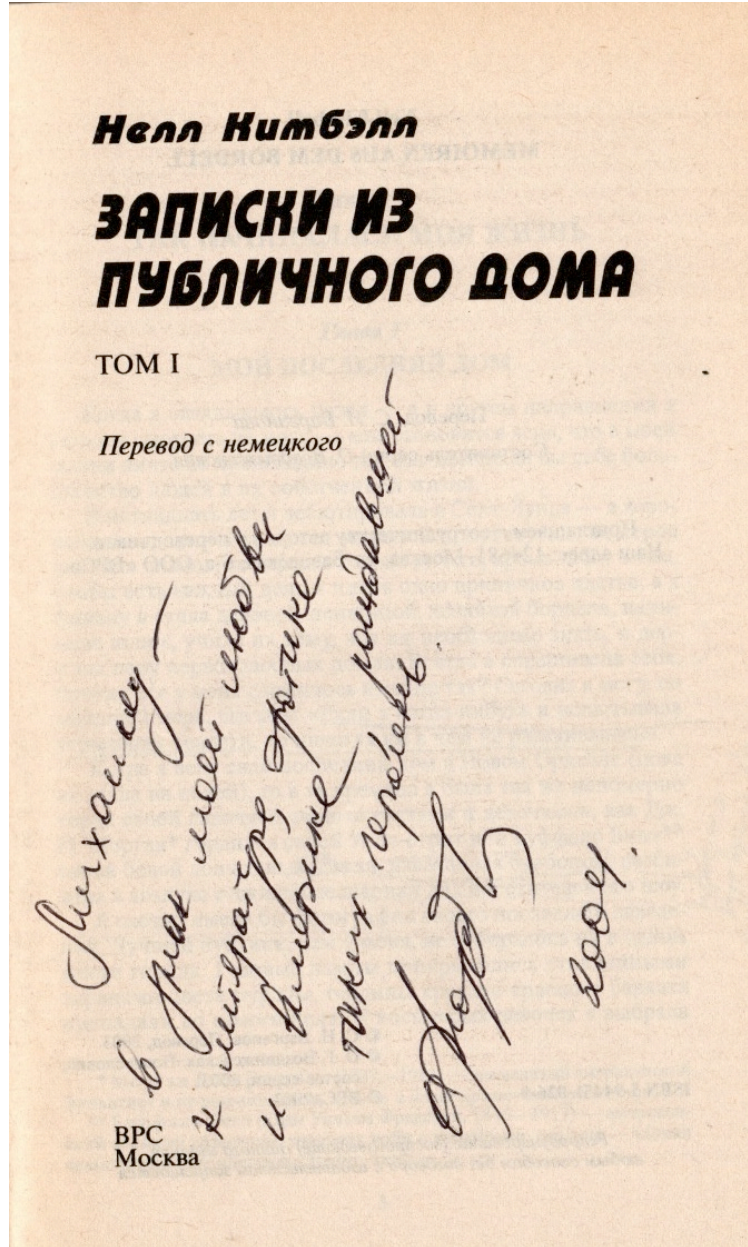

Нелл Кимбэлл. *Записки из публичного дома.* ⁴⁵

Книга 1 М., ВРС, 2003 163 с.

Книга 2 М., ВРС, 2003 176 с.

⁴⁵ см. рецензию *Как я влюбился в мёртвую проститутку* в книге Михаила Армалинского *Аромат грязного белья*. М.: Ладомир, 2013. 584 с. <http://www.mipco.com/win/Aromat.html>

УСТОЯВШАЯ НА ВЕТРУ

There is a house in New Orleans
they call «The Rising Sun»...

Лежит за океаном Америка, течет по ней великая река Миссисипи, у места впадения которой в Мексиканский залив стоит город Новый Орлеан, штат Луизиана. Русскому человеку все в этом городе кажется таким знакомым — ведь все смотрели в театре или по телевидению великолепную пьесу Теннесси Уильямса «Трамвай “Желание”», все читали знаменитый «Отель» Артура Хейли, а кое-кто — романы Фолкнера и «Всю королевскую рать» Роберта Пенна Уоррена.

Трамвай, ныне стараниями любителей старины вновь ходящий по столице американского Юга, недаром называется «Желание», а в отеле, описанном Хейли, в каждом номере лежит Библия, где среди стихов вписаны телефонные номера девиц по вызову. Романы Фолкнера и пьесы Уильямса пронизаны почти телесно осязаемой чувственностью. Дурманящий запах секса, похоти и страсти, видимо, разлит в самом воздухе этого города. Потому неудивительно, что публичный дом, записки из которого вы только что прочли, располагался именно в Новом Орлеане, точь-в-точь как в знаменитой песне, из которой взят наш эпиграф.

Согласно рассуждениям одного из героев книги, немца-эмигранта, американца в первом поколении Зига Флегеля, публичный дом — часть национальной американской культурной традиции. Если верить Нелл Кимбалл, само название нашей серии — «Улица красных фонарей» — имеет американские корни и относится к эпохе прокладки железных дорог на Запад. Но «Записки из публичного дома» — не просто еще одна книга об Америке и американцах.

«Создатель сотворил людей равными и обладающими очевидными и неотъемлемыми правами, главнейшие из которых есть право на Жизнь, Свободу и стремление к Счастью» — сказано в Декларации независимости США. Жизнь корректирует насчет равенства, государство ущемляет свободу, но стремление к счастью на земле Америки породило знаменитый миф о Великой Американской Мечте, о чем самими американцами написано множество книг. И двухтомник мемуаров Нелл Кимбалл — из этой обоймы. Надеюсь, читатели получили удовольствие от знакомства с этой умной, сильной и пронзительной женщиной, которая всегда ухитрялась выжить, завоевать себе свободу и стремилась к счастью, руководствуясь принципами очевидной справедливости. Игрой теми картами, какие тебе выпали, продавая качественный товар за настоящую цену; уповая на Бога (как написано на бумажном долларе), но бери плату наличными; не суди других и не оправдывайся сама.

154

Нелл Кимбалл (это имя наша героиня взяла, удалившись от дел) прожила долгую жизнь. Начало ее профессиональной карьеры пришлось на период Реконструкции после Гражданской войны Севера с Югом, а ушла она из своего бизнеса в год, когда США вступили в Первую мировую войну. Свои воспоминания эта леди стала писать сразу, как переселилась во Флориду, и трудилась над ними в 1918—1922 годах, написав за это время наброски первой трети книги. К работе над мемуарами она вернулась в 30-х, переписав в более живом стиле уже готовые фрагменты и доведя работу до конца. Опубликованы «Записки» были только через тридцать лет стараниями писателя-историка Стивена Лонгстрига, который является в некоторой степени их литературным обработчиком. Однако, как пишет сам Лонгстрит в предисловии к книге, сто участие свелось к проверке фактов (память Нелл Кимбалл оказалась блестящей, и все факты подтвердились), замене некоторых слишком громких имен, делении рукописи на главы и абзацы и в побуждении старой дамы к дальнейшему творчеству, ибо ее воспоминания представляли собой бесценный материал по американской социальной истории. В 1967 году Стивен Лонгстрит поместил фрагмент этих мемуаров в свою книгу «Это был Новый Орлеан: Леди, джаз и длинные ножи», и именно эта часть вызвала сенсацию, после чего в 1970 году «Записки из публичного дома» были наконец опубликованы целиком¹.

Перед нами, конечно, очень американская книга — потому «Записки из публичного дома» попадают сразу в несколько систем литературных координат.

Первая из них — самое время и место. Если считать на американский манер, по президентствам, то книга покрывает исторический промежуток от Улисса Гранта до Вудро Вильсона — весьма бурный период в становлении Соединенных Штатов. Расширялись границы страны, мужала и осознала себя нация — и писалась великая американская проза², к счастью, почти вся переведенная на русский язык³. Потому и в пространстве «Записок» мы чувствуем себя как в знакомых местах.

¹ Перевод для серии «Улица красных фонарей» сделан с немецкого издания 1999 г. В этом есть свой смысл — будучи американкой только в третьем поколении, Нелл Кимбалл думала в значительной степени по-немецки, и немецкий, что заметно по книге, оставался для нее родным языком, тем более, по собственному признанию, английскую грамоту Нелл освоила довольно поздно, уже взрослой девушкой. Так что немецкий текст мемуаров (переводчик Райнхард Кайзер) можно считать своеобразным возвращением к первоисточнику этой книги.

² Ведь именно американским писателям в XX в. чаще, чем представителям других литератур, присуждались Нобелевские премии.

³ К чести отечественной филологии, даже советские издания американских писателей часто сопровождалась серьезными статьями и комментариями, где наряду с яростным обвинением «загнивающего империализма» и хвалами в адрес «прогрессивных писателей» наличествовал глубокий и толковый анализ американского литературного процесса. Не могу не вспомнить с благодарностью семинар А.С. Мулярника по американскому роману и драме, в котором я занималась на журфаке МГУ в конце 80-х, и его более позднюю монографию «США: Век двадцатый» (1994).

155

Обо всем этом мы уже читали: о нишающих мелких фермерах — в «Гроздях гнева» Джона Стейнбека и в «Табачной дороге» Эрскина Колдуэлла, о легендарных временах речных пароходов на Миссисипи — у Марка Твена, о коррупции на всех уровнях американской политики — у «разгребателей грязи» Эптона Синклера и Синклера Льюиса, о становлении династий американских миллионеров — у Джона О’Хары, а о «веке джаза» — у Скотта Фицджералда; о «золотой лихорадке» поведал всему миру Джек Лондон, о крупных биржевых махинациях — Фрэнк Норрис, а о хаосе латиноамериканских революций — Амброуз Бирс и Джон Рид. Благородных грабителей и джентльменов — карточных игроков мы встречали в рассказах О’Тенри, а о формировании организованной преступности подробно рассказал Марио Пьюзо. И даже о влиянии Первой мировой войны на сексуальность американца нам написал Хемингуэй.

И вот это все органично соединилось в одной книге. Конечно, Нелл Кимбэлл и в мыслях не имела встать в один ряд с вышеупомянутыми авторами мирового уровня, но ее голос не пропадет в их мощном хоре. Все, о чем она пишет, она видела собственными глазами, испытала на собственной шкуре, и ее сочинению присущ неповторимый аромат подлинности. В поле ее зрения попадают и глобальные события, и бытовые мелочи: как меняются моды на женские платья и белье и самый тип женской красоты, как появляются новые блюда и напитки; как осваивается Дикий Запад, прокладываются трансконтинентальные железные дороги и начинается массовый приток эмигрантов из Европы. В доверительных мужских беседах в салоне публичного дома воспламеняется американский патриотизм, и в результате Америка заявляет о себе как мировая держава; но на заднем плане в том же салоне бацают на панино три негра — за харчи и несколько монет, а потом эти парни поднялись со своей музыкой вверх по Реке — и всю Америку охватило поветрие великого черного джаза (Луи Армстронга и Кинга Оливера Нелл помнила еще мальчишками на побегушках). Черные американцы в начале книги бродят голодными шайками рабов, брошенных на произвол судьбы, а в конце — становятся университетски образованными адвокатами — борцами за гражданские права. Элегантные конные экипажи на улицах Нового Орлеана и Сан-Франциско сменяются автомобилями, и на кухне прочно воцаряется холодильник, а джентльмены начинают пить «мартини» вместо мятного джулепа, и чуть ли не на глазах нашей героини закручивается афера Панамского канала.

Кроме того, создательницу «Записок из публичного дома» отличает удивительная трезвость оценок. Ранний опыт тяжелого детства, наблюдения за жизнью родителей и соседей и за ходом вещей в природе довольно быстро избавили Нелл от религиозных иллюзий о грехе и добродетели. А дальнейшая жизнь научила, что бедные и богатые, черные и белые, судьи и гангстеры, проститутки и светские дамы, сезонные рабочие и сенаторы — просто люди, хорошие или плохие. И потому Нелл так симпатична, что не пугает секс с любовью, а бизнес с удовольствием, не боится никакой работы и радуется счастью, когда к ней приходит настоящая любовь. Более того, «бордель стал моим колледжем»: богатейший, хотя и специфический жизненный опыт, многолетнее практическое изучение приро-

ды человеческих страстей, механики большого бизнеса, хитроуплетенной политики — как темного, так и светлого лица окружающего мира позволяет писательнице делать удивительно точные выводы об этих предметах. И книга изобилует психологически достоверными зарисовками американцев, их характеров, страстей, поступков, какими их знала Нелл. Нам открывается весь мир тогдашней Америки, которая, спотыкаясь и ошибаясь, радуясь и грустя, воюя и веселясь, энергично стремится к счастью.

Ничто не проходит мимо зорких глаз мемуаристки, вот только угол ее зрения отличается своеобразием, ведь ее наблюдательный пункт — публичный дом. И потому столь знакомые нам по великой американской прозе персонажи предстают с неосожженной стороны. «Пламенный революционер» команданте Медведь, в котором угадываются черты Панчо Вильи, Фарабуло Марти, Аугусто Сандино и прочих бунтарей из банановых республик, является нам в одних носках, спящую стреляющим в стежку в спальне шлюхи, где он клянется в верности Соединенным Штатам и «Юнайтед Фрут компании» (о таких героях писал Маркес, но много, много позже!). Дама из высшего света оказывается в прошлом карманной воровкой, зато хозяева борделя — по сути добрые и сострадательные люди, единственные, кто притрел деревенскую девчуху, заблудившуюся в чужом городе. Седой золотойскатель с Клондайка, для которого богатство пришло слишком поздно — нет уже ни молодости, ни здоровья, чтобы наслаждаться радостями жизни, — мечтает открыть на Юконе самый большой и самый северный в мире публичный дом (гигантская страна породила гигантоманию даже в этом!). Героям Гражданской войны по всей Америке стоят конные памятники — но Чарли Овсен, «отдавший руку за целостность Союза», оказывается просто деревенским тупицей, которому война запомнилась как отличное время пьянок, гулянок и карточной игры и который совершенно беспомощен в обычной жизни. Супружеская пара из высшего света Калифорнии только с помощью хозяйки борделя сумела развязать запутанный психосексуальный узел своих отношений — залогом до возникновения самого понятия «ролевые игры». Губительный невроз поражает профессиональных банковских грабителей и карточных шулеров, их мучает нервный тик и бессонница — и секс становится для них своего рода психотерапией, а получить такую помощь можно, опять же, только от терпеливой проститутки. И, наконец, легко поверить, как грустно бывает даже самому богатому американскому миллионеру, когда в два часа дождливой ночи ему надо вставать, надевать штаны и возвращаться из уютного любовного гнездышка в собственный особняк, где жлет супруга — из семьи первых поселенцев с пуританскими взглядами на интимную жизнь. И надо сказать, что, когда Нелл пишет о неизбежных печалях — расставаниях, смертях, потерях, — она поднимается до высот истинного лиризма, хотя в других случаях бывает цинично-насмешливой и иной раз даже срывается на площадную брань, когда людская глупость, подлость или жадность выводят ее из себя.

Еще стоит заметить, что именно в американской литературе расцвел жанр «как это делается», существующий и в беллетристической форме — тут ярчайшим представителем является Артур Хейли со знаменитыми «производственными романами», и в виде откровенных инструк-

ций по «философии успеха», родоначальником которых стал не менее знаменитый Дейл Карнеги⁴. И по «Запискам из публичного дома» вполне можно составить полное представление о сексуальном бизнесе в США в описываемый период — что носили проститутки и их клиенты, каковы были услуги и цены, как строились отношения с властями и полицией и что следует делать, чтобы преуспеть в этой сфере. Приведены даже образцы рекламных объявлений и рецепты фирменных коктейлей — словом, «все, что вы хотели об этом знать, но стеснялись спросить».

Вторая система координат, существенная для оценки «Записок», — это их фабульная сторона. Хотя книга опубликована только во второй половине прошлого века, написана она почти одновременно с двумя другими знаковыми произведениями американской литературы, посвященными женской судьбе в стремительно меняющемся времени. Нелл Кимбэлл родилась в 1854 году; она всего на девять лет моложе Скарлетт О’Хара и на восемь лет старше, чем Джинни Герхардт. Подобно своим «литературным сестрам», Нелл вынуждена прожить свой век на буйном ветру американской истории. И хотя формально она принадлежит к поколению «унесенных ветром», сама она на этом ветру устояла, и в ее книге нет ностальгии по патриархальному прошлому.

Как и эти две женщины, наша героиня происходит из многодетной семьи переселенцев, вынужденных существовать в новой реальности и в новой стране, но индустриальных опорах в традиционном (и неизбежно несостоятельном) образе жизни и в безоглядной вере в Бога. Подобно Скарлетт, Нелл родилась в сельской местности, на ферме, правда, ее родители — не богатые плантаторы, а то, что автор «Унесенных ветром» именвала «белыми отбросами». Но они тоже католики, так же привязаны к своей земле и готовы убитись, только бы она заплодоносила, и так же чопорны и невежественны в интимной сфере, как мистер и миссис О’Хара. Еще больше Нелл похожа на Джинни — этническая немка, поначалу невежественная и судьбой, казалось бы, обреченная на нищее прозябание; а ее семья, как она описана в книге, весьма напоминает персонажей Драйзера: отец — точный двойник старого Герхардта, патологически честного и трудолюбивого, но жестокого в своем воинствующем христианстве и в отношениях с близкими, мать — замордованная непосильной домашней работой и бесконечными ролями, до срока постаревшая женщина, у которой просто не хватает сил на любовь к чадам. Есть в этих текстах и другие совпадения — тетья Летти, единственный луч света в темном царстве Неллиного детства, весьма напоминает Красотку Уотлинг⁵ из романа Митчелл; сцена родов героини (негрятянка-пови-

⁴ Коллега, в июне 2003 г. посетивший США, более всего поразился, найдя в продаже книгу «Что вам надо знать об окружающем мире». Необходимая американцу информация об окружающем его мире во всех его аспектах уместилась всего на 160 страницах.

⁵ Зато в «Записках» невольно разоблачается еще один миф, внушаемый в «Унесенных ветром», — дескать, бордель посещал только мерзавец Ретт Батлер, а истинные «ожные джентльмены» были настолько благородны и возвышенны, что в подобные заведения даже дороги не знали. Знали, заверяет нас Нелл, еще как знали!

туха, полотенце, привязанное к кровати спинке в качестве единственного родовспомогательного инструмента) предвосхищает аналогичный эпизод родов Мелани в Атланте, штурмуемой войсками северян. А мир процветающих американских городов, где шикарные отели и магазины расположены в полумиле от перенаселенных барачков и трущоб у реки, стремительные американские карьеры и специфическая американская мораль, особенно в части противоречия между приличиями и чувствами, — типично драйзеровские темы. (Кстати, на Драйзера ссылается и сама Нелл, усматривая в себе сходство с другой героиней американского соцреалиста — сестрой Кэрри. Другое дело, что Драйзер написал о «проститутке поневоле» Джинни Герхардт со всем сочувствием к ней как к положительной героине с высокими моральными принципами, а «сестру Кэрри» вывел равнодушной стервой, циничной погубительницей мужчин. Только вот собственный брат писателя, знаменитый фолк-певец Пол Дрессер, чуть не женился на Нелл, пошедшей в сексуальный бизнес добровольно и весьма в нем преуспевшей. И это настоящий реализм, а не «социалистический». Впрочем, чего ждать от писателя-коммуниста, пытавшегося писать американские романы в пафосном духе «великой русской литературы».)

И, наконец, главное — удивительно схожая судьба Скарлетт, Джинни и Нелл, одинаковое решение, которое им приходится принимать в одинаковых обстоятельствах, хотя и руководствуясь разными целями. И то, к чему в результате такого решения приходит каждая из этих американок. Нечего есть и нечем платить; разгромлено войной поместье Скарлетт, голод угрожает семье Джинни, первый возлюбленный Нелл бросает ее практически на улице малоизвестного города — и все трое становятся на путь торговли своим телом, нравится им это или нет. А дальше начинаются различия, и они явно в пользу реальной девушки по прозвищу Голди Браун против выдуманных героинь Митчелл и Драйзера. Все трое делают то, что нужно, чтобы никогда не голодать, помочь родным и жить дальше без страха за будущее. Но как по-разному воспринимают они поворот в своей судьбе! Если Скарлетт все время мечтает вернуть статус «благородной южной леди», а Джинни на протяжении всей книги стыдится перед родителями и соседями незаконности своего положения при содержателе, то Нелл «если о чем и сожалела, то никогда ни в чем не раскаивалась». Эта женщина растет вместе со своей страной: улучшает свой почерк и произношение и читает газеты, учится элегантно одеваться и изучает бизнес. Результаты налицо — если в пятнадцать лет, впервые попав в город, Нелл боится сесть в экипаж, то на рубеже своего шестого десятка вполне всерьез занимается статистическим анализом своих клиентов на Западном и Восточном побережьях и делает обобщения, сравнимые со знаменитым докладом А. Кинси о сексуальной жизни нации. И сама признается: ее Американская Мечта сбылась.

Биография нашей героини словно иллюстрирует Декларацию независимости. Именно свободе — внутренней своей свободе — Нелл оказалась обязана и жизнью, и счастьем. Мы впервые видим Нелл восьмилетней девочкой, нагишом танцующей в летнем ливне, а прощаемся со старухой, у которой болят все кости, но неизменным остается ее опти-

мизм: если ты проснулась утром, значит, у тебя есть силы прожить этот день. И всегда интересно, а что там, в конце улицы и за холмом... Нашу героиню не сковывают, по сути, чужие и чуждые представления о том, кто она есть, и где ее место в мире, и что такое сам этот мир. Она не «южная леди», как Скарлетт, и не скромная послушная девушка из городских низов, как Джени, — она просто *американка*, свободная женщина в свободной стране, от рождения наделенная теми самыми правами. И потому, внешне следуя внезапным радостным и горестным яременам своей участи, она не покоряется, «вся в слезах, неизбежности и чуждой воле, как Джени Герхардт, и не «унесена ветром», как Скарлетт О'Хара. Нелл-Голди сама ловит ветер в свои паруса — она смело идет и за своей любовью, и путями своей карьеры, осознанно принимает все новые повороты своей судьбы, всегда вовремя проявляет инициативу и потому не терпит в конце книги личного краха, как героини Митчелл и Драйзера. Книга кончается веселой шумной вечеринкой, трогательным прощанием с друзьями-клиентами и подчиненными-проститутками, шикарный бордель прекращает работу «с развернутыми знаменами».

Еще одно пространство, где эта книга занимает заметное место, — это массив книг, написанных американками о самих себе — как в социальном, так и в интимном плане — и о своих отношениях с американскими мужчинами. «Записки» Нелл Кимбэлл можно считать одним из первых феминистских сочинений. Женщина, даже если она проститутка, — думающий и чувствующий человек. Толковая мадам — хозяйка публичного дома — может влиять на политику, если в ее салоне собираются высокопоставленные «пишки». Девушки, во времена молодости Нелл не знавшие, зачем в туалете бумага, в ее зрелые годы состоят в Христианской ассоциации молодых людей и борются за равноправие женщин. Ну, а что до интимных сторон жизни американских пар, то Нелл Кимбэлл превосходит многое, о чем значительно позже напишут лидеры «женской волны». В семидесятых годах XX века Эрика Джонг оглушила мир романами «Страх полета» и «Как спасти свою жизнь»⁶, где героиня — красивая женщина, известная писательница — металась между мужьями и любовниками в поисках хорошего секса, ибо без него не могла полноценно развиваться как личность. А Рут Диксон, автор знаменитого пособия по технологии и философии секса, адресованного прежде всего соотечественникам, откровенно заявляет: «Какова моя квалификация, что я беру на себя смелость рассказать вам, как надо заниматься любовью? Отвечу на это так... я была в кровати с достаточно большим количеством мужчин...»⁷ — и тем самым выступает как идейная наследница Нелл. А чуть дальше в этой книге сказано, что хуже американского любовника только американский муж (за сто лет мало что изменилось в этой сфере!), но умная и чувственная женщина может и из него сделать толкового партнера для себя, если приложит умение и терпение. Только Нелл Кимбэлл знала все это за

⁶ См. русский перевод: *Джонг Э. Страх полета*: Романы. М.: ЭКСМО, 1994.

⁷ *Диксон Р. Теперь, когда ты заполучил меня сюда, что мы будем делать?* М.: Лига, 1990. С. 2.

много десятилетий до «женской волны», до секс-инструкций, до консультантов по семейным проблемам, до появления популярной сексологии. Практическим соображениям по улучшению сексуальной жизни и вообще межгендерных отношений, тому, как конкретно это делается, чего мужчины хотят от женщин, чего им не хватает дома, почему несчастливым становится брак и как с этим бороться, как женщине осознать собственную чувственность и воспитать своего партнера, посвящено в «Записках» множество увлекательных страниц. Весьма глубоки и замечания о том, что мужчине не столько важен самый секс, сколько ощущение собственной мужественности, даваемое только в общении с женщиной. И о том, что хороший секс — сам по себе прекрасная вещь как для мужчины, так и для женщины, хотя собственно эротических сцен в «Записках» на удивление мало.

Наконец, очень важна специфика самого предмета, которому посвящена эта книга. Проституцию не зря считают одной из древнейших профессий женской половины человечества, с ней не справился ни один общественно-политический строй, и потому она как будто бы вечная тема мировой литературы от Лукиана до «Интердевочки». Но тема настолько непростая, что каждый, кто осмеливается писать о проституции, где-то внутренне ежится, и потому честных книг, не только и не столько осуждающих этот феномен, сколько попросту правдиво его описывающих, в мировой литературе весьма мало. Особенно скользкой и двусмысленной эта тема является в нашем отечестве, где книги на сей предмет можно пересчитать по пальцам. Ведь нельзя воспринимать всерьез маловероятные сочинения про падших, но воскресавших в любви и сострадании чистых ангелов — Катюшу Маслову и Сонечку Мармеладову (Нелл пишет, что тоже слыхала, будто «у проститутки золотое сердце», но сама не очень-то в это верит). Самая же яркая и самая известная из русских книг на эту тему — купринская «Яма». Так вот между «Ямой» и «Записками» также можно усмотреть ряд любопытных параллелей. Схожи и время, и место: дом Нелл Кимбэлл функционировал в Новом Орлеане, столице американского Юга, дом Анны Марковны Шайбес — в Киеве, столице Юга российского; оба — в начале XX века. Что характерно, даже хозяйками обоих заведений были дамы немецкого происхождения и клиент именовался одинаково — немецким словом «фраер». В обоих домах предлагалось не только сексуальное обслуживание, но также выпивка и музыка. И в России, и в Америке особым спросом в борделях пользовались рыжие еврейки как наиболее темпераментные. Оба дома платили полиции за «протекцию» и прикармливали местных околоточных. И в Киеве швейцар Симеон, и в Новом Орлеане сторож Гарри мог физическим воздействием образумить зарвавшуюся шлюху. Схожи и проблемы, возникающие внутри русских и американских домов терпимости, — нежелательные клиенты, повышенная криминогенность, недоброжелательное внимание властей, опасность скандалов. Схожи и судьбы обитательниц таких домов — чаще всего с возрастом они теряют класс и скатываются в дешевые бордели или на улицу и умирают в больнице для нищих. Но вот все остальное разительно отличается. Русские бандерши в створе с экономами и портнихами беспощадно обирают своих девиц, а американ-

ские мадам честно им платят от трети до половины полученных денег. Американская шлюха из приличного борделя может удачно выйти замуж и проникнуть в высшие сферы общества (правда, Нелл Кимбэлл оговаривается, что такое случается все-таки очень редко) или на худой конец обучиться ремеслу швеи, а у русской шлюхи одна судьба — покончить самоубийством или сгнить в канаве. К Нелл ходила избранная публика, по рекомендациям, а в бордель Анны Марковны, вполне, кстати, приличный, — кто попало. Купринский текст однозначно утверждает, что проститутки — чаще всего жертвы социального несовершенства: соблазненные горничные и гувернантки, брошенные любовниками наивные девушки, дочери, проданные из-за невыносимой нужды собственными родителями. Нелл Кимбэлл на основании собственного опыта замечает, что лучшие шлюхи — это те, кто добровольно хочет стать таковыми, а истории о «белом рабстве» больше относятся к фольклору, чем к области фактов. Кто прав — русский писатель-демократ или американская мадам, не берусь судить, но Нелл все-таки знала дело на практике... А если уж говорить о качестве сервиса, то становится вовсе «за державу обидно»: мебель, обстановка, качество вин и манеры девиц, самый ассортимент услуг в российском заведении куда хуже, чем в американском, при примерно равном уровне цен. И, наконец, дома на Бэйзин-стрит в Новом Орлеане закрываются цивилизованно, решением городских властей в установленный срок и установленным порядком, с устройством прощальных вечеров, а дома на Большой и Малой Ямской в Киеве гибнут в кровавом погроме...

Уйдя на покой с солидным капиталом, Нелл Кимбэлл поселилась во Флориде, где и жила до своей смерти в 1934 году. Однако покой, видимо, претил этой энергичной бизнес-леди, и она увлеклась спекуляциями на бирже и перепродажей недвижимости. В годы «великой депрессии» бывшая мадам потеряла большую часть своего состояния, о чем вскользь упоминается на последних страницах книги. Ветер опять переменялся, но всегда надо же иметь что поесть и что надеть. И Нелл Кимбэлл вспомнила первую мудрость, которую узнала еще от своей тети, — «каждая девочка сидит на своем богатстве». В 1932 году почти восьмидесятилетняя женщина продала последнее, «на чем сидела», — историю своей жизни и карьеры. Вот эту самую книгу, написанную так же честно, как честно Нелл делала в своей жизни всё.

Ольга Воздвиженская

Маргарет Энсон *Орден святой Бригитты*
Бернар Монторгейль *Дрессировка*, М., ВРС. 2004. 228 с.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ

В совсем еще недавнее время была запрещена «пропаганда секса и насилия». И даже сейчас зачастую эти два понятия в сознании многих обывателей стоят рядом. Хотя, вообще говоря, секс имеет такое же отношение к насилию, как и к любви, — очень малое. Конечно, если речь идет не о маньяке, на темной улице зажимающем рот жертве, рвущем в клочки и одежду, и тело, — за такое, несомненно, следует карать по всей строгости закона.

Но всякие есть «игры, в которые играют люди», притом люди взрослые, а игры порой весьма жестокие. Игры не просто добровольно избираемые, но вымалываемые, болезненные и до боли желанные. А с участием профессионалов — так и недешевые. Вдаваться в психологические и физиологические механизмы данного феномена — не дело книгоиздателей. Желających можем отослать к современной специализированной периодике — например, к «Крутому меню» и «Черному-красному». Эти издания переполнены как учеными статьями, так и «откровениями» рядовых adeptов с/м и даже выполняют роль службы знакомств по «интересам».

Но это к слову. И ежели сравнительно немного тех, кто любит «это» *делать*, то многие любят об «этом» *почитать*. И перенестись в виртуальный мир, где нет юриспруденции, психиатрии, морали, а есть только сильный и слабый, старший и младший, господин и раб, палач и жертва. Потому отнюдь не случаен тот факт, что проявления такого рода чувственности — чуть ли не наиболее популярная тема в эротическом искусстве последних веков. Самый любимый в народе эротический фильм — «История О». И сама эта девиация — садо-мазохизм — названа по именам двух знаменитых европейских писателей. Спроси любого человека: кого он читал из эротических классиков? — и первым назовут достославного маркиза де Сада. А вторым — кавалера фон Захер-Мазоха. Именно этим талантливым литераторам мы и обязаны сложившимся стереотипом, что секс и насилие будто бы «близнецы-братья».

Характерно, что на ставшей традиционной ярмарке «Эрос-Москва» в 2003 году на стенде нашего издательства «ВРС» посетители чаще всего спрашивали книги... нет, не о насилии как таковом, но о сексуальном доминировании, зачастую с переменной ролей — как гендерных, так и статусных.

Книга, что у вас в руках, — не первая в нашей серии, где затрагиваются все эти вопросы. Наши постоянные читатели уже знакомы с анонимными «Садопедией», «Домашним обучением», «Желтой комнатой», «Беатрис»... Но, пожалуй, впервые в этом выпуске помещены знаменитые тексты, где все — именно об с/м. Но не только о нем.

«Орден Святой Бригитты» (известный также как «Веселый Орден Св. Бригитты» или «Орден розги») традиционно публикуется под женским именем «Маргарет Энсон». Впервые эта книга была выпущена (как водится, подпольно, и дата стояла более ранняя — 1857) в 1868 году Джоном Кэмденом Хоттеном — человеком, прославившим себя публикациями Алджернона Чарльза Суинберна (1837—1909), великого английского поэта, которого викторианская мораль заклеивала как «непристойного» и чьи малоизвестные поэмы о флагаляции мы со временем обязательно опубликуем в нашей серии. При этом следует пояснить, почему сообщество дам — любительниц порки носит имя известной средневековой святой. Дело в том, что святая Бригитта (453—523), покровительница Ирландии, вошла в историю не только своими подвигами в деле распространения христианства среди кельтского населения Британских островов, придерживавшегося до того друидических верований. Во времена религиозного подвижничества Бригитты женщины-монахини могли подняться к церковно-иерархическим высотам лишь при помощи публично пропагандируемых и демонстрируемых достижений в деле умерщвления плоти. Зачастую классического самоистязания розгами и плетью оказывалось недостаточно, и святая Бригитта избрала оригинальный способ отличиться: она наказывала себя (в том числе и по гениталиям) связкой железных ключей (став настоятельницей монастыря, она ими же карала провинившихся монахинь, правда, исключительно ниже спины).

Маргарет Энсон, какой она предстает в своих письмах к подруге, — доверенная горничная знатной дамы и одновременно полноправная участница «побойниц» в потайной комнате. Недаром же, хотя «Орден розги» — роман английский, действие в нем происходит исключительно во Франции. М. Энсон, как она подписывается, — родная сестра типичных субреток из традиционной французской комедии; она никогда не теряет присутствия духа, способна выпутаться сама и выручить господа из самой щекотливой ситуации, ласковой или таской может справиться и с юным нахалом пажом, и со старой ханжой соседкой. А наряды и драгоценности госпожи сидят на ловкой девице самую чуточку лучше, чем на законной хозяйке (читатели наверняка обратили внимание на дотошное описание роскошных одеяний и украшений, на которые Маргарет тратит немало места в своих письмах, а также на саркастические замечания горничных насчет внешности дам — чисто женский способ видеть мир).

Но истинный автор этой веселой книги — все-таки мужчина. Российскому читателю хорошо известен труд того же сочинителя и на ту же тему, но в ином жанре — фундаментальной историко-аналитической монографии. Это знаменитая «История розги», подписанная поттенным именем «преподобного д-ра В. Купера» (первая часть вышла в 1870 году, полный текст — в 1903-м). В России в анонимном переводе некоего доктора медицины А. 3-го эта книга была издана еще в межреволюционный период и адресована «врачам, студентам и юристам»¹.

¹ Нынешний читатель может ознакомиться с современным репринтом этой занимательной книги, см.: *Д-ръ В. Куперъ. История розги.* Харьков: СП «Интербуку», 1991.

Сравнивая оба текста, можно легко обнаружить любимые автором темы и сюжеты: и в романе, и в ученом труде большое место уделено порядкам в женских католических монастырях и закрытых школах для знатных девиц, традициям обращения русских бар с крепостной дворней и вест-индийских плантаторов — с рабами; и конечно, изощренным играм европейской знати. И не важно, скрывается ли пишущий под маской лукавой служанки или ученого священника — он в своем предмете сущий знаток.

Этим мастером гендерного перевоплощения (чем не перемена ролей на практике!) являлся писатель и журналист Джеймс Гласе Бертрам (тогда жизни, к сожалению, нам неизвестны), в чьи руки как-то попался отчет о деятельности некоего лондонского дамского флагаляционного клуба, еженедельно собиравшегося по четвергам в уединенном особняке на Джермин-стрит. Само существование подобного клуба ничего нового собой не представляло: в лондонской прессе (в том числе в так называемых «дамских» журналах) еще с конца XVIII века появлялись достаточно внятные и подробные описания тамошних игрищ. Более того, король Георг IV (1782—1830, правил с 1820-го) еще в бытность наследником престола, а затем регентом при душевнобольном отце — Георге III (1760—1820) — сделал для высшей аристократии посещение флагаляционных борделей нормой хорошего тона. В историю английского полусвета вошли подальшие партнерши принца — миссис Коллетт и ее племянница миссис Митчелл, которые охотно (естественно, за соответствующую плату) предоставляли в его распоряжение свои тела, не страшась ни вымоченных в соленой воде длинных розог, ни плеток-девятихвосток, ни свежей крапивы. Теми же инструментами они готовы были «сублажить» великосветских клиентов, нуждавшихся в искусственном возбуждении...

А в викторианские времена явным для аристократии и тайным для буржуазии и престоноardia покровителем столь специфического вида бордельного искусства являлся не кто иной, как очередной наследник престола, будущий король Эдуард VII (1841—1910, правил с 1901-го), «прославивший» достойную продолжательницу дела своих более старших «коллег» куртизанку Терезу Беркли. По свидетельствам современников, ее «арсенал» вообще не имел равных, и, само собой разумеется, она с готовностью отдавала себя и свои «инструменты» в распоряжение принца Уэльского...

Так что на этом фоне литературное описание деятельности «ордена розги», построенной на абсолютно добровольных началах, где активные и пассивные участники церемоний по жребию менялись ролями, выглядит, как мы бы сегодня это назвали, весьма невинным по сути изображением ролевых игр дам, оставшихся без надлежащего мужского внимания. Причем все происходит на фоне роскошных интерьеров, а сами собраны «веселого ордена» зачастую для «сестер» лишь повод покрасоваться в изысканных и фривольных нарядах, а то и без таковых. Длится и длится тайный, веселый, хотя и несколько болезненный карнавал, участницы которого прикидываются то монахинями, то дикарками, то пастушками Ватто. Но за этим видится кое-что посерьезнее. Ибо многие из «сестер Святой Бригитты» в реальной жизни натерпелись от дурного нрава и тяжелой руки представителей сильного пола. Мужья, наставники, отцы, театральные балетмейстеры — насильники «по праву». Дамы и девицы,

еще скованные светским этикетом и почти полностью подчиненные воле мужчин, на разные лады играют в свободу: сперва отвоевывают у господ кусок традиционно мужского пространства — курительную комнату, потом все вместе дрессируют попавшего в их руки юношу и в конце концов сами передеваются мужчинами (!), чтобы хоть на один вечер ощутить, что они — не только хозяйки своих горничных и пажей, но хозяйка мира. В утонченной игре в насилие женщины берут свое. Только не дай бог, чтобы господа прознали, чем это дамы там заняты...

Веселые, наверно, были времена, когда в боль и насилие можно было поиграть. Да только все хорошее — даже и такое — быстро кончается. И в цикле новелл, составивших вторую часть нашего сборника, все уже совсем не так весело, зато гораздо страшнее.

В этом времени уже позади Первая мировая война. Мужчины-победители вдруг сочли хорошим тоном причислять себя, на радость Коминтерну, к «потерянному поколению». Версальский и в меньшей степени Трианонский договоры 1919 года буквально поставили на колени противников Антанты по войне — Германию и переставшую существовать в прежнем виде Австро-Венгрию. А Советская Россия Брестским миром 1918 года преднамеренно исключила себя из числа потенциальных победителей и фактически позволила — в первую очередь Франции — бесконтрольно продиктовать Германии условия мира, толкавшие на рванши. Трагедия Первой мировой войны как «последней» деморализовывала победителей и искусственно культивировала у них чувство вины — добро бы перед демократической Веймарской Республикой, но перед Германией Гитлера?!

Так вот и стало вдруг все наоборот. Вспомним — ведь родоначальником садизма был как раз француз, а мазохизма — человек германской культуры. А в страшных рассказах Бернара Монторгейля франко-германские противоречия описаны совершенно противоположным образом.

Имя этого человека известно всем, кто хоть в какой-то мере интересуется эротическим искусством XX века. Но, кроме имени, не известно ничего — ни биографии, ни портрета, ни даже пол этого автора. Во всех справочниках и на сайтах Интернета его даты жизни обозначаются весьма красноречиво: ? — ? И сама фамилия Монторгейль, по-видимому, происходит от названия парижской улицы, знаменитой своими ресторанами, отелями и магазинами предметов роскоши.

Принято считать, что творчество его относится к концу 20-х — середине 30-х годов XX века (однако Жиль Перз, составитель и автор текста классического альбома «*Erotica Universalis*»², ограничивает его более жесткими временными рамками — исключительно 30-ми годами). И знаменит Бернар Монторгейль прежде всего как художник, автор серии чудовищных в своей подробности и «технологичности» рисунков на тему сексуального садизма. Рассказы же, иллюстрациями к которым являются эти рисунки, известны гораздо меньше, хотя тексты и изображения

² См.: *Néret G. Erotica Universalis*. Köln: Benedikt Taschen, 1994. V. I. S. 686—701. Там же воспроизведены в цвете многие рисунки Монторгейля. Кроме того, без этих изображений не обходится ни один сайт, посвященный эротической графике или с/м.

кое-где совпадают практически буквально. Новеллы эти издаются в разном составе, но чаще всего под общим названием «Дрессировка».

Другое дело, не исключено, что ход творческой деятельности загадочного автора был схож с осуществлением замысла Обри Бердслея, когда тот задумал роман о Венере и Тангейзере (см. выпуск 26 нашей серии): вначале были созданы иллюстрации, а затем по ним, как по канве, сочинен текст. В пользу данной версии применительно к Монторгейлю говорит то, что количество имеющихся графических работ по отношению к текстам явно избыточно (не помогает и открытие французским издателем Жан-Жаком Повером уже после завершения ред-подготовки нашей книги существования пятой новеллы «Игра в лошадки», — всё равно некое количество иллюстраций «зависает», не имея текстового эквивалента).

Но главное не это. Главное — подчеркнутая, педалируемая мысль о том, что сильный, молодой мужчина-француз на самом деле раб: раб другого мужчины, имеющего над ним власть делать что угодно, даже превратить в женщину; и уж подавно — раб любой женщины, способной сломить мужскую волю, делая мужчину игрушкой, неким бессловесным атрибутом женского наслаждения, а то и мишенью для издевательств и физических испытаний. Что характерно, персонажи Монторгейля идут в рабство абсолютно добровольно, отказываясь от свободы по свободному выбору, умоляя хозяйку о новых унижениях и пытках, воспринимая страдание как награду.

И в, казалось бы, чисто мазохистических грезах мужчин-жертв все время неявно проскальзывает французский страх перед германским реваншем: наиболее умелыми по части превращения мужчины в раба оказываются женщины-немки — затянутые в кожу, обутое в высокие сапоги, элегантно курящие, мастерицы бондажа, хлыста, плетей, розог и других инструментов для преднамеренного причинения боли. Монторгейль, если можно так сказать, учуял политический дух времени.

При этом следует отметить, что будущий противник Франции — нацистская Германия — откровенно пропагандировал культ физического насилия. Не только по отношению к другим, но и к самим себе. Как элемент воспитания стойкости и выносливости в бою и в труде. Не кто иной, как сам Гитлер, выступая перед злитой «Гитлерюгенда» в канун Берлинской Олимпиады 1936 года, заявил, что важны не только конкретные спортивные достижения на этих всемирных состязаниях сильнейших — важно и то, сколько ударов плетью по голому телу могут выдержать германские юноши и девушки. Враг демократии и цивилизации пропагандировал умение терпеть ради победы «арийской расы» по меньшей мере во всеевропейском масштабе. А тем временем молодежь победившего государства внушалось чувство вины за одержанную его страной и ее союзниками победу.

Откровенно прокоммунистическое французское правительство Народного фронта, пришедшее к власти в 1935 году, позволило Гитлеру в марте 1936-го без единого выстрела занять демилитаризованную Рейнскую область и тем самым допустить германские войска, готовящиеся «перейграть» результаты Первой мировой войны, непосредственно на границу Франции (ну как же, грабительский Версальский мир — и всё

такое прочее...). На Всемирной выставке 1937 года в Париже немецкий павильон был увенчан огромной статуей Германии — женщины валькирических статей, подозрительно похожей на тех вампирш и палачек, которых так боялись и к которым так стремились герои Монторгейля. А в 1940 году Франция капитулирует... И с оккупантами придут женские части СС — в сапогах, в коже, со стеками. Только в августе 1944 года англо-американские войска при поддержке сил Сражающейся Франции освободят Париж от нацистской оккупации. Но сколько жертв понесет страна, проснувшаяся от пораженческой летаргии и начавшая воевать с поработителями по-настоящему!

Читая Монторгейля, в очередной раз понимаешь: добровольное рабство тем и опасно, что его морально защищает сам раб, давая возможность самозваному «господину» самоутвердиться за его счет и в конечном итоге сделать вывод, что потенциальным рабом, как и «геро-ем», в тоталитарном государстве «становится любой». А когда рабом готов стать гражданин свободной страны, создавшей Декларацию прав человека, то дела совсем плохи.

Что же касается графических работ Бернара Монторгейля, то они по праву вошли ныне во все мало-мальски значимые антологии и альбомы эротической живописи. И потому мы сочли необходимым некоторое их количество ввести в состав этого выпуска, чтобы дать читателю возможность ознакомиться с еще одной стороной таланта этого загадочного автора. Ведь в контексте времени и тексты его, и рисунки — не пропаганда секса и насилия, а, пожалуй что, совсем наоборот — предупреждение.

Мы уже публиковали «дамскую» повесть французского межвоенного безвременья — «Юбки вверх!» Ж. Донвиля (выпуск 25). И сталкивались с той же самой проблемой: ни единого кусочка сведений об авторе. Поневоле приходишь к мысли: а вдруг это не случайно? А вдруг авторам отрезвляющих предупреждений, Кассандрам своего времени, было что прятать и от кого прятаться? Ведь велел же Ромен Роллан вскрыть свой дневник, лежавший в банке на ответственном хранении, не ранее чем через пятьдесят лет после смерти! И архив Марины Цветаевой — не только великой русской поэтессы, но и жены видного советского разведчика — до самого последнего времени был недоступен. И вспоминаешь советскую эзовскую присказку: «Береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет!»

Свобода быть рабом — тоже свобода, и никого нельзя освободить из рабства насильно. Равенство и братство — термины, кои за двести лет толковались очень по-разному. Вообще говоря, взрослые люди вправе выбирать, в какие игры играть, лишь бы это не мешало никому другому. Но важно всегда иметь право и силу сказать: «Я больше не играю», хотя статистика свидетельствует: чем больше виртуальных, чисто игровых возможностей для разрядки человеческой агрессии, чем доступнее книги, фильмы, картинки, да, в конце концов, клубы для любителей нетрадиционного секса, тем ниже уровень насилия в обществе. И кто предупрежден, тот вооружен.

Ольга Воздвиженская

Аноним. Воспоминания сладострастника. М., ВРС. 2004, 213 с.

«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ...»

Кто автор этой книги, установить не удалось. Никому. Даже самым большим знатокам викторианской и поствикторианской эротической литературы, в частности, знаменитому коллекционеру Ч.Р. Доусу, считавшему, что эти воспоминания, вышедшие в 1905 году¹, являются образцом того, какой должна быть откровенно эротическая книга, и представляют собой лучшее после «Фанни Хилл» эротическое повествование на английском языке².

Ну, насчет «Фанни Хилл» в роли какого бы то ни было «абсолюта» можно и должно было бы поспорить, по крайней мере, с моей точки зрения. Но то, что наконец-то внятно изданный по-русски³ роман представляет собой вещь незаурядную, сомнений быть не может. И не только по своим литературным достоинствам, но и по пафосу, с которым защищается «система». Школьные годы у мальчиков — героев книги — действительно чудесные, «с дружбою, книгами, песнями». Дружат эти дети по-настоящему — одновременно обретая нужные социальные связи на всю жизнь; юноши имеют возможность самостоятельно определять, кто и с кем живет в одной спальне, учителя их любят (в отличие от персонажей советской притяжки про педагогов и педофилов, утврждавшей, что по-настоящему любят детей именно последние), в досуг школьникам никто не вмешивается.

Но этот роман по-своему уникален, ибо в центре сюжета — столь естественная вещь, как подростковая гиперсексуальность, в условиях однополого школьного коллектива грозящая перерасти в гомосексуализм. Недаром единственный писатель, которого упоминает анонимный «сладострастник», — это Чарльз Лэм. Маститый литератор, входящий в круг «праерафалитов», зоркий очеркист, Лэм тем не менее вел очень загадочную интимную жизнь⁴, и к тому же в нескольких эссе, написанных от имени Элии, с подозрительно горячей симпатией ото-

¹ См.: Fryer P. *Secrets of the British Museum*. N. Y.: Citadel Press, 1968. P. 12.

² Ibid.

³ К сожалению, текст, выпущенный под заглавием «Мемуары сладострастника» в одноименном сборнике издательства «Продолжение жизни» (СПб., 2002), весьма далек от оригинала: он произвольно переработан, переведчиком, по-видимому, преднамеренно исключен ряд сюжетных линий, а обценная лексика либо заменена на сугубо клиническую, либо вместо нее предложены «неологизмы» типа «кок» (транслитерация английского *cock*, от чего возникает путаница между, прямо скажем, хуем и корабельным поваром).

⁴ См. сопроводительные материалы (послесловие и комментарии) к книге: Лэм Ч. Очерки Элии. Л.: Наука, 1979 («Литературные памятники»).

звался о союзе школьных учителей и школьников (хотя сам в аристократической школе никогда не учился).

Надо понимать, что у героев «пристойной» английской литературы конца XIX — начала XX века (у юного лорда Фаунтлероя, например) гормональных проблем как бы не было. Они, по-видимому, никогда не занимались по ночам в постели онанизмом и не испытывали всех тягот «мониторинга». Но реальные мальчики из закрытых школ, куда их как можно раньше отправляли высокородные родители, чтобы несовершеннолетние чада не болтались под ногами у взрослых (знаменитая английская формула: «Children should be seen, not heard» — «Детей следует видеть, но не слышать») и сизмальства учились как повиноваться, так и командовать, — эти мальчики метались между обеими основными сексуальными ориентациями, не в силах внятно отдать себе отчет в том, что же будет с ними дальше. Родители же, как свидетельствует один из самых блистательных умов XX века — Сирил Н. Паркинсон¹, — перераспределяли свои обязанности между няньками, кормилицами, гувернантками и учителями, сами же зачастую почти не разговаривали с детьми². Так что помощи от них в решении проблем подросткового созревания ждать не приходилось.

Однако в рамках этой книги всё будет хорошо. Через Проллив имеется Франция, а там — Париж. А в Париже — женщины, французские и русские. Опыт уравнивается. Мальчики станут мужчинами не только через задний проход («младшего»), но и через дамскую «щелку» и дамский (не мальчишеский!) ротик. А лицезреть статусную порку «а-ля-рюсс» тоже полезно, ибо еще в начале XX века таким мальчикам, когда они подрастут и займутся делом, достойным джентльмена, придется направлять «ослушников» всякого рода, а при определенных обстоятельствах — обоюбого пола под розги не менее трех в пучке и длиною не менее фута, «кошку»-девятихвостку, а то и на виселицу. Джентльменами же они обязаны быть при любых обстоятельствах. И драться друг с другом они должны по-джентльменски, свидетельства чему мы находим, в частности, в знаменитых мемуарах Фрэнка Харриса³.

Однако, читая «Воспоминания», не надо забывать о том, что это в первую очередь *work of fiction*, литературный вымысел, а не правдивый до конца отчет о том, как из мальчиков делают мужчин и какие мужчины из них при этом получаются. Тот же Фрэнк Харрис, справедливо полагая, что именно в Англии в наиболее полном объеме еще со школьной скамьи внушался принцип *fair play*, то есть честности и справедливости в отношениях между людьми, в то же время находил и исключения — и рассказывал в своих мемуарах, как, несмотря на то что он выполнил все требования состязательного конкурса на право получения

¹ См.: Паркинсон С.Н. *Законы Паркинсона*. М.: Прогресс, 1989. С. 376.

² Там же Паркинсон отмечает, как отец одного из «викторианцев» говорил со своим сыном один-единственный раз, напутствуя его перед колледжем. Позволю себе предположить, что «напутствие» заключалось в том, что отец потребовал от сына всегда и при всех обстоятельствах быть «джентльменом».

³ Harris F. *My Life and Loves*. N. Y.: Grove Press, 1991. P. 39—41.

стипендии для обучения в Кембридже, ее дали другому ученику только потому, что тот был старше. На что Харрис справедливо заметил: «Если бы я заранее знал об этом, то вообще не принял бы участия в этом соревновании»¹.

Упомянутый выше Сирил Паркинсон, эдвардианец по воспитанию, родившийся в 1909 году, вообще не мыслит иного способа воспитания джентльменов, кроме как в закрытой школе. Но XX век расширил рамки понятия «джентльмен», и вот, в отличие от в общем-то идиллического мира нашей книги (споры с учителями и драки — в порядке вещей и являются неотъемлемым элементом воспитания элиты), реальный мир закрытой школы становится иным. Для Итона теперь «квалифицируется» сын колониального чиновника Эрик Блэр, он же будущий всемирно известный писатель и журналист Джордж Оруэлл (1903—1950). В объем платы за обучение входит приобретение для каждого из учащихся комплекта для игры в крикет. Но директор с циничной откровенностью говорит, что деньги-то должны быть уплачены в полной мере (*fair play!*), но конкретно для мальчика Эрика Блэра комплект куллен не будет, поскольку по своему социальному статусу ему в крикет играть не придется².

Так что «воспитание чувств» по-британски — это не только освоение техники дортуарного минета, анального секса и взаимной мастурбации. Это и понимание своего настоящего и будущего места в обществе, ибо в какой-то момент воспитанники закрытых школ становятся готовы общаться со взрослыми по-взрослому. Ну, а если кое-кто из этих взрослых принижает твой социальный статус (как у Оруэлла), докажи, что это не так, умей постоять за себя. И не надо забывать, что Англия в определенном смысле уникальная страна — школьники элитных учебных заведений действительно считают своим долгом быть физически развитыми, там никогда не знали советского контраста между широкоплечим, виртуозно матерящимся двоечником с пудровыми кулаками и интеллектуальным шупленьким «очкариком», для которого «черт возьми!» — уже непотребство: так его научили дома папа и мама, тети и дяди... А несовершеннолетний «очкарик» из Итона или Харроу в случае нужды нокаутирует любого пьяного портовика или трезвого громилу-«сдальнобойщика».

Однако умение ухаживать за женщиной приобреталось в те времена, как уже отмечено, за границей. И не только потому, что (как почти всерьез жаловались современники), хотя английские женщины и самые лучшие в мире, английские мужчины не знают, как с ними обращаться. Откуда могли английские мужчины знать, что бы то ни было об умении «блистать» в дамском обществе и «покорять» любую, когда сексуальность во всех ее проявлениях изгонялась из быта, когда ножки кресел и роялей задрапировывались, чтобы не возникло аналогии с женскими ногами (показать лодыжку в самом толстом «деревенском» чулке уже считалось верхом распущенности!).

Мир же проституции — самый огромный за всю историю Англии — был царством сугубо денежных отношений, и ни о каком приобрете-

нии навыков, как мы бы сегодня сказали, межгендерного общения для молодого человека из «приличной» семьи там места не было. Зато находилось место для морализаторских психозов, чреватых преступлениями, и знаменательно, что именно в Англии «резвился» Джек Потрошитель, выворачивавший наружу гениталии попавшихся ему публичных женщин. Что характерно — лишней раз напомним об этом, — он так и не был пойман, что породило дикое количество спекуляций и домыслов вплоть до того, что «высокоморальный» преступник принадлежал чуть ли не к королевской семье и действовал при молчаливом попустительстве самой королевы Виктории... Но это тоже скорее из области *fiction*...

Париж же (и в определенном смысле его копия — Санкт-Петербург) являлся местом, где, как это и описано в нашей книге, приобщались к дамскому обществу «света» и «полусвета» юные джентльмены с Британских островов. Они учились ухаживать — и осваивать технику секса. Другое дело, в Париже, как и везде, кроме мест, куда надо было быть «вхожими», существовали и общедоступные публичные дома, где за соответствующую плату можно было получить самое утонченное и нестандартное «обслуживание». Однако чреватое даже в самых дорогих местах гонореей и сифилисом.

Теперь уже перестало быть тайной за семью печатями, как знатные и знаменитые английские джентльмены, сентиментальные «украшатели» и строгие морализаторы, уносились «со свистом» на континент, чтобы без помех предаваться одному из самых интересных занятий, доведенных человечеством до совершенства, — сексу. А дальше — лотерея: Чарльз Диккенс, несмотря на все свои эскапады, остался «жив, здоров и невредим»; а вот Брэм Стокер подхватил сифилис и в итоге преждевременно умер от его последствий¹.

Можно только поражаться трезвому взгляду на вещи анонимного автора «Воспоминаний сладострастника». Вопреки попыткам «нормировать» секс, характерным для многих ученых на грани XIX и XX веков (придумал же Крафт-Эбинг такое якобы извращение: «Злоупотребление половой жизнью в супружестве»), герои книги, несмотря на отсутствие в их начинающейся интимной жизни каких бы то ни было сексуальных границ, растут умными, образованными, светскими юношами, которые на равных входят в круг парижских аристократов и английских титулованных землевладельцев. И бисексуальность лишь помогает молодым людям находить правильный личный контакт практически во всех сферах общения. И, что бы ни писали на эту тему русские

¹ Для XIX и отчасти первой половины XX века понятия «безопасный секс» в современной его трактовке практически не существовало. Презерватив («французский конверт») — с учетом технологических возможностей того времени — воспринимался скорее как помеха или как элемент пропагандированной тогда неагрессивными социалистическими партиями Европы (в частности, немецкими социал-демократами) политики ограничения рождаемости в среде рабочего класса (так называемая *Zweikindersystem* — система наличия не более двух детей в семье, — безуспешно вводившаяся по инициативе Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта — двоюродного брата Карла Либкнехта).

¹ Harris F. My Life and Loves. P. 53—55.

² См.: Orwell G. Selected Essays. L.: Penguin Books, 1960. P. 178.

частью ортодоксального социума), а затем переданная под крыло ОГПУ—НКВД—НКГБ. Правда, в изменившиеся времена ради соблюдения внешних приличий кое-кому из «кембриджцев» пришлось жечься... Отголоски этой истории можно вычитать в романах Джона Ле Карре.

Ныне весь мир — взрослые и дети — взахлеб читает очередную английскую историю из жизни закрытой элитарной школы. И опять происходит явная подмена понятий: вымышленный (вовсе не классический!) антураж волшебства и колдовства наложен на весьма низменные, но абсолютно бесполое интриги тех, кто умеет колдовать, но чувствует себя обделенным, и тех, кто не умеет колдовать, но делает вид, что умеет лучше всех. Но все равно сквозь сказочные декорации проступает старая добрая Англия: хорошие наставники и плохие, учительские любимчики и наушники — и отпетые хулиганы, долгие и скучные каникулы в разлуке с одноклассниками — и дружба, возникающая между учащимися, принадлежащими к одному и тому же интеллектуальному кругу. Уроки прошлого в школе Хогвартс, по-видимому, учтены: здесь учатся и мальчики, и девочки, в старших классах поощряется взаимное ухаживание, празднуется День святого Валентина — покровителя всех влюбленных, парочки целуются в пустых классах... И можно надеяться, что свой переходный возраст Гарри Поттер пройдет безболезненно.

Ольга Воздвиженская

Адольф Бело *Адреса любви*,
Аноним *Письма дамы из среднего сословия*. М., ВРС. 2004. 224 с.

СЕКС — ПОЧТОЙ

Секс — это, вообще говоря, такая область жизни, где весьма трудно выдумать что-нибудь новенькое. С незапамятных времен любовники проделывают все тот же набор «утомительных и нелепых телодвижений», при известном старании приводящих к предсказуемому психосоматическому эффекту. И очевидно, что только человеческое воображение способно придать привлекательности этому старому как мир занятию. Что самое сладостное в любовном приключении? Пережить его, а потом вспоминать; а еще лучше — рассказать кому-нибудь о случившемся и в рассказе испытать все еще разок, уже без спешки просмаковать и оттого еще раз получить удовольствие. Каждый из нас немножко эскибиционист, а бумага все стерпит.

Читать чужие письма, конечно, нехорошо, но зато как интересно! А уж если послания носят интимный характер — тем более. Письма незнакомкам к незнакомцам и наоборот — благодатное поле для всяческих фантазий, когда невозможно проверить, происходило ли описываемое в реальности или только в воображении пишущего. Потому в эротической литературе полным-полно произведений эпистолярного жанра.

Вот и в этом выпуске «Улицы красных фонарей» мы собрали под одной обложкой два таких текста. Их объединяет не только страна происхождения — Франция, но и социальная принадлежность подавляющего большинства героев (но об этом чуть позже).

Про автора одного из них известно если не все, то очень многое. Ибо, в отличие от большинства деятелей андерграундной эротической литературы, Адольф Бело (1829—1890) ни от кого не прятался и действовал практически открыто. Человек он был благополучный, богатый, умел писать на рискованные темы и при этом не вступать в конфликт с законом, вращался в самых элитарных литературных и политических кругах своего времени. Его добрыми знакомыми были братья Гонкуры и Гюстав Флобер, иной раз завидовавшие его успеху и размерам тиражей его книг. Когда в 1870 году его откровенно лесбийский роман «Мадемуазель Жиро, моя жена» не мог в силу содержания далее публиковаться в отрывках в газете «Фигаро», Бело предпочел не вносить в него никаких изменений, а через газету уведомить публику о предстоящем выходе романа отдельной книгой. Что и было сделано, причем к одному из *тридцати* переизданий романа (преднамеренно малотиражных, ибо Бело, если можно так выразиться, прекрасно знал меру и понимал, при каком количестве экземпляров власти закроют глаза на тему, сюжет и степень откровенности изображения) предисловие написал Эмиль Золя под всем понятным псевдонимом «Тереза Ракен».

Был в творчестве Бело и более потаенный пласт — чисто эротические тексты, выходившие под инициалами А.Б. Более того, некоторыми своими книгами Бело предпочитал «гусей не дразнить» и держал их в «запасниках» до лучших времен, наступивших, увы, уже после его смерти. «Адреса любви» — одна из таких книг, и впервые появилась она в печати только в 1896 году с предисловием одного из лучших французских знатоков эротической литературы Луи Персо (правда, под псевдонимом «Эльпей, библиограф из Пуату», причём вымышленное имя пишется как *Helpey* — по-английски «помощник»). Издание было повторено в 1934 году по частному заказу некоего коллекционера, причём тотчас же встал вопрос подлинного авторства, как это всегда происходит при андерграундных публикациях значимых произведений (позволю себе сослаться на историю с романом О. Уайльда «Телени» — см. наш выпуск 26). Если у публикатора — того же Луи Персо — авторство Бело не вызвало ни малейших сомнений, то другой крупнейший знаток и исследователь французской эротики Паскаль Пна в тот момент далеко не был в этом уверен. Однако в вышедшем в 1971 году с его предисловием и при его активном соавторстве «Словаре эротических произведений» Бело как автор «Адресов любви» указывается безоговорочно¹. Точно так же, взвесившая все «за» и «против», к выводу об авторстве Бело приходит и другой крупнейший эротолог и эротический издатель современной Франции Жан-Жак Повер².

Вопрос этот не праздный. В обществе, где существует цензура, пусть даже не авторитарном, а вполне демократическом, «ссылка на покойника» зачастую давала возможность истинным авторам уходить от судебных преследований, штрафов и даже тюремного заключения. И богатый, удачливый, вполне уважаемый с точки зрения закона Бело стал посмертно столпом эротического андерграунда.

Нам уже приходилось (в выпуске 24) сталкиваться с вопросом истинности авторства Бело, и цикл рассказов «Парижские забавы» мы все же выпустили как анонимный, дав этому соответствующее обоснование. Но в данном случае мы, по-видимому, имеем дело с подлинным произведением известного писателя. Писателя, открытого миру секса и сексуальных наслаждений, сколь бы нестандартными они ни были. Более того, человека, преднамеренно избравшего для этой книги эпистолярный жанр, в наименьшей степени накладывающий литературно-стилистические ограничения на ход изложения, позволяющий произвольно ставить точки или, наоборот, «растекаться мыслью по древу»...

Надо понимать, что герои любовной переписки — супруги Лео и Сесиль, которых отделяют друг от друга два океана и много тысяч километров морского пути, — преднамеренно подменяют истинный секс, который между ними в тот момент невозможен, сексуальным сопереживанием одних и тех же интимных событий. Это каким-то парадоксальным образом помогает им сохранить человеческую близость и достоверность, а также пыл собственных чувств. Мы не будем здесь

¹ См.: *Dictionnaire des oeuvres erotiques (domain français)*. P.: Mercure de France, 1971. P. 466.

² См.: *Belot A. Les stations de l'amour*. P.: La Musardine, 1999. P. 9.

останавливаться на анализе бисексуальности, предлагаем автором (это, по-видимому, одна из его любимейших литературно-эротических тем), — это дело сексологов. Важнее другое: с чисто человеческой точки зрения Бело полагает, что партнерши жен и возлюбленных — не «параллельный» путь любви, но некий поток, готовый слиться с основной линией брачных интимных отношений. И супружеский союз Лео и Сесиль основан на истинной любви, ведь только любящие мужчина и женщина могут столь полно доверять друг другу. Не зря Сесиль, умирая от туберкулеза, берет на смертном одре с мужа клятву жениться на ее любимой интимной подруге... Брак Лео и Терезы, как утверждается в постскрипуме, оказывается счастливым не только в силу общности воспоминаний о — будем грубы! — покойной сексуальной партнерше, но в силу зародившейся еще во времена переписки взаимной заочной приязни — и одобрения мужем роли нынешней жены как сексуальной утешительницы тогдашней...

Это тоже примета времени — и не только для Франции. С легкой руки тогдашних гигиенистов и авторов теории «стакана воды» сексуальное обслуживание в отсутствие законной «половины» (или при иных сходных обстоятельствах) за супружескую измену в традиционном смысле слова не считалось. «Никто, в наших письмах роясь, не понял до глубины, как мы вероломны, то есть — как сами себе верны», — написала великая русская поэтесса-бисексуалка, чей брак при всем прочем был крепче скалы. По рассказам «очевидцев» знакомы мне и случаи, когда разведчики-«незаконные» первой половины XX века не то что разрешали, но прямо-таки побуждали своих сослуживцев удовлетворять сексуальные нужды «соломенных вдовушек» поневоле. Вообще рубеж XIX — XX веков — время сексуального космополитизма. Вот и «адреса любви» в романе Бело раскиданы по всему свету, персонажи образуют сущий интернационал — французы, англичане, индийцы, американцы, — а эпизод герои переживают уже в России, причем в одном из самых пестрых по национальному составу ее городов — в Одессе.

Ну а теперь — очередные «письма незнакомки». Вопрос о подлинности («Писем дамы из среднего сословия» — спорный. Скорее всего, перед нами все-таки чисто литературный вымысел, и в таком качестве он во многом параллелен сочинению Адольфа Бело. Забавно, что и здесь мелькнут индийские мотивы — походя наша героиня довольно скептически отзывается о «Камасутре», равно как в романе Бело маленькая Амалла — лишь вспомогательный персонаж.

Автором этого текста объявлена женщина, и французские издатели настаивают на подлинности этих писем, будто бы относящихся к началу XX века (в обрамляющих главках Бело тоже стремится ввести своих героев в реальный жизненный контекст). При этом издатели не скрывают сходства этого сочинения с соответствующими эпистолярными произведениями Шодерло де Лакло и маркиза де Сада. Сама же корреспондентка — некая «просвещенная буржуазка». Как можно понять, ее брак носит чисто светский характер; вообще же героиня обеих частей нашего сборника весьма схожи. Обе дамы происходят из «корошких» обеспеченных семей, обеих воспитывали быть верными женами и заботливыми матерями, но и той и другой даме природа

отказала в материнстве, а супружеская верность в их понимании к сексу отношения не имеет. Вообще-то говоря, буржуазный брак — институт весьма любопытный и своеобразный, как об этом свидетельствуют и Бальзак, и Золя, и Мопассан, и Анатоль Франс, и более поздние авторы... Заключенный по расчету, он тем не менее крепок и предполагает наличие подлинного союза и взаимопонимания между супругами. А что до секса, то у каждой женщины появляется истинный наставник-мужчина — и может так случиться, что это вовсе не обязательно ее законный муж... «Буржуазка», — будь то Сесиль, героиня Бело, или анонимная корреспондентка из второй книги — богатая, свободная, располагающая досугом, — довольно быстро понимает, что замужество, любовь и наслаждение — три большие разницы, как якобы говорили все в той же Одессе.

Потому наша «дама из среднего сословия», так же как и Сесиль в романе Бело, склонна к случайным и мимолетным любовным знакомствам в поездках и на парижских улицах. И наравне с Сесиль не чужда бисексуальности. Именно интимная подруга нашей «буржуазки» — Сюзанна, хозяйка светского салона, — и сводит героиню с адресатом ее признаний, неким аристократом. Анонимность полная, корреспонденты никогда не встречаются и знают друг о друге лишь то, что честно сказали — или, наоборот, придумали — сами. Читателю предстает ровно половина набора писем, из которых лишь весьма смутно можно представить, а что же героиня получает в ответ на свои излияния, кто тот мужчина, что сперва стремится ее узнать, потом перевоспитать, а затем — руководить ее любовной жизнью.

В общем, перед читателем — типичный для XVIII—XIX веков эпистолярный «роман воспитания», роман по сути, несмотря на свою краткость. Ибо полное его название — «Письма просвещенной буржуазки, свидетельствующие о любовной эволюции ее столетия». Опять же вспоминается Цветаева и ее письма: «Летят они, написанные наспех, горячие от горечи и нег. Между любовью и любовью распят мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век». Нельзя не остановиться на том, чем именно, с точки зрения автора текста, завершается любовная эволюция века, а, надо понимать, вместе с ним — и героиня, признающей в последнем письме, что ее корреспондент стал в полном смысле акушером ее чувств и чувственности. Увы, в нашем случае сексуальное саморазвитие доводит героиню до того, что она становится рабыней очередного партнера, который таким образом приобретает абсолютную власть над ее душой и телом, и дальнейшая переписка воспринимается женщиной, полюбившей собственное рабство, как измена «хозяину». Попытка аристократа воспитать женщину из буржуазной среды по своему образу и подобию кончается неудачей.

Этот ход лишний раз, с моей точки зрения, выдает «деланность», «сконструированность» писем на базе страшного опыта первой половины XX века. Дали «третьему сословию» свободу — а оно своим попустительством злу чуть не ввергло Европу в вечное рабство. С точки зрения тех, кто выдает себя за «публикаторов», само появление этих писем обусловлено культурным «переворотом» «безумных лет», последовавших за Первой мировой войной, и так называемым «раскрепоще-

нием нравов», явившимся их составной частью³. Так что же, в самом деле, «Свобода — это рабство»?

В студенческие годы в курсе истории партийной журналистики мне попало подлинное письмо дворянина к любовнице-«буржуазке» — В.И. Ленина к Инессе Арманд. Та написала некую брошюру о «женском вопросе» и о равенстве полов. И «возлюбленный», он же «наставник» и «идейный вдохновитель», всячески советовал усилить в сочинении классовый подход. Буржуазка, совершенно справедливо указывал Ленин, в вопросе о равенстве полов и свободе женщины прежде всего усмотрит для себя свободу сексуального выбора и самовыражения. А пролетарка — возможность трудиться на производстве наравне с мужчинами и наравне с ними же получать вознаграждение за свой труд.

Так все и вышло. Развитие капитализма в России было насильственно прервано. «Третье сословие» рассосалось и отчасти превратилось в некую аморфную «трудовую интеллигенцию» в отличие от новой, рабоче-крестьянской. В результате чего слово «буржуазка» практически исчезло из русского языка, а «буржуйкой» стали называть железную печку, экономно расходовавшую топливо — обломки старинной мебели, книги, паркет, — с трубой, выведенной в окно... И в конце сего закономерного-исторического процесса секса в стране, отапливаемой «буржуйками», не стало. Потому мы и вынуждены теперь все начинать заново. Учиться складывать камин, вспоминать, что такое канапе и козетка, издавать изящную французскую прозу, понимать, что такое «буржуазный стиль жизни», писать откровенные любовные письма. И заниматься любовью анонимно и на дистанции. Надо сказать, мы в общем достигаем успехов. Стабильно развиваются службы «телефонного секса». Интернет содержит многочисленные каталоги знакомств. Регулярно выходят специальные издания, почти целиком состоящие из читательских интимных откровений. И к услугам корреспондентов — мгновенная связь по электронной почте.

Так что письмо, написанное от руки на бумаге, становится элементом прошлого. Зато свободная чувственная женщина с интересом глядит в будущее. И если для этого надо стать буржуазкой, то так тому и быть.

Ольга Воздвиженская

³ См.: Correspondence d'une bourgeoise avertie. Pour témoigner de l'évolution amoureuse de son siècle. Paris: Le Prê aux Clercs, 1986. P. 125.

Аноним *Венские сказки*, Франк Спанглер *Амурная жизнь фей М.*, ВРС. 2006. 195 с.

«ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ СКАЗКИ!..»

Так воскликнул Александр Сергеевич Пушкин, прочитав сказочный сборник Кирши Данилова, после чего сам принялся за сочинение собственных сказок, в чем весьма преуспел. Сказки у главного нашего национального поэта получались разные: как почти что пристойные – о царе Салтане или о Золотом петушке, так и весьма пикантных – о царе Никите и его сорока дочерях. Но и то, и другое – безусловно, сказки для взрослых.

Да и вообще стоит признаться, что сказка есть дело сугубо взрослое, будь она народной или авторской. Не забудем, что народные сказки исторически записывались (и по сей день записываются) взрослыми специалистами-фольклористами от взрослых же «носителей текста», а зачастую еще и обрабатывались для публикации. Потому знаменитые собрания русских сказок А.Н. Афанасьева и Н.Е. Ончукова¹ даже по закону детям показывать нельзя. Да и все профессиональные литераторы-сказочники, как правило, обращались к этому жанру далеко не в юные годы. Были они по преимуществу зрелыми мужчинами – и прожженный политик Шарль Перро, и бисексуальный эстет Оскар Уайльд, и мрачные германо-университетские романтики Якоб и Вильгельм Гриммы, и идейно-инфантильный сын сапожника, моралист-монархист Ганс-Христиан Андерсен, у которого король может быть голым, но он всё равно король, а настоящая принцесса никогда не уснет на горошине, даже если промокла и очень устала.

Это правда, что перечитывать с детства любимые книжки про фей, принцесс, храбрых простолюдинов и глупых королей во взрослом возрасте еще интереснее. «Сказка – ложь, да в ней намек», но намек этот становится совершенно ясен только взрослому (и лучше образованному) читателю. И такие разверзаются психологические бездны: будь то одержимость девственностью и incestом в андерсеновских «Диких лебедях», «Снежной королеве» или «Русалочке»;

¹ Об этих собраниях можно говорить бесконечно, но гораздо полезнее и приятнее обратиться к текстам. Заинтересованным читателям могут быть рекомендованы научно подготовленные, комментированные полные сборники. См.: Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. М.: Ладомир, 1997; Заветные сказки из собрания Н.Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.

или воплощенные в «Золушке», «Спящей Красавице» и «Ослиной шкуре» (в версиях Шарля Перро) мечты о двуедином синтезе знатности и целомудрия, ибо при дворе блистательного Короля-Солнца девица обладала либо тем, либо другим; или неистребимая тяга к изощренной полигамной сексуальности мусульманского мира, свойственная Вильгельму Гауфу; или, наконец, трагическая убежденность в пагубности любви, пронизывающая оба сказочных цикла Уайльда; и «Мальчик-звезда», и «Гранатовый домик». То же и в нашем отечестве – как старался Павел Бажов советизировать и большевизировать свои уральские сказки, внести в них классовость и народность... А все равно в цикле о Хозяйке Медной горы прочтывается злая досада женщины, природой обреченной на фригидность и девственность, а потому мстящей барину и его управляющим – мужчинам, облеченным силой.

По сути единственное, что отличает народную сказку от литературной, – то, что народная более откровенна, и анонимный (всегда анонимный!) рассказчик ради красного словца не жалует ни мать, ни отца (кстати, главных сексуальных персонажей любого психосюжета – хоть по Фрейдю, хоть по Юнгу). Вышеупомянутые же господа сказочники, обремененные классическим университетским образованием, все-таки стеснялись называть вещи своими именами. А вдруг книга попадет в руки детям?! И кроме того, они были не только по эстетике, но и по идеологии, а часто и по складу характера – романтики, взыскующие идеала: в Вечности потустороннего «голубого цветка» по Новалису, в земной реальности хотя бы «жизни, льющейся через край» по Людвигу Тику.

Но книга, которую читатель держит в руках, адресована как раз строго взрослым. И потому собранные в ней сказки счастливо объединяют в себе как фольклорные, так и литературные приметы и свободны от недостатков того и другого вида. Старые истории рассказаны на новый лад. Классические тексты известных авторов пересказаны шиворот-навыворот и превращаются в убийственные пародии на «умеренность и аккуратность», на эквивалентные приличия, наконец, на предвзятые представления о том, что сказки – это для детей, а дети – наивны и невинны.

Первый цикл в оригинале называется просто «Erotische Märchen» – готическим шрифтом. При подготовке к изданию русского перевода нам пришлось разрешить целый ряд непростых задач. Первые же страницы показали, что эти тексты являются практически дословным пересказом сказок братьев Grimm, различаясь только в собственно эротических пассажах. Гриммовские сказки многие десятилетия издавались по-русски в переводе Григория Петникова¹; будучи обработкой народных сюжетов, адресованных народу же

¹ Нам удалось разыскать практически полное собрание сказок издания 1949 г., «репарационной» лейпцигской печати, с иллюстрациями. И с послесловием, самим по себе являющимся литературным памятником, где

(то есть по сути попыткой создания идеальной «deutsche Volksbuch» по Энгельсу), эти сказки и по-немецки написаны чрезвычайно упрощенным языком. Адекватность же переводов Петникова ныне стала предметом дискуссии среди германистов. Нам оставалось лишь постараться максимально приблизиться к оригиналу и уйти от клишированных формул советских изданий, порожденных еще дореволюционной русской переводческой школой. Вынуждены признаться, это целиком и полностью удавалось далеко не всегда. Словарный запас оригинала весьма ограничен, синтаксис крайне формализован, а потому пространство для словесных маневров очень невелико.

Мы взяли на себя смелость по-русски озаглавить этот цикл – «Венские сказки». Во-первых, потому, что название знаменитого вальса Йоганна Штрауса, как представляется, вызовет в воображении читателя пышность, легкость и фривольность существования, свойственные как раз не кайзеровской (или гитлеровской) Германии, а «императорско-королевской» Австро-Венгрии. Ведь первое издание «Erotische Märchen» вышло в Вене в 1909 году, когда до убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда оставалось еще целых пять лет, а словом *Anschluss* не обозначалось ничего страшного. Во-вторых, именно место издания сказок представляется весьма важным: Вена – не только блистательная имперская столица на «прекрасном голубом Дунае», но и родина Зигмунда Фрейда. Можно допустить, что его первые труды по психоанализу печатались чуть ли не в той же типографии.

Для мало-мальски сведущего человека очевидно, что существует определенный «зазор» между реальными теоретическими положе-

только что побежденная Германия объявлялась носителем всех мыслимых классовых противоречий, а знаменитые братья-сказочники – типичным порождением прекрасного и половинчатого буржуазного гуманизма, естественно приведшего страну к нацизму. Главным же источником по фольклористике эта статья объявляет работу Энгельса «Немецкие народные книги». См.: *Братья Grimm. Сказки*. М.: ГИХЛ, 1949. Но будем справедливы: как всякое идеологическое издание сталинского времени, эта книга отличается необычайной кропотливостью подготовки – более двухсот сказок, причем расположенных в порядке, соответствующем каноническим немецким изданиям (что специально оговорено) – и ни одной опечатки!

¹ В конечном итоге, и это выглядит вполне по-марксистски, ибо один из постулатов раннего марксизма гласил, что угнетенный класс не в состоянии самостоятельно выработать революционную идеологию, и таковая должна быть «внесена» представителями имущих классов, перешедшими на его сторону. И что за беда, если сказки адресованы крестьянству и мелкому бюргерству, а Гриммы – буржуазные интеллигенты: ведь первым этапом революции пролетарской является революция буржуазная... Кроме того – и более того: патриоты-фольклористы из круга братьев Grimm в литературном плане безусловно принадлежали к романтикам. Да и Маркс с Энгельсом как литераторы и публицисты – точно такие же представители романтической школы; даже «Капитал», строго говоря, по жанру то же самое, что «Юрелев» Генриха Гейне – романтическая поэма.

ниями и практическими методиками д-ра Фрейда и некоей общераспространенной легендой о том, что же вывел на свет Божий творец психоанализа. Вряд ли кто на бытовом уровне постигает разницу между «я», «оно» и «сверх-я», между сознанием и подсознанием, между инстинктом и интеллектом, между Эросом и Танатосом; но с легкой руки д-ра Фрейда пошли вовсю гулять плохо переваренные и зачастую вовсе не понятные термины типа «эдипов комплекс», «анальный и оральный типы личности», «сублимация». . . Зато было усвоено главное: за сексуальностью признано право быть одной из важнейших составляющих человеческой природы. Это как раз все поняли хорошо и с радостью. Так родился на свет вульгарно-бытовой фрейдизм, утверждающий, что якобы любой человек, да и всё человечество в целом, только и думает, как бы и с кем бы «перепихнуться», поскольку всё, что человек делает, происходит от неудовлетворенности, а неудовлетворенность бывает только сексуальная. Короче, все беды – от недоёба. . . И все достижения – от него же. А потому всё, что торчит, всё более или менее длинное, острое, твердое – пенис, а любая яма, дыра, щель, трещина, прореха, любое вместилище – это вагина. А любое действие – это соитие. Можно, конечно, трактовать сложнейшую науку и так.

В конце концов, сами «братья Гриммы» ради понятности задали очень примитивный текст-первооснову с жестко фиксированными ролями и положениями. Хорошая сестра – и плохая, сметливый находчивый бедняк – и идиот-король, трудолюбивая умница-красавица – и лентяйка неряха-уродина, злая старуха мачеха (или ведьма) – и сирота, чья сила в чистоте и простодушии. И куда же деваться – прямо-таки архетипы по Юнгу. Всё «Германии туманной учености плоды», немецкие университеты. . . Все их кончали – и братья Гриммы, и братья Шлегели, и Маркс с Энгельсом, и Фрейд с Юнгом – тоже пары братьев, хотя бы идейных.

Но тем не менее именно формульность гриммовских сказок позволила неведомым венским толкователям с легкостью интерпретировать их содержание в самом простонародном, нарочито грубом эротическом духе. Причем проделано это с большим мастерством и юмором. Всё подразумеваемое выведено на поверхность. Классовость, народность, патриотизм, просветительство – побок, торжествует секс в стиле «штурм унд дранг!» *Coitus über alles!* Сами братья Гримм более чем сдержанно упоминают в своих сказках о сексе. Явно, без символов и намеков – только дважды: в сказках о Рапунцель и о странствующих лекарях¹. В первом случае упомянуто, что в результате визитов принца в потасенную башню Рапунцель родила, во втором – что служанка не углядела за сохранностью провизии в шкафу, увлеченная любовью с навестившим ее солдатом. Зато развеселые венские сказочники, размахивая, как флагами, положениями новообретенного фрейдизма, с пылом истинных буршей

¹ См.: Братья Гримм. С. 61 и 482 соответственно.

крушат благопристойные гриммовские сюжеты. Нашлось место даже сюжету про «эдипов комплекс»: это сказка «Отец, дочь и внук» с ее закономерным концом – разобраться в ситуации невозможно, да и не нужно, раз все довольны. Кстати, ее аналог у Гриммов нами не обнаружено¹. Но, к слову, не забыты в этой книге и «родные» литературные корни: в нескольких сказках появляются прекрасные женщины в мехах и с плетками.

Ну, а дальше – берите братьев Гримм, кладите рядом с «венским безобразием» – и развлекайтесь! Хихикайте, поняв, каким веретеном и в какое место укололась Спящая Красавица, какой иголкой орудовал Храбрый Портняжка и в каких занятиях проводили время с Бело-снежкой сразу все семеро гномов. . . Вспоминайте время, когда и в Австрии, и в Германии были еще короли и королевы, принцы и принцессы. Время, когда университетские романтики считали свой «народ» дитём малым, которое греха не ведает, и если грешит, то по неведению. Надо только указать ему, народу, идеал для стремления – в небесной ли вышине, в красоте ли добродетельной жизни или в героическом прошлом. . . Причем в доступной, «детской форме», в виде сказки с хорошим концом. Устремив взор в идеальные высоты, романтики сами порой не следили за словами. Одна из манифестных книг германского романтизма, трехтомник народных песен, поэтически обработанных Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано, называлась – «Волшебный рог мальчика». . . Чем не оговорка по Фрейду? Классические эротические сочинения часто оценивались термином *horn-books*, а самый «волшебный рог», – несомненно, у мальчика в штанишках.

И насмеявшись вволю, подумайте о могуществе «коллективного бессознательного», откуда приходят к нам сны и сказки (правда, это уже Юнг – любимый ученик Фрейда). Перечитайте хоть пародийный «Синий огонек» в нашей книжке, хоть «Синюю свечку» в переводе Петникова. И задумайтесь, как угадано будущее. Вспомните того раннего на войне австрийского дембеля без пениса, который вступил в союз со злом, превзошел это зло по силе, попал в тюрьму и выбрался из тюрьмы, одолел короля (то есть традиционный государственный порядок), изнасиловал королеву (понимай – деву-Германию), а потом – захватил верховную власть над страной и чуть не сделал того же самого со всей Европой, в чем почти преуспел. . . Синим пламенем крематориев ушли в небытие миллионы людей. В том числе почти все близкие доктора Фрейда, кто не успел или не смог бежать из Вены. В «аншлюсс». Вообще-то это страшная сказка.

¹ Если говорить серьезно, то психоанализ действительно применим не только к человеку или сообществу, но и к тексту, будь то рассмотрение героя, автора или сюжета. Первоклассные образцы таких работ ныне доступны в русских сборниках «Имаго». Нельзя не упомянуть и только что вышедшую капитальную монографию Даниэля Ранкур-Лаферьера «Русская литература и психоанализ» (М., 2004).

В цикле о любовной жизни фей всё гораздо безобиднее. Автор прямо признается во введении к своим сказкам, что, еще будучи подростком, ощущал некоторую недоговоренность в тех детских переложениях классических сюжетов, которыми его пичкали, лишь сбывая с толку. Франк Спанглер совершенно прав: даже и у нас, например, под Золушкой понимается не сказка Шарля Перро¹ (хотя бы и в пересказе Тамары Габбе), а советский фильм 1944 года, который ничтоже сумняшеся внушал детям и взрослым (а в особенности девочкам из раздельных школ), что в жены принцам выбирают добрых и трудолюбивых – неважно, что чумазы и в отрепьях... Так, дескать, было всегда и везде, в частности, во Франции, потому мы (СССР) с нею союзники. Повторимся: Шарль Перро был политик, курировавший культуру и искусство в правительстве Кольбера при дворе Короля-Солнца. И смысл французской Золушки – иной: любая девушка, чья ножка столь мала, что входит в потерянную туфельку, не может не принадлежать к самой высшей знати. А потому *первая же*, кому туфелька придется впору, станет невестой принца. Маленькая ножка – признак сословия. Признак породы. А в «Ослиной шкуре» тот же сказочник ставит и вовсе не разрешимую задачу: красотой и происхождением покойной королевы равна только ее дочь. Но ведь Европа – не Древний Египет, и не может христианский король совершить инцест, хотя и пытается...

Конечно, в детских переложениях всё это исчезает. И эротика, и политика. И Франк Спанглер лишь восстанавливает подлинный смысл известных сюжетов и доводит их до абсурда. Ведь, вообще говоря, и греческие мифы, и баллады о Круглом Столе, и древнекитайские повести – все сами по себе чрезвычайно неприличны. Интерпретатору понадобилось лишь несколько усилить и прояснить обычно затушевываемые моменты – и опять получаются сказки строго для взрослых. Причем опять же для образованных взрослых – то в сюжете о Моргане промелькнут «одинадцать тысяч палок», напоминая о классическом для французской эротики сочинении Аполлинера, то повеет сквознячком левацких настроений – памятью молодежных революций 1960-х... Но ведь любой ребенок старается скорее вырасти. Всё ханжество мифа о наивном, невинном, невежественном, счастливом-сопливом асексуальном детстве разоблачается в сказке о фее Клошетте. Само имя этой крошки-феи весьма дву-

¹ Дело в том, что Золушка также существует и в менее известной у нас версии братьев Grimm. В немецком сюжете Золушке помогает не фея-крестная, а покойная мать, специально приходящая с того света. Золушкины же сестры в попытке надеть башмачок обрубают одна – пятаку, другая – пальцы на ноге, и только с третьей попытки принц, озадаченный потоками крови, узнает свою невесту. И если у политика-католика Перро Золушка пропает сестер и выдает их замуж за вельмож (сословная солидарность!), то у просветителей-протестантов Гриммов два белых голубя во время венчания Золушки с принцем выклеивают сестрам глаза. Тут тоже усматривается простор для психоаналитика...

смысленно. Она живет в часовой башне («клош» – буквально «часы»¹⁸), но во французском есть «клошары» – люди паперти, люди улицы, почти что наши «бомжи». И есть «королевы часов» – профессиональные уличные потаскушки. Так вот, незрелого мальчика Питера Пэна из нравоучительной викторианской сказки для хорошо воспитанных детей по воле автора интерпретации сексуально просветит именно крошка Клошетта. Понимай как знаешь: то ли мальчик, живущий в мире сказок, сам поймет, о чем сказки, то ли сказки, разбудив фантазию великовозрастного ребенка, направят ее в нужное русло, то ли как ни охраняй детскую невинность, а на улице дитё такого посмотрится...

При всей легкости и шутиivosti тона Франк Спанглер беспощаден к мифам. Как к мифам в прямом смысле – древним сказаниям о богах и героях, так и к мифам общественного сознания. В античных богинях судьбы он видит что-то вроде современных «госпожей»-сидисток. В легендарном маге Мерлине – мужчину того типа, кого на современном московском жаргоне чаще всего именуют «папиком». В сказке о тагурированной фее вполне глобалистично сводятся Восток и Запад, и прекрасная китайка, побывав возлюбленной христианского Бога-Творца, далее услаждает хоть европейца-католика Марко Поло, хоть Председателя Мао, хоть американских морпехов. Так разве не прелесть эти сказки?

Вообще-то обозвать девушку или женщину «феей», а в особенности «ночной феей» – это не совсем прилично. И сказки из этой книги, конечно, можно читать или рассказывать на ночь, но вряд ли после этого заснешь. Но, в конце концов, мы же взрослые люди...

Ольга Воздвиженская

Александр Дюма. *Девки, лоретки и куртизанки*.
 Ги де Мопассан. *Турецкий дом "Лепесток розы"*.
 Луи Арагон. *Le sjon d'Irene*
 М., ВРС. 2006. 149 с.

LA BELLE FRANCE

Это — как перевести. Можно — «прекрасная Франция», и тогда перед нашими глазами возникают возвышенно-патриотические картины: рушащиеся стены Бастилии, Триумфальная арка с Вечным огнем в память всех павших за Францию, Наполеон на Аркольском мосту на белом коне в клубах пушечного дыма, великолепие дворцов и садов Версаля, радиоголос Шарля де Голля, призывающего граждан к оружию на фоне «Марсельезы». Но точно так же можно — «красотка Франция». Пожалуй, тогда мы хмыкнем, и на память придут бесконечные маркизы и графини — любовницы королей и кардиналов, двусмысленные улыбки пасторальных героинь Буше и Фрагонара, светящаяся розовым женская плоть на полотнах Ренуара, крылья «Красной мельницы», пышные юбки, которые с визгом взметывают выше головы исполнительницы канкана... И это тоже будет *belle France*.

Никто и никогда не обвинит французов в отсутствии любви к своей стране. Но само слово «любовь» для французов, по-видимому, всегда носит некоторый оттенок чувственности. И потому, с готовностью берясь за оружие и идя умирать во имя «прекрасной Франции», эти люди изображают свою родину, как правило, в виде полуголой женщины¹. Для примера посмотрите на обложку этой книги — на фрагмент картины Эжена Делакруа. Даже в посольстве Франции в Москве — куда уж официальнее! — в парадных залах установлен бюст Республики (и у нее таки бюст!).

Сине-бело-красный флаг горделиво осеняет и освящает страну, являющуюся для всего мира своего рода эротическим идеалом. Великая Французская революция дала миру великую троицу «Сво-

¹ В доказательство этому достаточно обратиться к образам родины у других наций: российско-советская «Родина-мать» — это крепкая, грудастая крестьянка средних лет, которая способна одновременно старших сыновей уже отправлять на фронт, растить средних и рожать младших; германская Валькирия — стремительная дева, любовному соитию с которой должна предшествовать победа над ней в равном бою. Французы и сами понимают разницу: не случайно дар Франции молодой американской демократии — статуя Свободы — изображает женщину, *полностью одетую*, у которой не то что груди не видно, а даже ног.

бода, равенство и братство», но охальники-французы тут же проиллюстрировали ее серией блистательных карикатур, где в весьма понятных образах разъясняется, что за свобода, в чем равенство и с кем братство¹. На этих картинках на женщинах зачастую уже нет ничего, кроме чепца с трехцветной кокардой.

Три цвета на французском флаге, как считается, символизируют три типа правления: белый — от королевских лилий, синий — от мундиров республиканской гвардии, красный — от крови, пролитой в бесчисленных революциях. Да, конечно, *liberté, égalité, fraternité*. Но к этой триаде неизменно прибавляется и четвертая составляющая: *amour*.

В серии «Улица красных фонарей» уже неоднократно выходили сборники, специально посвященные французскому эротизму². Но эта тема — неисчерпаема. Практически никто из французских писателей так или иначе не обошел в своих сочинениях предмет чувственной любви. Размышления же о трех цветах французского флага и о неизменности эротической составляющей французского национального характера вне зависимости от политических убеждений и партийной принадлежности автора привели нас к мысли составить этот том из признанных классиков. И совершенно неважно, какое столетие на дворе и какая власть во Франции: Бурбоны или Бонапарты, Директория или Коммуна, Третья республика или Пятая. Мы просто выстроили этих классиков по хронологии, а получилось, что политически они представляют, пожалуй, весь спектр традиционных французских убеждений, зато как литераторы являются единомышленниками, хотя и принадлежат к разным поколениям. Роднит их и другое. Все трое были истинными патриотами, активно проявлявшими себя в современной им политике. На долю всех троих выпали войны и революции. Да и в любовной жизни эти трое были настоящие французы.

Три цвета времени, как говаривали в советской литературе. Все три текста, составившие этот выпуск «Улицы красных фонарей», уже когда-то выходили по-русски³, но мы, придерживаясь принци-

пов точности и бесцензурности переводов, специально для серии подготовили новые версии сочинений этих классиков. И назвали сборник — «Три цвета сладострастия».

Начнем с белого. Александр Дюма-отец (1802—1870), родившийся в семье наполеоновского генерала, тем не менее стал, как говорится в одном известном советском анекдоте, чуть ли не большим роялистом, чем сам рояль... Редко кто ныне читает Дюма в возрасте старше девяти-десяти лет; но даже и в «Трех мушкетерах» позиция автора очевидна: король хорош и прав потому, что он — король, а кардинал Ришельё плох и неправ, потому что «против короля». А следовательно, королевские мушкетеры — «лапочки», а кардинальские гвардейцы — «бьяки».

Другое дело — Дюма присущ такой талант занимательного рассказчика, что историческая правда в подобных случаях как бы и не важна. С высоты сегодняшнего понимания ситуации становится ясно, что именно развлекательная составляющая любого текста, к которому приложил руку Дюма, принесла ему и славу, и огромные деньги. Пожалуй, именно с Дюма начинается традиция создания и эксплуатации литературного «бренда». Как раз это и затрудняет текстологическую атрибуцию: теперь уже не секрет, что из более чем пятисот романов, подписанных Дюма, единолично им создано чуть больше ста. Остальные — продукт работы руководимого им коллектива «литературных негров» (кстати, от Дюма и пошел этот термин). То же относится и к его многочисленным пьесам. На протяжении последних пятнадцати лет московское издательство «Арт-Бизнес-Центр» пытается совершить беспримерный подвиг издания *полного* Дюма на русском языке. К настоящему моменту в проспекте этого собрания указано сто десять томов — всё, что когда-либо выходило под именем Дюма-отца, сверенное и прокомментированное. Даже оставив в стороне вопрос, в какой современной квартире встанет сто десять пронумерованных, толстых красно-золотых томов и где найдет читатель, столь влюбленный в Дюма, что согласится десятилетиями дожидаться возможности прочесть еще один опус, вынуждены отметить, что такой «глобалистический» подход к наследию Дюма-брэнда представляется все-таки чрезмерным. Даже мы при подготовке серии уже сталкивались с противоречием между Дюма-легендой и фактами. «Роман Виолетты», включенный в 51 том, приписан Дюма совершенно понапрасну⁴.

ном уровне юмора и эротичности пьесы можно лишь догадываться. Повесть Арагона переводилась на русский уже дважды: под нейтральным названием «Защита бесконечности. Ирен» она публиковалась в «Антологии французского сюрреализма» (М., 1994); большую известность имеет перевод Маруси Климовой и Вячеслава Кондратовича, существующий под двойным названием: «Пизда Ирен» в «Митинном журнале» (1999) и «Лоно Ирен» в сборнике «Четыре шага в бреду» (СПб., 2000). Ознакомительную роль эти издания сыграли, но сточки зрения точность перевода вызывает большие сомнения.

⁴ Подробнее см. нашу статью в вып. 24 «Улицы красных фонарей».

¹ В знаменитом альбоме «*Erotica Universalis*» целый раздел так и обозначен «*Erotica Revolutionaria*» (см.: *Néret G. Erotica Universalis*. Köln: Benedikt Taschen, 1994. S. 339—409).

² См.: «Веселый Париж» (вып. 5, 2000 г.); «Парижанки» (вып. 24, 2003 г.); авторские тома Рене Дюнан (вып. 9, 2001 г.), Пьера Мак Орлана (вып. 18, 2002 г.), Гийома Аполлинера (вып. 22, 2003 г.).

³ «Девки, лоретки и куртизанки», согласно опубликованному анонсу, будут включены в один из следующих томов, пока не имеющих номера и содержащих публицистику, 110-томного собрания сочинений А. Дюма издательства «Арт-Бизнес-Центр» под названием «Девки, лоретки и куртизанки» (об этом проекте будет сказано чуть дальше); пьеса Мопассана в переводе Н. Поповой под названием «Лепесток Розы. Турецкий дом» вошла в сборнике «Ги де Мопассан: Знакомый и незнакомый» (М.: ТОО «Внешторгсигма», 1992) — и это вполне постсоветский перевод: о подлин-

Но что касается очерка, открывающего эту книгу, то сомнения отсутствуют. В отличие от «Романа Виолетты», который является будто бы публикацией посмертной и анонимной, «Девки, лоретки и куртизанки» действительно написаны Дюма в 1843 году. Тогда же этот очерк и был опубликован. В корпус наиболее известных и часто переиздаваемых сочинений Дюма это произведение не входит — как на французском языке, так и в русских переводах. Судя по его трехчастной форме, этот текст заранее писался с расчетом на фельетонную публикацию с продолжением. И хотя Дюма, в отличие от своих романов, в этом очерке выступает скорее как журналист и публицист, не особенно давая волю своему воображению, текст несет в себе все достоинства и все недостатки автора-романиста.

Во-первых, здесь, как всегда у Дюма, романтизируется прошлое, наделяемое блеском и величием, причем понятно, что на деле исторические знания Дюма крайне поверхностны, поскольку он так и не получил никакого систематического образования. А исторические свидетельства и документы Дюма принимал в расчет постольку, поскольку нуждался в громких именах и пикантных подробностях.

Во-вторых, следует помнить, что в условиях литературного конвейера писалось всё наспех. И фактологическая добросовестность отступала перед необходимостью успеть попасть в типографский график. Вот и в «Девках, лоретках и куртизанках» всё время вылезают на поверхность случайность и вторичность фактов, невежество и небрежность. Кстати, кроме идеи «литературных негров» Дюма подарил читателям и понятие «развесистой клюквы». Вот и в этом очерке сие растение произрастает весьма буйно, обильно плодонося слухами, сплетнями, легендами и анекдотами. О точности же писатель заботится меньше всего — и, к счастью, сам это понимает. Потому, пока Дюма опирается на фундаментальный труд Паран-Дюшатле в части, касающейся современной ему парижской проституции, автору еще хоть как-то можно доверять. И даже в области закулисной жизни французских театров, в чем профессиональный драматург Дюма мог бы, кажется, разбираться на основании собственного опыта, он предпочитает цитировать Нестора Роклана. И вряд ли Дюма, хотя и друживший с Гюго, имел время прочесть до конца «Собор Парижской Богоматери»; что же до его знакомства с современным ему естествознанием, то имена Гумбольдта, Кювье и Жоффруа Сент-Илера, скорее всего, известны ему по популярным публикациям. Однако и о средневековой архитектуре, и о естественной истории Дюма рассуждает с неподражаемым апломбом. А уж когда он берется писать об античности, это — как бы повежливе выразиться? — вызовет усмешку у любого французского лицейца.

В-третьих, в очерке проступает главный закон журнализма — быть актуальным. Ради злободневности к рассказываемым скабрёзным историям Дюма прибавляет политического перчику — на полном серьезе рассуждает о проституции как отрасли французской индустрии, походя лягает «сен-симонистов, коммунистов и фалан-

стеристов», анализирует социальную принадлежность тех или иных разрядов клиентуры. И тут вспоминаешь, что к моменту написания очерка Дюма уже пережил одну революцию... Правда, Бурбоны в 1830 году сменились Бурбонами же, а к королевской власти Дюма абсолютно лоялен. При этом, повествуя о прошлом парижской проституции, Дюма никогда не забывает упомянуть, при каком конкретно короле что происходило в этой области, а любовные забавы монархов описываются им скорее в комплиментарном духе (что не мешает ему спутать очередностью даже любовниц Короля-Солнца, хотя королевские амурсы — предмет французской национальной гордости).

Ну, а насколько должен публицист знать хотя бы свой непосредственный предмет? Папаша Дюма был весьма любвеобилен. И отцом он стал не только Дюма-сыну, но и еще нескольким детям, не затрудняя себя своевременной женитьбой на их матерях. К нему были благосклонны актрисы, игравшие в его пьесах или просто желавшие получить роль, аристократки и прачки, провинциалки и парижанки. Но, насколько можно понять из его биографий¹, до услуг откровенно платной любви Дюма не опускался — незачем было. Одно только настораживает: пока Дюма повествует об уличных шлюхах, о публичных домах, о лоретках и гризетках, он остается в современности. Когда же речь заходит о куртизанках, его уносит в античность, во времена Возрождения, в XVIII век; о куртизанках-современницах он пишет мало, сдержанно и скрывает их под инициалами. Можно задуматься: боялся ли писатель проговориться о чем-то из собственного опыта или не хотел вызвать гнев парижского полусвета — социальной группы, весьма влиятельной в литературной, театральной и даже политической жизни Франции, — дабы не ставить под угрозу собственное финансовое и светское благополучие? Или опасался смутить своего сына? В момент написания «Девки, лореток и куртизанок» Дюма-отцу 41 год. А Дюма-сын как раз переживал трагическую любовь к Мари Дюплесси. Он и напишет о современных ему куртизанках — «Даму с камелиями», надрывную пьесу, где не будет ничего забавного. Зато Дюма-отец в тот момент только вернулся из трехлетнего вояжа по Италии, где успел поделаться революцию вместе с Гарибальди, пережить некое количество амурных приключений и соскучиться по *belle France*. Потому, описывая проституцию, Дюма не очень-то ее осуждает, она для него лишь «горячая тема», хороший повод проявить присущую ему ловкость рассказчика, умение смешивать факты и вымысел, юмор, живость в построении диалога, меткость в описаниях. И сквозь всю иронию очерка о доступных женщинах и продажной любви проступает восхищение предприимчивостью, беззаботностью и веселым нравом

¹ Достаточно полный обзор любовной жизни Дюма-отца можно извлечь из сочинения Андре Морюа «Три Дюма» (М.: Молодая гвардия, 1962. «ЖЗЛ»), книги, в нашей стране весьма популярной и легко доступной.

француженок. И скажем прямо, читать это интересно, как и всякий живой документ эпохи, созданный к тому же бойким талантливым пером.

Синий — это цвет либеральной республики, цвет ясного неба, отраженного в речной воде, цвет неутомимого пловца, гребца, республиканца Ги де Мопассана (1850—1893). Если Дюма все любят, но никто не воспринимает всерьез, то творческое наследие Мопассана без всяких оговорок принадлежит к «большой» литературе. Однако вокруг его имени всегда витал некоторый душок фривольности — при всем художественном мастерстве, при всей даже на советский взгляд прогрессивности, народности, реализме Мопассан все-таки считался писателем «для взрослых». Многие поколения девушек были напуганы описанием первой брачной ночи в «Жизни» и возмущались цинизмом «Милого друга», учились у мопассановских героинь искусству элегантности и кокетства. И правда, говоря о любви, Мопассан однозначно имеет в виду любовь плотскую; его «народность» часто претворяется в описание довольно-таки скотских нравов французского простонародья, а психологизм любовного чувства, как правило, реализуется в сюжете внебрачной связи или адюльтера. При этом Мопассан — истинный патриот и истинный республиканец, и это две взаимосвязанные стороны его политических убеждений, ибо у него на глазах Вторая Империя привела к поражению Франции во франко-прусской войне, к кровавому разгулу Парижской Коммуны, а порядок наступил только с утверждением либерально-буржуазной Третьей Республики. Но парадоксальным образом даже свободолюбивое и патриотическое начало опять-таки воплощается у него в образе доступной женщины — стоит вспомнить хрестоматийные «Пышку» или «Мадемуазель Фифи». Так что тема проституции, тема платного секса для Мопассана — одна из главных. «Заведение Телье» — рассказ о провинциальном публичном доме, его почтенной хозяйке, веселых обитательницах и солидных клиентах — входит в университетскую программу по французской литературе. Можно, конечно, считать, что Мопассан «ужасался бесчеловечности буржуазного строя», но рассказ однозначно свидетельствует: когда однажды «заведение Телье» на двое суток закрылось по семейным обстоятельствам хозяйки, «отцы города» погрузились в траур, а матросы и портовые рабочие чуть не взбунтовались. Потому-вопрос, осуждал ли Мопассан вольную чувственность, даже и задавать-то взрослому человеку смешно. Его собственная личная жизнь была весьма бурной («Опять девчонки!» — в бессильном ужасе восклицал Флобер, получив от юного ученика очередные письма с отчетом о литературных и жизненных успехах). Сохранившаяся переписка, воспоминания друзей и коллег, позднейшие биографии свидетельствуют: Мопассан жил полнокровной мужской жизнью. Даже советское литературоведение признавало: «Женщины играли очень большую роль в жизни Мопассана, у него

140

было множество романов и случайных связей, известны имена многих его возлюбленных...»¹. Да и преждевременный свой юнец писатель встретил... ну, скажем... «по-мужски»². Есть у него маленький рассказик — переписка двух дам, старой и молодой, насчет мужских усов и их роли в эротическом возбуждении. Глядя на портрет Мопассана, можно понять, что предмет он изучал эмпирически...

Он был литератор-профессионал, рано начал зарабатывать своим ремеслом, не брезговал печататься в «Жиле Блазе» — бульварном журнале, платившем, однако, очень приличные гонорары и потому собравшем вокруг себя плеяду талантливых французских писателей. Тусовка была что надо: братья Гонкуры, Эмиль Золя, Октав Мирбо, Гюстав Флобер, нарушавший ради общества молодых коллег руанское уединение, и примкнувший к ним Иван Сергеевич Тургенев. Все упомянутые авторы — так называемая «натуральная школа», тем и славная, что человеческую натуру описывала, как она есть.

Романы Мопассана — в смысле литературные тексты, а не любовные связи — известны наперечет. Новеллы, первоначально рассыпанные по периодике и далеко не все включенные автором в сборники, разыскиваются до сих пор. Драматургическое его наследие известно еще меньше. При жизни Мопассана «Турецкий дом» оставался в рукописи. Первое подпольное издание осуществилось только в 1945 году, а официально пьеса напечатана гораздо позже — в 1960-м. А написал ее Мопассан в возрасте двадцати пяти лет, в 1875 году, с благословения Флобера. Тогда же ее и сыграли в первый раз. Следы этого события остались в документах французской литературы. 8 марта 1875 года Мопассан пишет матери из Парижа: «Я и несколько друзей собираемся сыграть в мастерской Лелуара *непристойнейшую пьесу* (курсив авторский. — *О.В.*) в присутствии Флобера и Тургенева. Стоит ли говорить, что это — наше собственное произведение?»³. В студии художника, вероятно, имелись и подмостки для натурщи, приспособленные в качестве сцены, и разнообразные костюмы. Театр в этом случае начался даже не с вешалки, а с билетов. Накануне были разосланы приглашения на бланках Министерства морских дел и колоний, где Мопассан в то время еще служил чиновником. Образчик приглашения также сохранился: «13 апреля 1875 г. Милостивый государь и дорогой друг! Торжество наконец назначено на понедельник, 19-го числа сего месяца. Допущены будут только мужчины в возрасте свыше 20 лет и женщи-

¹ См. биографическую заметку в: *Мопассан Ги де*. Полное собрание сочинений в 12 т. М.: Правда, 1958. Т. 1. С. 400. Там же содержится ссылка на эпизоды личной жизни писателя в мемуарах слуги Мопассана, вышедшие по-русски еще в 1915 г.

² Помните старинный анекдот — холерный больной просит доктора: «Напишите, что я умер от сифилиса». — «Зачем?» — «Хочу, чтобы все думали, что я умер как мужчина, а не как засранец».

³ Цит. по: *Мопассан*. Указ. соч. Т. 12. С. 24.

141

ны, предварительно потерявшие невинность. Королевская ложа будет занята тенью великого маркиза!... Таковы вкратце меры, которые мы сочли нужным принять для обеспечения порядка и спокойствия в зрительном зале»².

Получив такое извещение, избранная публика смеялась заранее, еще до начала фарса. На премьере же особый успех имел Октав Мирбо — сам славный эротический писатель, автор «Сада мучений» и «Дневника горничной» — в роли Бофланке, тупого мэра Пиздивилля. Мопассан назвал свою пьесу «абсолютно распущенной», а Эдмон де Гонкур после премьеры записал в знаменитом «Дневнике», что пьеса «похабная». Второй и последний раз при жизни автора «Турецкий дом» та же компания поставила через два года — 31 мая 1877 года, опять-таки в дружественной мастерской у Жоржа Бекера. На сей раз на сцену вышел и сам автор, а играл он Рафаэлли. Но не надо думать, что Мопассан подчинился порывам своей «блядской» натуры, — нет, он просто буквально следовал принципам «натуральной школы», требовавшим отождествления автора с героем для пушей достоверности и психологичности повествования (ведь заявил же Флобер: «Эмма Бовари — это я»; и, как известно, перевоплощение в героиню у Флобера дошло до полной крайности — написав сцену отравления, автор долго бевал... Вот что значит верность эстетическим концепциям натурализма!).

Присутствуют в этой пьеске и другие темы, свойственные «натуральной школе» в целом и Мопассану в частности: презрение к провинциалам, к ханжеству буржуазного брака и тупости должностных лиц — сколь уморительно попавшая по недоразумению в публичный дом супружеская чета Бофланке. Свое место в фарсе нашел и свойственный «натуралистам» антиклерикализм — бывший семинарист, сбитый с путей церковной карьеры роковой страстью, служит посыльным в борделе. Любопытно, что даже извращенец-англичанин из числа посетителей «турецкого дома» имел, по-видимому, свой реальный прототип: в том же 1875 году неутомимый гребец и яхтсмен Мопассан случайно спас у французских берегов тонувшего Суннберна, знаменитого английского поэта с довольно двусмысленной славой — талантливого модерниста и автора малопристойных поэм и романов о флагелляции и лесбосе.

Пьеса, конечно, ранняя, во многом еще ученическая. О Мопассане вспоминали, что он мечтал стать «сатириком-сокрушителем, свирепым и насмешливым комедиографом»³. «Турецкий дом», несомненно, свидетельство этих намерений: пьеса, действительно уморительно-смешная, к тому же написана в лучших традициях французской комедии, восходящих еще к Мольеру. Сыгранная

впервые любительской труппой, она чрезвычайно легка в постановке. При всем неприличии происходящего на сцене в ней строго соблюдены классические принципы единства времени, места и действия, и можно надеяться, что, как стараниями Тургенева проза Мопассана своевременно переводилась и издавалась еще в дореволюционной России, так сейчас найдется смелая труппа и сыграет «Турецкий дом» по-русски.

Вряд ли сам автор отнесся к своей поделке всерьез. Позабавилась богема — и ладно. Разве что один из своих гребных яликов Мопассан в память об этой пьесе назвал «Розовым лепестком». Но теперь, когда все наследие Мопассана-писателя можно окинуть одним взглядом, заметно, что даже в этом раннем сочинении уже собрались почти все типичные мопассановские персонажи — провинциальный чиновник, циничный и оборотистый сутенер, блудливая замужняя дама. Показан «народ» в образах моряка-марсельца, солдата-сапера (вспомним, что Мопассан честно воевал во франко-прусскую войну) и рабочего-ассенизатора. Не забыт и парижский свет в лице ловкого в плетении амурной интриги Леона. Чуть позже все они разбредутся по страницам его рассказов и станут известны множеству читателей. Но первую славу своему автору принесут все-таки шлюхи: отдельно опубликованная «Пышка» (1880), красотки из «Заведения Телье» (1881), патриотка Рашель из «Мадемуазель Фифи» (1882). Такова жизнь — тоже, кстати, французское выражение. «Жизнью» Мопассан потом назовет самый, пожалуй, свой главный роман. А за сарказм ранней пьески жизнь отплатит писателю своей шуточкой: накануне смерти в 1893 году друзья устроили Мопассана в парижскую клинику доктора Бланша. Сегодня в этом здании — действительно турецкое посольство.

Ну, а Луи Арагон (1897—1982) — несомненно «красный». И по убеждениям, безусловно, большевик, и «непременный член» правления французской компартии, а прижизненное советское собрание сочинений «нашего друга» — густо-красного цвета!

Но и в его творчестве женские образы, вернее, образ Женщины занимает едва ли не ведущее положение. Центральным произведением упомянутого собрания сочинений является многотомная эпопея «Коммунисты» («Les communistes») — по-французски в этом слове пол «товарищей» не определяется). «Я начал свою книгу, — вспоминал автор, — с определенной мыслью: показать женщин-коммунисток, потому что в героический период жизни нашей страны меня особенно поразило место, какое заняли в борьбе женщины — члены партии»¹.

Какое место у женщин вообще и у коммунисток в частности поразило Арагона больше всего, понятно из напечатанной в сборнике

¹ Несомненно, имелся в виду маркиз де Сад.

² Там же. С. 24—25.

³ См.: Данилин Ю.И. Творчество Мопассана. Цит. по: Мопассан. Указ. соч. Т. 1. С. 10.

¹ Цит. по: Балашова Т. Рождение эпопеев. См.: Арагон. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 7. С. 587.

повести. Вульгарное обозначение этого места — главное слово в заглавии, и женщину, у которой было это «место», мы тоже знаем и назовем по имени чуть позже. Арагон посвящал ей изысканные стихи, написанные в горьком для Франции 1939 году:

Зачем тебе жалеть о том повесе юном,
Исчезнувшем, как след, змеившийся по дюнам,
Как птичьих писемна на влажности песка,
Что первая ж волна слизнет наверняка.

А вообще-то было о чем пожалеть. «Le son d'Irène» по-своему весьма эстетически совершенный текст, и повесть эта написана именно тем юным повесой. Еще не членом *Le Parti*, но уже «левым» по убеждениям; уже не юношей, но еще очень молодым человеком; уже успевшим повидать войну и революцию, но еще революционером скорее не в политике, а в литературе. До лавров крупнейшего соцреалиста Франции молодому Арагону тоже было еще далеко. А был он тогда не соц-, а сюрреалистом в духе недавно умершего Аполлинера и вкупе с Андре Бретоном и еще «группой товарищей» зачинал дадаизм. И стихи он тогда писал другие:

Мне было двадцать лет — ну что еще мне надо
Учебой тяготясь плевал я на нее
Казалось распахнуть могу ворота ада
В душе царил азарт а в сердце забытьё

На гипсовых богов и статуи в граните
Что Дон Кихоты мы свой обрачали гнев
Для нас то были дни порочнейших сонтий
Мы целомудрие марали обнаглев!

Что же, узнаваемо. Лирический герой этих стихов и этой повести — один и тот же человек — только что переживший ужасную войну и желающий отвергнуть реальность и встать *над нею*, не разделяя прекрасное и безобразное, духовное и физическое, стремясь объять весь разъятый войной мир, слиться с ним и сохраниться в нем. Или хотя бы в себе. Но ничего не выходит.

Если довоенный модернизм, в частности французский, шел по линии совершенствования формы, то сюрреализм во всех его проявлениях прежние эстетические формы отрицал, как отринули порожденные войной революции прежние формы жизни. На свободу вырывались стихийные силы, и среди них главенствующая — стихия Эроса. «Le son d'Irène» — пожалуй, образцовый текст такого рода, и надо не забывать, что повесть является лишь частью значительно большей по объему книги — «Защита бесконечности», остальной дошедший до нас текст которой, следует отметить, начис-

¹ Цит. по: *Сануйе М.* Дада в Париже. М.: Ладомир, 1999. С. 69. В этой обстоятельной монографии можно почерпнуть множество сведений о молодости Луя Арагона и начале его творческого пути.

то лишен эротичности, хотя в нем присутствуют малопривлекательные религиозно-философские и исторические аллюзии.

«Пизда Ирен» была анонимно опубликована в 1928 году, и долгое время считалось, что это единственный сохранившийся фрагмент «Защиты бесконечности», уничтоженной автором годом раньше в приступе глубокой депрессии. Авторства «Пизды Ирен» он упорно не признавал вплоть до семидесятых годов. В 1968 году крупнейший французский издатель-эротолог Жан-Жак Повер обратился к Арагону — уже маститому, прославленному писателю — с предложением об издании этого текста под настоящим именем автора. Арагон всячески уклонялся, ни в чем не признаваясь, и употреблял двусмысленные выражения типа «Автор возражает».

Биографически этот текст связывается с именем леди Нэнси Кьюнард. По крайней мере, в ее архивах обнаружена часть рукописи этой повести¹. Эксцентричная аристократка, леди Нэнси вела в Париже совершенно сюрреалистический образ жизни, увлекалась джазом и заводила чернокожих любовников, появлялась на людях пьяной — короче, всячески позорила славное имя американских предпринимателей, основателей трансатлантического пароходства «Кьюнард лайн», возведенных во дворянство королевой Викторией. А голубоглазый красавец Арагон, шегольски одетый, шатался по ночным клубам и зачитывался «Одиннадцатью тысячами пако» Аполлинера — часто вслух.

В 1925 году эти двое встретились. Биографы соглашаются, что между ними возник бурный роман, в котором Арагон не был счастлив. И вправду — «Le son d'Irène», хотя и чрезвычайно скабрезная и местами очень грубая, но откровенно грустная книга о человеческом одиночестве. Но насколько связь Арагона и Нэнси Кьюнард отразилась в наплывах мазохистских грез «Пизды Ирен», никто из исследователей (включая нас) судить не берется — имя парижской возлюбленной, сделавшей героя повести столь несчастным, он хранит в тайне. Скорее, текст, льющийся неудержимым потоком скорбных непристойностей, являет собой отражение общей зыбкости и гадючности мира, в котором пошатнулись даже самые основные понятия: что есть мужчина, что есть женщина и что между ними происходит. Потому собственно эротика в этой повести либо трагична, либо опасна, либо попросту омерзительна.

¹ Современные исследователи единодушно полагают, что временем начала работы над циклом «Защита бесконечности» является май 1923 г. и что Арагон прекрасно знал, что текст этот имеется как в рукописном хранилище Жака Дусе «Литературная библиотека» (начиная с 1926 г.), так и в архиве Нэнси Кьюнард (Гамильтонский исследовательский центр при университете штата Техас в г. Олбени). Также известно, что в 1963—1964 годах видный литературовед Роже Гароди (автор концепции «реализма без берегов», исключенный из компартии в 1968 г.) по поручению Арагона ознакомился с состоянием архива, хотя во всех интервью Арагон категорически отрицал наличие данного текста. Подробнее см.: *Aragon. Le défense de l'infini*. P.: Gallimard, 1997.

Итак, «в сердце забыть» и страх перед женщиной. Ворота ада распахиваются, когда Ирен раздвигает ноги для «порочнейших соитий». Женщина предстает в этом тексте символом всего самого страшного: ее *le con* — бездна, поглощающая и творческую мысль, и жизненную силу, и само сознание окружающих. Недаром в повествовании появляется страшноватый старик-паралитик — еще одно *alter-ego* героя. Можно прочесть этот текст и как некое пророчество: на смену безмятной эстетке из парижских воспоминаний, неуловимой, неверной и мучительно-прекрасной, придет пышнотелая, рачительная и незатейливая в своей чувственности Ирен — женщина из народа, крестьянка, — и уж тогда пощадя не будет никому.

Только в жизни все вышло еще страшнее: в том же 1928 году Луи Арагон соединил свою жизнь с Эльзой Триоле. Эта женщина, как и ее сестричка Лиля Брик, сумела сыграть огромную роль как в судьбе послевоенного модернизма, так и в становлении соцреализма во всемирном масштабе. Во всяком случае, вся дальнейшая жизнь Арагона, в том числе, творческая, протекала под контролем той, «без которой я бы замолк навсегда»¹ (как Маяковский? Как Киров? Страшновато...). Ей Арагон посвятил также цикл романов «Реальный мир» — «как и всё, что будет мной впредь написано... Ей я обязан тем, что в облаках, среди которых я блуждал, мне удалось найти дорогу к миру реальному, в котором стоит и жить и умереть»². Но даже эти глубоко личные строки написаны от имени Арагона самой Эльзой Триоле — по крайней мере, по-русски, ибо супруга, пока была жива, либо сама переводила на русский сочинения мужа, либо контролировала советских переводчиков. Константин Паустовский в шестидесятых годах прошлого века обозвал эту даму «литературной генеральшей»³. А Андре Бретон еще в двадцатые заявил, что Эльза — «прямая противоположность женщины»⁴.

«Le son d'Irène» для арагоновского героя — прощание с печальными грезами юности ради весьма грубого, но реального мира, образами которого наполнены последние страницы повести. Ирен-победительница возникает на фоне осени, «когда листья на челе лесов потеряли свои зеленые кошелки...», когда «осень и ее рыжие чудеса с их лесным метаболизмом ustanovjajut из образа... медленные и ужасные преобразования сердца». А вот — из стихов, десять лет спустя посвященных Эльзе:

Теперь она одна — всех лучше, всех красивей,
Как осень рыжая под небосводом синим, —

¹ Посвящение Арагона к роману «Базельские колокола» (1934).

² Цит. по: Арагон. Собр. соч. Т. 3. С. 525.

³ См.: Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 9 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 9. С. 400.

⁴ См.: Митин журнал. 1999. № 57. С. 181.

Я вижу в ней любовь, надежду и беду,
И я, считая дни, ее посланья жду¹.

Единство образных мотивов очевидно. Чувственность арагоновского героя и его творческие силы пробуждаются от встречи с женщиной-осенью, женщиной в октябре. Но вот так и тянет написать название знаменательного месяца с большой буквы: Октябрь. Или даже — Великий Октябрь.

Видимо, новой возлюбленной и принадлежала та *le con*, что поглотила талантливого поэта и родила на свет вполне советского писателя, даром что образованного и грамотного. А депрессия автора завершилась тем, что Арагон вступил в *Le Parti*. И еще: носительница соответствующего органа одновременно являлась и сотрудницей соответствующих «органов» — невольно получился сюрреалистический каламбур! Понятно, что эта женщина увела писателя от сюрреализма в «реальный мир», от описания женского органа к воспеванию органов карательных:

Я воспеваю ГПУ которое формируется
во Франции в нынешний час
Я воспеваю ГПУ необходимое для Франции
Я воспеваю все ГПУ которые находятся везде и нигде
Я прошу у ГПУ подготовить конец света
Прошу у ГПУ подготовить конец света

для защиты тех кого предают
для защиты тех кого всегда предадут...
Да здравствует ГПУ диалектическое лицо героизма
противостоящее тому безумному образу авиаторов²
ведомых безумцами ради настоящих героев
в то время как те ебутся...³

Поэтика этих стихов еще хранит следы сюрреализма. Но пафос уже сталинский. Это 1931 год. А называется весьма многозначительно — «Прелюдия к сезону жатвы»: урожай тоже собирают осенью. Что же до эротизма, так он никуда не делся. В красном октябрьском тумане, застигшем глаза Арагона, возникает новая героиня: «Она просто в высшей мере совершенное завершение нового типа женщины, которая не имеет ничего общего с теми куклами, чье унижение, проституция и праздность легли в основу песен и поэм... Здесь начинается новая романтика... Здесь в первый раз на свете отводится место настоящей любви. Той, которая не запятнана иерархией

¹ Цит. по: Арагон. Собр. соч. Т. 2. С. 809. Считается, что это прощальное стихотворение Арагона перед уходом в армию. Интересно, что в «Le son d'Irène» есть и рассуждения о военном призыве.

² По-видимому, имеются в виду итальянские литераторы-футуристы Филиппо Маринетти и Габриэле Д'Аннунцио, оба профессиональные летчики, по политическим убеждениям — фашисты.

³ См.: Le livre noir du communisme. P.: Robert Laffont, 1997. P. 337. Перевод подстрочный.

мужчины и женщины, гнусной историей платьев и поцелуев, властью денег мужчины над женщиной или женщины над мужчиной... И это о ней я буду петь»¹. Что ж, он запел:

Любовь, любовь моя — и ныне, как вначале,
Со мной ты в этот час, в миг сумрачный печали,
Где я теряю всё — и нить поэмы новой,
И голос радости, и самой жизни нить².

<...> Партия вернула мне зрение и память,
Партия вернула мне чувство эпоса <...>.
Моя партия вернула мне цвета Франции <...>.
Спасибо тебе, партия, за твой урок.
С тех пор всё во мне рождает песни <...>³.

Такова новая эротика. Таково французское сладострастие в красных тонах. Образ возлюбленной окончательно сливается с образом Партии, причем последняя столь же окружена чувственным ореолом, как и реальная женщина. И даже больше: если любовь к конкретной женщине обесиливает поэта и мужчину, то любовь к Партии пробуждает все жизненные силы француза-коммуниста. Коммунистический оргазм, слияние с Партией возвращает автору цвета французского флага, приобщает его к долгой и славной эротико-политической традиции. И можно снова увидеть Францию или революцию, как двести лет назад: голой женщиной, размахивающей сиськами и знаменем. А вокруг — мужчины всех сословий с ... ну, с винтовками наперевес. Посмотрите еще раз на обложку «Трех цветов сладострастия». Вглядитесь: Делакруа ведь не нарисовал ничего приличного. А ведь изобразить пытался революцию. Францию, зовущую сыновей к оружию. Да, впрочем, именно французы придумали изречение: всё позволено в любви и на войне.

Прекрасная Франция подарила миру понятие о свободе, равенстве и братстве. А еще — лучший в мире язык, чтобы говорить о сексе. Оральный секс — это «французский поцелуй». Презерватив — это «французский конверт». И даже сифилис — просто «французский насморк». От высокого слова *liberté* происходит «либертинаж». А в годовщину первой своей революции французы и француженки, разбившись на пары и обнявшись, устраивают танцы до утра. Видимо, эротика и политика у этой нации в крови. Ведь это почти одно и то же...

Мы еще будем издавать французскую эротiku в нашей серии — известных авторов, малоизвестных и анонимов, напевая при этом на мотив «Карманьолы»: «Эй, живей, живей, живей, хватило б только фонарей» — наших фонарей, красных. Не затем, чтоб на них кого-то вешать. А просто для удовольствия наших читателей.

Ольга Воздвиженская

¹ Цит. по: Арагон. Собр. соч. Т. 1. С. 339.

² Там же. Т. 1. С. 7.

³ Там же. Т. 2. С. 810.

Аноним *Приключения леди Харпер*
Том 1 М., ВРС. 2006. 199 с. Том 2 М., ВРС. 2006. 193 с.

«ТО ЛИ ЛЕДИ, ТО ЛИ...

...ляди!» — сказал герой старого анекдота о красивых и любезных дамах. Если выражаться на таком языке, то к героине этого романа скорее относится вторая часть этой поговорки. А вообще-то Куини Харпер — прелесть.

«Издатели» в последней фразе вступительной заметки оговорились, что название книги не вполне отражает положение вещей — эта женщина пока что «просто миссис Харпер». Читатель, вероятно, заметил, что у повествования открытый конец: приедут новые гости, будут рассказаны новые истории, времяпровождение тут несколько однообразно, но забавам нет конца, потому сюжет может тянуться и дальше, так что оставайтесь с нами. Хотя реально продолжение книги пока никем не обнаружено, можно предположить, что где-нибудь в виртуальной пятой или шестой части романа способный врач и весьма светский мужчина Дик Харпер, способный водить дружбу с аристократами и добиваться расположения губернаторов, получит по их протекции лордский титул, тогда его веселая супружница действительно станет леди.

Но пока что — просто миссис Харпер. Да и с точки зрения «обычного права» эту молодую женщину никак не примешь за леди: незаконнорожденная дочь плантатора и рабыни, с примесью «цветной» крови в жилах, не получившая светского воспитания... Но пусть Куини не леди — она, к слову, и не строит из себя таковую. Зато она нечто большее: она — женщина-мечта.

Заметки от «издателей» содержат довольно прозрачный намек на то, что подлинным автором книги вряд ли является женщина. Легко также заметить, что довольно монотонное изложение приключений Куини и ее кружка совершенно свободно от каких-либо литературных изысков. Разве что чередование эротических эпизодов слегка разбавляется эпизодами приключенческими, но и тут разнообразия мало. Три свадьбы, три смерти, два пиратских налета, одна поэма... Фантазия автора явно направлена на другое, на главное, что определяет содержание и сам жанр.

Да и романом-жизнеописанием в традиционном смысле этот текст тоже можно счесть с большой натяжкой, хотя с виду — имен-

но он, «роман классический, старинный, отменно длинный, длинный, длинный...». Куини Харпер просто и откровенно рассказывает свою историю и побуждает к таким же исповедям своих интимных партнеров. Но довольно быстро становится ясно, что все эти истории чрезвычайно одинаковы, даже банальны, так что, в сущности, на страницах романа несколько десятков раз «прокручивается» один и тот же сюжет с минимальными вариациями — старая история о человеческой чувственности, знакомая наизусть, но никогда не надоедающая.

«Приключения леди Харпер», как такого рода сочинению и положено, числится в каталоге «Private Case» Британской библиотеки, автор, как водится, неизвестен. Эта книга некогда вышла в свет стараниями известного издателя-эротолога Уильяма Лазенби, чью эстафету подхватил не менее знаменитый Чарльз Каррингтон. Первое издание датируется 1885 годом — самый расцвет викторианской эпохи.

Викторианские будни для нормального человека, осознающего, что у него есть не только возвышенный дух, но и вполне земная плоть, — мрак кромешный. Секс существует якобы только для деторождения. Леди, да и просто «порядочная женщина» с точки зрения хорошего тона не имеет права, да и от природы — надо верить! — не способна наслаждаться соитием с супругом (а всё остальное вообще под запретом!), а потому должна лишь, как в знаменитом анекдоте, исполнять свой долг и «терпеть эти утомительные и нелепые телодвижения». (Самое смешное то, что лет полтора англичанам действительно удавалось морочить голову самим себе. А рецидивы такого рода морализаторства проявляются даже в наши дни. Сейчас, когда я пишу эту статью, английское общество расколото на две части вопросом: прилично ли наследному принцу Чарльзу наконец-то вступить в официальный брак со своей давней любовницей? Или все-таки лучше бы принцу на людях оплакивать покойную супругу, а его возлюбленную — стойко нести позорное пятно разведенной неверной жены? И ведь это они всерьез! По сведениям в Интернете, девять протестов официально направлено в английские суды!) Подавленные страсти и влечения находят выход в моральном (и реальном!) садизме в отношении всех и всяческих «нижестоящих», включая собственных детей. Драпируются ножки у роялей, чтобы не возникло «непристойных» ассоциаций с ножками девичьими и дамскими. Брюки зовутся «невывразимыми», а змен — «неупоминаемыми» (а вдруг придет в голову сравнение с всепроникающим пенисом?). Дети готовятся к confirmации по цензурированной Библии, из которой изъята не только «Песнь Песней», но и сюжеты о Вирсавии, Эсфире, Саломее, а уж тем более о Содоме и Гоморре. Зато в такой Библии не жалеют красок на описание коварной предательницы Далилы и распутной Иезавели, а также трехов Омана.

Воспитанный джентльмен в лучшем случае должен лишь смутно догадываться, что в понятии «любовь» имеется некий дополни-

тельный смысл, но какой — он сможет узнать только после свадьбы. Потому джентльмен вправе ожидать от невесты не только физической девственности, но и сердца, не тронутого «волнениями страсти». Девушка, которая уже была влюблена (или думала, что влюблена), как бы «не совсем непорочна». А уж расторгнутая помолвка пятнает репутацию девицы почти что на веки вечные, если не удастся с ног до головы замарать мужчину, выставив его распутником и развратником, покусившимся на чистейшую и непорочнейшую голубицу. Благонравная мисс почувствует сердечную склонность только к достойному джентльмену отменных качеств, на которого укажут родители и опекуны; а если джентльмен окажется не вполне таковым, то ее сердце разобьется навеки. Но буде у девицы существуют хотя бы минимальные собственные средства, лучше всего ей вообще избежать страстей, не выходить замуж, а посвятить себя воспитанию племянников или благотворительности. И тогда из нее делается совсем правильная англичанка, мудрая учительница жизни вроде Джейн Остин — писательницы или мисс Марпл — героини другой писательницы.

Этот идеал выводится литературой того времени — «Джен Эйр», «Агнес Грей», «Эмма»... Великие произведения английского «критического реализма». Но эротика, словно зеркало, всегда отражает и темы, и приемы «дозволенной» литературы. В этом смысле сладострастная Куини Харпер — образ не менее типический, чем фригидная Джен Эйр или глупышки-персонажи Джейн Остин.

Можно написать целый трактат — «Женский образ в викторианской эротике». Или хотя бы просто присмотреться к героиням литературного «подполья». И окажется, что все они, как сестры, похожи на Куини, да в самой книге о ее похождениях Мэри, Зилла, Джемайма, Джулия, Фрэнсис (всех и не упомнишь!) — ее почти неотличимые подобия. Недаром и среди текстов английской эротики очень многие имеют в качестве названия женское имя: достопочтенные «Фанни Хилл» и «Молль Флендерс», знакомая нашему читателю «Беатрис», «Эвелина» (книга с таким названием уже переводится для нашей серии), бесчисленные «Арабеллы», «Мюрисли», «Аврора Трилл», «Элейн Кокс», «Моди»... Даже наш роман в первом издании 1885 года назвался просто «Куини» (свое пышное полное название с «экстатической любовью и вольными наслаждениями» книга получила только в издании 1900 года и сохранила в последующих).

Тайная страсть англичанина-викторианца, со всех сторон опутанного запретами и умолчаниями своего времени, — хотя бы прочесть книги о человеческой природе, где все описано как есть и названо своими именами. И на родном своем английском языке — не по-французски, по-итальянски или вообще на мертвых языках. Заметим, первое, о чем в «Леди Харпер» просит любой мужчина только что отдавшуюся ему женщину: «Скажи, что тебе нравится, когда твою пизду бьет мой хуй». Похоже, что не столько действие, сколько слова возбуждают истомившегося англичанина... И не меньшее,

чем сами сексуальные действия, место в книге занимают разговоры: не только «сделай это», но «скажи, как ты это делаешь, и расскажи, что ты видел, как это делают другие, и скажи именно *этими* словами». Вот потому-то английская эротика — это многие тысячи томов, написанных в борьбе не только за свободу плоти, но и за свободу слова.

И тут очень важно увидеть в Куини Харпер не только героиню, но именно рассказчицу, «автора» этого повествования. Она выступает антиподом унылых литературных рукодельниц вроде мисс Остин, троих мисс Бронте, Джордж Эллиот. Ведь викторианские дамские тексты на свой лад столь же формульны, как и «подпольные» сочинения. Только вместо благоразумной особы, «резвовой» взвешивающей душевные и внешние качества, происхождение и состояние особы противоположного пола у Куини героем становится любознательный и храбрый подросток — неважно, мальчик или девочка. В юном создании рано пробуждается свойственный возрасту интерес к телу, влекущий за собой наблюдения над поведением окружающих (прежде всего родителей), затем очень быстро случается первый реальный опыт секса — неизменно не просто удовлетворительный, но весьма удачный и сразу же открывающий всю сладость этого занятия, и практически без перехода вступление в жизнь, становящуюся бесконечным праздником чувственности. В этой схеме меняется только имя героя, но совершенно неважно, с кем это случилось — с Диком, Чарльзом, Лаурой, Мэри, Бесси, Салли... В пансионе ли, в казарме, в отеле, в поместье, в школе, в лесу... Все эти места и обстоятельства ничем не хуже купаний в Бате, балов в Лондоне, охот в замках у кузенов... Формулы противопоставляются формулам же с точностью до наоборот: страх перед сексом — неутолимой тяге к нему, строгая и чистая «девичья дружба» — веселым лесбийским играм, полное целомудрие — неукротимому либертинажу, боязнь выразить даже эвфемистически — откровенной словесной похабщине. Потому «Приключения леди Харпер» не только «модельный», образцовый текст в своем жанре. Но и злая пародия, выворачивающая наизнанку очень многие моральные представления и литературные штампы своего времени. Видимо, неназванный автор и его героиня попали в точку — эта книга и поныне регулярно переиздается, считается классикой литературы «для взрослых».

Трезвый читатель, конечно, заметит, что в романе явно утрируется сексуальная озабоченность рода человеческого — но ровно в той же степени, в какой дозволенная литература того времени игнорировала все «телесное». И то и другое имеет самое поверхностное сходство с действительностью. И вот рядом с добродетельной, бесцветной и бесчувственной мисс — идеалом викторианской морали — возникает наша героиня Куини Харпер. Она воплощает в себе тайный идеал, сладкую мечту мужчины, в котором викторианское ханжество не сумело подавить чувственность и способность

полнокровно наслаждаться плотской стороной бытия, а практика закрытых мужских школ, гребных и крикетных команд, полковых праздников и чисто «джентльменских» клубов не сделала его адептом однополюх отношений. Затравленный необходимостью под наблюдением маменьки или гувернантки чинно ухаживать за бледным и благонравным существом в непробиваемом корсете, викторианец грезит о сексуальной утопии, мечтает о чувственной женщине, которая знает, что в ее теле зачем, которая не уступает, а отдается, не терпит, а наслаждается, для которой боль дефлорации — не жертва, приносимая в угоду «грубой и грязной» мужской натуре, а лишь небольшое неудобство, немедленно вознаграждаемое вечным блаженством. В викторианской реальности этот идеал недостижим. И потому пародия на «реализм» жанрово скорее напоминает сказку для утешения угнетенных и страждущих.

«Приключения леди Харпер» по всем признакам — именно сказка. Мы едва ли помним после первых же страниц, что героиню при рождении назвали Шарлоттой. Эта женщина даже по имени сказочный персонаж — Queenie, «маленькая королева» (при желании можно усмотреть в этом противопоставление «большой» королеве). Виктория Виндзорская властвует над «Островом Фарисеев» (так назвал родную Англию знаменитый викторианец Джон Голсуорси) и «большой» империей, а безродная и «нечистокровная» Куини — всего лишь над поместьем на маленьком райском острове в южных морях, но власть ее гораздо более реальна — и вполне безгранична. Она не только царствует, она и правит — великодушно и милостиво заботится о благе подданных, и все ей охотно покоряются, а подданные ее обожают.

И само пространство, где протекают приключения Куини Харпер и ее друзей, — пространство сказочное, пусть ему и приданы псевдоконкретные приметы. На островах Вест-Индии, во времена Американской революции — звучит в Англии конца XIX века все равно как «давным-давно, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве». (И не зря в повествование о забавах кружка миссис Харпер всё время влетают упоминания об англичанах и ренессансных сюжетах — жизнь, которой живут герои в романе, сродни мифическому Золотому веку, когда Венера совокуплялась с кентавром, а народ амазонок вступал в союз с племенем фавнов.) Да и реальность повествования — чем не райский сад, где лев возлегает с ягнком, отец — с дочерью и брат — с сестрой; черный садовник — с губернаторшей, лорд — с горничной, леди — с трактирщиком или пиратом; где нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни господина, ни «белого», ни «цветного», а есть лишь мужчины и женщины, созданные на радость друг другу. В этом сказочном королевстве случаются истинные чудеса, по справедливости вознаграждаются «хорошие» и караются «плохие». Именно по законам сказки пылкий и ловкий итальянец-лакэй оказывается принцем, то есть аристократом, достойным руки влюбленной в него губернаторской дочки. Зато напыщенная

старая губернаторша умирает бесславной смертью, а вдова, склонная торговать своими дочерьми и злоупотреблять сексуальным влиянием на губернатора, не считаясь с интересами других, тоже в конце сказки остается ни с чем — чем не традиционное для сказочно-го сюжета наказание злой старухи-ведьмы? Цветные же рабы Зилла и Дэви, верные слуги, охотно потакающие чувственным прихотям своих господ, обретают свободу, собственное имение и тоже соединяются в счастливом браке, становясь ровней бывшим хозяевам.

Из этого рая навсегда изгнано «зеленоглазое чудовище» — ревность, а идеальным супружеским союзом — «жили с тех пор счастливо» — становится тот, где муж и жена делают всё возможное для поддержания неугасимого огня чувственности. Самый счастливый брак в книге — это брак Куини и Дика Харперов. Союз, что вырос из детской привязанности и первых совместных сексуальных опытов, своевременно поддержанных взрослыми — родителями и наставниками, укрепленный дружеской доверительностью юношеских лет, увенчанный полным блаженством плоти и духа и всегда открытый для участия друзей и подруг. Опять сказочная модель — герой, наделенный всеми достоинствами: умен, пригож, ловок, честен, любезен, талантлив и искушен в медицине и поэзии — вознаграждается любовью королевы, его суженой с детства.

И точно как в сказке, настойчиво и нравоучительно утверждает мораль: любая девочка, пусть бедная, «цветная» и безродная, стоит ей последовать примеру Куини, непременно станет королевой, ибо истинное достоинство не в происхождении или богатстве, а в царственности натуры. Вознаграждаются не знатность или надменность, а добродетели этого мира — искренность, щедрость, вольная чувственность. Выражаясь попросту, в мире Куини истинные леди — как раз ...ляди.

Высокопарные сочинительницы, независимо от меры таланта и обстоятельств собственной частной жизни, захлебывались розовыми соплями, провозглашая невообразимо искусственные взгляды на «любовь», — и почему-то причислены к высокому искусству. А Куини, пользуясь тем, что она не леди, и знает о правде человеческой жизни гораздо больше, и слов не выбирает, рассказывая о ней, — и оказалась в «подполье». Но джентльменам она наверняка нравилась больше — и любовникам своим, и читателям.

Если вы читаете эти строки, значит, у вас хватило терпения одолеть оба тома. И вы поняли, что «Приключения леди Харпер» — не только книга протеста, пародия или сказка. Это очень веселая и светлая книжка, которая, без сомнений, когда-то доставила своим читателям много радости. Надеюсь, и вы из их числа.

Ольга Воздвиженская

Статьи

Ольга Воздвиженская несколько лет сотрудничала с московским журналом *Пентхаус* и публиковала там свои статьи в начале 2000х. Об этом упоминается в её письмах.

Мне не удалось добыть сами журналы, но в компьютерном архиве нашлись статьи, которые явно были для *Пентхауса*. Однако мне неизвестно, в каком номере и за какой год они были напечатаны. По-видимому, некоторые тексты предназначались и были опубликованы в других СМИ, которые мне тоже неизвестны.

Однако это никак не влияет на важность самих статей.

* * *

AMORE, AMORE...

А в Италии я никогда не была.

Притом у меня какие-то мистические, даже кармические связи с этой чудесной страной. Начать с того, что я родилась благодаря «свадебному путешествию» по Италии – вот только не подумайте, что родители мои были исключением из советских правил, а было дело в середине 60-х годов прошлого века. Матушка (Mamma mia! – отличница, аспирантка, комсомолка) вскорости после свадьбы с отцом поймела возможность поехать в Италию по линии «Спутника» – кто помнит, было в Советской стране такое «бюро молодежного туризма» для «молодых строителей коммунизма». Выдавались такие путевки особо правоверным и активным, притом вовсе не бесплатно, но случились у отца какие-то большие гонорары, и в качестве свадебного подарка он маму отправил – одну – а вдвоем бы и не пустили... Сохранилась фотография – стоит молодая женщина в светлом плащике, с прической «бабетта» на Мосту Вздохов в Венеции: фото черно-белое, взгляд задумчивый, сзади гондолы качаются, натуральный неореализм, как в тогдашнем итальянском кино... Вернулась новобрачная в Москву, а тут после

мягкой весенней солнечной Венеции снег с дождем, сбились у нее все женские графики, и вот... так я и была зачата. С этого все и началось.

Дальше все как обычно в «продвинутой» семье тех времен: Феллини и Висконти, если удавалось попасть на закрытые просмотры во ВГИК; Пушкин – «старый дож плывет в гондоле с догарессой молодой», Блок – «ирис дымный, ирис нежный»; чуть попозже «Красная лилия» Анатоля Франса (Флоренция!!!) и «Пармская обитель» Стендаля. Каникулы в Ленинграде, экскурсия в Академии художеств на набережной – «лучших выпускников на казенный счет на год посылали в Италию», Брюллов, Кипренский, Венецианов, итальянские развалины в жарком полдне... Тайком под подушкой – «Декамерон» и «Сатирикон». Мой образ Италии – прежде всего любовь. И писали, и в кино показывали, и на фестивале в Сан-Ремо пели только о ней одной, неумолимой, страстной, приносящей боль и счастье. Огненноглазые женщины с осанкой Мадонн, на босу ногу в классических лодочках на высоком каблуке (такие в Москве продавались в комиссионных магазинах по 60 рублей, как правило – на фоне зарплат в 140... но наденешь – и походка, и взгляд сразу становились как у Лоллобриджида), мужчины, у которых может быть драная рубашка, но под идеально вычищенным пиджаком, бедняки из неореалистических фильмов с тем же любовным экстазом на лицах, что у Святого Себастьяна в Эрмитаже... Пронзенный стрелами молодой римлянин был похож на Челентано – так мне тогда казалось. Из песни слова не выкинешь – и красивые, малопонятные слова «жиголо» и «путана»; взрослые почему-то смущались и ругались.

Я была обречена. В перестройку появились и в Москве кофейни, и вот как-то сижу я, ем пиццу и пью кофе-эспрессо (стилистика все безупречно!), и тут входит мой приятель со своим знакомым, подсаживаются ко мне. То-се, а кто, а что, и вот этот новый знакомый так небрежно роняет: «Мой прадед, Доминик-Антонио Росси, приехал в Россию в 80-х годах девятнадцатого века и женился тут на купчихе первой гильдии». Через месяц я и сама уже состояла в «браке по-итальянски».

Красиво было: и ЗАГС в особнячке, носившем явные следы барокко, и подарки не только от друзей, но и – прямо как в тех же неореалистических фильмах! – от ведомств, с которыми эти друзья «контактировали»... Был даже букет от районного управления КГБ... А когда потомок Росси надевал мне на палец кольцо, в загсовском динамике заиграла сицилианская тема Нино Рота из «Крестного отца», чем-то, однако, отдаленно напоминавшая «Синенький скромный платочек»...

А если серьезно, итальянцы – они особенные. Великий американский классик Генри Джеймс предпочел уморить от болотной лихорадки милашку Дэзи Миллер, лишь бы не допустить ее помолвки с итальянским графом – впрочем, как в известной песне середины XX века тут «неизвестно, кому повезло». Столетьем позже другой классик Джон Чивер с истинно гоголевским «смехом сквозь слезы» (а Гоголь подолгу живал в Риме и, видимо, кое-что в предмете понимал) описал, как итальянский аристократ женился-таки на американке. Приключения князя Маркантонио Порлапьяно в нью-йоркском пригороде – это вам не рязановский почти одноименный фильм: беднягу-князя доконало желание милашки Грейс учиться пению – с его точки зрения, поют или в «Ла-Скала», или не поют вовсе... Сам же он никак не мог научиться правильно произносить слово «джинсы».

Ну вот и у меня получилось все как в кино – но смешно это только в итальянской комедии. Муж яростно защищал свое право сутками гулять с друзьями, не предупредив об этом жену... Выйдя за сигаретами, надолго исчезать в неизвестном направлении... Пить, с кем Бог на душу положит, – и даже, увы, с любимым, кто польстит и «поставит» – причем не мартини и не кьянти... Что-то стало мне понятно, когда я повнимательнее прочла Марио Пьюзо: передо мной замаячила судьба бедняжки Констанции Корлеоне. Только не было у меня к тому моменту никакого отца – ни родного, ни «крестного», так что некому было призвать к порядку мерзавца, а то и попросту его «пришить». И под рукой не было ни гарроты, ни «беретты», ни «лупары». Спасала только общая эрудиция – и я сама выучилась вопить, потрясая юбками и призывая в свидетели всех святых, чертей и соседей. Швырялась тарелками в голову негодника. Иногда помогало. Но участь Джульетты – погибнуть за свою первую любовь – меня что-то не прельщала. Потом, собрав весь темперамент, я потомка Росси выгнала. И еще полгода жила как нищая аристократка в разрушающемся палаццо, без денег, но роскошно. Мое общество весьма ценилось – один мой поклонник торговал «кондитеркой», другой имел коптильню, потому кошек я кормила копченой осетриной, а сама питалась шоколадом, не имея денег на хлеб; передвигалась по городу на «ламборгини» своего третьего поклонника – чем не герцогиня Сансеверина? Берегла последние черные лодочки на каблуке – они и привели меня к нынешней, совсем иной жизни. Но мои «римские каникулы» научили меня никогда не унывать и верить, что сегодня ты путана, но завтра – Мадонна. Потому что во всякой женщине есть и та, и другая. Мастера Ренессанса это знали, потому и столь соблазнительны их творения...

Много лет прошло с тех пор. Но до сих пор я с некой ностальгией провожаю глазами на московской улице «феррари» или «альфа-ромео»; всегда смотрю мировые футбольные чемпионаты – особенно когда игроков сборной Италии показывают крупным планом. Еще крупно показывают, как перед началом матча встает под национальный гимн весь в сером костюме и в благородных, как у Дона Корлеоне, сединах, очередной итальянский премьер, пока не осужденный за связи с мафией – Джулио Андреотти, Сильвио Берлускони, Романо Проди – а что вы хотите от страны, где политиков зовут, как наездников в цирке Чинизелли из рассказов Куприна?! А еще я люблю перечитывать Габриэле Д’Аннунцио и Умберто Эко; и все еще верю, что когда-нибудь соберусь и поеду во Флоренцию и Венецию...

2007

ИМЕНА БОГИНЬ

Ну что, подруги, поговорим о своем, о женском? То есть поговорим о себе, ведь каждая из нас несет в себе воплощение великой мировой силы - Женственности. Все, что будет сказано дальше, основано мной не столько на научной строгости (хотя источником и послужили "Мифы народов мира" и некоторые другие серьезные и не очень серьезные книги, такие как "Азбука колдовства" супругов Потаповых, "Молот ведьм" Шпренгера и Инсистериса, "Ведьмы" Э.Джонг, "Младшая Эдда", "Таис Афинская" И.Ефремова, "Старое предание" Ю.Крашевского, "Мифы древних славян", сборник шумеро-вавилонской поэзии "Я открою тебе сокровенное слово", коллективный сборник "Вечные, священные, неприкосновенные", посвященный домашним кошкам, старые травники и фольклорные сборники), сколько на некоем интуитивном ощущении истины, которое приходит ко мне всякий раз, когда я размышляю о Женщинах и Богинях. И о себе - ибо я просто потому и берусь рассуждать об этом, что я женщина, как и вы, и руководствуюсь тем, что принято называть "женской интуицией". Если же это будут читать представители второй половины человечества, то в худшем случае они скажут что-нибудь вроде "ну, баба - дура, волос долог - ум короток", а в лучшем - внимательнее посмотрят на вас, своих спутниц, да еще вспомнят, что все, ради чего они живут, сражаются и умирают - тоже женского рода - Честь, Мудрость, Совесть, Душа, Вера, Любовь, Родина, Земля, Природа, Вселенная. Недаром в древнейшей системе символов - картах Таро - Мир изображен в виде цветущей обнаженной женщины, протягивающей руки человеку навстречу.

Собственно, мы будем говорить не только о богинях и их именах. Боги создают человека, а человек богов - по своему образу и подобию. Богини, сколько их ни было в истории земли, с самой Матери-Земли начиная, - воплощение разных сторон женской сути и натуры, женских свойств и качеств. Их имена служат более полному выражению Женственности. То есть той силы, о которой писали поэты, - Вечной Женственности, женскому образу Природы в самом широком смысле этого понятия. Той, чьими дочерьми мы все являемся и в служении которой - в продолжении жизни - и состоит наша женская доля.

Об этом весьма точно написала одна из нас – болгарка Блага Димитрова:

Быть женщиной - так больно:
Девчонкой станешь - больно,
Любимой станешь - больно,
А матерью - так больно!
Но непереносимей боль женщины иной,
Не знавшей этих болей - всех до одной.

Не будем сетовать на тяжкую женскую долю, а начнем о богинях и увидим, как радуяще-странно перекликаются имена и символы Женственности у разных племен и народов, где бы они ни жили и чему бы ни поклонялись. Может, и вправду в незапамятные времена в образах земных женщин богини являлись людям?

В мире властвуют четыре стихии - огонь, воздух, земля и вода. Две первые - мужского рода, бесплотны, неуловимы и находятся "наверху". Две последние - женского рода - осязаемы, вечны, более материальны и связаны с рождением жизни (в самом деле, в воде жизнь возникла, и на земле расцвела). Поэтому обычно Небо, Воздух, Космический (в отличие от домашнего очага) огонь - боги, а Земля, Вода, Заря - богини. Почти любая космогоническая мифология начинается с распада некоей Первосущности - Хаоса, Яйца, Слова (когда Дух летал над Водами) на мужское и женское начала, от брака которых все и пошло. Следом совершается союз Богини-матери с Богом-сыном, или братом, или отцом, отчего рождаются другие боги, дальше то же самое повторяется у людей. Возможны варианты, но от древнейшего язычества до христианства космогония, в общем, одна и та же. И с древнейших времен до наших дней люди под разными именами чтят Великую Мать, женский принцип, Женственность. Мужской принцип выражается треугольником с вершиной вверх (фаллический символ), женский - треугольником вершиной вниз, формой напоминающим женский половой орган.

Мужскому началу приписывается активность, ясность, свет, устремленность вовне, Женскому - устремленность вглубь, пассивность, таинственность, тьма. (Ярче всего это выражено в китайском принципе Инь-Ян, где два начала сплетены в единую сущность. К сожалению, эта статично-диалектическая концепция не отражает способности женского начала воспроизводить снова и снова все, в том числе и самое себя.) И действительно - мужчина проникает и творит во внешнем мире, вдохновляясь Музой (то есть женственным образом

идеи), женщина принимает и творит внутри себя - создает новую жизнь. (Пусть каждый сам для себя решает, что важнее. Лично мне кажется, что женщина при необходимости может делать все то же, что и мужчина, - строить, писать, воевать, управлять, но кроме того, еще и детей рожать),

Из-за этого "внутреннего" характера исконного женского творчества к владению Женственности исторически и образно отнесены тьма - ночь, смерть, подземное царство, луна, морские глубины, тайна, непредсказуемость и опасность. В самом деле, Луна управляет морскими приливами и циклическим процессами в женском теле. Именем верховной богини страсти, земного плодородия и воды разные народы называли утреннюю звезду - Асирту - Астарта - Иштарь в шумеро-аккадской и вавилонской традиции, Венера (от римлян и до современной астрономии), Астхик в Армении, Зухра и Нахид у арабо-мусульман, египетская Исида, Асасе Афуа в традиционных поверьях Ганы. В честь Великой Богини, видимо, названо и зодиакальное созвездие Девы.

С неба - на землю. Земные цветы, звери и деревья с плодами, плодovitость и плодородие. С Богиней-матерью связана вода, и потому символами животворящего начала издревле являются рыба - жительница вод Нанше в Вавилоне, выходящие из океана греческая Афродита и Бачуэ у чибча-муисков Колумбии, дождь - мексиканская Куервапери, роса - Талай у жителей Сахары, а Астарта - Анат - Иштар - одновременно владычица моря. Земное начало главенствует у раннеиудаистской Лилит, средиземноморской Кибелы, африканских Ицонг и Асасе Афуа, индонезийской Хэбы. Магический свет во мраке - Луна - носит женское имя Танил в Карфагене, Селены - Гекаты - Артемиды у греков, Барз у лакцев, даргинцев, лезгин, аварцев на Кавказе, Чиа у чибча-муисков.

Еще один символ Женственности - кошка, таинственный ночной и плодovitый зверь. Наиболее известна древнеегипетская Баст. В колеснице, запряженной кошками ездит скандинавская Богиня любви и плодородия Фрейя. Кошек тигровой масти, у которых полосы на лбу образуют букву "М", в средневековой Европе называли "кошками Мадонны" - в память о зверьке, жившем в Вифлееме у Святого семейства. Дикая подобия кошки - египетские львицы Сехмет и Тефнут, древнекитайская тигрица Сиванму, позже в мифах перевоплотившаяся с деву с тигром у ног. Коровы-кормилицы - египетская рогатая Исида, "госпожа коровница" Исэгэй у якутов, "питательница" Падарай у жителей азиатских степей, прибалтийская Марша - покровительница коров. Интересно, что до сих пор в

российских деревнях коров кличут Зорьками, а в армянских - Астхик, "звездочка".

Древо жизни в мифологии многих стран носит женское имя. Прежде всего это скандинавская и славянская Ива (Эмбля). Еву всегда изображают под яблоней или с яблоком в руке. Китайская Дева Сиванму - хозяйка персиков бессмертия. Символ Марии-Богородицы - Неопалимая Купина.

Есть женские лики у сексуального влечения (демон Анангу в представлениях тамиллов), само собой у беременности (египетская бегемотица Таурт). Рожаницы у древних славян покровительствуют родам и благополучию семьи, а главную богиню так и зовут Жива (Живя).

Жизнь и смерть невозможны друг без друга и как две неразрывных стороны Вечности равно присущи Женственности, например, в виде земного лона, таинственной дали (Запада китайской мифологии, блаженных островов кельтских сказаний, где властвуют феи), грозной и губительной морской стихии, наконец, ночи и тьмы. Потому Ева - жизнь, но и мать смертных людей. Африканская Асасе в ипостаси Йа - мать мертвых. Валькирии - младшие богини Эдд - выбирают своих спутников через смерть, среди воинов, павших в битве. Мать всего сущего Астарта - Иштар - Атаргатис в мифах древнего Междуречья спускается в Ад, отчего прекращается рождение жизни на Земле (с этим мифом перекликается известный православный апокриф о хождении Богородицы по мукам). Артемида, Иштар в ипостаси Инанны - Нинлиль, Танит - Тиннит - охотницы, отнимающие жизнь, и созвучна с этим славянская Ния-Нийола - смерть. Великое множество имен и ликов у Женственности, и все в ее власти - жизнь, смерть и, говоря современным языком, вся информация, содержащаяся во Вселенной. С Женственностью исконно связаны, как ни странно это может показаться ревнителям "вечной женственности" сегодня, мотивы познания и мудрости. Крещение Руси прошло под знаком ангела мудрости Софии, восходящего к женскому началу вселенской мудрости, устрояющей мир и заступающей за человечество. Именно Афина-мудрость принесла людям умения, ремесла. Египетская Сешат - богиня письма, Шесемет - мудрости. Через праматерь Еву вкусил человек познания Добра и Зла, и не из-за Евиного ли яблока - олицетворяющего, собственно, ценность того или иного пути познания - перессорились на Олимпе три воплощения женской сущности: Гера-мать, Афина-мудрость и Афродита-страсть? Ситуация привела к войне за реальную (конечно, в рамках мифа) земную женщину Елену. Кстати, никакие источники так и не донесли до нас конкретного описания ее внешности - ибо на ее месте

могла быть любая, ибо каждая земная женщина несет в себе все стороны Женственности, все ее лики.

Замечательны женские ассоциации магического числа три. Три лика у Гекаты, три грации, три норны ведают в Эддах прошлым, настоящим и будущим, трое дочерей у Аллаха - Узза, Аллат и Манат, восходящие к древнеарабским богиням плодородия, дождя и подземного царства. Три главных момента в жизни женщины: девичество-целомудрие, момент страсти, кладущий начало союзу, но и подобный смерти, и материнство - домашний очаг. Соответственно назовем эти проявления именами богинь: Лилит - Ева - Мария, или Афина - Афродита - Гера, или Лада - Живя - Рожаница.

Таких женских Троиц в других языках и мифосистемах множество, они соотносятся с природными проявлениями и качествами:

весна - лето - осень

цветок - семя - плод

вода - земля - небо

девичество - страсть - материнство

предчувствие - действие - мудрость

белый - красный - синий.

Согласно некоторым травникам, желающий снискать покровительство Богини в лунной, страстно-огненной и мудро-небесной ипостасях должен сажать или ставить в своем доме цветы: белые - нарциссы, лилии, красные - лучше розы, и синие с голубыми - васильки, цикорий. Добрые духи азиатских сказаний - пери - являлись к людям в белых, синих и красных одеждах. Те же цвета составляют флаг России, а в православной традиции Россия находится под особой защитой Марии-Богородицы, по сути верховной богини христианства, Девы-Матери.

Вслушайтесь в звучание имен: египетская Исиды, шумероаккадская Истар, центральноафриканская Ицонг и якутская Исэгэй. Или индийская Ума, тюркская Мат, арабская Манат, египетская Матит, ассирийская Арматай, славяноприбалтийская Марша, фракийская Ма, наконец, Мария в христианстве - во всех этих именах слышится мать". Или Тонацин, Танит, Инанна, Нино, Ния и Ян. Или Бачуэ, Баст, Барз и Барбале. Слово эхо, перекликаются греческая Кибела, индонезийская Хэба, христианская Ева, скандинавские Лив и Сив, китайская Сиванму и индейская Сиуаткоатль. Лив, имя, звучащее как объединение Евы и Лилит, кстати, значит просто "жизнь" - по скандинавской мифологии, в следующем мире, что образуется после гибели этого, женщина Лив, питающаяся росой, выйдет из леса вместе с "исполненным жизни" Ливтрасиром - мужчиной, и от них пойдет снова людской род.

А всего у меня на слуху (и на бумаге) около сотни имен богинь. Больше всего это похоже на ветви дерева, или на цветущий куст: линии, соединяющие похожие имена, переплетаются как ветви, исходящие от общего корня и ствола и вновь загибающиеся к центру. Крона этого дерева покрывает весь мир - все земли, разделенные всеми морями, и все племена, жившие и живущие на земле. В разных образах являлась своим сынам Женственность - землей, зверем и водой, луной, зарей, утренней звездой, ночной тьмой, жизнью и смертью. И своими дочерьми, что были испокон веков рядом с мужчинами, и без которых не было бы человечества. Земля и вода - водяная гладь с земляными берегами - это ведь, наверно, и было первым зеркалом. А что в зеркале? - тогда, теперь, каждый день с утра, всегда? Женское лицо. Лицо любой и каждой из нас, подруги и сестры мои. И Вечность - Адити (в классической индийской философии), и Вселенная - "Лоно всех" - тоже женского рода.

* * *

Запад есть Запад, Восток есть Восток... И не встретиться им никогда?
Отнюдь!

Оставим в стороне вопросы «нелегальной иммиграции», конфликта между глобализмом и национальной идентичностью, якобы непрерывно идущей войны богатого Севера и нищего Юга и даже столь болезненную проблему, как борьбу с исламским терроризмом. Просто заметим – тема встречи Востока и Запада, противостояния и взаимовлияния культур весьма не нова. И пока политики, дипломаты, военные и публицисты обсуждают западно-восточные конфликты, кое-что, вышедшее из этих регионов, давно и мирно уживается вместе.

Одна из первых встреч Востока и Запада, существенная для нынешнего состояния мировой цивилизации, произошла в гардеробной. Вероятнее всего, дело было во Франции где-то примерно в восемнадцатом веке. Не привлекая к событию излишнего внимания, уклонясь от пристальных глаз тогдашней прессы, на этом «саммите» сошлись вещь вполне арабско-тюркская: халат – и предмет исконно французский: пеньюар.

Итак, халат. Непременный персонаж сказок «Тысяча и одной ночи». Харун аль-Рашид и Синдбад-Мореход, принцы и дервиши, умиравшие от любви поэты и мудрые седобородые звездочеты – все они носили это вполне универсальное одеяние. В зависимости от контекста, к нему прилагались чалма, ятаган, кальян, диван... и Коран. И при всей универсальности халат был предметом знаковым. Вспоминается знаменитая притча о Ходже Насреддине, приглашенном на пир и пришедшем в будничном халате. Когда хозяин вежливо попенял Ходже по поводу непарадности одежды, тот пошел домой, переделся, пришел в роскошном шелковом халате и был усажен на одно из самых почетных мест. И когда гостю было поднесено блюдо с пловом, тот зачерпнул горсть и стал размазывать еду по поверхности халата, приговаривая: «Ешь, ешь, это ведь тебя сюда пригласили!».

Напомню: первым из европейских языков, на который были переведены прославленные сказки, оказался именно французский. И мода на всё «ориентальное» охватила Францию, откуда распространилась на остальную Европу. Монтескье написал «Персидские письма», а Вольтер –

«Философские повести»; Гёте – «Западно-Восточный диван», а Гауф – «Халифа-Аиста»; Томас Мур – «Лалла-Рук», а Кольридж – «Кубла-Хана». «Таинственный Восток» завладел умами и сердцами как знати, так и ученых мужей. Им всё время грезилась мечети с минаретами, гаремы с капающими «фонтанами слез», караваны, груженные золотом и пряностями, маги-заклинатели и магрибские колдуны, способные превратить кого угодно во что угодно... Государственный совет при султানে, халифе или шахе виделся Европе, уставшей от сенатов, парламентов и конвентов, сборищем мудрецов, решавших вопросы наивысшей важности почему-то исключительно лежа – и кабинеты европейских мыслителей стали обставляться диванами, тахтами и оттоманками, потеснившими козетки, кушетки и канапе. От всего этого Европа испытала незнакомый дотолде кайф – кстати, слово тоже арабское. Естественно, предаваться истоме на восточный лад удобнее было именно в восточной одежде. И европейская аристократия облачилась в халаты. Сперва – в импортные, действительно привезенные в подарок друзьями-посланниками из Турции или Персии. Потом в их подобие местного пошива, уже из лионских шелков или манчестерских сукон. Видные деятели европейского Просвещения, сняв камзолы, орденские ленты, сюртуки и парики, позировали в халатах для интимных портретов – известны изображения Вольтера, Ньютона, Шелли, Эйлера.

Покрой был единообразен – длинное свободное широкополое одеяние, рисунок ткани – чаще на восточный манер в продольную полосу, большой шалевый воротник. Канонический халат запахивался и перепоясывался широким атласным кушаком. Вольность и нега... на тахте у кальяна... Этот крой и до сих пор почти неизменным сохраняется в особой «одежде для курения» – она так и называется: смокинг. (И когда видишь надпись “No smoking”, как будто читаешь предупреждение: в смокингах не входить! Это напоминает, что халат – одежда исконно мужская.)

В России всё обстояло, как водится, несколько хуже. Для нас таинственный Восток был не «где-то там», за Средиземным морем. А прямо здесь. Сразу же за донскими станицами и кавказскими предгорьями. Российское дворянство тоже попробовало было носить халаты и предаваться восточной неге, но этому сильно мешала стоявшая на Кавказе «действующая армия» генерала Ермолова и неизбежный для любого путешественника в те края риск оказаться «кавказским пленником». Потому в силу недоброй специфики наших отношений с Востоком в российском быту из восточного гардероба как-то больше прижились папахи, бурки и черкески – одежда для войны. Но опять же – мужская.

Правда, в халатах в явно французском стиле изображались и лица весьма значимые для отечественной культуры. Например, баснописец Крылов – талантливый перелазатель Лафонтена. Или Пушкин – в столь интимном одеянии из каштанового бархата он запечатлен на портрете работы Тропинина. Величайший русский поэт реально видел примыкавший к России Восток и стал единственным, кто сумел на родном языке, но сугубо на французский лад написать дивную ориентальную поэму – «Бахчисарайский фонтан». Но за окнами пушкинских кабинетов чаще всего мела михайловская или петербургская метель. Да и то сказать – какая в наших снегах восточная нега, какой там кайф! Разве что в жарко натопленной бане – и потому полосатый, со свободным запахом и шалевым воротником, мужской халат в нашем национальном сознании до сих пор воспринимается как «банный» или «купальный».

И вообще – и хотели бы мы сделать как «там», как лучше, но вышло опять как всегда. В классической русской литературе халат – чаще всего арестантский, хотя тоже полосатый, темно-серый по просто серому. В таком встречала кающегося князя Нехлюдова Катюша Маслова, осужденная и ожидающая каторжного этапа. Упоминается халат «приютский» – символ брошенности, бесприютности и отсутствия жизненных перспектив. Или еще ветхий, тиковый, заляпанный – на маляре из чеховских рассказов. А тот, классический, из полосатого бухарского шелка, в нашей культуре облегает, как правило, стан малосимпатичных персонажей: в таком халате духовно прозябает на диване Илья Ильич Обломов. И на такой же халат цепляет свой первый крест мелкий чиновник, выхваляясь перед замарашкой-стряпухой на картине Павла Федотова «Свежий кавалер».

Забежим чуть вперед: другое дело – в профессиональных социумах наших и зарубежных халат иногда (как на Востоке!) выступает в роли одежды верхней и опять же знаковой: белый – у врачей, ювелиров, лаборантов, часовых мастеров; темный – у людей физического труда: грузчиков, разнорабочих... Униформа, и как почти всякая униформа – унисекс.

Потому, освоив халат как удобную и нетребовательную форму одежды, в частной жизни россиянки до последнего времени всё же в чем-то походили на злополучную Катюшу Маслову. Вспомним – на нашей женщине если халат, то ситцевый или байковый, на пуговицах, нижняя из которых всегда «с мясом» отрывается в шаг; подпоясанный поясом от предыдущего халата – иного по цвету и уже ушедшего на тряпки. Ассоциации – примус, коммунальная кухня или «хрущевская» малогабаритка – но и там и там негде

повернуться; бигуди под косынкой, полно стирки и готовки, «дети болеют, муж пьет, денег нет...». Надевая халат, чтобы сберечь «выходную» одежду, женщина чувствовала себя неряхой, распустехой, замордованной, ненужной, нелюбимой... Парадный же халат наша соотечественница берегла даже не для встречи с любовником – а на случай лечь в больницу, потому что иначе перед санитарками стыдно. Увы. И верхом роскоши в 70-е годы прошлого века был халатик нейлоновый, стеганный, нежно-розовый или нежно-салатовый, с кружевцами на карманчиках, с перламутровыми пуговками, производства ГДР. У меня был такой – от мамы остался... Простите, я плачу...

А про настоящий пеньюар эти женщины только слыхали. Правда, читали – в «Королеве Марго» («макулатурное» издание). Дюма описывал невероятную любовь и невероятные приключения. В них верилось с трудом. И с таким же трудом можно было вообразить себе, что такое пеньюар. Ибо классический пеньюар, в отличие от халата, не запахивался и не застегивался, а завязывался на ленточки у ворота, достаточно глубоко вырезанного. Это одеяние, мягко струясь, ниспадало с лилейных плеч, а при порывистом движении придавало женщине, вскидывавшей руки на шею возлюбленного, вполне сильфидоподобный, летящий силуэт. Сугубо интимная одежда, сугубо дамская – и к пеньюару требуется свой антураж, интерьер (все слова-то французские!). Всплывает в воображении картина: элегантный будуар, на хозяйке – пеньюар, «*au revoir, chéri! – Au revoir, mon amour!*». Вот он, истинный восемнадцатый век... Да и позже – одна из героинь Анатоля Франса, молодая актриса из «Комеди Франсэз», встречала интимных друзей в пеньюаре, скроенном по образцу капуцинской рясы – монашеского одеяния, под которым на героине не было ничегошеньки... Контраст поражал гостя наповал, и он падал к ногам прелестницы.

Правда, на нашей родине и тут сумели подгадить: термином «пеньюар» в наших парикмахерских обозначалась клеенчатая накидка на матерчатых завязках, которая теоретически сберегала одежду клиентов при стрижке, завивке, мытье головы, окраске волос и прочих процедурах. И лишь у ничтожного количества женщин советского времени, имевших выход на «зарубеж» или «спецснабжение», водились настоящие пеньюары (в комплекте с ночной рубашкой из той же ткани), в которых они и впрямь возбуждающе дразнили законных мужей и соблазняли любовников. Правда, чаще всего это был зарубежный «ширпотреб», пусть даже качественный. Да и о чем тут думать, когда откровениями из мира моды считались наряду с польскими и гедзеэровскими журналами такие издания, как рижский «Силуэт»

– ультраконсервативные и заведомо вторичные. Где всё было «чистенько, скромненько и миленько».

И вот – причуды времени: то, что еще полвека назад делало из женщины загадку, – полуобнаженность, полуоткрытость-полузакрытость – в сознании множества женщин стало восприниматься как неуважительная неряшливость. Неуважительная к себе и партнеру, равной которой являются лишь спешно расстегиваемые для «интима» брюки так и не раздевшегося полностью мужчины. Вспоминается поздний советский сериал «Жизнь Клим Самгина» – по роману Горького: считалось, что фильм этот для своего времени очень смел в показе эротических сцен. И действительно, главный герой, «типичный русский интеллигент», половину экранного времени проводил, облаченный лишь в кальсоны и пенсне... Казалось, что это уже предел падения – ан нет, униформа унисекс в применении к интиму продолжала торжествовать: я еще помню пузатых лысых мужиков и бегемотоподобных теток, телесной вольности ради напяливавших спортивные (!) костюмы. Их любовно и ласково именовали – «треники»... Само слово «пеньюар» уже мало кто мог произнести, кроме профессиональной кастелянши. А «халатность» стала термином из Уголовного Кодекса.

Как я счастлива, что дожила до эпохи, когда возвращаются «вечные ценности»! Для читателей нашего журнала все это – далекое прошлое.

Другое дело, для современной молодой женщины пеньюар, даже если она знает, что это такое, – нечто бабушкино и прабабушкино. Принадлежащее тому времени, когда играл роль полунамек, когда пленяла полуобнаженность, когда значимым являлся каждый этап постепенного открытия друг перед другом тел любовников в интимной обстановке. Когда ритуализировались стадии дозволенности: доступности взору, прикосновений, ласк, касаний, проникновений. И пеньюар в этом мире не имел себе равных по удобству, ибо сам его край позволял по капризу дамы то открывать, то вновь скрывать те или иные интимные точки и пространства. Интимная одежда была способна прятать даже более серьезные тайны – перечитайте «Восточный экспресс» Агаты Кристи. В поисках возможной свидетельницы убийства, чья спина мелькнула в полумраке, великий Эркюль Пуаро перебрал халаты (роман английский – в оригинале robes) всех пассажиров вагона-люкс: шелковое неглиже супруги дипломата и практичный трикотажный капот гувернантки, лиловый бурнус учительницы из европейской миссии в Турции и красное кимоно актрисы... Да так и не нашел искомой улики.

Так давайте забудем, что нынешние шейхи носят деловые костюмы и смокинги, что на беспокойном Востоке ныне в моде универсальная мужская одежда – камуфляжный комбинезон, что верблюдов сменили джипы, а вместо ятагана в руках у восточного мужчины – АКМ... И что европейка носит пижаму, потому как удобнее...

И теперь представим себе идеал.

Будуар. Дама в пеньюаре. Кавалер в халате. Он отставляет кальян, развязывает пояс и при свете настенных канделябров одним изящным, едва заметным движением руки распускает верхнюю завязку-ленточку на пеньюаре дамы. Одежды распахнуты, но еще не сняты. Зато нет преград первому прикосновению тел. Халат и пеньюар будут окончательно сброшены перед тем, как устремиться в постель и предаться страсти... Пусть Он почувствует себя султаном, взыскующим гурии, а Она – маркизой, дарящей избраннику величайшее счастье.

ЗАПРЕТНЫЕ НАЗВАНИЯ

... Для человека, не знакомого, к примеру, с классической английской литературой, чем будут различаться такие книги, как «Фанни Хилл» и «Джейн Эйр»? Или «Молль Флендерс» и «Агнес Грей»? Или «Беатрис» и «Эмма»? Ясно, что из названия можно лишь понять, что повествование посвящено жизни некой англичанки. Хотя в каждой из поименованных пар первая книга — эротический роман «для взрослых», а вторая — достойное, нравоучительное чтение для юных девиц на все времена. Можно взять для примера и Францию: чем по названию отличаются «Жюстина» и «Консуэло»? Или, скажем, «Атала» и «Нана»? А то и, допустим, «Мадемуазель де Мюстель» и «Мадемуазель Фифи»?

Собственно, эти примеры иллюстрируют лишь то обстоятельство, что из названий эротических сочинений неискушенному читателю практически невозможно догадаться о подлинном содержании книги. Однако закономерности все же прослеживаются. В рамках столь краткой статьи, к сожалению, невозможно даже перечислить все более или менее типичные названия эротических книг — моя профессиональная библиотека насчитывает несколько сотен томов «порнографии». Из-за ограниченности объема я не буду указывать дат и авторов, хотя изыскания по установлению того и другого — тема для отдельного исследования.

На протяжении всего Нового и Новейшего времени западноевропейская эротическая литература (а о русской в данном контексте и говорить нечего: что на Западе массив в тысячи названий, то у нас за всю историю — единичные издания) была вынуждена существовать как «слуга двух господ» — конспирации и рекламы. Ибо, с одной стороны, она всегда в той или иной мере запрещалась (и рудиментарные запреты действуют и поныне), а с другой, будучи если литературой не массовой, то, по крайней мере, чтением для развлечения, должна была привлекать к себе читателя-покупателя-потребителя.

Дабы обмануть цензуру, принимались меры для маскировки «непристойных» книг под «пристойные». (О том, как прятались имя автора и/или издателя, место и дата публикации, можно рассказывать отдельно...) Дабы привлечь

потребителя, расставлялись знаки, пароли, невинные с виду и очевидные при минимальной искушенности. В представлении читателя-мужчины (а мы имеем дело с фаллоцентрическим обществом) секс олицетворяется женщиной, а чувственность ассоциируется с женственностью. Более того, поскольку официальная или «ходячая» мораль ряда «истэблишментов», в особенности, викторианства — героической эпохи в развитии жанра! — предполагала, что порядочная женщина не может испытывать наслаждения от соития, а эротическая литература, будучи на 99% «андерграундной», по определению выступала как литература протеста, именно женщина зачастую выступала если не главным действующим лицом, то движущей силой сюжета. Потому, — с чего мы и начали, — весьма часто эротические сочинения носили имя протагониста, чаще всего женщины.

В первом ряду надо упомянуть славных сестричек «Жюстину» и «Жюльетту», «Эжени де Франваль» того же маркиза де Сада (не путать с «Эжени Гранде» Бальзака, посвященной истории старой девы!), «Беатрис», восходящую к дантовской Беатриче, «Эвелину», «Йозефину Мутценбахер», за которыми на порядок ниже следовали бесконечные «Арабеллы», «Мюриэли», «Элейны Кокс», «Авроры Трилл» — и несть им числа... Наиболее прославленные из этих книг породили цепочки «сиквелов», где в названия обязательно входит узнаваемое имя героини: «Подлинная история Фанни Хилл», «Дочь Фанни Хилл», или «Эмманюэль и ее дети», «Страсти Эмманюэль». История литературы знает случай, когда книга с именно таким названием была запрещенной, а стала хрестоматийной в своей литературе — конечно, это «Госпожа Бовари».

Во-вторых, если традиционный роман — это классическая история жизни героя, раскрывающаяся во встречах и контактах с другими людьми, то традиционно-эротический роман — это история сексуальной жизни конкретных героев. В частности, «вечно живой» жанр мемуаров породил заглавия типа «Воспоминания сладострастника», «Воспоминания эдвардианского джентльмена», «Жизнеописание блохи», «Мы с "Фрэнком"», «Дневник кушетки», «Дневник горничной», «Исповедь графа***», «Мемуары Павы», «Скабрзные мемуары», «Мемуары немецкой певицы» и так далее, где рассказчиками «от первого лица» выступают не только люди, но и ассоциирующиеся с «телесностью» предметы и живые существа. Целая полка *memoires*. И с той же частотой попадаются «confessions» — признания, исповеди. И это относится не только к XVIII—XIX векам: в пласте французской андерграундной литературы XX века мы обнаруживаем «Признания мадемуазель М.» — один из лучших эротических романов

столетия, составляющих единое целое со своим сиквелом «Сельма» (женское имя!). Когда же речь идет о раннем этапе половой жизни героев, то в заглавие обычно входит слово «initiation» («начало», «вступление»).

Третий фактор, повлиявший на характерные названия эротических текстов, — это классические образы поля эротических представлений. Прежде всего, это имя самой богини любви — Венеры: «Венера в Индустане», «Флосси, пятнадцатилетняя Венера», «Венера в мехах», «Учительница из школы Венеры», «Венера в монастыре, или Монахиня в сорочке», «Наслаждения Венеры». Представления об античности как о золотом веке Эроса также выпустили на обложки этих сочинений «фавнов» и «сатиров», и еще — «эпикурейцев». Мелькают тут и там «Дон Жуаны». Венерам и Дон-Жуанам иной раз приданы эпитеты «новый», «нынешний» — дабы читатель знал, что речь о современности, а не о легендарных временах (прием, впрочем, весьма опробованный и в незапретной культуре — от знаменитой «Новой Элоизы» до известного фильма «Новые амазонки»).

Еще один ключ — само слово «любовь» и производные от него: «Любовник леди Чэттерли», «Любовные приключения мадемуазель де Соммранж», «Любвеобильный турок», «Моя жизнь и мои любви». Столь же часто употребляются его синонимы: более эвфемистичный — «страсть» (*passion*) и предельно откровенный — «похоть» (*lust*): «Слепая похоть», «Романтика похоти», «Вогнанные плетью в похоть», «Пророки страсти», «Праздник страстей, или Сладострастная смесь», «Пленники страсти», «Тропик сладострастия» (не путать с «Тропиками» Генри Миллера!), и прочее, и прочее... Не реже встречается слово «pleasure» — наслаждение.

Распространенным элементом названия эротической книги являются слова, обозначающие «время» и «место» занятий сексом. Что до времени — на первом месте «ночь» и его производные: «Гамиани, или Две ночи бесчинств», «Полночная встреча», «Ночь в мавританском гареме»; иной раз — «уик-энд»... Что же до «места», то это чаще всего «будуар», «кушетка», «бордель», порою «яхта» — примета «роскошной» жизни, где и изощренный секс — элемент роскоши. А иногда без обиняков — «ад»! Недаром «спецхран» Французской национальной библиотеки (ныне полностью рассекреченный и доступный) традиционно и официально так и зовется — «L'Enfer».

Его аналог в Британском музее (а затем в Британской библиотеке) именуется «Частным хранением» («The Private Case»). И в англоязычных названиях книг зачастую мелькает слово «secret» во всех его значениях, и наиболее

известный опус такого рода — одиннадцатитомная мемуарная книга «My Secret Life» («Моя тайная жизнь»). Авторы эротических сочинений — чаще всего «анонимы». Правда, иногда попадаются «викторианские джентльмены», «кембриджцы», персоны, обозначенные инициалами, «эротические философы», «знаменитости под маской», «просвещенные буржуазки». (Современные западные издатели как правило выносят в качестве автора «мемуаров» имя главного героя.) Похоже, о сексе можно было говорить только в темноте, в укромной комнате и с «незнакомцами»; кстати, это слово — тоже в определенной степени ключевое. Еще одно место, где без помех предаются сладострастию и похоти — это монастырь (антиклерикальная эротическая традиция восходит еще к Рабле и Боккачио). Отсюда весь понятийный ряд, вынесенный в заголовки: «Монастырский привратник» (известный также как «Дом Бугр»; от французского bougre, по видимому, происходит «бугор» в русской фене), «Жуткие разоблачения монахини Марии Монк», «Сестра Моника», «Орден Святой Бригитты», знаменитые «Одиннадцать тысяч палок», в каковом названии прячется аллюзия на мученичество святой Урсулы и еще 11000 девственниц. Как правило, видя в заглавии что-нибудь «монастырское», можно ожидать в книге обилие сцен однополого секса — вспомним «Монахиню» Дидро.

Ну, и, конечно — школа и всё, связанное с образованием, постижением, взрослением. Ибо подростки как бы считаются «сексуально неграмотными» и «сексуально озабоченными» одновременно, и потому нуждаются в соответствующем теоретическом и практическом обучении. С другой стороны, секс — вещь, которой надобно учиться, хотя бы и принудительно. И потому среди заглавий находим «Пансион любви», «Юную супругу учителя», «Оксфордского профессора», «Клейтонский колледж», «Гувернантку Харриет Марвуд», «Исправительный дом для девушек», «Девушку из Оксфорда», «Школьную жизнь в Париже», «Воспитание по ускоренной программе». Но следует отметить, что тема школы, обучения в классической английской эротике часто связана с садомазохизмом. Потому знаковые для таких заглавий слова типа «training», «disciplining», «lessons» следует понимать однозначно: они подразумевают тот тип обучения, что осуществляется под розгой, плеткой или иными инструментами максимально болезненного физического воздействия. К числу подобных заглавий относится, например, «Строгое воспитание Джейн» — злая пародия на «Джейн Эйр», предположительно написанная братом Шарлотты Бронте. Или «Домашнее обучение» («First Training»), выворачивающее наизнанку «Сагу о Форсайтах». А есть еще и вполне откровенная «Садопедия»...

Столь же часто в заглавиях садомазохистских романов встречаются слова «хозяин», «властитель», «господин» — «master», «госпожа» — «mistress». Названия типа «Когда хозяин берет слово», «Франсуаза, госпожа», «Властитель Айронвуда», «Хозяин имения Кэслри» составляют не менее 25—30% пласта. И параллельно — бесконечные «рабы», «игрушки», «пленники», «жертвы». И прочие слова из ассоциативного ряда с/м — «повиновение», «поклонение», «служение», «черный» (black или noir), «жестокий», «суровый», «строгий» (эти же слова, что небезынтересно, ныне употребляются в разделах частных объявлений специализированных изданий — мы, как водится, заимствуем у Запада). Еще один традиционно садомазохистский сюжет — ужасы русской жизни с барским кнутом, невежеством народа, произволом властей. Потому, читая в заголовке «Надя», «Наташа», «Грушенька», «Полюшка», написанные латиницей, знаешь наперед: это очень жесткий с/м. Точно так же, отдавая дань расхожим представлениям о национальных эротических нравах и обычаях, на карте литературного сладострастия наличествуют две «обжитые» зоны — Париж (шире — Франция) и Восток — как Ближний, так и Дальний. «Парижские прелестницы» и «Парижские забавы», «Две девицы и Париж», «Французские радости»... Что до Востока, то присутствуют бесчисленные отсылки к сказкам Шехерезады и «Камасутре».

Стоит заметить, что лишь во времена после сексуальной революции на обложках открыто появилось само слово «секс» и всякие недвусмысленности: «плоть», «соитие», «розги», «боль», «оргазм».

Очевидно, что всякая классификация названий «запретных» книг условна. Многие книги традиционно существуют под несколькими названиями. «Орден Святой Бригитты» (он же «Веселый орден Святой Бригитты») издавался также под названиями «Орден розги» и «Мемуары горничной Маргарет Энсон». Ясно, что каждое из названий имеет свой оттенок значения, несет свою степень откровенности. Двойные названия давали и сами авторы. Апокрифический роман Оскара Уайльда «Телени» имеет подзаголовок «Оборотная сторона медали», в чем можно усмотреть и тему страдания — оборотной стороны любви, и буквально «задней стороны», ибо это роман о гомосексуалистах. «Новый эпикуреец» Эдварда Селлона имеет своеобразную авторскую «расшифровку»: «Радости секса, поочередно и философски рассмотренные в откровенных письмах, адресованных юным знатным дамам». И этот подзаголовок сразу вводит читателя в XVIII век, под который стилизован роман, изданный якобы в 1743 году (реально — в 1865). Забавно, что в «самопальном» русском переводе времен «самиздата» этот

роман озаглавлен просто и доходчиво: «Джентльмен и девушки». Наконец, книга, которую принято считать родоначальницей современной «порнографии», сочетает в своем названии и имя «автора», и формальный жанр, и жанр неформальный: это уже неоднократно упоминавшаяся «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех».

Особая статья — эротика с политическим подтекстом, книги, написанные не для средних умов, где эротический сюжет маскирует позицию автора. Написанная в 1933-м году выходцем из России «Грушенька», как понятно всякому, отсылает читателя к «Братьям Карамазовым», одновременно и пародируя в лице «культового романа» всю русскую литературу скопом, и предостерегая насчет России современного автору исторического периода. А «Возвращение в Айронвуд» напоминает о «Возвращении в Брайдсхэд», хотя сам топоним Ironwood — «Железный лес» — уже насылает на читателя некий ужас. И впрямь, по сюжету в этом поместье находилась база подготовки проституток-разведчиц. Или — «Тарантула» (прозвище цыганки-танцовщицы), где пародия накрывает сразу и готические сюжеты о развратных испанских инквизиторах, и «Кармен» — естественно, не оперу, а новеллу. Но соотнеся название и год издания — 1934-й, понимаешь, что анонимный автор явно метил в хемингуэевскую «Фиесту».

И в заключение буквально пару слов о современной российской практике издания таких книг. Оставляя в стороне непрофессионализм, часто сопровождающий коммерческие издания массовой литературы, неспособность представителей «советской школы художественного перевода» преодолеть «внутреннего цензора», наконец, просто отсутствие устоявшейся традиции таких изданий в России и русских слов, обозначающих половые органы и акты и отличающихся от медицинской, культурологической и обценной лексики, мне кажется необходимым обозначить одну практическую проблему.

Из-за несовершенства нынешнего законодательства в области «нравов» я как ответственный редактор знаменитой серии «Улица красных фонарей» (издательство «ВРС») всё время вынуждена балансировать между честностью литератора-профессионала, стремящегося донести до читателя именно то, что написал автор, и именно так, как он это написал, и необходимостью продолжать свою деятельность в условиях, когда по-прежнему многие считают подобную литературу непристойной и якобы запрещенной. И среди этих людей, в частности, — книготорговцы, в первую очередь, провинциальные, кое-кто из книжных обозревателей в

периодической печати, ведущие специализированных телепрограмм, которые демонстративно швыряют наши книги в мусорную корзину. Применительно к обложкам и выносимым на них заглавиям это означает табу на слова типа «секс», «эротический», «похоть» — слишком легко быть обвиненным в «распространении порнографии». Поэтому вместо «похотливый» или «развратный» приходится писать «любвеобильный» или «сладострастный», «сексуальные похождения» заменять на «любовные приключения» или «странствия чувственности». А «disciplining», то есть строгую порку, переводить как нейтральное «воспитание». Приходится убирать с обложек и оставлять только на шмуцтитуле фигурирующую в отдельных заглавиях обценную лексику (как у Луи Арагона «Le son d'Irene», в официальном русском издании стыдливо фигурирующую как «Лоно Ирены»; в интернетовском же варианте все буквально). И когда пишешь «любовные забавы», между тем как в оригинале присутствуют «похотливые деяния», думаешь, что ты всё ещё в Византии... Такая практика приводит и к тому, что зачастую книги серии оказываются в магазине на одном стеллаже с так называемым «сентиментальным», «любовным» или «дамским» романом и попадают вовсе не к тому читателю, которому изначально адресованы, вызывая у него законное разочарование и раздражение.

Путь, пройденный англо-, франко- и германоязычными странами в этой области, нам еще предстоит.

МАГИЧЕСКАЯ «КИТАЙЩИНА», или всего по 10 000...

У меня странные отношения с китайской магией.

Я бы и не вспомнила о столь специфической практике, когда бы ни пришлось чудовищно жарким августовским днем собирать и пускать в эксплуатацию вентилятор китайского производства. Вот это, скажу я вам, была магия... Инструкция, когда удалось понять этот «русский» язык, оказалась чуть-чуть от другой модели, кнопки на панели управления располагались в каком-то странном порядке, но вентилятор в конце концов заработал. Видимо, надо мной сжалились духи предков производителей этой техники... Или помогло то, что я часто произносила слово из трех букв, которое есть как в русском, так и в китайском языке. Правда, по-китайски оно означает что-то другое...

Когда-то дипломат и царедворец Тютчев писал: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». На самом деле – и понять, и измерить. А вот Китай как был для европейца загадкой, так ею и остается независимо от того, сколько китайцев слетало в космос и сколько компьютеров собрано в Шанхае.

Ибо магия – плоть и кровь китайца. Духи, божества, чародеи – рядом. Разогнувшись от рисовой чеки, китаец видит сияние и слышит голоса потустороннего мира. И потому китаец даже сегодня потаённо верит в то, что следование пути предков обеспечит ему благополучие как на «этом» свете, так и на «том». И восхищается теми, кто умеет претворить магические задатки и способности в жизнь.

Не зря классические китайские легенды и сказания полны историй о мудрецах, умеющих творить чудеса. Сядет – поднимутся ветер и дождь; встанет – налетят облака и туман; проведет на земле черту – появится река или ручей; а щепотка земли, просыпавшись между пальцев, обратится в гору или холм. Что самое забавное, в древних хрониках о чудесах сообщается совершенно между делом, наряду с рассказами о том или ином сражении, празднестве, смене власти, неурожаете или набеге варваров... Так, одна из легенд гласит, что на первом году правления самозванного государя Лю Цуня под девизом «Установление династии» случилось землетрясение. Даосский

монастырь ушел под землю, и на том месте образовался пруд с водой алой, будто кровь. Его красные испарения достигли небес, и тогда из пруда прямо в небо взмыл красный дракон... Ну и что? Взмыл и взмыл, составили донесение, отправили в столицу и стали себе дальше жить. Или – ехал некий странник по своему чиновничьему делу, уже в темноте остановился в некоем доме, встретила его девушка, приготовила ужин и постелила постель, но тут ее отвлекли: голос снаружи позвал ее «помогать двигать колесницу Громов». Девушка ушла на всю ночь, и действительно разразилась гроза, а утром путник проснулся не в доме, а на кургане местного божества. А через пять лет этот чиновник стал наместником провинции... И тут уже не знаешь, что оказалось важнее: китайская магия или китайская бюрократия... Правильно принесенная жертва помогала полководцу в бою, невинному в тяжбе, влюбленному в совершении желанного брака. В гареме легендарного императора У-ди среди десяти тысяч красавиц, собранных со всех концов Поднебесной, жили и небесные девы, привлечшие внимание владыки не только красотой, но и мудростью. Командированные в дальнюю провинцию ученые чиновники, разлученные с мудрыми друзьями и нежными женами, не брезговали делить ложе с лисицами-оборотнями и феями из тростниковых заводей; только тем потусторонние возлюбленные и отличались, что не бинтовали ног, пребывая в человеческом облике, но это становилось ясно только утром... Огорченный странник складывал о происшествии стих с названием длиннее самих поэтических строчек – «Ночуя в ожидании переправы на Реке разлук, встретил нежную деву и теперь с тоской вспоминаю о мимолетности ласк» – да и вновь седлал коня, дело-то обычное...

Некий придворный, когда на пире владыка хватился, что нет на столе редкостного кушанья из рыбы, водящейся за семью морями, попросил таз с водой, закинул удочку и вытянул искомую рыбину, которую тут же и зажарили. А другой древний китаец обещался точно вычислить, сколько кирпичей уйдет на строительство Великой Стены. Власти, ответственные за постройку, пригрозили, что если он ошибется хотя бы на два кирпича, не сносить ему головы. Он действительно ошибся, но только на один кирпич... И потому остался жив. Можно счесть это сказками, но вон она, Великая Стена, стоит себе по сю пору...

Так что легенды и современность сливаются в единое целое. И одна из самых популярных китайских книг не только в России, но и во всем мире – знаменитая и загадочная «Книга Перемен».

Не забудем: для китайца нет ничего важнее традиции, идущей от предков. И нет хуже проклятия, чем пожелание «жить в эпоху перемен». Но тут важно понимать, что такое перемена и как ее используют при гадании. Нынешние компьютерные программы выводят на экран три монетки, которые надо подбросить, они упадут орлом или решкой, соответственно проводимая черта будет непрерывной, «сильной», или прерванной, «слабой». И так шесть раз. Далее надо взять один из пяти (!) русских переводов «И Цзина» и посмотреть, что будет. Не поймете – тоже ничего страшного, китайцы и сами не понимают, а мы же читаем в переводе, веря, что переводчик знал китайский язык. Но своего языка не знают и сами китайцы: шутка ли – десять тысяч иероглифов! Одна из легенд гласит, что Великий Кормчий Мао Цзедун знал их все! Но, видимо, это рассказ из той же серии, что история о том, как государь У-ди, стремясь постигнуть Дао, столь продвинулся на этом пути, что его удостоила личным наставлением Владычица Запада дева Сиванму. Эта богиня, согласно китайским представлениям, владела персиками бессмертия и парой штук угостила императора; Председателю Мао тоже принято было желать жизни в десять тысяч лет. Я лично большой разницы в сюжетах не вижу.

Подлинный же мудрец доставал из рукава халата связку стеблей тысячелистника, делил на две неравные кучки, по хитрой формуле пересчитывал и перекладывал (вот это и были гадательные «перемены»!), теребил свою клиновидную бороду – и получал некий результат. А потом толковал, а уж дело вопрошающего было применить изреченный гадателем афоризм к житейской ситуации.

Чтобы понять все это, надо быть китайцем, причем китайцем образованным, знающим Конфуция, умеющим расшифровывать знаки и пророчества, правильно приносить жертвы и вовремя применяться к слоганам текущей политики – недаром каждое правление в Поднебесной начиналось с нового лозунга: «Процветание и благолепие», «Истоки сияния», «Большой скачок»... знакомое что-то видится в этой практике... что-то «красноконфуцианское»... Недаром классический китайский ученый чаще всего пребывал на императорской службе, сдав целую вереницу экзаменов на качество почерка, знание поэзии и почтительность к предкам. Носители ученых званий неизменно гордились своими достоинствами – опять же дошла легенда о некоем китайце, который был унижен публично, и чтобы не потерять лицо, утопился в миске с водой – хватило терпения не поднять головы... А другого чиновника, управителя провинции, некогда отстранили от должности за то, что, подавляя восстание местной знати, он посадил на колья десять тысяч

мятежников; но колья были из апельсинового дерева, а не из слоновой кости, тем самым каратель унижил сословие...

У этих людей 22 созвездия в зодиаке, пять стихий в природе и шестьдесят четыре гексаграммы – этого вполне хватает для описания Поднебесной в пределах Великой Стены, а весь остальной мир пусть почтительно внимает... Мы и пытаемся – обставляем квартиры и офисы по фэн-шую, тщась сообразить, где у нас зона воды, а где сторона дерева и под знаком какого животного надо красить кухню... Смотрим фильмы про Шаолинь, любуясь избыточными прыжками и выпадами китайских актеров – выходцев из семей, вовремя смотавшихся из Китая в период «культурной революции»; иногда возникает мысль, что гнусного князя-злодея, под чьим гнетом изнемогает околоток, по сюжету такого фильма проще было бы отравить на пиру или заколоть рукой патриотки-наложницы, но что можем знать об этом мы, белые варвары? Созерцаем в восточном музее ажурные шарики из слоновой кости, вырезанные один в другом из цельного бивня... Поражаемся, понять не можем, хотя очень хочется... Да и надо бы, ведь наша граница с Китаем тоже исчисляется тысячами километров.

Так вот, еще о «переменах». Инь-ян, свет-тьма, мужское-женское перетекают одно в другое, каждое явление несет в себе свою противоположность, волны завоеваний растекаются по лёссовым равнинам и кочевники тоже начинают прилежно учить иероглифы, сменяют друг друга династии и формации, начат и окончен очередной Великий Поход и очередное поколение учеников постигает, что такое Великий Предел... но в сущности, в неизменном темпе вращается небесное колесо над Поднебесной империей, и глядят поочередно двенадцать циклических зверей пяти священных цветов на ежегодный разлив Хуанхэ. История Поднебесной длится десять раз по десять тысяч лет, территория китайской культуры простирается от хусских степей (это Тува) до джунглей Юэ (Аннам, крупнейшая из провинций современного Вьетнама). Хватит ли десяти тысяч лет, чтобы хоть приблизиться к постижению всего этого? Самая главная китайская мечта – бессмертие.

Кстати, один из популярных способов приблизиться к бессмертию не так уж и сложен – просто надо беречь мужское семя при любовном акте. Попросту говоря, не спускать при оргазме в условиях регулярного изощренного секса – вот тогда вы и поймете, что такое подлинное Дао и как ощущают себя мудрецы, повелевающие драконами и фениксами, отведавшие персиков бессмертия, запомнившие все десять тысяч иероглифов. И вот сидят в беседке над лotosовым прудом даос дядюшка Сунь и конфуцианец

почтеннейший Вынь, попивают сливовое вино, читают стихи о бренности и вечности – и что им до суеты? Завидно, а?

Однажды и я прибегла к китайской магии. Ожидала возвращения мужа с Франкфуртской книжной ярмарки, самолеты запаздывали, над Европой стоял октябрьский туман, справочная «Трансаэро» сама ничего не знала. И взялась я сочинять в китайском стиле:

Повеет зимой на исходе октябрьской луны.

Багряные клены стоят у холодной реки.

От многих печалей осенние ночи длинны,

А мы с господином в разлуке – и так далеки.

И землю, и небо окутал белесый туман,

На дальних холмах потемнел и осыпался лес,

А путь господина лежит между западных стран,

И каждый из нас – словно точка у края небес...

Ну и т.д. Это был чистейший плагиат из переводов то ли Эйдлина, то ли Гитовича или еще кого из достославных выпускников Коммунистического университета народов Востока... Не знаю, то ли духи стихий меня услышали, то ли духи предков, то ли сама Владычица Запада, фениксы или драконы донесли мой призыв до бессмертных мудрецов – но самолет вылетел из Франкфурта поперек всякого расписания и три часа спустя я уже обнимала любимого.

Так что – идите в «Панду», или «Мэйхуа», или как там называется ближайший к вам китайский ресторанчик, и ешьте рис; гадайте по Книге Перемен на исход своих трудностей; покупайте на рынках одежду или электронику «Made in China»; вешайте на форточку связки колокольчиков;

учите иероглифы и постигайте изречения мудрецов... Все это – магия великой страны, странной и непостижимой. Иньянствуйте в меру своего понимания. Всё уже было, всё только начинается. Путь есть Путь. Дао.

МАМА ПОДАРИЛА МНЕ ШЛЯПУ...

Я безумно люблю месяц март. Люблю его не только за то, что знакомые мужчины поздравляют меня и дарят мне цветы. Не только за то, что я вылезая из шуб и дубленок и надеваю демисезонное пальто. Не только за яркое солнце, отражающееся в лужах, за первые, робко лезущие из земли пролески и подснежники, за рождающиеся пятнами из ниоткуда цветы мать-и-мачехи... Нет... Просто я никогда не забуду, что именно март сделал меня женщиной.

Не подумайте – речь идет вовсе не о банальном физиологическом происшествии (когда-нибудь, если это интересно, я и о нем расскажу, но дело было вполне обычное). Речь идет о событии, гораздо более значимом. В том далеком марте мне исполнилось двадцать лет... И накануне вечером моя мать, госпожа советник (не советница – ранг советника второго класса был ее собственный, равный для военных званию подполковника, и она почти всю жизнь работала в серьезных внешнеполитических учреждениях), почти что строевым шагом вошла в комнату и объявила таким голосом, каким диктор советского времени вещал: «ТАСС уполномочен заявить...» – так вот, матушка именно – повторяю! – таким тоном заявила: «Я купила тебе шляпу! Ты уже взрослая».

Мать моя была женщиной светской, шившей в год по несколько вечерних платьев, любила туфли на высоких каблуках, и шляпы всегда были ей к лицу. Конечно, немало часов своей юности я провела перед зеркалом, примеряя ее коллекцию... И вот шляпу надела и я, свою собственную, – и сразу же поняла: я стала другой.

Когда в этой шляпе я на следующий же день пришла на работу, все мои коллеги-лаборантки академического института – были потрясены. Каждая постаралась эту шляпу примерить, но, кроме меня, она никому не шла. Они были иными. Еще девчонками. Независимо от возраста. А кое-кто так и остался в сопливом девчачестве, несмотря на мужей, детей, карьеру... увы.

Вообще я лет с четырнадцати... ну ладно, с шестнадцати! – чувствовала, что чего-то мне в жизни не хватает. То ли обращения на «вы», то ли ученой

степени... Но когда появилась шляпа – Шляпа с большой буквы! – для меня всё встало на свои места. И, наверное, моя первая формулировка по поводу шляпы не совсем точна. Просто женщиной девушку делает мужчина. Шляпа же делает женщину Женщиной. Тоже с большой буквы. Иными словами, дамой. Той самой Прекрасной Дамой, которой поклоняются, за которой ухаживают, которую добиваются...

Весь тот март я просто летала. Как-то враз выработалась уверенная походка на шпильках. А когда случалось выходить из трамвая, незнакомые мужчины подавали мне руку – просто так, чтобы я не оступилась. Я носила ее, как знак отличия. А она - меня. Шляпа на своих полях, как на крыльях, вознесла меня над суетой жизни – дискотеками, стенгазетами, поездками на картошку, мальчиками-поцелуйчиками. Шляпа отграничивала ненужное, четко кадрируя полями главное. В ее тени мой собственный взгляд становился зорким и таинственным.

Я даже не помню во всех подробностях, какой именно была эта первая моя шляпа – зеленая, если не ошибаюсь, в тон к тогдашнему пальто. Не помню, когда ее окончательно съела моль и во время какого из многочисленных переездов с квартиры на квартиру я ее выкинула. За ней были куплены, сношены, забыты многие и многие. Самые разные – лиха беда начало. Менялась мода, менялась ширина полей, у одной был репсовый бант, у другой – широкая шелковая лента... Пытаюсь припомнить, была ли у меня когда-нибудь шляпа с вуалеткой. Кажется, нет – «таблетки» не моё... Был как-то бархатный берет во фламандском стиле. И стетсоны – были. И сейчас есть.

Шляпа открыла для меня новую модель бытия. В ней я ощутила себя равной всем окружавшим меня старшим. И взрослые мужчины на работе стали глядеть на меня, как мне показалось, иными глазами, обсуждать со мной весьма специфические проблемы – к примеру, всемирно известный, весьма почтенных лет профессор-математик всерьез посетовал, вернувшись очередной раз из Парижа: «Вы только подумайте, Ольга, как там упали нравы! Все женщины – без чулок!» Над Европой стоял жаркий август, но профессор некогда окончил Ришельёвскую гимназию и в приличиях понимал! А я – смогла понять его.

Правда, и без шляпы мужчины и раньше видели во мне взрослую – тому свидетельством написанный серьезным профессиональным художником

портрет, когда мне было восемнадцать (до сих пор не верят, что он написан именно тогда). Но шляпа стала завершающим этапом перемен.

Теперь уже никто не сомневался, что я большая... И мать, сама того не зная, своим подарком как бы дала мне право спорить с нею на равных – а споры наши продолжались до самой ее смерти. И пусть в голодные, скудные поздние советские и ранние постсоветские годы мы, случалось, таскали друг у друга последнюю пару целых колготок – но шляпы у каждой из нас всё равно были свои!

И вдобавок шляпа научила меня, какие пласты бытия друг с другом сочетаются, а какие – нет. Шляпа – это золото, которое не носят с джинсами. Это умение на пустынной улице высмотреть и остановить машину, которая в поздний час довезет домой без каких-либо малоприятных сопутствующих событий. Это способность найти общий язык с иностранным дипломатом и палаточной продавщицей. Это мастерское владение не только книжной речью, но и ненормативной лексикой, позволяющей в один миг унять пристающего к тебе на автобусной остановке агрессивного пьяницу. И многое, многое другое.

Ибо шляпа – это не просто головной убор. Это – состояние ума. Это – черта характера. Она венчает тебя, словно ставит точку над *i*. И ты становишься царицей, принимающей знаки уважения и преклонения и обретающей истинную любовь. Любовь к равному и на равных. Ибо мистика и магия шляпы делает тебя загадочной и желанной. Для настоящих мужчин! Тех, кому не нужно ждать Женского дня, чтобы без стеснения объявить на весь мир, что такое для них Женщина. Тех, кто не побоится сказать: «Вы прекрасны!». Тех, кто открыто произнесет: «Я вас люблю!». И чье лицо не покроется пятнами стыда или смущения, когда он решительно заявит: «Я тебя хочу!». А дальше – решаем мы, наделенные теми же желаниями, но иной мудростью...

...А, может быть, Женский день на то и придуман, чтобы мужчины были Мужчиными, а женщины – Женщинами?.. А шляпа при этом – волшебная палочка, та самая палочка-выручалочка, что отводит от беды и учит радостям бытия... И превращает обыденность в сказку с множеством испытаний и множеством счастливых концов. Ведь одно прекрасное мгновение вполне может смениться другим, еще более прекрасным... Разве не так? Да, конечно, так!

Я жду, когда растает снег и подсохнут тротуары. И она ждет – в шляпной картонке в шкафу. Мы ждем марта, чтобы снова выйти в свет....

ЦАРЬ-ДЕВИЦЫ И ПРОСТИТУТКИ: ИМЯ И СУДЬБА

Надо полагать, есть глубокий, даже глубинный смысл в том, что любимые нашим народом праздники 23 Февраля и 8 Марта в календаре стоят практически рядом. Из Дня суфражистки и Дня «человека с ружьем» они со всей очевидностью давно уже превратились в праздники Мужественности и Женственности. А ведь еще с античных времен в культуре прочно утвердилась идея о союзе Марса и Венеры как основе божественной Мировой Гармонии, что ведет к правильному и торжествующему миропорядку, воплощенному в идеальном государстве.

Особенно же пышным цветом сия аллегория расцвела в XVII–XVIII веках. Оно и понятно – могущество того или иного королевства прирастало равно и завоеваниями силой оружия, и браками принцев и принцесс королевских родов. Примерно в это же время западные веяния разными путями стали проникать в Россию. Но как всегда, западная идея, приспособленная к местным условиям, климату и менталитету, обрела некоторую «особость».

Вы только не подумайте, что я – о политике. Я буду говорить исключительно о войне и о любви в русской истории и литературе. Просто в интересах сюжета должна заметить, что в русской истории достаточно обычным способом перемены власти является заговор с целью вооруженного захвата этой самой власти. Попросту говоря, путч. Русские путчи же бывают только двух видов – удачные и неудачные.

Так вот, самыми удачными, идеально подготовленными и блестяще проведенными в русской истории явились три «госпереворота». Все три являли собою блистательное практическое воплощение аллегории о союзе Марса и Венеры. В результате власть в России достаточно надолго захватывала женщина, никаких прав на эту власть не имевшая, но сумевшая привлечь на свою сторону расквартированные в столице элитные воинские части.

В неразберихе среди наследников «тишайшего» царя Алексея Михайловича по двум брачным линиям – Нарышкиных и Милославских – стрелецкие копыя привели в Кремль царевну Софью, причем во времена, когда царские дочери

были «никто», а звали их как-то только с титулом «инокиня». Сведения о Софье противоречивы: была ли она красива, обладала ли государственным умом, с кем и как складывалась ее любовная жизнь, никто толком не знает. Но власть царица держала достаточно долго, а стрельцы стояли за Софью до конца – известное дело: последних верных вешали под окнами Софьиной кельи в Новодевичьем. Кровавое вышло дело, но начало было положено. Союз Марса и Венеры обрел государственный статус.

Примерно полустолетием позже красавица и умница Елисавет Петровна опять-таки не имела никаких прав на уже императорский престол. Петру Великому она была хотя и родная, и признанная, но всё же «привенчанная» дочь, родившаяся до официального брака с ее матерью. Но в Санкт-Петербурге дислоцировались преображенцы. И «дочь Петрова» темной ночью, помолясь Богу и взяв шпагу, в сопровождении доверенных гвардейских офицеров без лишнего шума «повязала» свою дальнюю родню в Зимнем и торжественно воцарилась... Двадцать лет Елизаветинской эпохи – одно из самых благодатных времен в русской истории. Опять же, с кем и как обделывала свои любовные делишки Елизавета, существует множество версий. Но русское оружие в ее царствование было весьма победоносно.

Для третьей нашей героини, имевшей перед глазами такие примеры, было уже совсем всё просто. Кстати, она и звалась поначалу тоже Софьей и в довесок Шарлоттой. Но в историю вошла Екатериной. И к тому же Великой. Всего-то и понадобились ей верная подруга и тезка Екатерина Дашкова да два офицера-измайловца, братья Орловы. И наутро она уже гарцевала в измайловском мундире по Дворцовой площади, помахивая манифестом своего мужа об отречении. Заметим, любовная жизнь великой монархини вот уже триста лет является не только сюжетом русской и мировой литературы, но и фольклором. А что до Марсовых дел, то Суворов, Кутузов и Ушаков – полководцы именно екатерининской эпохи. Так что Марс и Венера вновь сливались в торжествующем объятии.

А потом что-то случилось... То ли «бесовской» революционный дух проник на нашу землю, то ли оскорбленное мужское достоинство выиграло в лучших представителях дворянской, а потом и разночинной интеллигенции. Какой-то червь ущемленного самолюбия стал точить душу русских мужчин. Завидно ли им стало, что брали бабы такую власть, досадно ли, что не бывать им самим в возлюбленных у монархинь? И со страниц «великой русской литературы» начали они сводить счеты с российскими правительницами. Причем как-то так, исподтишка. Никто не оспаривал вклад этих дам в

становление российской государственности, но... Союз Марса и Венеры оказался расторгнут, и женщины-героини заведомо проигрывали в этой войне своим авторам-мужчинам. Перечитайте хоть даже школьную программу.

Начиная с Фонвизина, носительница имени Софья обречена стать кем угодно, только не личностью. В «Недоросле» она – нареченная Митрофанушки, а ее возлюбленный, офицер Милон, ничего не может с этим поделать. Софья грибоедовского «Горя от ума» – заложница брачных планов своего отца. Но ее никто не любит – ни отцовский секретарь Молчалин, ни блестящий гвардеец полковник Скалозуб, ни, вообще говоря, трепливый вертопрах Чацкий. Два титана русской литературы: Толстой и Достоевский – обходятся с Софьями еще жестче. Тихую воспитанницу семейства Ростовых, конечно, не бьют и голодом не морят, а даже в свет вывозят для комплекта с Наташей. Но до нее никому нет дела. Она так и отцветает, вянет, чахнет, заклеянная словом «пустоцвет». Ну, а Сонечка Мармеладова выставлена автором сразу на панель, а «хэппи-энд» ее судьбы – безлюбивый, чисто обоюдносострадательный союз с убийцей и вечная каторга. А Куприн в «Яме» – повести о несчастных судьбах несчастных обитательниц публичного дома – самой несчастной сделал Соньку-Руль: из-за большого еврейского носа она мало пользовалась спросом у клиентов. В общем, никто с Софьями не считается.

Теперь – Екатерина. Лесков не забыл даже дать своей героине фамилию по полку, приведшему императрицу к власти... Катерина Измайлова, «леди Макбет Мценского уезда», неверная жена, обманутая любовница, дважды убийца... Катерина в «Грозе» Островского – тоже жертва незаконной любви. Катюша Маслова у Льва Толстого – наравне с Сонечкой Мармеладовой вторая знаменитая проститутка русской литературы. И еще одна проститутка – уже просто Катька из блоковских «Двенадцати», пристреленная в революционном азарте Петрухой (не намек ли на Петра III, которому, видимо, следовало бы быть построже с супругой?). А у Толстого Алексея в первой книге эпопеи «Хождение по мукам» Катя, конечно, не проститутка, но... ей что муж – преуспевающий адвокат и общественный деятель, что поэт-символист, что офицер. Было бы к кому прибиться... Слабы Екатерины на передок.

Ну, а имя Лиза в сознании русского читателя неизменно сопрягается с эпитетом «бедная». Как утопилась карамзинская героиня по поводу измены «полюбовника», так и пошло... В «Горе от ума» Софьину горничную Лизу не имеет в фамусовском доме только ленивый. У Достоевского «случайную»

проститутку Лизавету, сестру старухи-процентщицы, сексуально «употреблял» весь околоток, даже не затрудняясь заплатить. И зарубил ее топором Раскольников походя, даже не «идейно». Ну, а Тургенев в «Дворянском гнезде» одарил именем Лиза девушку-мечтательницу, влюбившуюся в женатого мужчину и в итоге нашедшую утешение в монастыре. Бедные, бедные Лизы...

Те трое, настоящие, в парче и жемчугах – их воле покорялись отдельные мужчины и целые государства, под их взглядом шли в бой полки и трепетали знатные юноши, допущенные хотя бы к «ручке». А русская литература назвала их именами неудачниц, жертв чужой воли, игрушек самых низменных мужских страстей. Те, настоящие, были повелительницами, их литературные тезки – ничтожествами, «бледными немочами» и безвольными «давалками» за деньги и без. Видать, крепко задели три женских монархических сюжета что-то такое «нутряное» у русских писателей. И уже кажется, что не дай Бог русскому писателю назвать героиню Соней, Катей или Лизой.

Но – выход есть! И нашел его наш истинный, наш главный гений – Пушкин. Сперва он тоже было поддался уничижительной тенденции. В «Пиковой Даме» робкая воспитанница Лиза только и делает, что подчиняется – то маразму старой графини, то холодному расчету Германна. И в конце Пушкин снисходительно выдает ее – дворянку! – за сына графинина управляющего, вероятно, из выкупившихся крепостных. Но... ценитель женщин и подлинной литературы, западник и государственник Пушкин понял, что это – несправедливо! И нашел, как сделать счастливой носительницу одного из злосчастных имен. Барышня-крестьянка из одноименной повести крещена-то Елизаветой, и автор – но только автор! – зовет ее Лизой. Отец-англоман обращается к дочери не иначе как Бетси. А пускаясь в любовную авантюру, хитроумная барышня переименовывает себя в Акулину. Меняет свое имя так, чтобы даже ассоциации с подлинным не возникло. А вместе с именем меняет весь имидж, а с имиджем – судьбу. И ее роман развивается без сучка без задоринки. По ходу ликвидируется старинная ссора, укрупняется имение, а возлюбленный падает к ее ногам.

Пушкинским приемом потом воспользовался Лев Толстой. У него тоже наличествуют в «Анне Карениной» Бетси Тверская и Китти Щербацкая. Героини, у которых любовная жизнь протекает не без приключений, но, в общем, вполне благополучно. Но это уже вторично.

Согласитесь, в именах есть какая-то мистика. Говорят, что имя – это судьба, и дается оно не просто так. Что имя – это дар богов. Тех самых, на чьем союзе стоит мир.

КУПАЛЬСКОЕ БЕЗУМИЕ

Мы живем в городах, ездим в метро или стоим в пробках, переписываемся по «мылу» и переговариваемся по мобильникам... Мы забываем о природных циклах, да и сама природа ныне будто все перепутала: у нас зеленые газоны в январе и снег в апреле... Но Коло, Годовое Колесо тем временем без скрипа и с постоянной скоростью – вращается. И вот оно выносит нас к одной из кардинальных точек года – к летнему солнцестоянию, к Купальской ночи.

Сразу оговорюсь – в России вечные проблемы с календарем. Оттого мы и Октябрьские праздники в свое время праздновали в ноябре, и Рождество у нас после (!) Нового года. Официально Русская Православная Церковь отмечает день Иоанна Крестителя – в народе Ивана Купалы – 7 июля. Но настоящий Купала – это именно ночь солнцестояния, самая короткая в году, когда заря с зарей сходится, с 21 на 22 июня. У праздника середины лета много имен в разных культурах, но справляют его почти по всему Северному полушарию: и на берегах Балтийского и Белого морей, и на Балканах, и вдоль Волги, Днепра и Вислы, и у Великих Озер... Согласно столь популярным ныне неоязыческим воззрениям, в эту ночь Свет, Солнце, Рогатый Бог, умирающий и воскресающий сын и возлюбленный Вечной Богини обретает свою максимальную силу и может поделиться ею с людьми, которые его должным образом почтят.

Ну так используйте мобильники и электронную почту, чтобы созвать друзей и подруг, а автомобиль – чтобы добраться до луга или лесной опушки, а лучше всего – до речного или озерного берега, где будете праздновать. Но только машины потом оставьте на обочине, а средства связи выключите. Оденьтесь в просторную белую одежду – пусть вам будет светло и свободно! И приступайте к веселью.

Заранее соберите топливо для костра: костер, свет «купый, ярый» (откуда и Купала) – главный символ этой ночи. Он должен вспыхнуть точно в момент, когда на закате солнце скроется за горизонтом. В дохристианскую старину от купальского костра зажигали лучину, несли утром в дом и разжигали от нее домашний очаг, не угасавший весь год. Пусть ваш костер будет до самого неба и горит до первого утреннего луча (только лес не подожгите!). В костер

нужно будет вылить немножко спиртного и кинуть кусочек хлеба – эта жертва вернется в ваш дом годовым изобилием, принесет хороший урожай во всем. Напитки праздника – красное вино, пиво и медовуха, более крепкое не рекомендуется, чтобы не впасть в купальское безумие раньше времени. Закусывать хорошо белым хлебом и мясом (но все же купальский костер – не для шашлыков, это огонь священный).

Ну, а подкрепившись, можно и предаться развлечениям. Самое простое и невинное – повести вокруг костра хоровод, обязательно по часовой стрелке, воспроизводя ход Солнца по небу. Если кто-то случайно знает купальские песнопения, пойте их – а вообще эти тексты можно найти в любой хрестоматии по фольклору. Или хотя бы просто повторяйте классику: «Гори гори ясно, чтобы не погасло!». Ну, или уж на крайний случай «Взвейтесь кострами, синие ночи!» Тут главное – почувствовать, что вы – часть природы, что ваша жизнь включена в движение Колеса.

Самые смелые могут попробовать перепрыгнуть через сам костер – проносясь сквозь языки праздничного пламени, вы очищаетесь от болезней, невзгод, суетных дел и получаете благословение Света, принимаете в себя его жар.

Существуют традиционные мужские и женские обряды на Купалу. Мужчины, ощутив в себе силу достигшего зрелости Бога, могут попробовать себя в славянской борьбе – тут же, на росистой траве, или устроить заплыв взапуски (обещаю вам – предрассветная вода в реке будет как парное молоко!); если вы справляете середину лета на даче, то зажгите от костра факел и обнесите им свои грядки с огурцами и укропом – по поверью, это способствует плодородию.

Для девушек и дам – гадание: сплетите венок из чернобыльника. Чернобыльник, он же полынь обыкновенная (не путать с серой, горькой!) растет повсеместно и обладает сильнейшими колдовскими свойствами. В деревнях на Руси раньше знающие люди отслеживали, кто и в каком количестве заготавливает этот бурьян, и делали выводы – кто тут самая сильная ведьма. Так вот, сфотографировавшись в чернобыльниковом венке, девушки могут перед самым рассветом выйти на берег, снять венок, осторожно вставить в него крестовинку из двух щепок, прилепить к ней маленькую свечку, зажечь, и пустить венок в воду. По приметам, чья свечка будет гореть дольше всех – та счастливее всех выйдет замуж, и счастье будет

долгим. Можно верить, можно нет. Но огоньки, плывущие по тихой воде в предзвездных сумерках – это просто очень красиво.

А ваш костер все горит. Недаром говорили в старину: «Купала – горячий бог, перецеловал всех девок!» И шепотом добавляют: «Кое-что прощается только на Купалу...» Самые отчаянные язычники, те, кто искренне верит в чудеса, в недолгие часы темноты этой ночи отправляются в лес, подальше от костра, искать папоротник. По поверьям, он зацветает раз в году, именно на Купалу, и цветет лишь несколько часов, до рассвета: ярко-алый цветочек цвета купальского огня. И кто сумеет найти его, тому откроются все клады на земле. А что еще можно найти в темноте ночного леса?.. Кого встретить? Какие чудеса вы там обретете? Что окажется настоящим сокровищем? Купала все простит... И объятия в летнем лесу, среди перистых листьев папоротника, пусть будут жаркими, как праздничный костер! В каждом мужчине в эту ночь оживает могучий бог, в каждой женщине – щедрая и пылкая богиня. Много счастливых союзов в старину начиналось на Купалу, дозволенными считались и похищение невест, и побег влюбленных пар, чьи родители не соглашались на свадьбу.

Ну, и как не искупаться на Купалу, когда ранний восход отразится в воде? Наевшиеся и напившиеся, разгоряченные танцами и прыжками через огонь, снимите все и кидайтесь голыми в воду, не бойтесь, русалки не утащат! А потом выйдите на берег, и вас взбодрит контраст теплой воды, вобравшей все тепло пиковых дней лета, и ледяной утренней росы! Еще никто не простудился от праздничного купания, но на всякий случай выпейте еще! И скажите спасибо Природе за ее дары, светлomu Купале – за его силу, и пусть она поддержит вас весь год в ваших трудах. Самая короткая ночь кончилась, начался самый длинный день года, и вот увидите: вам хватит времени на всё – и отдохнуть после веселья, и приняться за дела.

Да, может случиться так, что июнь выдастся холодным, и в ночь солнцестояния небо затянет тучами и зарядит дождь (мне самой как-то довелось прыгать через костер из лужи в лужу). Тогда пригласите друзей к себе, чернобыльник соберите во дворе, сплетите венок и повесьте его над дверью – на счастье. Костер заменят вам красные и белые свечи... Главное – веселый, бесшабашный дух Купальской ночи, соединяющий вас с силами и стихиями!

ТОЛСТОЙ – АМЕРИКАНЕЦ

Стало банальностью и литературным штампом – как только речь пойдет об этом человеке, вспоминать грибоедовскую цитату: «Ночной разбойник, дуэлист, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом, и крепко на руку нечист...». Всё это правда. Однако, рассказывая о «шумящем» кружке, Грибоедов его единственного – предводителя! – не называет по имени: «Но голова у нас – какой в России нету! Не надо называть, узнаешь по портрету». Если мысленно перенестись в петербургский свет того времени, становится понятна причина такой скромности. Ибо описанный персонаж за куда меньший ущерб своей чести вызвал к барьеру и уложил насмерть одиннадцать противников. Грибоедову, взиравшему на мир недоуменным взглядом через круглые очки, было бы, конечно, не уцелеть в перестрелке. Но «прототип» себя, конечно, узнал, и, как рассказывают, даже был польщен...

Прозвище «американец» Федор Иванович Толстой получил за пребывание в Америке. В той ее части, что принято называть «Русской Америкой». Да еще для того, чтобы отличать его от не менее знаменитого кузена и тезки Федора Петровича Толстого, художника и медальера, автора цикла иллюстраций к «Душеньке» Богдановича (будет время – поищите: вот как надо рисовать голых девушек!). Но в этом прозвище можно усмотреть и некий более глубокий смысл. Голова была действительно, каких в России нету... Жизнь этого человека более всего походит на голливудский боевик.

Родившись в 1782 году, Федор Иванович попытался было пойти путем достойной дворянской карьеры, в связи с чем по окончании Морского кадетского корпуса начал служить в Преображенском полку. Но такие, как он, строем не ходят. В полку смотр (а надо понимать, что это гвардия, избранная, элитная часть!) – а наш герой предается экстриму: участвует в испытании первого в России воздушного шара... Испытания проходят успешно, да вот только на построении в рядах преображенцев некомплект. История умалчивает, что именно наговорил вернувшийся из самоволки воздухоплаватель своему полковнику в ответ на совершенно справедливое нареkanie. Но что слова быстро сменились действием, знают все: молодой офицер плюнул полковнику в лицо, и тот был вынужден – неслыханное дело! – вызвать на дуэль своего подчиненного. Чем и открыл кровавый счет...

«В нашем деле главное – во время смыться!». Спасая молодого повесу от солдатчины, а, возможно, и Сибири, разветвленный род Толстых быстренько воспользовался счастливым случаем – подменил Федором-скандалистом Федора-художника. Федор Петрович, страдавший морской болезнью, с удовольствием остался дома рисовать обнаженную натуру, а Федор Иванович в последний момент влился в экипаж мореплавателя Крузенштерна. В качестве рисовальщика при экспедиции, готовившейся отплыть в кругосветку. Всё ж диплом Морского корпуса...

В суете отплытия Крузенштерн не разобрался в подмене, о чем вскоре горько пожалел. Через несколько дней после отплытия из-за толстовских подначек перессорилась вся команда. Капитан вместо того, чтобы вести корабль вокруг света, погряз в разборках ссор и сплетен. Призванный на помощь корабельный священник был споен, как говорится, до положения риз и на финал в прямом смысле припечатан бородой к палубе. Сургучной печатью с гербовым оттиском. Бороду пришлось отрезать.

Но и этого бунтарской душе Толстого показалось мало. Со стоянки на Маркизских островах на борт была проведена обезьяна. Далее источники расходятся. Одни утверждают, что это была маленькая обезьянка типа домашнего любимца, другие – что тяготы плавания с Толстым разделила самка орангутана... Но в некий злосчастный день обезьяна то ли по природной дурости нрава, то ли науськанная хозяином, забралась в капитанскую каюту и измазала чернилами журнал научных наблюдений. Великий мореплаватель, понимая, что кругосветка под угрозой срыва, применил старинное морское правило – высадил смутьяна на попутный остров. Вместе с обезьяной и предписанием добираться сухим путем в расположение полка.

Наивный Крузенштерн полагал, что в условиях острова сие никак не возможно, и от смутьяна он тем самым избавился. Однако, в день праздничного бала в Петербурге в честь возвращения экспедиции в адмиральском доме объявился всё тот же бунтарь Толстой: «Осмелюсь доложить – прибыл!». Попутный остров оказался обитаемым. Заводила и затейник Толстой, прирожденный неформальный лидер любого сообщества, быстренько построил и возглавил местных алеутов и три месяца до прибытия следующего судна жил припеваючи. А потом на попутных кораблях отправился собственным маршрутом кругосветки. На память о коротком славном алеутском царствовании Толстому осталось роскошное многоцветное тату – от горла до... м-м, чресел. В холостых петербургских

компаниях он впоследствии охотно его демонстрировал. Алеутам же взамен себя оставил обезьяну...

Итак, от Алеутских островов до Русской Америки, по американскому побережью до Берингова пролива, оттуда на Камчатку – и далее сухим путем в Петербург! Крузенштерн, онемевший от наглости своего бывшего подчиненного, добился его ссылки в отдаленный гарнизон. Но тут на северо-западных границах России начались баталии со шведами, в итоге подарившие России Финляндию. А таким, как Толстой-Американец, война что мать родна: пули их не берут, штыки об них ломаются, а драйва – море! Потому за многократно проявленную доблесть Толстой с почетом был вскорости переведен в родной Преображенский полк, где и продолжил собственную войну: без устали сражался за карточным столом, не гнушаясь передергивать и скандалить. А «долги чести» гасил, по обыкновению, у барьера, о чем в истории русского света ходило немало анекдотов.

Смутьяна опять разжаловали и опять сослали, на этот раз в родовое имение. Но тут опять война – с Наполеоном, и далее по тексту: пуля не берет, геройство, слава. «Американец» доблестно дошел от Бородина до Парижа, снова выслужив и чины, и награды.

Природное легкомыслие уберегло нашего героя от участия в декабристской аванюре. Да и кузен-художник «во время смылся» из «Союза Благоденствия». Одно дело – пошуметь «о высокой честности» перед всякими Репетиловыми, а другое – мерзнуть на площади в ожидании картечи. Да и за карточным столом драйва намного больше. Особенно когда на рассвете к тебе по результатам партии присылают секундантов, а ты выходишь к ним в халате, так как либо уже помирился с противником и пропил с ним спорный выигрыш, либо успел его убить. Потому умудренные светские львы Москвы и Петербурга уже опасались садиться с ним играть. Все знали, что Толстой плурует, а расплачивается выстрелами.

Пушкин и Вяземский расплатились эпитафиями. А от дуэли судьба их уберегла. Но – причудлива Фортуна. Именно Толстой в свой срок сватал Пушкину Натали Гончарову. Что тоже в конечном итоге окончилось кровью...

Однако, нашлась управа и на картежника. Система всегда победит человека. За неуплаченные проигрыши Толстой оказался в черном списке самого элитного игорного дома тогдашней России – Английского Клуба. Впору было

стреляться. И тут начинается любовная тема. За несколько лет до того Толстой умыкнул из табора красотку-цыганку. И в критический момент возлюбленная продала все подарки, тем самым выручив необходимую сумму. Инцидент был улажен, а благодарный «Американец» обвенчался со спасительницей. Тоже своего рода «долг чести». Совершив этот мезальянс, наконец-то успокоился и удалился от света.

Но все равно – счета продолжали сводиться и долги уплачивались. Супруги похоронили одиннадцать детей, и рассказывают, что каждую потерю отпрыска Толстой зачислял как компенсацию за некогда убитого противника. В живых осталась только одна дочь.

Оставив в качестве персонажа заметный след в русской литературе, Толстой, как и положено образованному дворянину тех времен, тоже что-то пописывал, но к славе такого рода никогда не стремился. Ему явно больше нравилось быть героем, а не автором. Это ему вполне удалось. Рассказывают также, что вроде бы он написал под старость некие мемуары, но этот текст не известен. Зато предсмертная исповедь бывшего бунтаря длилась несколько часов. Так что под конец Толстой примирился даже с Церковью. Ну, а Бог и так ему всегда помогал... Но не забыли своего родственника и Толстые-писатели: Лев Николаевич писал с него гусар-бреттеров, а его сын Сергей Львович оставил о Федоре Ивановиче любопытные воспоминания.

Ну, так чем не сюжет для Голливуда? Тут и боевик, и комедия, и мелодрама, уместившиеся в одну человеческую жизнь. А что были в ней равно и темные, и светлые стороны – так стоит напоследок вновь вспомнить Грибоедова: «Да, умный человек не быть не может плутом».

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

«Что ты такая растрепанная, как ведьма на Лысой горе!» – говаривала моя матушка, искренне думая, что критикует меня и воспитывает... Хотя это воспринималось мною однозначно как комплимент.

Конечно, не всякая растрепанная женщина – ведьма. И не всякая лишенная растительности возвышенность – Лысая гора. Собственно, главная из Лысых гор – Брокен, горная вершина Гарца, где, если верить Гёте, пережил совершенно небывалый мистический опыт чернокнижник доктор Фауст. Да и в реальном Гарце центральная площадь по сю пору называется Hexentanzplatz – «площадь Ведьминых плясов».

Вообще вся ведьминская жизнь – сплошной танец между мирами. Но главный ведьминский бал – ночь с 30 апреля на 1 мая. Вальпургиева Ночь, она же Бельтан, если следовать не германской, а кельтской традиции.

Справляют все по-разному. Например, в протестантской Скандинавии чествуют некоего святого Вальпургия, покровителя молодых мужчин, и это студенческий праздник наподобие российского Татьянина дня: молодежные шествия, самодеятельные песни, много пива и никакой мистики.

Более «продвинутые» помнят, что праздник затевался еще в Древнем Риме, где 1 мая справлялись флоралии. То есть праздник цветения, при том праздник официальный, имперский, а потому формат его проведения удивительным образом знаком нам по советским временам: массовое народное шествие по главной площади с цветами. С последующими вечерними песнями и плясками. Недаром в современной России 1 мая – «день огородника», то есть Праздник весны и труда, который народ обычно празднует на дачных грядках – ибо самое время для посадок. И это возвращает нас к подлинному смыслу первой майской ночи.

Смысл этот – оплодотворение. Потому бельтанские оргии – священны, необходимы для плодородия земли и будущего урожая. Символизм прост – родившись на зимнее солнцестояние, к концу апреля-началу мая Бог достигает мужской силы и готов к бракосочетанию с Богиней. Примеру Богов

должны следовать все истинные язычники, а шире – все, кто чувствует себя частью Природы. Бог – бык, Бог – вожак, Бог – самец, он покрыт густой шерстью и носит корону из рогов. Богиня – щедрая и покорная земля, размягченная весенним теплом, влажная от растаявших снегов и первых ливней («мать-сыра земля» – помните из отечественного фольклора?). И вот они начинают великое соитие.

И потому Бельтан, предок Вальпургиевой Ночи – праздник безудержного секса. Вспыхивают костры – символы вернувшегося Солнца и первобытной страсти, варятся священные напитки – обычно то же пиво из последних запасов зерна прежнего урожая, а потом празднующие пары, охваченные страстью, удаляются в лес. Чем крепче объятия, чем жарче страсть, чем больше семени прольется в женское лоно (а совокупляться по традиции принято прямо на голой земле), тем богаче будет урожай. И по той же традиции дети, зачатые в эту ночь, считаются прямым потомством Рогатого Бога, превращенного христианами в Дьявола. Недаром ведьмы в классические времена прибывали на этот праздник плоти в сопровождении животных, известных повышенной похотливостью и символизирующих сексуальное могущество дьявольского начала: черных котов, черных кобелей, черных козлов. Если верить инквизиторам, от черных козлов можно было даже зачать... Экивоками и намеками традиция упоминает даже о том, что козлиный рог – вполне реальный костяной предмет, изогнутый и с заостренным концом – частенько использовался в качестве фаллоимитатора. Как вагинального, так и анального. На реальной Hexentanzplatz по сию пору в сувенирных лавках наряду с классическим изображением ведьмы на помеле продаются и такие полезные для шабаша предметы, как осиновые пробки для обоих отверстий – чтобы невзначай во всеобщем опьянении свободой общения не отдался вампиру... А образ «растрепы» родился от того, что единственным покровом пляшущей ведьмы являются ее распущенные волосы. И вот летишь ты, нагая, прижимая к себе что-нибудь пушистое и мохнатое. Это очень приятно! Или седлаешь помело. Его ручка оказывается в точности там, где надо! Потому прибываешь на Лысую гору уже готовая ко всему...

Да, в христианские времена праздник был переосмыслен... Даже несмотря на то, что святая Вальпурга, в честь которой и названа ночь, как мы бы сегодня выразились, всеобщей сексуальной свободы, являлась праведницей, покровительствовавшей молодым супругам и урожайности земли, умерявшей ураганы и хранившей моряков в плавании. Не морочьте нам голову: английская принцесса из семейства явных любимчиков Ватикана –

официально канонизированы ее отец, ее дядя и двое братьев! – получившая прекрасное образование в женском монастыре на кельтских землях – святая?.. При первой же возможности под предлогом миссионерской деятельности Вальпурга буквально смылась поближе к Гарцу, поближе к Брокену – полчаса лету всего! – где основала женскую обитель. А в житие ее подчеркивается, что скончалась она в возрасте 70 лет, что для ее времени – 9 век – было редкостью. Вряд ли такого долголетия можно было достигнуть умерщвлением плоти, постом и молитвой. Зато наверняка сыграла роль исключительная гигиена, царившая в Вальпургиной обители: несомненно, у каждой из монахинь была персональная метла... Саму же хозяйку первой майской ночи изображают в короне, с умилением глядящую на три зернышка в ладони, якобы в честь Пресвятой Троицы. Чуть-чуть присмотреться – и мы признаем в этой женщине торжествующую Богиню, только что принявшую семя. Оплодотворенную и плодоносящую землю-матушку.

Так что празднуйте приход настоящей весны. Выезжайте на дачу, жгите костер, пейте пиво, сажайте в мягкую влажную землю семена, что тоже обязательно доставит вам истинное чувственное удовольствие. Ласкайте котов и собак, подметайте метлой прошлогодний мусор. А дальше – всё, на что еще решитесь в эту ночь... и да хранят вас Боги!

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

Мое детство прошло под пятиконечной красной звездой. Училась я читать по вывескам на даче, а начинались они, как правило, со слов «Министерство обороны СССР». Такие вывески висели и на лодочной станции, и на поселковом совете, и на «Доме рыбака». В те годы как должное воспринималось то, что это место даже не отмечено на картах Подмосковья. Зато на шоссе с бетонки, уходящей куда-то вниз, время от времени из-под «кирпича» выныривали «чайки». Для работ и игр неподалеку был дислоцирован стройбат. Не станет же генерал или маршал сам красить свой забор или сколачивать скамейки... А скамеек для отдыха почтенных ветеранов при прогулке по гектарным участкам требовалось много. Что касается игр, то в глубине поросших лесом дач бывали отрыты полнопрофильные окопы с брустверами, а то и блиндажи в три наката... Деды играли с нами. В войну. Недовоевали, что ли, на своем веку?

Вообще говоря, там был чистый феодализм. За свои права орденосные дачники стояли, как в сорок первом под Москвой. Помнится, в девяносто первом, ровно 18 августа был сход, на котором обсуждалась просьба – не приказ! – чуть-чуть «подвинуться» и немножко земли выделить под новые стройки, мол, скоро будет массовое повышение в чинах. «Ага! – крикнул кто-то с интонацией «В атаку!» – Отбирают дачи у тех, кто брал Берлин, чтобы отдать тем, кто сдал Берлин?!». Через три дня стало ясно, что при таких раскладах путч обречен. Так и вышло. А если что, у дедов в том же ящике, где наградной пистолет, находилась бумажка о выделении земли с заветной резолюцией, под которой стояла подпись без чинов, должностей и званий. Просто: И. Сталин. Пойди поспорь... Генеральская душа губернатора Московской области, вероятно, вздрагивала... Но это уже легенды нынешнего времени.

Может быть, они и впрямь недвоевали. В те дальние годы деды даже еще не были так стары. Слегка за шестьдесят. Отставка же генералам полагается не ранее семидесяти пяти. А там, где кончалась бетонка шириной в две «чайки», обитали маршалы. Там на трех гектарах, заросших папоротником в человеческий рост, помещались и дом для охраны, и дом для прислуги (теперь бы мы назвали эти строения неплохими коттеджами)... И, само

собой, центральная вилла. Белая, с эркерами, под черепичной крышей, как в каком-нибудь Карлсхорсте или Тиргартене. Потому что пленные немцы строили, что умели. Время от времени у парадной двери виллы появлялась мемориальная доска: «В этом доме жил и умер Маршал Советского Союза такой-то». А под доской начинался безнадежный спор о разделе, поскольку у маршала обычно бывали дети и внуки от: подруги боевой юности, с которой брали Перекоп; москвички времен обучения в Академии имени Ворошилова; штабной переводчицы на 3 Украинском или 2 Белорусском, с которой брали Кёнигсберг или Дебрецен; ну, и медсестры из Кремлёвки. Все были законные, все имели равные права на кусок наследства видного советского военачальника. А продать такую дачу и попросту разделить деньги было невозможно – ни тогда, ни теперь не найти было достаточно платежеспособного покупателя.

Раз в неделю приходил продуктовый фургон из московского Военторга на проспекте Калинина. За «заказами» ходили генеральши. Причудливое, скажу вам, было зрелище! На ком ситцевый сарафан, на ком – тренировочные штаны с галошами и панамка. Бриллианты – на всех без исключения.

И все знали про всех всё. В те годы, когда не водилось ни сотовых телефонов, ни цветных телевизоров – простой-то был на даче редкостью! – по вечерам частенько дамы собирались с вязанием или играли в подкидного дурака. Текла неспешная беседа о на тот момент еще сравнительно недавнем прошлом. Бриллианты, как я уже сказала, были у всех, а вот генеральши были разные... Кто в двадцатые вышел за молодцеватого красного командира, а потом дождался... С Халхин-Гола, с финской, с Великой Отечественной. Или наоборот – военврачи из крымских и кавказских санаториев, привезенные в Москву в конце сороковых или в начале 50-х влюбившимися пациентами. Помнится, одну соседку все дружно презирали. Солнечную поляну на их участке занимали капитальные оранжереи. В них вызревали почти промышленные количества тюльпанов, и генеральша реализовывала их под 8 Марта на одном из московских рынков – сама, конечно, за прилавком не стояла, посылала домработницу. «А что с нее взять, – пожимали плечами судачившие дамы, – всё ловчит. Сумела же из ППЖ в генеральши пролезть!».

Военно-полевые романы. Гарнизонно-санаторные романы. Бывали и дачно-огородные.

...Они познакомились у колодца. Она – уже немолодая дочь феодала-первопоселенца. Он – недавно купивший дачу послесталинский генерал-

лейтенант, доктор наук, профессор, конструктор. Общий забор, общий колодец. «Здравствуйте, товарищ генерал!» – сказала она. А надо заметить, что дачники пололи свои огороды, как положено, в старой одежде, которую не жалко. Обычно – в старой форме. К колодцу он так и вышел – в футболке и штанах с лампасами. Поднес ведра симпатичной соседке, ибо тропка шла не по прямой, а гектар – это, вообще говоря, много... Поговорили о рассаде, о новых назначениях в Генштабе, о том, где служил ее отец и где преподает новый сосед. Любовь нападает вероломно, без объявления войны. По ту сторону забора лежала жена профессора, уже лет двадцать как парализованная, по эту со случайными подружками маялся великовозрастный сын. Всё не просто... А влюбленные уже и немолоды. Ждать? Не получилось. Классический треугольник? Да не совсем...

От парализованной жены скрыть случившееся было невозможно. Но она-то была истинная генеральская жена! И понимала, что смешно и глупо воспринимать случившееся как банальную интрижку... Понимали это и окружающие. Так и сложилась жизнь втроем...

Полюбив соседку, профессор ни на секунду не перестал заботиться о своей жене. Она получала всё, что требовало ее состояние: и надлежащее лечение, и уход, и обыкновеннейшее человеческое внимание. Но сердце профессора было уже отдано другой женщине, с которой он смог вновь почувствовать себя мужчиной, а не только числиться мужем согласно свидетельству о браке. Понятно – развод для профессора был бы подлостью. И он терпеливо ждал, пока ситуация не разрешится сама собой... Только на ее разрешение понадобилось много лет. Но все эти годы калитка в заборе не закрывалась. Генерал вскапывал огород по обе стороны забора, а соседка кормила обедом и своего сына, и детей любимого. Свыклись понемногу. И когда свершилось неизбежное, то прежде, чем официально оформить отношения с любимой женщиной, генерал принял все меры, чтобы вопрос наследства не поссорил его детей с новой женой. Он отдал все необходимые юридические распоряжения, обеспечив детей и жильем, и имуществом. И только после этого профессор и его соседка пошли в ЗАГС...

Калитка по-прежнему не закрывалась. На собственной даче генерала отдыхали его дети и внуки, сам же он перебрался к своей новой генеральше. По-прежнему полел огурцы, ходил на колодец. Судьба послала им больше десяти лет этого мирного официального союза. Но недавно я увидела некролог в «Красной звезде»...

Так что бывает и так. Всяко бывает.

Есть в этой истории нечто от старого гарнизонного вальса с его подлинным текстом: «Ночь коротка, спят облака, и лежит у меня на погоне незнакомая ваша рука». Не на ладони, именно на погоне! И на правый погон своего партнера как раз и положено смотреть при вальсе – чтобы не закружилась голова. Так учила меня бабка-генеральша. А ходить под руку с мужчиной – слева. Потому что его правая рука должна быть свободна для отдания чести.

Теперь в поселке есть новодельные коттеджи, круглосуточный магазин и Интернет. А два года назад, говорят, даже музей поставили.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО: «ДЖЕН ЭЙР»

Вообще-то последние лет пятьдесят редко кто по доброй воле читает знаменитую книгу Шарлотты Бронте про благонравную, скромную, чрезвычайно трудолюбивую английскую девицу, в итоге попавшую «из грязи в князи». Её не читают мужчины, разве что семи- или восьмиклассники в школах с углубленным изучением английского языка, где отрывок из романа может оказаться частью хрестоматии для внеклассного чтения. Потому что книга, написанная женщиной и о женщине (вернее, девицею о девице же) – как-то вне мужских интересов.

Впрочем, редко читают «Джен Эйр» и современные женщины старше шестнадцати лет. Им вполне хватает сериалов производства BBC с великолепным видеорядом: английские поместья, туалеты, лошади, вересковые пустоши, закаты... Да и сюжет, переложенный на пленку, представляется сродни «Золушке». Невзрачная сиротка, исключительно в награду за свою чистоту и верность единственной любви обретшая счастье – да и чего говорить, статус леди!

При подобной трактовке «Джен Эйр» выглядит как любовный роман в духе современных мексиканских сериалов. Тогда почему же после написания этой книги Шарлотта Бронте лишилась значительного числа знакомых, и перед ней навсегда захлопнулись двери множества «приличных» домов? Почему к ней еще суровее стал относиться собственный отец, преподобный Патрик Бронте? Да и вообще – что на самом деле происходит в романтически-готическом антураже знаменитого романа?

Это – не «дамский» роман, не любовный роман. Это очень непристойная книга.

Отбросим розовые сопли и перечитаем «Джен Эйр» хотя бы в русском переводе.

С самого детства сиротку Джен окружают почти исключительно незамужние женщины. Вдовья тетка, две кузины – подростки, и даже единственная добрая душа, горничная Бесси, лишь гораздо позже выйдет замуж за своего

суженого – кучера Роберта. Но в этом женском царстве именно Джен подвергается домогательствам своего двоюродного братца, граничащим с сексуальными. Он третирует Джен, избивает ее до крови, провоцирует на ответные прикосновения: «Джон ринулся на меня; я почувствовала, как он схватил меня за плечо и за волосы»... – а что еще доступно четырнадцатилетнему подростку, только что взятому из закрытой мужской школы?

Далее – закрытый пансион для неимущих сирот благородного происхождения. В этом «цветничке», даже скорее в этом курятнике – единственный петух. Преподобный мистер Брокльхерст. Между прочим, счастливый муж и отец. Сан и положение не позволяют ему напрямую «оприходовать» своих воспитанниц, но всё равно он властвует над их телами. Достопочтенный священник то лично вникает в вопросы белья, то ведаёт прическами пансионеров... Вольно или невольно при всей суровости режима Ловудской школы в ней насаждается весьма «розоватый» дух. Даже учительницы не имеют отдельных комнат, а живут попарно, а девочкам, которым велят зачесывать даже природные локоны, тем не менее, вполне сходит с рук «спаньё» в одной постели. Именно это и делает маленькая Джен со своей первой подружкой Элен. Вскользь – когда директриса приюта, добросердечная мисс Темпл, выходит замуж – за священника же! – она немедленно оставляет свой пост. Потому что ясно: двум петухам в одном курятнике никак не ужиться, – цинично заметим мы.

Вот с такими представлениями о мире Джен выходит во взрослую жизнь. Читаем дальше.

В поместье Торнфильд-холл опять то же женское царство. Давно вдовеющая экономка, незамужние горничные и кухарки (арендаторы, сильные мужчины, пашущие землю, – где-то вдали). И маленькая девочка, в гувернантки к которой нанята Джен. А вернувшийся из дальних стран хозяин учиняет Джен строжайший допрос.

« – Мисс Эйр, вы когда-нибудь жили в городе?»

« – Нет, сэр.

« – Вы бывали в обществе?»

« – Нет, только в обществе учениц и учительниц Ловуда, а теперь – обитателей Торнфильда.

« – Вы много читали?

« – Только те книги, которые случайно попадали мне в руки, да и тех было не слишком много и не очень-то ученые.

« – Вы жили, как монахиня, и, без сомнения, хорошо знаете религиозные обряды. Ведь Брокльхерст, который, насколько мне известно, является директором Ловуда, священник? Не так ли?

« – Да, сэр.

« – И вы, девочки, наверное, обожали его, как монашки в монастыре обожают своего настоятеля?

« – О нет!»

Эдвард Фэйрфакс Рочестер может быть спокоен. Девушка, на которой он решил жениться, – а решил он это сразу! – ничего не знает ни о мужчинах, ни о взрослых женщинах, ни о том, что между ними происходит или хотя бы должно происходить согласно законам природы.

Ибо он и сам не мужчина – он «джентльмен».

Судите сами. Маленькую Адель, воспитанницу Джен, мистер Рочестер ни в какую не признаёт своим ребенком. Хотя в бытность свою в Париже содержал ее мать, французскую актрису. Вот только актрисе пришлось завести себе еще и французского офицера... Потому что, кроме лошадей и бриллиантов, бедняжке, видимо, требовалось еще кое-что... Но в какой ситуации мужчина может точно знать, что отец – не он? ...В защиту своей чести Рочестер вызвал француза на поединок, слегка его ранил – и с облегчением уехал из Парижа!

И вот мы подошли к главной сюжетобразующей тайне романа. У джентльмена, оказывается, есть жена. После сорвавшегося венчания герой исповедуется героине:

« – Джен, я не буду смущать тебя отвратительными подробностями. Достаточно нескольких слов, и ты поймешь, что я испытал. Я прожил с этой женщиной четыре года, и она беспрерывно мучила меня. Ее дурные наклонности созревали и развивались с ужасающей быстротой. Ее пороки множились со дня на день. Только жестокость могла наложить на них узду, а я не хотел быть жестоким. Какой пигмейский ум был у нее и какие дьявольские страсти! Какие ужасные страдания они навлекли на меня! Берта Мэзон, истинная дочь своей презренной матери, провела меня через все те гнусные и унижительные испытания, какие выпадают на долю человека, чья жена не отличается ни воздержанностью, ни нравственной чистотой».

О чем это Рочестер? О том, что несчастная Берта Мэзон, уроженка Южных островов, женщина с горячей креольской кровью, ждала от мужа нормального секса сообразно своему темпераменту? О том, что, лишенная сексуального удовлетворения – в законном браке! – она медленно сходила с ума? Она-то была женщина, не «леди»... Несчастливая жертва английских законов, оставивших младшего сына без земли и состояния и вынуждавших его на поиски богатых невест, выла, как дикий зверь, на чердаке Торнфильд-холла и бросалась когтями и зубами на любого мужчину, входившего в ее темницу. Несколько раз таинственная узница пытается убить своего мужа-мучителя. Но ни разу она не причиняет вреда Джен – лишь пробравшись к ней в комнату, рвет венчальную фату, будто пытается предупредить девушку...

Скандал, однако, не вышел за пределы поместья. Но Джен, в ужасе отказавшись стать любовницей «любимого», ударяется в бег. Чуть позднее на Джен пытается жениться ее дальний родственник – опять же священник (!), готовящийся в миссионеры. Он открыто и откровенно влюблен в другую женщину, но Бога любит превыше – джентльмен, однако... опять. Джен готова ехать с ним – но в качестве сестры. Ибо Джен повергает в ужас «необходимость педантично соблюдать видимость любви».

И вот – викторианский хэппи-энд. По воле автора Рочестер искалечен на пожаре собственного замка и окончательно теряет «товарный вид». (Все-таки раньше женщин вводила в заблуждение его атлетическая внешность, и мужественность резких черт лица, и умелая посадка на коне). Герой ослеп и овдовел. Несколько разбогатевшая и от скитаний и лишений несколько увядшая Джен теперь спокойно может стать его супругой. Хороша парочка, а? Можно себе представить, как мирно и безмятежно потекла далее их

жизнь... Они даже разок напряглись, и у них сын родился – наследник Торнфильд-холла.

Так вот, пересказанный без вычурных красот, готической мистики и душещипательных пассажей роман, как можно видеть, если не граничит с тем, что злые языки иной раз именуют «порнографией», то весьма-весьма далек от благопристойного чтения. Искушенный современный читатель найдет в этой книге и элементы садомазохизма, и неприкрытый лесбос, и довольно верные описания подростковой гиперсексуальности. Так почему надо думать, что викторианцы были глупее нас, наследников сексуальной революции? Но такова ирония судьбы – именно этой книжкой зачитываются уже несколько поколений девочек, изначально не понимающих, что же они читают. И о чем. О «страстях человеческих», говоря высоким стилем. О сексе, милые. О нем одном. И о его отсутствии как источнике неисчислимых трагедий. Ну, а мамы этих девочек либо сами в свое время ничего не поняли, либо давно позабыли, только ли сердце и душа трепетали в свое время при чтении шедевра Шарлотты Бронте. Или все-таки что-то еще?

«НЕТ, ОТЕЦ МОЙ – ПОЛЯЧКА МЛАДАЯ!»

Можно по-разному относиться к советскому кинематографу. Но есть культовые вещи наподобие «Ивана Грозного» или «Семнадцати мгновений весны», и одна из них – «Ирония судьбы, или С легким паром!», регулярно показываемая в новогодние праздники. Этот сюжет все помнят наизусть, фразы из фильма уже стали фольклором, и никто не ждет от праздничной комедии правдоподобия. Для нас же в сущности неважно, бывают ли в реальной жизни учительницы литературы, обитающие со старушкой-матерью на питерских выселках, такими стильными и элегантными. Важно другое. Задумывался ли кто-нибудь, что в роли женщины, в которую герой фильма, едва протрезвев, за одну безумную новогоднюю ночь влюбился раз и навсегда, – полячка? И это неспроста... Правда, женщины, о которых мы будем говорить, в отличие от рязановской героини, не меняли солидных мужчин с возможностью выезда в загранку, разъезжающих на новых «Жигулях» и дарящих французские духи, на пьющих участковых врачей, обитающих со старушкой-матерью на московских выселках... Они понимали класс и уровень.

Над польской столицей, грозно воздев меч и гордо выставив бюст, парит варшавская Сирена. Символ побеждающей женственности, которой невозможно противостоять. «А еще нас спрашивают из Варшавы, что нам делать с этой Польшей...» – цитата из еще одной комедии. И в самом деле, что нам делать с этой Польшей? Ее три раза делили тогдашние великие державы, через нее проходили во все века армии во всех европейских войнах. Недаром польское дворянство, в отличие от всего мира, сидело не в замках. Шляхта – хранители путей, шляхов. Польшу завоевывали и освобождали. Мы – в смысле, мир, Польшу, а она, прекрасная полячка – нас!

Не углубляясь уж в совсем седую древность, обозрим последние несколько столетий.

Кто она была, Марина Мнишек? В лучшем случае помнится сцена у фонтана из «Бориса Годунова». Какого рода она была, в родстве с каким королем? И если она была обвенчана по православному обряду с Дмитрием Самозванцем, наверное, она была православной, как одна шестая польского

дворянства. Но в исторической памяти сохранилась роковая красотка, подвигшая беглого монаха Григория Отрепьева сыграть роль убиенного и воскресшего царевича. А ради любви этой женщины он нашел и войско, и сторонников, и душевные силы добраться до московского престола.

В русской истории это осталось как Смутное время. А лет через четыреста что-то похожее чуть не сотворила Матильда Кшесинская. Тоже полячка. Тоже неясного происхождения. Тоже устроившая некую смуту вокруг российского царского дома. И кто знает, не стало ли расставание с возлюбленной-балериной столь тяжким ударом для будущего Николая Второго, что из него так и не вышел порядочный государь, а потому Россия оказалась ввергнута в катастрофу 1917-го года... Не забудем упомянуть и про Иоанну Грудзинскую, тоже полячку, тоже православную – и тоже вмешавшуюся в судьбы Российской империи! Ибо она, став супругой цесаревича Константина и получив титул княгини Лович, закрыла своему супругу законный путь к российскому престолу. Супруг в тайном письме Александру Первому подтвердил отречение от своих прав, но декабристы об этом не знали и буквально вопили на всю Сенатскую площадь: «Константина и конституцию!». Малограмотные солдаты, правда, полагали, что конституция – это и есть супруга Константина... Слово-то явно иностранное...

В отечественной литературе лучше всего сей феномен описан Гоголем. Живет себе православный юнец – и живет. В семинарии учится или в Запорожской вольнице резвится... Да вот встает однажды на его пути красотка-панночка – и не сносить юнцу головы!

Ладно – Россия... В конце концов, братья-славяне, хотя и пишут латиницей, а не кириллицей. Поглядим на Запад.

В 1812 году Наполеон шел на Россию. Эта дорога неминуемо лежала через Польшу, которая и государственности собственной к тому моменту не имела... Армии, завоевавшей полсвета, перешла дорогу еще одна юная панночка – Мария Валевская. Вообще-то Наполеон считал, что храбрость в любви – это бегство. Но бежать было некуда. Молодая жена престарелого графа Валевского застопорила кампанию на несколько месяцев. Корсиканец никак не мог расстаться с очаровательной полячкой. Что, возможно, и предопределило даты и сроки переправы через Неман, похода на Москву и всего, что воспоследовало в результате... Но ради справедливости заметим, что когда разгромленного и низложенного императора бросили все и вся, пани Валевская приезжала к нему даже на Святую Елену. А плод этой любви,

граф Александр Валевский, служил при следующем французском императоре – Наполеоне Третьем – премьер-министром... Пикантности ситуации добавляло то, что Валевский был хотя и незаконным, но родным сыном Наполеона Первого, а Наполеон Третий – только племянником, нагулянным императорской сестричкой королевой Гортензией, честно говоря, невесть от кого... Политики обращались друг к другу «кузен».

И вот – совсем недавние времена. Два президентства назад Америку потряс скандал, где опять смешались политика и эрос. Президента Билла Клинтона обвинили... ну, скажем, в поведении, каковое мало пристало бы президенту и джентльмену. Соучастница инцидента была, разумеется, стопроцентная американка, лояльная, феминистичная и всё такое... Вот только звали ее на польский манер – Моника Левински. За президента вступилась даже его жена. И она, наверное, была права, и куда ж ей было деваться. Ибо если сравнить фото Моника и Хилари, президента тоже можно понять. Чисто по-мужски.

Но Америка была потрясена. Речь зашла даже об импичменте – вещи, невиданной со времен Уотергейтского скандала, приведшего к добровольному уходу Ричарда Никсона. А всего-то делов – здоровый мужик при власти опять пленился прекрасной полячкой!

Да, Польша не сгинела, пся крев! Она заодно выдавала миру Дзержинских и Бжезинских. Пламенных советских революционеров и пламенных антисоветчиков. А, в общем, просто шляхтичей. Но если снова говорить о женщинах...

С какой тоской по небывалой жизни мы во время оно смотрели «Кабачок “Тринадцать стульев”», где к женщинам обращались «пани»... С каким восторгом слушали Анну Герман и Эдиту Пьеху, – они пели по-русски, но с каким нездешним, невоспроизводимым акцентом! Как одевались, как двигались! Это был словно ветерок неотсюда... И первой страной, у которой «получилось», оказалась именно Польша. Польша двух оппонентов-союзников – электрика Леха Валенсы и генерала Войцеха Ярузельского. И, подобно Марии Валевской, интернированного Ярузельским Валенсу посещала в узилище верная Данута, будущая пани президентша...

И пусть уже вряд ли кто, кроме профессиональных артистов, сумеет исполнить полонез или мазурку... Вряд ли кто-то, кроме профессиональных филологов, читал «Мать Иоанну от Ангелов» – а зря! Эротический текст

круче всякой «Эмманюэли»! Можно даже не ездить на Рождество в Краков или в Ченстохов на богомолье. Три раздела Польши, три польских восстания, костелы в самых неожиданных местах нашей страны... И там можно внезапно встретить полячку. Полячку-панночку. И потерять голову!

P.S. Моя прабабушка в девичестве была Орнатская. Из Гродно. Не считите за рекламу...

БЕЛОКУРАЯ ЖЕМЧУЖИНА: первая версия

Об этой женщине сплетничают уже больше ста лет.

В своих мемуарах и письмах Кору Перл упоминали французские и русские аристократы — причем как в восторженных выражениях: «британская Фрина» (Филипп Одебран), «украл бы солнце с неба ради ее каприза» (князь Горчаков), так и в уничижительном тоне: «голова клоуна и рот похож на воронку» (Альфонс Доде), «кривоногая шлюха с крашеными волосами — и что император в ней нашел?» (Максим дю Камп) — впрочем, вероятно, этим господам просто «не обломилось»... Личность Кору Перл не обойдет молчанием ни один историк Второй Империи или биограф Наполеона III, Кора упомянута в большом «Словаре национальных биографий» сэра Лесли Стивена; с ностальгией упоминает «времена Кору Перл» Сомерсет Моэм в своих «Записных книжках»... Написаны и ее собственные биографии, из которых самой полной считается «Перл из Плимута» У.Х. Олдена (1950).

Даже и русские читатели уже знакомы с этой выдающейся женщиной. Само собой, отдельная главка посвящена Коре Перл в знаменитом справочнике «Парижские прелестницы»; довольно подробная статья Филиппа Ланье опубликована в сентябре 2003 года в «Мегаполис-экспрессе». Фигура Кору занимает одно из центральных мест в книгах по истории секса или французского полусвета, в последнее десятилетие выходявших на русском языке (например, в исследовании Рэя Тэнненхилла «Секс в истории» (М., 1995) или популярной книжке Джоанны Ричардсон «Куртизанки» (М., 1998); впрочем, последняя книга носит явно выраженный компилятивный характер и полна забавных исторических ляпов). И даже на одном из русскоязычных сайтов по ролевым играм был объявлен конкурс на роль Кору Перл для «Карнавала Сатаны» по Булгакову. Сохранилось довольно много фотографий и рисованных портретов Кору. И наконец, Кора оставила знаменитые «Мемуары», которые и служат основным источником сведений и слухов о ней.

Так что весь блеск (да и вся нищета) куртизанок может быть подробно изучена на примере нашей героини. И это неудивительно — Кора Перл, в полном соответствии со своим «рабочим псевдонимом», была и осталась в

памяти поколений самой блестящей драгоценностью «блестящей эпохи». Но... Насколько этот блеск был подлинным?

Вроде бы о Коре Перл известно все — в каком году на какой парижской улице какой из знатных покровителей купил ей очередную особняк; сколько стоило провести с Корой ночь, неделю или месяц; какие блюда подавались на ее изысканных интимных ужинах и на сколько персон; как именно сплетались буквы «С» в монограмме на огромной бронзовой ванне, не говоря уже о том, когда, с кем, как и в какой позе...

И одновременно — ничего мы не знаем наверняка, несмотря на огромное количество следов — перламутровых пылинок, оброненных Корой на жизненном пути. Если же слегка сдуть сверкающую пыль, то жемчужина может показаться не то чтобы фальшивой, но все-таки не вполне натуральной. И тогда выяснится, что все сведения о Коре сомнительны или, во всяком случае, не вполне достоверны, что реальные факты несколько отличны от Кориного «самопиара». В действительности самая знаменитая из парижских куртизанок не была француженкой, крещена была вполне банальным именем, убавляла свой возраст, меняла натуральный цвет волос.

Элиза Эмма Кроуч родилась в Плимуте в 1835 — 1837 — 1842 году (нужное подчеркнуть), никогда хорошенько не выучила французского языка, зато одной из первых поняла, что «джентльмены предпочитают блондинок», и применила в 1860 году перекись водорода, дабы изменить родной огненно-рыжий цвет своей шевелюры — в связи с чем имя Кору Перл непременно упоминается в любой работе по истории парикмахерского искусства! Кора и вообще считается одной из родоначальниц современного типа макияжа — она не только высветляла волосы, но употребляла рисовую пудру серебристых оттенков, подводила брови... «Ее волосы лимонного цвета так напоминали желтый сатин, которым обита ее коляска, что вы с трудом могли отличить одно от другого... Розовая юбка, отделанная лиловыми воланами с бежевыми кружевами нижней юбки, позвякивавшей каркасом, насборенный лиф с большим декольте...» — такой запомнили Кору современники. Кора и сама с гордостью пишет о затратах времени и средств на поддержание своей внешности в рабочей форме, о кринолине на двадцати четырех обручах... Впрочем, смотрите сами — она и вправду была хороша...

И даже вроде бы собственноручно написанные воспоминания «великой горизонталки» вызывают у читателя вполне законное недоверие, потому что

существуют две (!) довольно различные версии книги под одинаковым названием.

И начать тут придется с конца. Сочинение, обычно имеющееся в виду под названием «Мемуары Кору Перл», выпущено в 1886 (1887?) году парижским издателем Жюлем Леви, приобретшим у самой Кору французскую рукопись книги, и в том же году переведено на английский — родной язык Кору. Сохранились сведения, что престарелый отец Кору, посредственный коммерческий музыкант Фредерик Уильям Кроуч, в свое время бросивший жену и деток-крошек, прочел дочкины воспоминания в далеком Балтиморе и остался доволен...

Слухи же, что «великая горизонталка» взялась за воспоминания, распространились по Парижу еще в начале 1880-х годов. Париж напрягся — кто от любопытства, что наконец-то узнает правду об интимных сторонах жизни этой дамы и ее любовников, сами же любовники — от неясных опасений. Было, было им что скрывать — и не столько сексуальные подробности, сколько денежные суммы, потраченные на Кору, ее бриллианты и лошадей. Но книга, вышедшая в 1886 году, одних успокоила, других разочаровала. Ничего скандального в ней сказано не было, хотя псевдонимы наиболее знатных покровителей оказались весьма прозрачны: все понимали, что «принц Лимон» — это принц Оранский, а герцог «Жан-Жан» отсылал прямо к «Плон-Плон», прозвищу принца Наполеона. Бытует мнение, что «Мемуары» и писались с целью финансового шантажа, что Кора разослала соответствующие главы своего сочинения героям и те охотно выкупили «свои» части рукописи. А Жюлю Леви и читателям осталось самое невинное. Потому «Мемуары» 1886 года считаются книгой скучной и заслуженно забытой. И вряд ли кто возьмется переводить ее на русский язык.

Текст, составивший нынешний выпуск «Улицы красных фонарей», имеет совершенно иную историю. Вот как ее рассказывает издатель Уильям Блэтчфорд. Книга под тем же названием, что и издание 1886 года, вышла в свет в Лондоне в 1890 году в некоем вполне мифическом издательском доме «Волюптополис» (дословно с английского: «Развратоград»). Тираж, вероятно, был невелик, потому что единственный экземпляр этой книги сохранился до настоящего времени только в частном собрании некоего коллекционера эротики, немца, живущего в Швейцарии, о чем сам Блэтчфорд узнал через третьи руки. Издатель пустился на поиски, но ни в одном из знаменитых эротических собраний, ни в одной библиографии не нашел и следов ранней

версии этих воспоминаний. Однако загадочный швейцарец разрешил Блэтчфорду в конечном итоге переписать книжку от руки...

Вероятно, можно положиться на слова Уильяма Блэтчфорда, тем более что он взял на себя труд сравнительного анализа двух текстов, чему свидетельством подробные комментарии к английскому изданию, вдумчивое предисловие и послесловие к книге. Да и сам Блэтчфорд оставляет вопрос о подлинности «первой версии» открытым. Но в пользу реальной принадлежности этого текста Коре Перл приводится ряд весомых аргументов: существует только английский вариант книги; события и герои описаны с куда большей откровенностью — а Кору все запомнили как особу совершенно беззастенчивую; посмертность публикации и ограниченный тираж — «для любителей»; и, по всем сравнительно-биографическим данным, гораздо более ранняя дата написания этого текста, примерно 1873 год А название, переведенное нами как «Величие в постели», вероятно, дано самим Уильямом Блэтчфордом, дабы «первая версия» отличалась от «официальной». (К сожалению, некогда бытовавшее и в русском языке слово «горизонталка» как обозначение дам, для которых горизонтальная позиция тела являлась источником средств к существованию, нынче вовсе вышло из употребления.)

Как бы то ни было, книжка забавная. С какой-то стороны она вполне прилежит к массиву популярных в викторианскую эпоху эротических мемуаров и псевдомемуаров (не забудем, текст-то английский!). Таких сочинений в те времена было написано и подпольно издано очень много: читатели нашей серии уже знакомы с анонимными «Домашним обучением», «Похождениями леди Харпер» — текстами, где англичанка доверительно делится историей своей сексуальной биографии. Такие книги, как правило, написаны от первого лица и, начиная с достославной «Фанни Хилл», выдержаны примерно по единой схеме: как я родилась в честной семье и ничто не предвещало...; как вдруг в общении с другими девочками я поняла, зачем мне Господь дал тело; как «это» случилось первый раз... И Кора Перл тут не оригинальна. Но, с другой стороны, урожденная англичанка Эмма Кроуч стала истинной парижанкой «блестящей эпохи», истинной куртизанкой: продавая — и за большие деньги! — иллюзию любви (отнюдь не секс! — чем и отличаются куртизанки от обычных проституток), сама она этой иллюзии никогда не поддавалась. Кора признается, что никогда никого не обманывала, потому что никогда никого не любила. А любила роскошь, наслаждение — что выглядит вполне профессионально, и в этом есть своеобразная честность. Потому она рассказывает не столько об эротической

стороне забав, сколько о повседневном быте куртизанок, о нарядах, ценах, кушаньях и драгоценностях. И о характерах своих «клиентов» — только вот уж больно известные то были господа. Но что-то есть удивительно милое в женщине, которая, вся в кружевах и бриллиантах, способна откликнуться на просьбу утомленного величием своего имени имперского принца: «Кора, просто помоги мне кончить, хорошо?» Такое, если вдуматься, дорогого стоит, никаких денег не жалко...

А еще — со страниц «Величия в постели» к нам приходит хорошая хозяйка: надраенные дверные ручки, в любое время готовый роскошный ужин, блестящий паркет и крахмальные простыни. И добросердечная парижанка, которая в патриотическом порыве жертвует простыни на бинты, голодает вместе со своим городом и искренне оплакивает каждую смерть раненого защитника в своем доме, ставшем лазаретом... Блеск и нищета в жизни куртизанки ходят рядом, но, может быть, истинное величие этой женщины было не в постельных умениях, а в неунывающем характере? Чем-то Кора, какой она предстает в «первой версии», сродни Нелл Кимбелл, автору двухтомника «Записки из публичного дома», несколько лет назад также вышедшего в нашей серии; да и достоверность обоих сочинений примерно одинакова.

«Первая версия» заканчивается раздумьями о будущем — блеск тускнеет, нищета замаячила на горизонте... Во Франции сменилось государственное устройство, и бывшим знатым покровителям Кору уже не до интимных ужинов и изысканных оргий. Скандал с самоубийцей Дювалем нанес существенный удар по имиджу роскошной куртизанки. «Что ж, посмотрим!» — резюмирует Кора Перл в 1873 году...

Досказывать эту историю грустно. Но сохранились объективные свидетельства. В 1874 году Кора Перл вынуждена продать парижский особняк более удачливой конкурентке. В 1877-м — продано серебро. В 1881 году молодой английский журналист Джулиан Арнольд встречает в Монте-Карло «плачущую старуху» — у нее уже морщинистое лицо, но еще идеальное, подтянутое, плотное тело; теперь Кора ставит в знаменитом казино уже не более пяти франков за один кон.

В упоминавшемся выше справочнике «Парижские прелестницы» в 1873 году Кора отмечена уже не как «реально действующая» куртизанка, но скорее как своего рода памятник эпохи, реликвия уходящих времен: «Она очаровала целое поколение почитателей Венеры и все еще остается неустрашимой...

Сейчас она бедна, почти без друзей и по шею в долгах, но не теряет своего веселого нрава...». И далее составитель отмечает, что каждый заметный человек в Париже за последние пятнадцать лет побывал в постели этой знаменитости и каждый считал за честь проявить к ней щедрость, так что Коре даже не приходилось выставлять счетов.

Подтачиваемая болезнью и денежными затруднениями, Кора Перл тем не менее не бедствовала — сохранились сведения, что негласно ей помогали и коллеги по ремеслу, и члены парижского Клуба верховой езды, помнившие прекрасную наездницу, которая в свое время оставила миллионы у парижских содержателей конюшен, шорников и жокеев. Можно предположить, что в это время «первая версия» «Мемуаров» и была переработана, дописана и разослана героям... А остатки и были изданы в 1886-м, за четыре месяца до смерти мемуаристки. И кончалась «вторая версия» совсем иначе: «Стоит ли сожалеть о том положении, в каком я оказалась? Да, если говорить о моей сегодняшней бедности, и нет — если подумать о том, чего бы мне стоило спокойствие духа. Честь и справедливость удовлетворены... Моя независимость была моим единственным богатством. Другого счастья я не знала...».

«Великая горизонталка» умерла, как и мечтала, в Париже, 8 июля 1886 года, от рака. Были опубликованы некрологи, отметившие, в частности, самоотверженность и патриотизм покойной в дни осады Парижа. Похороны вскладчину оплатили «несколько прежних ее почитателей». Через три месяца при некотором скоплении публики состоялась распродажа имущества — нижнее белье, несколько простынь, одно — последнее! — жемчужное ожерелье, костюм для верховой езды, хлыст и портрет Кору верхом на коне. И несколько блондинистых париков. Остатки былой роскоши, обломки блестящей жизни и «блестящей эпохи». Могилу Эммы Кроуч ныне уже не разыскать.

Но о Коре Перл сплетничают до сих пор.

КОЛЕТТ: КНИГИ, ЛЮБОВЬ И НАРЯДЫ

Хорошо на досуге почитывать французских писательниц – хоть Жорж Санд, хоть Франсуазу Саган. Писали эти дамы по преимуществу о любви, в центр повествования помещали, как правило, в чем-то похожих на себя героинь... По моему глубокому убеждению, ничего не поймешь в жизни и не станешь настоящей женщиной, если лет в 13-14 не прочтешь «Консуэло», а в 15-16 – «Здравствуй, грусть!». Изысканная, элегантная проза – по ней можно научиться не только разбираться в своих эмоциях и изучать свою собственную утонченную натуру – ибо кто из читательниц не обладает таковой?! – но и формировать свой облик, дабы этот грубый мир стал чуточку прекраснее и добрее... К читательнице, конечно... Если не у самих писательниц, то у их героинь не грех поучиться и тому, как надо одеваться – настоящие француженки все ж. В чем-то французская женская проза – словно бесконечное модное дефиле.

И вот взялась я тут недавно перечитывать то, что в этом ряду люблю больше всего. И вы сейчас поймете, почему.

Она была женщиной своего времени и в чем-то опередившей время. И время это оказалось долгим: родившись в 1873 году во французской провинции, Сидони-Габриэль Колетт прошла много разных путей – побывала и литературной поденщицей, и журналисткой – театральной обозревательницей, и артисткой-исполнительницей танцев в пантомиме, и владелицей салона красоты... У хорошей хозяйки ничто не пропадает; верный глаз, острый ум и безупречный вкус вкупе с таким богатым жизненным опытом принесли своей обладательнице заслуженную славу знаменитой писательницы, отмеченной множеством литературных и даже государственных наград. Рассказы, романы и эссеистика Колетт бесспорно признаются как базовые тексты современной французской женской прозы.

Она не знала счета любовным связям, любила мужчин, любила и женщин, потому что любила саму любовь... А каждый из трех ее браков вел ее по жизни вверх: первый муж – коммерческий писатель – засадил Колетт за литературный труд, второй – барон и сотрудник газеты «Матэн» – ввел в мир аристократических салонов, редакций и художественных мастерских, а с

третьим – ювелиром-меценатом – писательница обрела истинное личное счастье до самой своей смерти в 1954 году...

Круг героинь Колетт одновременно банален и неординарен. Это провинциалки, ставшие парижанками, женщины всех возрастов, как правило не слишком богатые и не слишком счастливые и потому всегда находящиеся в поиске, даже будучи как будто бы устроены, – но неизменно стильные и элегантные.

Колетт и сама знавала всякие времена – бывали у нее виллы, автомобили, меха и драгоценности, а бывали трудные годы, когда приходилось перелицовывать единственное манто. Натура артистическая, Колетт вносила стремление к совершенству во всё: и в занятия, приносившие ей творческое удовлетворение и средства к существованию, и в Эрос, и в формирование среды обитания – при любом своем доме разводила сад. Этими же свойствами Колетт наделяла своих литературных персонажей «дамского» пола. А еще Колетт любила одеваться – и любила одевать своих героинь. Не так, как девочки наряжают кукол, а так, как взрослая женщина, погруженная в мир моды, украшает другую, видя в ней не соперницу, а союзницу. Союзницу по проникновению в мир, традиционно считавшийся мужским, – мир творчества, мир создания прекрасного, – и его завоеванию.

Ну, вот смотрите сами... Жюли де Карнейян из одноименной повести. Третий абзац от начала. Мы еще ничего не знаем об этой женщине – но, в сущности, знаем всё! Вот он:

«Заслышав как будто голоса на лестнице, она поспешила надеть шляпу, накинула светлое пальто, ворс которого очень походил оттенком на бежево-белокурые волосы Жюли, коротко остриженные и завитые а-ля Каракалла. Она откинула в сторону поношенные перчатки, потом снова взяла: ”Для кино сойдет”; наконец, села ждать в свое лучшее кресло, погасив предварительно две лампы из четырех». Всего несколько строк, но мы уже знаем, что эта женщина одинока, но не утратила желаний нравиться, аристократка, стесненная в средствах, чья фамильная и личная женская гордость побуждает ее к бесконечной иронии. Бывший муж Жюли некогда променял ее на красивую богатую вдову, чье состояние стало основой его политической карьеры. Но вот он назначает бывшей супруге встречу...

«Она положила трубку и изобразила мальчишескую усмешечку, которая ее неожиданным образом состарила. Тут же согнала ее и вновь обрела

серьезность темпераментной и царственной блондинки. Через пять минут она уже была в белой блузке, в узкой черно-белой юбке и в черном жакете, бросавшем вызов моде. Немного слишком облегающий, наряд этот обнаруживал, что Жюли де Карнейян приближается к тому возрасту, когда женщина решается пожертвовать лицом ради силуэта.

«”Сюда бы нужно лиловую гвоздику. Десять франков... Сегодня – нет”. Она перерыла носовые платки, нашла один из лиловато-розового крепа, свернула в виде цветка, ловко расстригла ножницами и вставила в петлицу. “Блеск!” И тут же быстро помрачнела: “Вот дура, платок стоит целый луидор”».

И мы понимаем, – эта женщина всё еще любит этого мужчину... Ничего не пожалеет, чтобы вновь ему понравиться.

Десятью страницами дальше нам – и самой Жюли – кажется, что это ей почти удалось. Жюли «накинула недосохший купальный халат и уселась составлять список:

“Два костюма.

Четыре блузки.

Два очень красивых пуловера.

Длинное пальто.

Вечернее платье.

Чулки, перчатки, обувь, шляпы (только две).

Белье.

Шикарный дождевик”»...

И далее: «Рядом с пунктом “Белье” приписала: ”Ради кого?”, зачеркнула и снова легла».

Какая готовность к разочарованию! Какое недоверие – опыт не слишком счастливой женской жизни... Вместе с героиней мы предчувствуем, что эта встреча принесет ей только новую боль. Так и случилось. Но что Жюли

противопоставит предугаданному разочарованию? Старый, любимый костюм для верховой езды. Становится ясно, что эту женщину – ни победить, ни согнуть!

Или вот Минна. В общем-то, дрянная девчонка из ранней повести «Невинная распутница». Минна лжива и легкомысленна. А на сердце у нее – большая печаль. В браке со своим кузеном, честным, преданным и работающим молодым человеком, Минна не обрела телесного удовлетворения. В поисках оргазма новобрачная заводит любовников. И вот сцена на холостяцкой квартире одного из них:

«Продолжая стоять, она принялась неторопливо расстегивать белый воротник, шелковую блузку, плиссированную юбку, которая тут же опустилась на пол. Она улыбнулась, посмотрев через плечо на Жака:

« – Знаете, какие они тяжелые, эти плиссированные юбки!

«Он устремился вперед, чтобы подхватить платье.

« – Нет, оставьте! Я избавляюсь от верхней и нижней юбки одновременно, так что одна входит в другую: потом легче будет одеваться. Вы видите?

«Он кивнул, показывая, что и в самом деле видит. Но видел лишь Минну в панталонах, которая продолжала спокойно раздеваться. Недостаточно полные бедра, чтобы выдержать сравнение с “милашкой” из Вьет, грудь тоже слишком плоская. Все еще девушка – как по обыденной простоте движений, так и по элегантной угловатости, а еще из-за панталон с подвязками, которые дерзко бросают вызов моде: узенькие детские панталоны, подчеркивающие линию сухого тонкого колена.

« – Ноги пажа! Какое чудо! – громко вскрикнул он, и сердце у него екнуло так, что заболело горло, где внезапно вспухли миндалины.

«Минна сделала гримаску, затем улыбнулась. Внезапная стыдливость, казалось, овладела ею, когда пришла пора снимать подвязки; но, оставшись в сорочке, она вновь обрела безмятежность, методично выкладывая на бархат каминной доски оба перстня и рубиновую брошь, прикреплявшую воротник к блузке.

«Она увидела себя в зеркале бледной, юной, обнаженной под тонкой просвечивающей сорочкой; и, поскольку серебряный узел с золотыми бликами начал мягко наползать на уши, распустила волосы, аккуратно сложив черепаховые шпильки. Пышная прядь задержалась на лбу, и она сказала:

« – Когда я была маленькой, Мама причесывала меня именно так...».

В сущности, еще ничего не началось, но читателю понятно, что это – история без будущего. Минна не любит Жака. И вправду по ходу повести Минна еще несколько раз «обломается», да и вернется к мужу. А бедняга Жак будет даже из-за нее стреляться...

Есть среди сочинений Колетт и счастливые сюжеты . Но даже истории разделенной любви, завершающиеся счастливым браком, Колетт любит описывать привычным ей образом – через дресс-код.

Малютку Жижи из одноименной повести в родной семье с малолетства прямо-таки дрессируют. Ее бабушка, содержанка на покое, ее мать, второразрядная актриса в хорошем театре, а особенно – сестра бабушки, дама с загадочно-неоднозначной биографией (мужчин в этой семье как-то не водится...). Итак, жизнь пятнадцатилетней Жижи подчинена строгому распорядку: не выпячивай локти; не сиди, расставив ноги; не шагай, как гренадер; можешь закурить, только не слюнявь кончик и чтоб табаком не плевать... Учись обзаводиться слабостями и суевериями, чтобы было, что противопоставить комплексам и предрассудкам мужчины... Девочка томится и мечтает...

« – Какое тут кокетство, когда мне все платья перешивают из старых.

« – Понимаю, понимаю. Так, значит, у тебя есть вкус? Тогда скажи, как бы ты хотела быть одетой?

« – О! Я-то знаю, что мне пойдет, тетя! Я видела...

« – Когда говоришь, не размахивай руками. Ты становишься вульгарной.

« – Я видела одно платье... О! Платье, сшитое для Люси Жерар... Шелковое, жемчужно-серого цвета и все в складочках сверху донизу... А еще черное

бархатное платье, а по нему узор из шелка голубого лавандового цвета, а сзади шлейф, как павлиний хвост...».

В соответствии с планами старших, в свой срок появляется претендент на «свеженькое» – разочарованный миллионер-сахарозаводчик. И кажется, что Жижки пойдет по проторенной семейной дорожке. Но умненькая девочка решает иначе...

«В мае месяце, когда в Париж вернулся Гастон Лашай, Жильберта могла похвастаться двумя новыми, прекрасно сшитыми платьями, легким пальто, а также новыми шляпками и туфлями... Перед Гастоном она предстала в белоголубом платье почти до пят. “Знаете, дядюшка, какая ширина у моей юбки: четыре метра двадцать пять сантиметров”. Пояс из плотной шелковой ткани с серебряной пряжкой подчеркивал ее осиную талию, которой она не без основания гордилась. Но она машинально пыталась освободить свою красивую мускулистую шею, которой было тесно в воротнике на китовом усе, “на венецианский манер”. Рукава и юбка парусом из полосатого белоголубого шелка слегка шуршали, и Жильберта кокетливо поддёргивала пышные рукава».

Так о каком поступлении на содержание может идти речь, когда на тебе новая юбка шириной 4м 25см, а под ней юные колени, пусть даже расставленные по-девчоночьи? Только законный брак! Это же очевидно!

...Время оставило нам многие зримые образы и самой Колетт. На первых фото – провинциальная простушка в матроске с косами ниже юбки. На последних – маститая писательница в инвалидном кресле, тем не менее, не перестающая посещать премьеры своих экранизаций и инсценировок. Кроме великолепных книг, за ней числилось несколько чисто «тряпочных» скандалов. Например, в бытность свою танцовщицей Колетт исполняла роль египетской мумии – в погребальных пеленах из многометрового газа. Влюбившийся в красавицу древности археолог под томную музыку начинал разматывать... Разматывал, разматывал, разматывал... По мере процесса зал замирал, а мумия, наоборот, оживала... И бросалась в объятия археолога уже совершенно «а натюрель». Публика вопила, а пикантности ситуации добавляло то, что в роли археолога выступала тоже женщина – интимная подруга Колетт. Эта же самая парочка посещала чисто женские салоны, куда было принято приезжать в закрытых экипажах закутанными в широкие вечерние плащи. Под плащами же скрывались черные брючные костюмы.

Сохранился снимок Колетт в таком костюме – ей очень шло. Теперь вся Москва так ходит – и ничего; но межвоенный Париж был шокирован...

Ей-Богу, прочитайте хоть «Страницу», хоть «Неспелый колос», а лучше всего – дилогию о Шери. Всё это прекрасная проза. О любви, о душе, о Франции. Мысленно примерьте на себя что-нибудь этакое, «в “колетточку”»...

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО: МАРКИЗ ДЕ САД, ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

«Люблю я его – жалею», – говорят о мужчине русские женщины. И еще о нем же: «Бьет – значит любит». Может, и негоже профессиональному литератору испытывать столь интимные чувства к своему герою, но куда ж денешься: любовь зла, полюбишь и того, кто мучил. Иначе стихи по-русски не зазвучат.

О, Роза, царственный цветок,

Свои возлюбленные чары

Неси мне в дар, я б ими смог

Смягчить суровость здешней кары!...

Весну вообразить хочу:

Страхнув росы душистой слезы,

Навстречу жаркому лучу

Раскрылась девственная роза.

Елена, пожелала б ты

Делить со мною это пламя,

Какие расцвели б цветы

В момент объятья между нами.

Скажу честно – когда я приступала к подготовке переводов этих стихов, то поначалу испытывала странное чувство: я опасалась, что мне предстоит иметь дело с обезличенным альбомно-салонным клише самовыражения. Что эти стихи окажутся банальной данью стандартам времени и ни в коей мере не будут отражать истинную суть личности злосчастливого своего автора. В голове давно навязли штампы французского классицизма. К счастью, я ошиблась. И лишний раз убедилась в том, что «негативный пиар» и жизнь зачастую «две вещи несовместные».

Классический ямб. Изысканные для своего времени сравнения, взятые из мира природы. Трепетная попытка убедить девушку ответить на нежные чувства... Так кем же создан образ робкого возлюбленного, стремящегося ласковыми обращениями и описаниями убедить юную девственницу предаться любви с уважительно-галантным кавалером?

Заведомо никто не угадал. Да никем иным, как знаменитым маркизом де Садам, вошедшим в историю чуть ли не живым воплощением физического и сексуального насилия! Человеком, родовое имя которого дало название известной всем девиации – садизму.

... Вообще носителям этого имени, сеньерам де Сад как-то больше везло с поэзией, чем с любовью. Может быть, потому, что на одной из ранних ветвей их родословного древа цвел нежнейший цветок – Лор де Сад, более известная в истории как мадонна Лаура. Та самая – муза Петрарки, символ незамутненной женской прелести и чистейшей души, чуждой плотским страстям, но дающей поэту величайшее счастье. Призрак Лауры являлся злосчастному маркизу в темнице, стены которой маркиз исписывал весьма едкими и не весьма пристойными стишками в адрес своих стражей. Но нежное видение в белом вызывало, по собственному признанию узника, слезы на его глазах.

Дядя маркиза, галантный аббат де Сад («О, как вы б ни служили вере, останетесь в любовной сфере... служба и Церкви, и Цитере» – подшучивал над ним его приятель Вольтер) перелагал Петрарку на французский, вкладывая в стихи собственный восторг перед совершенной женственностью. Отец маркиза, граф де Сад, томился высокой страстью к Анн де Шаролэ. Эта дама обожала принимать своих друзей в монашеской рясе на голое тело – сколь характерный штрих для безбожной Эпохи Разума! По поводу этой привычки по Парижу ходили фривольные куплетцы, но сам граф де Сад так вспоминал о встречах с любимой:

Искусством возвращены роскошные сады,
Где мы, в любовной битве одержав победу,
Блуждаем по путям причудливой мечты
И постигаем наслаждение беседы.
Здесь правил нет, ничья не властвует рука,
Мы не считаем дни, не сторожим минуты,
И только об одном жалеем мы слегка:
Как быстро вечер наступает почему-то...

Работая со стихотворными текстами для русского перевода французской монографии о маркизе, я постепенно погружалась во французский восемнадцатый век, в мир чеканного стиха и банальных по нынешним понятиям, но абсолютно свежих для своего времени рифм («розы – слезы» тогда читалось очень свежо и оригинально – 1801-й год!). В мир, где умели не только ненавидеть, но и любить. В мир, где умели искать для себя радости, даже очутившись за решеткой:

Коль сведены судьбою мы,
Страданьем, что союз наш крепит,
Так лучше здесь, в стенах тюрьмы
Увьем цветами горестные цепи.
В лавровых рощах – весь Парнас,

Чтоб всех увенчанных прославить,

Хоть разными путями Музы нас

Приводят в храм, чье имя – Память.

Ну, честное слово, даже слезы наворачивались...

А что же осталось в истории от младшего из лирических поэтов этой семейки?

Да, с легкой руки недоброжелателей и медиков-материалистов маркиз де Сад стал чуть ли не олицетворением вселенского зла и насильственного надругательства над личностью. Но ведь почти никому в голову не приходит, что «страшилки» маркиза – грозные предупреждения о надвигающейся революционной катастрофе, об устрашающих последствиях пребывания «по ту сторону Добра и Зла», как позже это сформулирует Ницше. И на фоне разгула черни, дорвавшейся до иллюзии власти, позволявшей вздергивать аристократов на фонарь и публично сечь розгами монахинь, трезвый голос маркиза убеждает: в такие истинно страшные времена тюрьма – чуть ли не самое безопасное место:

Здесь, в Пелажи,

Царят веселье и отрада,

И знают мудрые мужи,

Что нас освободить не надо

Из Пелажи

Здесь, в Пелажи,

Где музыкой гостей встречали,

Свое искусство покажи

И дай концерт в приемной зале

Здесь, в Пелажи.

Да, де Сад предпочитает пребывание в тюрьме, а позднее в сумасшедшем доме в Шарантоне активной политической деятельности. Он ведь не всё время сидел в заключении и не всегда оказывался под замком по воле властей. На ранних этапах революции он, как человек, пострадавший от произвола последних десятилетий «старого режима», быстро выдвинулся на пост генерального прокурора, назначенного Национальным Собранием. И не санкционировал ни единого смертного приговора!

Ибо для маркиза причудливо сплелись нормы принятой Национальным Собранием «Декларации прав человека и гражданина» с постулатами так называемого «Божественного Права», дарующего дворянину титул, а монарху – трон. И то, и другое предполагает абсолютную личную ответственность избранных и помазанников Божьих перед страной и каждым ее жителем. И бремя этой ответственности де Сад нес с честью. Он не шел на компромиссы ни с какой из властей и в общей сложности «просидел» большой срок, чем давали в СССР при Сталине – из семидесяти трех лет жизни в заключении или принудительной изоляции маркиз провел сорок... Трезво понимая свое место в мире и предвидя конец, маркиз в здравом уме и твердой памяти (сумасшедшим он никогда не был!) заранее составил эпитафию самому себе, которая достойна того, чтобы привести ее полностью:

Путник,

Колена преклони

Здесь в память о несчастном человека,

Что в прошлом веке начал дни,

А умер в наступившем веке.
Но деспотизм с уродством на челе
Всегда его терзал рукою злобной.
Сей монстр еще при короле
Жизнь сделал гибели подобной.
Не отменил его Террор –
Страдалец был на грани Ада –
При Консульстве цветет он до сих пор
И жертвой вновь избрал де Сада.

Так что же, спросит читатель, значит, истории «садистских» приключений и экспериментов маркиза – чистая клевета? Не издевался он над женщинами, оказывавшимися в его власти, и не наносил вред их здоровью, явившийся угрозой для жизни?

Было. Всё было. Но только не над «женщинами» как таковыми. Этим занимались лишь антигерои его философско-нравоучительных романов «Жюстина» и «Жюльетта». Не будет забывать – все свои сексуальные эксперименты де Сад и его друзья проводили с наемными проститутками, придерживаясь уже принципов Нового Времени: «Ты сам согласился на эту работу!». Причем, работу, щедро оплаченную... Преодоление иллюзий и фантазий силой беспощадного разума оборачивается в пределе самой страшной стороной – «философия», в некоем будуаре претворенная в практику, превращается в чистое палачество. Вот такой был Век Разума, когда во всех проявлениях бытия искали механистическое начало, в том числе и в функционировании человеческого тела. И, кстати, прекращение его функционирования было также поставлено на механическую основу: именно Великой Французской революции человечество «обязано» изобретением гильотины.

При всем при этом маркиз был подлинным естествоиспытателем – главные эксперименты маркиз ставил над самим собой, испытывал на прочность свое естество, а потом уж чужое. Потому вряд ли стоит проводить параллели между ним, человеком Просвещения, и дальним его предком – знаменитым маршалом Жилем де Ретцем, вошедшим в историю под прозвищем «Синяя Борода» как жено- и детоубийца. В научно-экспериментальных целях. За что тот и был казнен.

В процессе работы над переводом стихов я узнала, что нынешние потомки маркиза ничуть не стыдятся своего предка. Они оказывали самую активную и энергичную помощь автору монографии Морису Леверу в поисках документальных материалов, текстов и всего прочего, необходимого для создания полноценного исследования. Кстати, это далеко не последние люди в стране: наиболее целенаправленно помогал автору монографии граф Тибо де Сад, на тот момент вице-мэр Версаля (между прочим, бывшей королевской резиденции!). Человек, который на открытии в 2001 году в Цюрихе первой международной выставки, посвященной знаменитому предку, заявил: «В конце XVIII века моего пращура считали чудовищем. И лишь столетие спустя люди поняли, как глубоко он проник в потемки человеческих душ».

А развалины фамильного замка де Садов в Лакосте купил не кто иной, как известнейший модельер Пьер Карден. С целью не просто восстановить, а сделать международной площадкой показа «радикальной моды» XXI века, в особенности, по мотивам произведений маркиза.

И тут я осознала, что хотя «мельницы Божьи» и впрямь мелют медленно, но результат налицо. Автор резкой, мощной, бескомпромиссной философской прозы не только открыл потомкам новые грани своего таланта, позволившего ему вложить в классические формы жестко организованного стиха реалии своего времени, ломки эпох, когда Разум и Просвещение уступили место «железу и крови». Он еще и опередил свою эпоху, создав новое понимание сложностей бытия, новую эстетику и в определенном смысле заложив основы продуктивнейших ветвей современного авангардизма, черпающих «драйв» не из бесплотных абстракций, а из могучих проявлений человеческой телесности и человеческого разума.

Может быть, этого нежного стихотворца и беспристрастного исследователя, не надо ни любить, ни жалеть. Но прочесть еще раз и попытаться понять – стоит.

“...ВОТ ЭТО И ЕСТЬ ПОРНОГРАФИЯ”

см. *General Erotic N46* <http://www.mipco.com/win/GEr46.html>

20 сентября 2001

Пресловутая Пушкинская школа надясь к 200-летию разразилась книгой "Пока в России Пушкин длится...". Это вроде бы и история школы, и образцы ученического творчества, и умильные сочинения типа "школа - второй дом, если не первый", и учительские откровения о "воспитании традицией". Там и выкройки костюмов - сарафана Барышни-крестьянки, платья Татьяны, методы обучения бальным вальсам и полонезам, рисунки на сюжеты Пушкина, сценарии всяких спектаклей (я мечтаю поставить там со школьниками если не "Пиздрону", то "Челюсти" по "Сказке о рыбаке и рыбке") и всякая прочая мешанина на случай. И все - на Пушкинскую тему. Известное дело, подростки ни о чем, кроме секса, не думают, что и правильно в их возрасте (минувшей весной ставили на театральном фестивале девятые классы что-то по "Ромео и Джульетте" с балетными сценами. И вот, как только Ромео в танце объял Джульетту, в зале вылетели пробки и погас свет. Надо было слышать, какой восторженный вой поднялся среди зрителей-школьников, как правильно им показалось, что в этой сцене должно быть темно, и как очевидно, чем сейчас займутся на сцене герои). И вот в этой книжке в порядке пушкинской викторины сексуально озабоченным подросткам предлагаются вопросы:

Чем часто занималась Татьяна? (Нормальный школьник скажет - дрочила. Ан нет: "И часто целый день она сидела молча у окна")
Какую тайну открыла для себя мать Татьяны после свадьбы? (Опять же, о чем подумает школьник? - как сексом заниматься. А вовсе "... как супругом самодержавно управлять").
Один из друзей Пушкина встречался с Татьяной. Кто он и что он сделал с Татьяной? (И вовсе не выеб, как скорее всего подумает школьник, а "... к ней как-то Вяземский подсел. И душу ей занять успел").
Чего не было в доме Онегина? (И вовсе не презервативов, а "... нигде ни пятнышка чернил").

И далее в таком же духе. Вспоминается анекдот о Вовочке, увидевшем

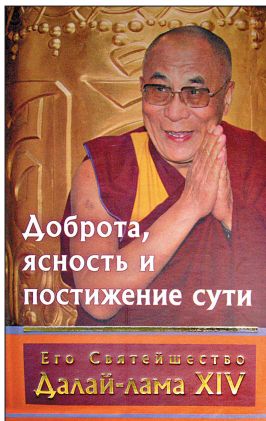
ебущихся родителей: "И эти люди запрещали мне ковырять в носу!". И эти люди осуждают "Записки",!У... По-моему, вот это и есть порнография.

Что же до конного памятника Батюшкову в Вологде, то хохма состоит в том, что сам Батюшков стоит себе с мечтательным видом в уголке большой платформы из полированного мрамора в каком-то невнятном костюме и без особого портретного сходства. Все остальное место занимает ЖЕРЕБЕЦ, изваянный с гипернатуралистическими подробностями. Все это помещается на невысоком пригорке, на который по бокам ведут две лесенки, и правая из них выводит посетителя непосредственно под хвост лошади, так что экскурсант прямо носом утыкается в ЯЙЦА Жеребца. А Батюшкова с этой стороны из-за крупа лошади и не видать; имеются еще две мелкие фигурки – одна в роде Афины-Паллады (дескать, военно-патриотическая муза поэта), другая в сарафане с флейтой – пейзажно-патриотическая. Сии аллегии, во-первых, меркнут перед реалистичностью Жеребца, а во-вторых, совершенно скрыты елочками, коими обсажена композиция. Батюшков, конечно, как всякий порядочный русский дворянин, воевал в 1812 году, кажется, в чине корнета, но это же не повод ставить поэту конный памятник, как Кутузову. И наконец, все это уебище стоит прямо напротив центрального колхозного рынка Вологды, на главной площади, и летом, когда пригорок покрывается зеленой травкой, в сумерках может помститься, что некий мужик-колхозник до того надрался, приехав в город, что пасет лошадь прямо перед обкомом (ныне губернским собранием). Местные жители говорят, что были случаи, реальные колхозники приглашали поэта быть третьим, спьяну не разобрав, что он памятник.

pent_06.qxd 14.05.2007 16:37 Page 105

BOOKS

Доброта,
ясность и
постижение суги

Его Святейшество
Далай-лама XIV

такие как светоносная природа ума живых существ, преобразование сознания с помощью медитативных техник, пантеон божеств буддийской тантры, необходимость и возможность устранения неведения, скрывающего от нас подлинную природу реальности. Отвечая на вопрос, является ли желание благом, Его Святейшество отметил, что существуют два типа желания: один — без разума и втягивает в буйство страстей, второй — когда вы смотрите на хорошее как на хорошее и пытаетесь достигнуть его. К примеру, полагать, что материальный прогресс, основанный на понимании того, что этот прогресс служит человечеству и, значит, хорош, — верно. ♥

«СЖЕЧЬ, РАССТРЕЛЯТЬ, ЗАПРЕТИТЬ!»?

Несколько месяцев назад PENTHOUSE отметила на своих страницах выход в свет очередных «Тайных записок А.С. Пушкина 1836 — 1837 гг.». Вкратце напомним читателю: эта книга впервые увидела свет в Северной Америке двадцать лет назад стараниями писателя и издателя Михаила Армалинского. А начиная с 2001 года она получила «путевку в жизнь» и в самой России.

Но ровно столько же лет, сколько этот текст существует в доступном читателю виде, развивается забавная «междисциплинарная» наука — «парапушкинстика». Имя ей дала книга Давида Баевского, являющаяся собой сборник всевозможных отзывов на «Тайные записки»: переписку публикаторов с критиками, российскими издательствами и библиотеками, читательские отзывы, рецензии, материалы сетевых форумов... Давид Баевский по сей день дополняет свой труд любыми открытыми отзывами на «Записки». Диапазон восприятия «Записок» весьма широк: от восторгов по поводу того, что Пушкин, оказывается, тоже был человек и мужчина, а брак его с Натальей Гончаровой не отнял у великого поэта интереса к другим женщинам, от радости по поводу появления в русской литературе полноценного и качественного художественно-эротического текста до крика, писка, визга и угроз в сторону издателей за то, что они, во-первых, посмели марать светлое имя национального гения, во-вторых, навязали русскому читателю целую книгу «об этом», в-третьих, еще и изготовили фальшивку. Редко-редко когда в многоголосом потоке мелькали попытки серьезного прочтения и анализа «Тайных записок», зато эта книга — несомненно, самое громкое событие в русской литературе последних 20 лет.

Сами «Тайные записки Пушкина» — это карманного формата томик в 175 страниц, включая авторское и издательское предисловия. А вот «Парапушкинстика» Д. Баевского уже перестала помещаться под одной обложкой. Для справки: первый том этого фундаментального собрания, охватывающий отклики за период 1986 — 2002 гг., вышел в 2003 году четвертым изданием и составил почти 400 страниц. Ныне же к читателю пришел уже второй том «Парапушкинстики», включивший материалы 2003 — 2007 гг. И конца процессу не видно. Зато видно другое...

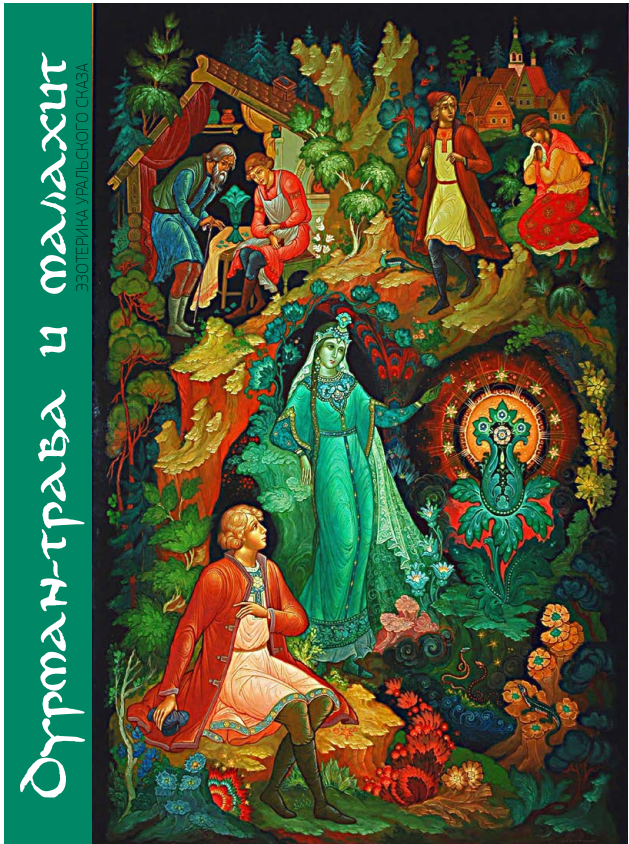
За годы бытования «Тайных записок» сменилось два поколения читателей. Ушли в историю цензура, литературный официоз, книжный дефицит. В новом томе «Парапушкинстики» гораздо четче обозначилась тенденция к признанию того, что такая книга обязана присутствовать и в русской литературе, и в пушкиноведении, да и все равно она уже есть, несмотря ни на что. Потому ее стоит наконец прочесть, получить удовольствие, или обдумать сам феномен соединения темы Эроса, имени Пушкина и времени, когда она явилась миру... Но и по сию пору находятся люди, открывающие «Записки» впервые, и одни поражены степенью откровенности повествования и авторских размышлений, другие же снова и снова поднимают крик на тему «Как посмели? Сжечь, расстрелять, запретить!» Будто время для таких остановилось...

«Парапушкинстику» в каком-то смысле читать даже интереснее, чем сами «Записки». «Записки» — уже канонический, устоявшийся текст, в котором ни Пушкин, будь он автор или герой, ни Армалинский, которого многие считают «порнографом-фальсификатором-извращенцем», уже не изменят ни единого приличного или неприличного слова. А «Парапушкинстика» — книга живая, растущая, меняющаяся по мере изменения читательского сознания. Бесконечная хрестоматия нашего общества с его страхами, глупостями, тягой к запретному, бесконечный репортаж о том, как благодаря Пушкину и сексу мы становимся свободнее и взрослее. И второй том «Парапушкинстики» свидетельствует о нарождающейся и крепнущей нашей способности все-таки признать, что Пушкин был человек. И ничто человеческое не было ему чуждо. А мы — тоже люди.

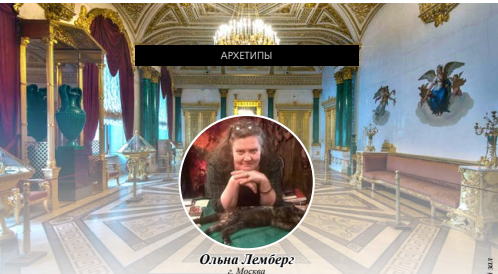
Наталья Михайловская

PENTHOUSE 105

Наталья Михайловская - один из псевдонимов Ольги Воздвиженской.
Страница из журнала *Пентхаус*.

Дурман-трава и малахит
 ЭЗОТЕРИКА УРАЛЬСКОГО СКАЗА

АРХЕТИПЫ

Ольга Лемберг

Гранд-мастер Таро, писатель, переводчик, преподаватель и практик эзотерических дисциплин

Павел Бажов: мифологическая и авторская эстетика. Екатеринбург

Сказы Павла Бажова из «Малахитовой шкатулки» мы все читаем в детстве, когда реальность сказки, «время оно» еще близко нам, мы еще верим, что до чудес можно дотнуться рукой. Тем более, что новостная о счастливых случайностях и поверьях уральской старины, удивительных существах и ловких умельцах уральских мастеров нарочито фольклорны, переполнены диалектизмами и местной терминологией, что и воспринимается почти как народные, старинные сказки. И, кажется, именно их локальность и фольклорность становится для большинства читателей определяющим фактором восприятия этих текстов. Сказы Бажова предельно этнографичны, мастерски описывают конкретную, но малознакомую читателю реальность.

Но эти сказки – авторские, к тому же совсем «советские». Известно, что Павел Бажов, человек для своего времени образованный, будущи направились составить сборники «уральского рабочего фольклора», предпечел сам этот фольклор придумать. А глубокое знание «времни и места» помогло сделать сказки истинно народными, придать им неповторимый дух подлинности. Но и «локальный заказ» был исправно выполнен – за «Малахитовую шкатулку» писатель был удостоен Сталинской премии 1943 года.

Но в хоу поговорить не о народности, классности или популярности сказок «Шкатулки». А о том, как в абсолютно советской, нарочито классовой по духу (баре и приключки – «сказ» «базис», а народные мастера – «хорошие») сработали и проявились более универсальные, архетипические мотивы, и в том числе – истинная «фольклорность» и массовость, дождичность. Хотя вряд ли Павел Бажов – выпускник семинарии и духов-

ного училища – в 30-е годы читал Фреудера или Юнга или изучал иноязычные сказания. Потому эти тексты и популярны до сих пор: в процессе написания этой статьи я нашла четыре (!) современные эранициания книги, кроме классической 1946-го года.

Центральный образ сказок – сама Хозяйка Медной горы, черновозов молодая красавица в платье из «малахитового» малахита. Местная богиня, причес сушность этнопиская – ее узорчатые, переливающиеся самоцветами платья – под горой, в подземном царстве. И все окрестные месторождения металла и ценного камня – ее владения. Хозяйка-богиня живет и царит под землей, как античная Прозерпина, саму себя называет «каменной девкой», ее сопровождают этнописческие существа, или попросту «глады» – мышки, шेरки, подземная кошка. Вроде бы во всем проглядывает П Аркан, таинственный и опасный женский дух, но реально – все же третий, Императрица. Во-первых, хозяйка, владычица несметных богатств, прямое воплощение Матушки-земли. Богатой и щедрой, но суровой. Да и гора ее – Медная, и главный камень, главный цвет Хозяйки – малахит. А мечь и железные камни, вообще зеленый цвет – традиционные атрибуты Венеры. Важно и то, что Хозяйка как воплощение Венеры покровительствует истинной человеческой любви – отпускает Степана к Насте, Давыду – к Кате. Правда, впоследствии забирает к себе детей таких союзов. Потому что сама эта богиня безумная и бесплодная, «каменная», но все в Хозяйкиной воле и она умеет ждать, ей присуще терпение камня. И вот ее приемная дочь Танюшка, дочь Степана-забылщика, сперва с помощью Хозяйки становится искусной рудодельницей-выплавивающей (искусство – тоже область Венеры), и имен-

Ольга Лемберг: Малахитовый миф

Ольга Лемберг - один из псевдонимов Ольги Воздвиженской

22

по ей, дочери человеческого возлюбленного Хозяйки, оказываются предназначены уборы из малахитовой шапурки. Повзрослев, Таношка соприкасается с высшей властью страны, дажно требует свидания с «официальной императрицей Екатериной II. И в Малахитовом зале Эрмитажа (как сейчас именуется это роскошное помещение) Таношка, уже младшая малахитовая хозяйка, наследница, поживает незадавленного жениха и земной мир и через камень отповской добычи (потому как по правде это не собственности Екатерины Великой, а ее, Таношкино наследие), как через портал, возвращается к истинной своей матери — «сказывали, будто Хозяйка Медной горы доводится стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видать». Вот такая богиня правит — и весьма справедливо — уральскими кадами и судьями горняков и всех, кто работает на этой земле. Вот так архетип Венеры и одновременно Прозерпина пропагандирует в тексте. (С другого края света, из древних кельтских сказаний о полях холмов с зальфийскими чертогами внутри, отзывается мотив человеческого ребенка — зальфийского подвешенца, унесенного в жилища Дланого Народа, усаженного подземными владыками; кстати, рассказывают, что зальфийские лорды и деид, и сама Королева зльфов обычно являются серыми адепте в зеленых шелк... архетипа универсальны.)

А еще Хозяйка ценит совершенство и стремление к оному. Внутри цюла сказов отчетливо выделяется трилогия о каменных растениях, сюжет о соседней и творческой истории Данилы-мастера — «Каменный цветок», «Горный мастер» и «Хрупкая веточка».

Собственно, эта история развивает несколько вечных мотивов, и главный из них — о природе творчества. Всякий истинный творец, в том числе и художник, в какой-то момент задумывается о преодолении предела, предельного человеческого глупству. Творческо-человек желает стать равным Творцу — создать живое из неживого, это вечная тема внутреннего кризиса и дерзаний человека-созидателя. Сюда выписывается и история Пинадыона, влюбленного в каменное название собственной работы — скульптуру тогда помогла создать как раз богиня, оживившая мраморную женщину; и трагическая история доктора Францискуиты и его самодельного, собранного из трунов Чудовища, так и не ставшего человеком, несмотря на всю гениальность ученого доктора, о том же и бутылочное «Соборное сердце» и многие другие произведения... о том же и «Ка-

менный цветок» — о попытке Данилы точно воспроизвести в малахите живое растение, создать живое или хотя бы подобное живому из неживого.

Но растение не простое; много в уральских лесах весной растительности («... Листики да цветки всякие демой притаскивать стал, а все больше из обьеди: черемуху да омет, дурман да багульник, да регуны всякие...»), а Данила выбирает самое малаховское: «... Без передышки у станка стоит. Пропольну сказал: — По дурман-цветку свою чашу делать буду... Работа хозю идет. Нет камня отдала. Как есть, слышь-жо, кует дурмана. Листья широкие кучной, зубники, прожилки — все пришлось лучше нельзя, Провольны и то говорит — живой цветок-то, хоть ружь пощупать...». Дурман, или Дурман-трава, по ботанической классификации *Datura*, принадлежит к семейству пасленовых, тем самым будучи родственно такой же ядовитой белене (не зря глагол поговорок о закурившем, неадекватно себя ведущем человеке — ты что, белены объелся?) и колдовской мандрарге. Все это магические, величественные травы, широко используемые в народной медицине — и в магии. Дурман также выращивается как декоративное растение с крупными зелеными листьями и воронковидными белыми цветами. Растение и на садовой клумбе не тервет свойств, все его части ядовиты (потому и едят мало популярно, хотя семена свободно продаются). Он действительно омурмывает человека, попав внутрь, — и человек даже при малой дозе становится как завороченный. Так что и Дани-

Фотом. В. Лямберг

ла-мастер уже самим выбором модели для каменной чаши подпадает под власть непростых чар, омурмывается своим замыслом. Хозяйка, как владычица всей местной магии, помогает мастеру: подсказывает место для поиска нужного камня — Зыбная гора, самым названием указывающая что там темное «место силы»; подбрасывает малахитовую глыбу нужных параметров, уговаривает не оставлять пологот... но и искушает.

Среди мастеров в сказе ходит поварье — растет в подземных Хозяйкиных угодьях Каменный цветок, кто его видит, тот постиг несемную, истинную красоту. Таких мастеров Хозяйка забирет к себе: теперь они работают на нее, и только иногда их изделия попадают на поверхность, и такая работа сразу отличима от изделий земных рук: «Идем любоблатно стало. Спринявлют, — какою поделу видел. — Да змейку, — говорит, — ту же, какую вы на зарукавье тоните. — Ну и что? Какая она? — От здешних, говорю, на отличие. Любый мастер увидит, сразу узнает — не здешняя работа. У наших змеяка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребтик чернишкой, глазки... Того и скажи — каюрат. Ни ведь, что? Они цветот каменный видалит, красоту поныла. Там, в подземелье, стерга раница между живым и неживым, там творится нечеловеческое волшебство.

Слова говорят с другого конца мира сюжеты о том, что самые дивные украшения, как и самое чудесное оружие и броня создаются под землей — мастерами-гномами или карликами-эверами. Несколько позже эти мотивы всплывают у Толкина и позднейших авторов фэнтези, но все сойдется на том, что такое совершенство — не для человеческих рук. Кельтский корузе сюжетов падается также историями о том, что внутри полей холмов попадают только лучшие в своем деле — самые искусные музыканты, самые сильные рыцари... да не стоит человеку оходить по этой полове. Искать запретных краев. А то немил станет мир земной и обычные дела.

Данила-мастер появляется изначально в сюжете как Данило-Недворовым, безродный сирота, которого по идее никто не хватится в земном мире. Но дальше на ан-

тичный манер, почти как в истории Орфея и Эвридики, ему помогает выбраться обратно на свет земная любовь. Но видение каменного цветка ему суждено забыть и придется прожить свою жизнь обычным мастером с обычными радостями и заботами ремесла.

А Хозяйка так просто не отпускает. Третий сын Данилы и Кати, ученый (и тем меченый) наследует в полной мере отповский талант и из самых простых материалов, из камня, которыми мостят от съявки дороги в этих местах, по подсказке Хозяйки снова делает каменные растения, неотгнанные от живых: «... Яголки-то кряженика сперва половинками обточил, потом внутрене-то выемки выдалил да еще, где надо, желобочки пропил, где опять утолчки оставил, скленя половинки да тогда их личико и обточил. Живая вода-то вышла. Листочки тоже тонко из змеяки выточил, а на корешок ухитрился колочкой тонехонкие пристроить. Олимс словом, сортовая работа. В каждой яголке ровно чернышью видню и листочки живые, даже маленькую с ильями: на одном дырки жучком будто проволоты, на другом опять ржавые пятнышки припились. Ну как есть настоящее... Именно это, мастера следующего поколения, забирет себе в горные мастеря Хозяйка, причем уже не повторит своих ошибок: «... Та девонка, которая зубья-то мыла перед Миткохонным окошом, тоже потерлась, и тоже с конюхом». Хозяйка, хоть и каменная по сути, а женщина, понимает силу любви. Просто вот так представляют себе архетип Венеры уральские мастера. А горного мастера ничего не должно удерживать на земле.

Тройки — тема нынешнего номера «Хроник» — тоже пропагандирует в этом сказочном диске: и Хозяйка, несомненно, одна из ипостасей Императрицы, и у Данилы забирает итено третьего сына; а тройка петляеи в классической колезде Райлера-Уйта — как раз о резьбе по камню и об обучении мастерству.

Вот так эзотерические мотивы проступают во вполне советском тексте Байкова — вполне советского писателя. Архетипы — они сплелись, и навечно. Хозяйка Медной Горы по сю пору правит на Урале и помогает искусным мастерам.

Текст сказки Байкова цитируется по изд.: Байков И.И. Малахитовая шапурка. М.: ОУПН, 1946.

23

*Предисловие к
Тайным запискам А. С. Пушкина 1836—1837⁴⁶*

Ольга Воздвиженская

*"Ты вот натворил невесть что, а отвечать кто будет? Пушкин?"
Распространенная бытовая фраза*

ЧЕЙ ПУШКИН?

Подобно всякому великому явлению жизни, Александр Сергеевич Пушкин за двести лет существования в культуре стал не только предметом многочисленных исследований, научных открытий, гипотез и догадок. Вокруг личности поэта, как и вокруг других героев отдаленной или недавней русской истории — от Александра Невского до Бориса Ельцина, — естественным образом сложилась некая мифология. Притом и официальные биографические "жития", и сплетни кухонного типа, как правило, равно далеки от истины, которая на поверку оказывается чем-то более сложным и противоречивым, чем линейный ход жизни и деятельности героя того или иного российского мифа. Оно и понятно — любой такой герой в основе своей живой человек, а жизнь отнюдь не просто черно белое явление.

Вот и Пушкин по разному виделся своим современникам и потомкам. На это влияли и время и место — например, в феврале 1937 года в докладе Н. Тихонова в Колонном зале Дома Союзов на праздновании 100-летия со дня смерти Пушкина было сказано, что любовь к Пушкину, как и любовь к наркому Ежову, является формой любви к товарищу Сталину. Но в те же времена родился анекдот о двух "ворошиловских стрелках", искренне не

---

⁴⁶ Первая часть предисловия написана для Ладомирского издания 2001 года. Postscriptum 2004 года дописан для издания 2004 года, выпущенного издательством *Петро*.

понимавших, почему в центре Москвы стоит памятник Пушкину, хотя Дантес стрелял метче. Кроме реального Александра Сергеевича в сознании читателя сосуществуют советизированный Пушкин Тынянова и легкомысленно светский "Пушкин в жизни" Вересаева; М. Булгаков, сам ныне ставший классиком русской литературы, очень своеобразно отозвался устами своего героя о Пушкине в "Мастере и Маргарите"; "Мой Пушкин", — объявила со всей страстностью Марина Цветаева, но рядом с "её Пушкиным" почти одновременно возникли Пушкин парадоксальных хармсовских анекдотов и Пушкин набоковских комментариев к "Онегину". Две московских средних школы носят имя Пушкина, но одна (расположенная на месте дома, где родился Александр Сергеевич) получила его в 1937 году к 100-летию со дня смерти поэта, другая (современная школа-лицей с усиленной гуманитарной программой) — в 1999 м к 200 летию со дня его рождения; в обеих, естественно, ученики уделяют особое внимание жизни и творчеству поэта, но как же не похож канонизированный в период "культы личности" Пушкин 37-го года на "солнце русской поэзии", особым блеском воссиявшее над свободной Россией в 99-м. Наконец, время от времени обнаруживаются ранее неизвестные документы и материалы, проливающие новый свет на жизнь и окружение Пушкина, и каждое следующее поколение по-своему перетолковывает пушкинский миф. Ибо в том и величие Пушкина, что он остается для нас современником и его творчество актуально для России во все времена. Так чей же Пушкин наиболее "правильный"? И вообще — чей он, Пушкин? Общий. Так и должно быть, Пушкин — "наше все", но и весь наш, Пушкин — общий и у каждого свой, каждый имеет право воспринимать великого поэта с той стороны, с какой он воспринимающему ближе. И вот перед нами еще одна пушкинская ипостась.

В 1986 году в США под именем Пушкина вышла книга, породившая волну откликов, не умолкающих по сию пору (1). В "Необходимом предисловии" её публикатор — поэт и прозаик Михаил Армалинский — рассказывает об истории обретения им рукописи "Тайных записок", и нет нужды эту историю повторять. Советская (и не только советская) печать сразу же обрушилась на издателя с бранью разной степени злобности — от брезгливого поджимания губ до требований чуть ли не физической расправы с публикатором. Книгу, естественно, объявили фальшивкой, хотя, надо сказать, Михаил Армалинский нигде и никогда не настаивал, что это подлинный пушкинский текст. Самого

Армалинского обзывали эротоманом, извращенцем, распространителем порнографии и ещё по-всякому. Но самое большое возмущение вызвал сам факт того, что кто то посмел посягнуть на "национальную святыню", которая многими понималась как национальный идол, сияющий в своей непорочной чистоте (у королев, как известно, не бывает ног, а великий поэт, видимо, не может быть наделен кое-чем другим; и на Солнце бывают пятна, но на "солнце русской поэзии" — ни-ни; и вообще, Пушкин испытывал лишь "души прекрасные порывы", души, а не плоти). Издатели не оставались в долгу и отругивались как умели, одновременно подзуживая обвинителей издать "Записки" на Родине поэта и предоставить читателю самому судить, что к чему.

Шуму было много, что, естественно, породило все новые волны интереса к "Тайным запискам". Окутанная ореолом запретности книга переиздавалась и переводилась на иностранные языки. За пятнадцать лет "Записки" выдержали несколько русско-американских изданий, были выпущены во многих странах, и было бы поучительно привести список целиком.

Итак, по данным на май 2001 года эта книга опубликована на следующих языках:

* русском: Пушкин А. С. Тайные записки 1836—1837 годов. Minneapolis: M.I.P. Company, 1986.

Последующие переиздания — 1989, 1991, 1993, 1994, 1995, 1997;

* английском: Pushkin A. S. Secret Journal 1836—1837. Minneapolis: M.I.P. Company, 1986.

Отрывки напечатаны в журнале: Penthouse Forum. New York, 1991. February. p. 50—53, 84, 86;

* итальянском: Aleksandr S. Puskin Diaro segreto 1836—1837. Roma: Lucarini Editore, 1991.

Отрывки напечатаны в римском журнале: L'Espresso. 1991. Ъ 43. P. 110—112.

* немецком: Alexander S. Puschkin Geheimes Tagebuch 1836—1837. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 1992.

Отрывки напечатаны в немецком издании журнала "Penthouse", см.: Penthouse. Munchen, 1992. Ъ 9. S. 66—70;

* французском: Alexandre S. Pouchkine Journal secret (1836—1837). P.: Sortileges Les Belles Lettres, 1994.

Отрывки напечатаны во французском издании журнала "Penthouse", см.:

Penthouse. Paris, 1994. Septembre. P. 64—67, 158;

* греческом: Alexantr S. Pouskin Mustiko hmerologio 1836—1837. Athens: Kastaniotis Editions, 1995;

* украинском: Пушкин О. С. Таємні записи 1836—1836 років // Лель Ревю. 1995. Ъ 5. С. 26—30 (киевский журнал);

* голландском: Aleksander Poesjkin. Geheim Dagboek 1836—1837. Naarden; Vesting: Element Uitgevers, 1996;

* исландском: Пушкин А. С. Jatningar Pushkins. Reykholt. Рейкьявик, 1996 (имя автора набрано кириллицей на обложке и титульном листе);

* испанском: Diario Secreto de Pushkin. Mexico (D. F.): EDAMEX, 1997;

* корейском: Secret Journal 1836—1837. Сеул: Jakkajungsin Publishing Co, 1997;

* латышском: A. Puskins 1836.—1837. gada Slepens Piezemes. Riga: NT Klasika, 1997.

Отрывки напечатаны в рижском журнале: Sexer Plus. 1997. Октябрь. Ъ 13. С. 10—13;

* португальском: Alexandre Puchkine Dibrio Secreto 1836—1837. Algres: Difel SA, 1998;

* чешском: Alexander Sergejev ic Puskin. Tajny Denik 1836—1837 // Specibl Cats/Sex. 1998. Ъ 3—12.

См. также: A. S. Puskin Tajny zapisky z let 1836—1837. Praha: Concordia, 2001;

* китайском: A. S. Pushkin. Secret Journal 1836—1837. Taipei, Taiwan: Unitas Publishing Co. Ltd, 1999.

Отрывки опубликованы в журнале: Unitas Literary Monthly. 1999. Ъ 3/173. P. 51—83. См. 10-11

также: Yalishanda Puxijin Mimiriji. Shanghai: Zhu Hai Publishing House, 1999;

* словенском: Skriv ni Zapiski A. S. Puskina. Maribor: Zalo~zba Obzorja, 2000;

* литовском: A. S. Puskinas Slapti uzrascai 1836—1837 metai. Siauliai: A. S. Narbuto leidykla, 2000;

* турецком: Gizli Gvnce 1836—1837 Aleksandr Sergeev ic Puskin. Istanbul: Civ iyazilari, 2000.

См. также: Gizli Gvnlvk A. S. Puskin. Istanbul: Papirus Yayinev i, 2001.

* албанском: A. S. Pushkin. Ditari Sekret 1836—1837. Tiranë: Fan Noli, 2000;

Читатель легко заметит, что ни одного российского издания в этом перечне нет, хотя имеются переводы на языки народов бывшего Советского Союза. По

недоброй русской традиции в России (как и ранее в СССР) эту книгу ругали не читая. В новейшие времена издательства, случалось, опасались за свою репутацию или не хотели вкладывать средства в книгу, как им казалось, столь сомнительного содержания. Хотя все, кто что-либо слышал о "Тайных записках", знают, о чем они и каким, с какой стороны предстает читателю её главный герой. Но со временем среди потока ругани стали все чаще раздаваться призывы опубликовать эту книгу как образец жанра. И отрывки из нее, зачастую в искаженном виде, начали появляться то в периодике эротической направленности, то в молодежной прессе, то в альманахах так называемой альтернативной, возвращенной, диссидентской литературы. К сожалению, почти все эти публикации волей неволей оказывались пиратскими.

А время шло. Миновала перестройка, все прочнее укоренялись в сознании и жизни свобода печати и слова, все чаще выходили в свет сочинения на ранее запретные темы и с ранее запретной лексикой. Уже десять лет существует и пользуется читательским успехом серия "Русская потаённая литература". Пора "Тайным запискам", относящимся, несомненно, к русской потаённой литературе, обросшим за пятнадцать лет собственной мифологией, прийти к российскому читателю. И вот они у нас в руках.

Не будем вдаваться в дискуссию — автор ли этого текста А. С. Пушкин или только литературный герой; а если автор не Пушкин, то кто; так или нет было всё на самом деле; на балу или в борделе познакомился русский поэт с французским офицером, каковое знакомство оказалось столь роковым. Но нужно признать, что изображение внутренней жизни мужчины, борьбы между страстями и нравственными установлениями, размышления о природе любви, творчества, греха, наслаждения, жизни, смерти и судьбы — все это делает "Записки" не столько свидетельством эпохи, сколько документом человеческой души, и их исповедальный тон, их предельная откровенность как нельзя более соответствуют сложности самой темы.

А тема действительно непростая. Не советская власть запретила публичное — устное и письменное — обсуждение интимных вопросов, в частности аспектов чувственности и телесных удовольствий. К сожалению, в стране, некогда принявшей христианство византийского толка, склонного ко всяческому умерщвлению плоти (даже вступать в дозволенный сексуальный союз — венчаться — в период Великого поста запрещалось), вся эта сторона

человеческой жизни сводилась в лучшем случае к формулировке "беса тешить", а в худшем — именовалась "блудодеянием". Оттого и литература, прямо скажем, не уделяла сколь-нибудь доброжелательного внимания столь естественным человеческим потребностям, считая все это низким, постыдным и недостойным. Даже конкретных примеров приводить не надо — каждый человек, мало мальски знакомый хотя бы лишь с хрестоматийными произведениями отечественной словесности, знает, что чувственность всемерно ею осуждалась. А ведь сама литература, печатное слово, в России однозначно воспринималась как учебник жизни. Неизменная черта русской культуры — цензура, "управа благочиния", — на деле лишала человека даже просто слов, с помощью которых можно было бы назвать и объяснить что-нибудь из сферы, относящейся к так называемому "низу". Оставались только всем известные, но числившиеся неприемлемыми слова да и те объявлялись привнесенными на Святую Русь иноверцами. Что то начало меняться на рубеже XIX—XX веков с новыми веяниями в искусстве, но тут случился Октябрьский переворот, упрочивший тиранию, традиционно присущую российскому православному мироустройству.

Однако свято место пусто не бывает. И вакуум, образующийся на месте официальных умолчаний, заполняется мифом. Каждая национальная культура рождает свой сексуальный миф. Он может быть самым разным, существенно изменяться в зависимости от контекста, но всегда сохраняет некие универсальные черты. Одна из них — принадлежность некоему времени, прошедшему по сравнению с моментом рассказывания мифа. Уже во времена самого Пушкина полулегендарный Иван Барков воспринимался как литератор предыдущего поколения. "Пиковая дама", написанная в николаевской России, полна ностальгии по галантным временам Екатерины II. Поздний роман А. Куприна "Юнкера" упоминает о том, как юнкера конца XIX века бережно хранили, передавая от старших курсов к младшим, списки нецензурных сочинений — "юношеских грехов" — Лермонтова; эти тексты, вероятно искаженные при многократном переписывании, почитались юнкерами как часть традиции военного обучения и славы русского оружия. Цикл анекдотов о Чапаеве (не реальном начдиве, погибшем в Гражданскую войну, а герое фильма братьев Васильевых), его простоватом ординарце Петьке и блудливой, готовой всегда, на всё и со всеми Анке пулеметчице достиг пика популярности в 70-е годы XX века, воплотив тоску брежневско-андроповского

общества по простоте нравов "военного коммунизма".

А самый известный из современных героев русского сексуального фольклора — поручик Ржевский, герой войны 1812 года, как явствует из "Гусарской баллады" (советского фильма, от реального содержания которого поручик давно отделился в массовом сознании). Но не о боевых подвигах гусара повествуют все эти анекдоты (2).

Примеры можно множить и далее, но проявления такого рода национальной мифологии однотипны. Причем тенденция обозначилась не только в устной традиции (например, в анекдоте), но и в писанной словесности. Так, например, "Лука Мудищев" известен в огромном количестве письменных и опубликованных вариантов, то же относится и к нецензурным эротическим переделкам "Горя от ума", "Евгения Онегина", "Демона" и прочих великих произведений русской литературы.

Потребность в сексуальном мифе и сексуальном герое при всеобщей российской неудовлетворенности в этой сфере — не на деле, но в мыслях — весьма велика во все времена. Так мог ли пушкинский миф обойтись без этой темы? И мог ли Пушкин, самая яркая личность в русской истории, не стать объектом пристального внимания на предмет своей интимной жизни — и, как следствие, героем сексуального мифа? Свою роль, конечно, сыграла и "двойная" божественность образа Пушкина: официальное посмертное прославление поэта при всех российских режимах и — редкий случай "симфонии" народа и власти — единодушное всенародное признание божественного величия таланта нашего героя. Пушкинский гений — явление сверхобычное, непостижимое для простого смертного: "Кто знает, что такое слава? Какой ценой купил он право, возможность или благодать?.." Дар творца, присущий одному лишь Богу, выводит Пушкина за рамки обыденной жизни, и потому божественная степень его поэтического дара требует, соответственно, от своего носителя из ряда вон выходящих качеств и в прочих сферах. Мы знаем, что Аполлон — бог, повелитель муз, но и Приап тоже бог, Пушкин же — божественный Абсолют русского культурного мифа, и вполне естественно, что в его образе гармонично слились аполлонические и приапические черты.

И ещё — миф рисует нам Пушкина как вечного оппозиционера, бунтаря, певца Вольности и одновременно — любителя всяческих вольностей, потому неудивительно, что на обывательском уровне свободолюбивый дух претворяется в неутомимый либертинаж. И в полном соответствии с античной

схемой мифа Пушкин в творчестве и в жизни сверходарен, неутомим, богоравен, но в то же время и уязвим, как были уязвимы Ахиллес и Геракл (недаром "Записки" обрываются накануне дуэли, исход же ее известен). "Тайные записки" не единственное произведение, в коем Пушкин предстает носителем выдающихся мужских стАтей. Например, опубликован "Донжуанский список Пушкина". До сих пор не менее, чем творческая история написания тех или иных пушкинских стихотворений, занимает исследователей и читателей вопрос: кому из знакомых поэту дам эти стихи посвящены? И что за "чудное мгновенье" случилось у поэта с Анной Керн? Изменяла ли ему венчанная жена Натали с императором? А с Дантесом? Были ли у Пушкина незаконные дети от крепостных девок? И где территориально — в Михайловском или в Болдине? Отсутствие привычки говорить на подобные темы спокойно и обоснованно лишь подогревает жадный интерес. А ностальгия по прошлому, по безвозвратно ушедшему "золотому веку" придает пушкинскому мифу особую притягательность ("Где ты, наша юность, где ты, наша слава, — золотое время крепостного права?"). Потому и книги, подобные "Тайным запискам", почти что обречены на сенсационный успех. Кроме того, сенсационность усиливается ещё одним мифом, гласящим, что буде книга запрещена советской цензурой и ругаема в официальной советской печати, то уж наверняка в ней написана если не правда, то нечто весьма и весьма интересное. Это не всегда верно: книги запрещались по самым разным поводам и просто на всякий случай, "как бы чего не вышло", — но какое дело мифу до истины?

Очень может быть, что "Тайные записки" представляют собой литературную мистификацию, в чём для истории литературы нет ничего необычного, — и сам поэт Александр Сергеевич Пушкин выступал как публикатор наследия покойного прозаика Ивана Петровича Белкина, "автора повестей"; а в другой раз вывел самого себя в третьем лице под инициалом — латинской литерой Р. — в "Романе в письмах". И если "Записки" — мистификация, то мы не собираемся ни её разоблачать, ни вставать на её защиту. Но книга, имеющая столь бурную историю, так явно выразившая срез пушкинского мифа, свойственный именно нашему непростому времени — концу прошлого века — и именно неподцензурной русской ментальности (как и многие другие интеллектуалы, Михаил Армалинский в 70 х годах минувшего столетия эмигрировал из СССР), такая книга должна быть издана в России, дабы стать наконец доступной нашему современнику и соотечественнику. Хотя бы для

того, чтобы перестать быть сенсацией, ибо сладок только запретный плод, а откусишь от него — и, не ровен час, вкус познанного добра и зла может показаться горьким. Пример тому — тот же "Лука Мудищев", почти двести лет ходивший в списках или печатавшийся тайно и ограниченным тиражом, после научной, комментированной, общедоступной публикации ныне привлекает внимание лишь историков литературы да искушенных любителей жанра. Была легенда — теперь это просто литературный памятник. Кроме того, о чем уже было сказано, "Записки" представляют интерес и сами по себе, безотносительно к вопросу о своей подлинности, являясь в своём роде образцом столь редкого для родной литературы жанра. Вот мы и взяли на себя задачу, не ища скандальной популярности, просто поставить точку в многолетней дискуссии, которая без наличия доступного текста была зачастую лишь сотрясанием воздуха. А читатель сам разберётся, что это за книга — поношение ли великого поэта или еще один камешек в основание "нерукотворного памятника".

При подготовке "Тайных записок" к изданию состоялась весьма интересная переписка с американским издательством "M.I.P. Company" и самим Михаилом Армалинским. В результате публикатор и правообладатели согласились на мелкую стилистическую правку (в частности, заменены инициалы героев — русские на латинские, уточнена пунктуация и сделаны еще некоторые незначительные изменения), но сама книга в точности воспроизводит американскую публикацию 1986 года, неоднократно тиражировавшуюся как по-русски, так и в переводах на другие языки. Что же до содержания, духа эпохи, достоверности фактов, оправданности языка "Записок" (а если верить "Необходимому предисловию", текст является переводом зашифрованного французского подлинника, ныне безнадежно утраченного), то за всё это отвечает автор, кем бы он ни был.

Многажды разруганные, обвиненные во всех смертных грехах, разобранные исследователями по косточкам, "Тайные записки", мы надеемся, начинают новый этап своего многострадального бытия — в России. Вероятно, и это издание в серии "Русская потаённая литература" вызовет споры, нападки или восторги, новый виток практической "парапушкинистики". Но как сказал некогда сам герой "Тайных записок": "Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца".

Ольга Воздвиженская, 2001

1. Отклики на "Тайные записки" тогда же начали собираться Давидом Баевским и составили отдельную книгу. "[Парапушкинистика](#)" Давида Баевского за пятнадцать лет неоднократно переиздавалась и дополнялась. Для удобства читателя отклики на "Тайные записки", переписка издателей с "критиками" и комментарии Д. Баевского расположены в ней по хронологии, см.: Баевский Д. Парапушкинистика. Minneapolis: M.I.P. Company, 1996.

[Новейшие дополнения](#) размещены на сайте издательства: <http://www.mipco.com>.

2. Очевидная слава поручика Ржевского на сексуальном поприще эксплуатируется в современном рекламном бизнесе, который всегда ориентирован на мифы массового сознания. Недавно выпущены в продажу отечественные презервативы марки "Гусарские" — вероятно, со шпорами?

POSTSCRIPTUM 2004 ГОДА

...Так все и получилось. И хвалы, и клеветы было море. И полемизировать с глупцами мы, конечно, не стали. Хотя нападок в свой адрес услышали предостаточно. При этом отрадно, что и умных людей нашлось тоже предостаточно.

Например, было замечено, что за все годы существования "Тайных записок" о них ни слова не сказали потомки Александра Сергеевича, образующие довольно-таки организованное и сплочённое интернациональное сообщество. Можно только догадываться, почему эти дамы и господа никак не реагируют на существование данного текста: то ли относятся к нему с юмором, достойным великого предка, то ли считают, что ввязываться в свару — дело не дворянское. Надо отметить, что, к чести российского правительства, оно поступило так же — публично отказалось комментировать факт выхода "Тайных записок" в России (1).

А свара разыгралась таки нешуточная, как мы и предполагали. Книга разлетелась за несколько месяцев. Ее презентация в Центре современного искусства им. А. Зверева (который, в силу случайного совпадения,

располагается на самой что ни на есть родине поэта — в Немецкой слободе, в трех минутах ходьбы от места, где стоял дом Пушкиных) была предварена сообщением ИТАР—ТАСС, повторенным многими и многими российскими СМИ. Литературно-филологический официоз, а также воспитанные на его заветах читатели старшего поколения в очередной раз завозмущались, замахали красными флагами и просто руками, а кое-кто потребовал суда теперь уже над российскими издателями. Но были многие и многие, для кого "Записки" оказались если не откровением, то книгой, вызвавшей совершенно новые размышления и о Пушкине, и о русском поэте как о феномене, да и о человеческой природе вообще. Ведь не бывало ещё русского сочинения, столь подробно и пристально исследующего соотношение духовного и телесного, человеческого и божественного, творческого и повседневно бытового. Те, кто обзывал записки "грязной порнографией" и "клеветой на великого поэта", похоже, были просто заморожены именем Пушкина на обложке и словом "пизда" на первой же странице. А потому саму книгу толком так и не прочли. И не сумели оценить ни глубину анализа, ни качество текста, ни смелости и честности тех, кто рискнул донести это сочинение до читателя. Короче, книга, связанная с именем легендарного поэта, сама стала предметом легенды, которая творится на наших глазах и — порой невольно — нашими руками.

В далекой Миннесоте Давиду Баевскому с выходом российского издания "Записок" прибавилось работы. Количество откликов, начиная с 2001 года, превысило всякое разумение. ["Парапушкинистика"](#) разрасталась с каждым днем и вскоре вышла четвертым изданием. На сей раз — отпечатанным в России. По объему эта книга уже примерно впятеро больше исходного текста, и пока что она заканчивается 2002 годом. Но в реальности конца края этому процессу не видно.

Нельзя отмахнуться от того, что вслед за Россией текстом заинтересовались бывшие восточноевропейские её "союзники" по Варшавскому договору. К перечню переводов прибавились издания на:

* сербском: *Tajni Dnevnik A. S. Puskina 1836—1837*. Beograd: Zepter Book World, 2002;

* болгарском: *Тайните записки на Александър Сергеевич Пушкин 1836—1837*. София: Кибеа, 2002;

* венгерском: *Puskin titkos naploja 1836—1837*. Debrecen: Toth

---

Konyvkereskedes es Kiado Kft., 2003.

* румынском: Alexandr Puskin. Jurnalul secret 1836—1837. Bucharest: Hustler Magazine, May 2001 — Septembrie 2003.

Очевидно, что, какими бы ни были причины, "Тайные записки" весьма востребованы в современном мире. До сих пор находятся люди, спрашивающие: "А это правда Пушкин написал?" И я по-прежнему отвечаю: "Не знаю". Да это уже и не важно. Может быть, это и подлинный текст Александра Сергеевича, может быть, чья то попытка стать вровень с великим поэтом или самоотжествитья с ним, или это великолепный образчик русского постмодернистского романа, или блистательно удавшаяся литературная провокация?

В любом случае эта книга принесла читателю немало радости. И еще принесёт.

Потому вот оно — второе российское издание "Тайных записок".

Ольга Воздвиженская

3. См.: [Баевский Д. Парапушкинистика](#). 4 е изд. Миннеаполис: M.I.P. Company, 2003. С. 298. О четвертом издании "Парапушкинистики" мы еще скажем отдельно.

*Предисловие к избранному Михаила Армалинского **Чтоб знали!**,
изданному Ладомирком в 2002 году.*

**СОИТИЕ ЛЕНИНГРАДА С МИННЕАПОЛИСОМ,
ИЛИ ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕСОВПАДЕНИЙ
(О сочинениях Михаила Армалинского)**

...Думаю, что надрыв, который Вы почувствовали, характерен не только для русской литературы. Этим я не хочу сказать, что я не русский писатель. Я – интернациональный писатель.

М. Армалинский(1)

Лучше позже, чем никогда.

Лет пятнадцать назад в отечественном литературоведении возник термин «возвращенная литература». Именно тогда к русскому читателю с запозданием пришли сочинения многих и многих еще живых и уже – увы! – умерших русских писателей, в разное время покинувших СССР. И оказалось, что русская литература есть нечто слегка иное и уж, по крайней мере, существенно большее, чем мы, тогдашние читатели, привыкли о ней думать. И процесс постижения «возвращенной литературы» продолжается, хотя насильственное разделение на патриотов и эмигрантов, слава Богу, уже в прошлом. За рубежами «просторов Родины советской» писатели оказывались (добровольно или не вполне) по внешне разным, но по сути схожим причинам – в поисках свободы, в чем бы она ни выражалась.

И вот еще одно имя, до сей поры мало знакомое современному россиянину, – Михаил Армалинский, тоже искатель свободы, причем в той сфере, где запреты и слежка особенно привычны и особенно губительны – в интимной жизни человека.

Сама эта тема для русского читателя также малоизвестна. Не то чтобы «про это» никогда раньше по-русски не писали. Писали, конечно, но чаще тайком, и эти тексты обычно если и печатались, то или мелким шрифтом в примечаниях

к посмертным собраниям сочинений, или уж по советской традиции самиздатом. Последний, кустарный способ размножения невольно порождает искажения (что, кстати, весьма затрудняет атрибуцию таких произведений). Потому и книжная серия, очередной том которой отдан произведениям Михаила Армалинского, называется «Русская потаённая литература». Но впервые в этой серии помещаются тексты, вышедшие из-под пера (а также в более поздние годы сошедшие с компьютера) живого и активно работающего автора. Тем не менее его творчество – более четверти века литературных занятий – до настоящего времени оставалось потаённым для России. В отличие от прочих – знаменитых, известных или забытых, но извлеченных из небытия – писателей русского зарубежья, Армалинский как самостоятельный автор почти неизвестен на родине (2). К сожалению, в России до сих пор были изданы лишь несколько его рассказов и отрывков из романа, и все эти публикации были, опять же к сожалению, пиратскими. Кроме того, покинув эту страну, Михаил с тех пор ни разу сюда не наведывался и пока что наведываться не собирается, а потому судить о нем надлежит только по написанному им. Потому и знакомство с этим писателем – своего рода «вынужденная переписка».

Стало быть, русскую эротику писали и раньше, и неплохую, и даже очень хорошую, и занимались этим весьма известные в отечественной литературе персонажи – от Пушкина до Лимонова. Но эротические экзерсисы в творчестве классиков и современников – поэтов ли, прозаиков ли – чаще всего оставались явлением периферийным, своего рода «шуткой гения».

Единственный русский классик жанра – легендарный Иван Барков – личность виртуальная. По вполне очевидным причинам, родная словесность не породила ни своего маркиза де Сада, ни своего Леопольда фон Захер-Мазоха, ни изысканных дам-сочинительниц вроде Анаис Нин или Эмманюэль Арсан. И пожалуй, единственный, кто эту культурную прореху заполняет, – это как раз Михаил Армалинский. Неустанно, в стихах и в прозе, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

Этот писатель принял на себя неблагоприятную роль русского эротописца, сексописателя (или сексо-писателя), а поскольку русская литература всегда литература социальная, общинная, идейная, манифестная, то Армалинский –

вольно или невольно – превратился в раздавателя пощечин и плевателя в глаза общественному вкусу. Главной своей темой он избрал Соитие во всех мыслимых ипостасях. Но, как известно, секса в Советской стране не было (хотя блядство процветало повсеместно), и ясно, что литератор, ориентированный на всесторонний показ и анализ сексуальных переживаний, имел в Стране Советов в перспективе одни неприятности. А уж автор-еврей, публикующий в Ленинграде времен Романова поэтические сборники самиздатом – тем более. Потому, как пишет сам Армалинский, «я уехал 17 ноября 1976 года и ступил на святую американскую землю 22 февраля 1977 года» (4). (Новую родину Армалинский на свой лад отблагодарил, в частности, тем, что переосмыслил в генитальном духе символику американского флага, о чем подробно рассказано в романе «Добровольные признания – вынужденная переписка» .) (5). По приезде Михаил переиздал ленинградские сборники своих стихов, а потом создал в Миннеаполисе собственное издательство «M.I.P. Company» и более поздние свои сочинения издавал уже в нем наряду со многими книгами и других авторов. В общей сложности Армалинский является автором 11 книг стихов и прозы, а в последнее время, согласно новейшим веяниям, перешел на публикации в Интернете. Писатель также выступил как составитель сборников детского эротического фольклора, нецензурных поговорок и пословиц, уже упомянутого альманаха «Соитие». Кроме того, на сайте издательства регулярно выходит в свет «Литературный журналец Михаила Армалинского General Erotic», а с весны 2001 года открылся и виртуальный «Храм Гениталий» . Так что на «святой американской земле» всюду расцвел талант русского (или точнее, русскоязычного) писателя, для которого, как может показаться иным ханжам, нет ничего святого. Такая последовательность в действиях и верность своей теме в творчестве и жизни создали нашему герою устойчивую репутацию чуть ли главного современного русскоязычного автора-эротиста, возмутителя спокойствия и почти что графомана-извращенца. Но и пишет Армалинский не для ханжей, и свои святыни у него есть. Чтобы оценить всю силу и непростую прелесть его сочинений, надо знать, в чем состоят эти святыни и под каким углом зрения смотрит этот писатель на мир и людей, в нем живущих. Вот потому и том избранных произведений, впервые публикующихся в России, сам автор так и назвал – «Чтоб знали!».

Читать Армалинского – занятие не для всякого. По первому прочтению, когда

утихнут рвотные спазмы от «Безотходного производства любви», уймется дрожь жути от «Свежесрезанных голов», высохнут слезы от «Попытки разлуки», стихнет острая жалость к героине «Пустой почты» и перестанет рябить в глазах от слов, более привычных на заборе, чем в книге, хочется потрясти головой и забыть поскорее, что вообще брал в руки такую книжку. Но забыть не удастся. Тогда начинаешь перечитывать эти тексты заново и понимаешь, что путем мастерских описаний генитальных (оральных, анальных, инцестуальных, зоофильных и т. д.) приключений трактуется единственная тема, главная тема человеческой жизни – поиски любви. Люди разделены и одиноки, и никто никого не может понять, и никто ни с кем и ничто ни с чем не совпадает, и мир разъят и наполнен тоской. И в таком мире, с такими душами герои напряженно, мучительно, порой бестолково пытаются избавиться от одиночества, найти друг друга и хоть какой-то просвет. Эти герои живут в состоянии непроходящей разорванности, и всякий на свой лад старается ее преодолеть. Единственным мостом над пропастью, лежащей между людьми, между человеком и миром, оказывается любовь, тепло прикосновения другого существа, совместно пережитый миг соития. Только он примиряет героев с кошмаром существования.

В «Безотходном производстве любви» главная героиня должна выбрать между чистотой и комфортом своего дома с извергом-мужем, с одной стороны, а с другой – женской востребованностью, бесконечным восхищением мужчин-бродяг, каждый из которых хорошенечко стукнут жизнью и потому бесконечно добр и терпим. И героиня выбирает труппы, где она – Королева. Уродливый врач-гинеколог и неудовлетворенная пациентка соединяются спиной к спине, хоть таким образом обретая друг друга. Именно уродство циркачей Лохматого и Косматой делает столь уникальным и неразрывным их союз, и их гибель на арене – высший миг их любви. Героиня со знаковым именем Любовь («Женщина, говорящая "Давай ебаться!"») разрывается между уютом и надежностью американской жизни и русской чувственной стихией – и выбирает Россию. Герой «Трусиков» готов уподобиться собаке в поисках хозяйки, героиня «Собачьей радости» именно с собаками обретает свою грешную радость. Любовь цветет в неожиданных местах и возникает между неожиданными партнерами, и проявляется всеми способами, и каждый раз она – чудо. «Гонимое чудо» – так обозначает Михаил Армалинский миг торжества любви, миг преодоления любой отъединённости.

А «по обе стороны оргазма» (6) – жизнь и смерть, и разделяет их только миг высшего наслаждения, доступного человеку. И потому так часто истории в этой книге имеют трагический конец. Кен и Натали в «Попытке разлуки» не могут ужиться вместе и не могут жить друг без друга. Их примиряет и воссоединяет смерть. Героя из одноименного рассказа только смерть сближает с сыном. Культурист из «Мускулистой смерти», всю недолгую жизнь проведший в поисках кого-нибудь, кто его полюбит, тайно и неосознанно влюбленный сам в себя, умирает после соития с собой. Между смертью и любовью проводит несколько часов у постели умирающей бабушки юноша из рассказа «... И от бабушки ушел», и со смертью играют в любовную игру страшноватые персонажи «Свежесрезанных голов». Скелет мертвой женщины видится идеальной возлюбленной герою «Сделки». Жизнь и смерть как две равнозначные стороны бытия – вечная тема литературы! Секс в мировоззрении Армалинского – Абсолют, помогающий преодолению несовпадений, пусть момент соития (момент истины!) краток и преходящ. И даже миф о зачатии Сына Божьего оказывается возможным пересказать как историю светлой и чувственной любви, особенно остро ощущаемой героями перед бегством («Радужный знак»).

Очередную свою поэтическую книгу – первую, целиком составленную из стихов, написанных в Америке, – Михаил назвал «После прошлого», тем самым как бы подводя черту под старой жизнью в СССР. Но тема России отнюдь не ушла из его снов и мыслей, а опыт жизни в советской действительности уникален, хотя и достается весьма дорогой ценой. Потому и местом издания своих первых книг Армалинский ставит Ленинград (хотя настоящим тиражом они, конечно, вышли в США вторыми изданиями) и настаивает, что его тексты должны рассматриваться именно в хронологической последовательности; «мне чужда некрасовская охота за первым сборником и уничтожение книги "в стыде за прошлое", мне также неприемлемо пастернаковское "усовершенствование" юношеских стихотворений в зрелом возрасте. Все это есть поправление и уничтожение себя в прошлом» (7). Чем дальше лирический герой Армалинского существует в англоязычном окружении, тем более – и это особенно заметно по поздним стихам – обостряется чувство родного языка, причастности к русской культуре и стремление воссоединить разорванные концы в своей душе и своем творчестве. Об этом же и главное произведение, вошедшее в этот том – роман

«Добровольные признания – вынужденная переписка», изданный в теперь уже легендарном 1991 году.

Главный герой во многом напоминает автора. Борис – еврей по национальности, русский поэт по призванию и американский гражданин. Такой набор качеств порождает своего рода «двойственные отношения» с миром. Какая-то часть души этого героя осталась на питерских улицах и на берегах Финского залива, хотя реализация Бориса как зрелого мужчины и писателя, нашедшего свой стиль и тему, наступила именно в США. Два главных литературных авторитета называются в романе, и опять между ними океан во времени и пространстве: Федор Достоевский – там (т. е. здесь, в России), а Иосиф Бродский – здесь (т. е. с нашей точки зрения там, в Америке). Все та же раздвоенность, разорванность, и оттого летят из N-ска через океан в Санкт-Петербург бесконечные письма другу-художнику обо всем на свете: о любовных поисках и встречах, о разлуках и разочарованиях, о свадьбах и разводах. Прошлое живет рядом с настоящим, и Борис (иногда себе в ущерб) всячески способствует перетаскиванию в свою новую жизнь тех людей, что окружали его в старой. Новые встречи со старыми знакомыми зачастую приводят к переоценке прежних человеческих связей, но и новые не лучше, в чем у героя – и автора – хватает смелости признаться во всеуслышание. Признания – добровольные, а ближе к концу романа лирические или иронические исповеди все чаще сменяются манифестами – политическими, философскими, эстетическими. По ним легко представить себе мировоззрение героя, во многом созвучное с авторским.

К жанру манифестов относятся и два эссе, также включенных в книгу, – «Гонимое чудо» и «Спасительница», где основные формулы мировоззрения Армалинского обрели законченность чеканных формулировок. А в «Храме Гениталий» те же принципы – божественность оргазма, святость соития, жреческая миссия проституции – возведены в заповеди. По-своему Армалинского можно даже считать религиозным мыслителем, по крайней мере, неустанным проповедником символов своей веры.

Эмоциональный спектр писаний Армалинского вообще широк: от кропотливого бытописания в «Герое» до философских раздумий «О чем думает человек в час... день... год... жизнь своей смерти», от фантазмагорий «Света в окошке» и «Самораскопок» до хлесткого сарказма «Сказки о русско-французских связях». Так что, по советскому военно-кафедральному

выражению (коих сам Армалинский большой любитель), наш автор «где человек, а где и беспощаден». Утонченный анализ отстраненного исследователя сочетается в его творчестве с пристрастностью лично заинтересованного участника (и как же иначе – ведь автор сам по себе живой и здоровый человек, интересный мужчина пятидесяти с небольшим лет), а пронзительный лиризм иных описаний – с готовностью к непрекращающейся борьбе с ханжеством. Неустанно творимый Армалинским собственный имидж охальника позволяет ему резать всю правду-матку (и потому, наверное, столь часта в его писаниях тема аборта), а иногда и возвещать очевидные, но замалчиваемые истины, невзирая на лица, но пристально рассматривая те части тела, от коих принято стыдливо отводить глаза. Но кажущееся иногда чрезмерным эпатирование почтенной публики – лишь избранный им и его героями путь поисков любви, единства, совпадения, и все, что разобщено, может слиться в бесконечно повторяющемся вселенском Соитии. Ибо оно – божественное Чудо (не боюсь повторений), наперекор всем гонителям. А любой путь к Богу приемлем, недопустимы только ложь и насилие, кои суть порождения дьявола.

Нелегко было готовить и нелегко будет читать эту книгу – прежде всего потому, что сама тема требует от читателя пересмотра многих прежних ценностей, считающихся неременной частью отечественной словесности, – ханжества, выдаваемого за целомудрие; страха перед так называемой табуизированной лексикой (хотя других русских слов для описания гениталий и актов просто-напросто нет, а все эвфемизмы – «новояз» по Оруэллу); традиционного деления «высокого» и «низкого» (все бы им разделять, чтобы властвовать – над нами!); презрительного отношения к естественным (пусть даже непривычным) проявлениям человеческой чувственности (советую читателям обратить особое внимание на антитолстовские высказывания в романе – тоже весьма необычная, но правда). К тому же автор и его читатели разделены чисто географически. Михаил счастливо живет у себя в Миннеаполисе и не собирается оттуда никуда двигаться, хотя мыслями во многом обращен к русской действительности. Электронная почта сокращает расстояния и опять же помогает преодолевать деления и прояснять несовпадения, чаще всего оказывающиеся мнимыми.

Может быть, и хорошо, что этот том выходит в свет именно сейчас, в начале

нового века, в обновляющейся России, продолжающей освобождаться от навязанных многовековой традицией псевдонравственных запретов и страхов. Одинокий и замороженный человек управляем и беспомощен, а один из главных лозунгов тоталитаризма – «Незнание – сила». Так вот, чтоб знали!

Ольга Воздвиженская

1. Здесь и далее с любезного разрешения Михаила Армалинского цитируются фрагменты его писем редактору этой книги. Эпиграф – из письма от 8 августа 2001 г.
2. Особо скандальную славу М. Армалинский снискал, издав в 1986 г. «Тайные записки А. С. Пушкина». Эта книга как раз была очень и очень замечена в СССР, и даже в современной России по сию пору не утихает ругань по ее поводу. Первое собственное русское, т.е. российское, издание состоялось только в 2001 г. также в серии «Русская потаенная литература». Произведения же самого Армалинского удостоились буквально считанных рецензий в отечественной прессе, датируемых началом 1990-х годов.
3. Именно так называется изданный Армалинским в США в 1989 году альманах русской эротической литературы.
4. Из письма от 6 мая 2001 года.
5. Изображение этого флага было опубликовано на обложке нью-йоркского еженедельника SCREW в 1989 г. ко Дню независимости 4 июля и воспроизводится на форзацах настоящего издания.
6. Название одного из поэтических сборников, стихи из которого также вошли в настоящую книгу.
7. Из письма от 22 марта 2001 года.

Предисловие Ольги Воздвиженской под псевдонимом Наталья Михайловская к Парапушкинистике Давида Баевского 2003 года

Наталья Михайловская

...АЙ ДА СУКИНЫ ДЕТИ!

Книга, которая перед вами, трудноопределима по жанру. Сборник материалов? Документальное повествование? Цитатник? Скорее всего, «Парапушкинистика» — хрестоматия. По какому предмету? По самым разным. С помощью этой книги можно изучать разнообразные дисциплины — на- пример, новейшую историю издательского дела в России. Или вечную историю человеческой тупости. Или технологию литературных провокаций. Или практику борьбы с «совком», ибо, если отвлечься от ремарок самого автора-составителя Давида Баевского, то более всего «Парапушкинистика» структурой, да и тоном большинства своих фрагментов напоминает старые добрые советские «кирпичи»: «КПСС в резолюциях», например, или что-нибудь вроде «Прогрессивные западные писатели о Советском Союзе», или «Классики марксизма-ленинизма о слонах». Разве что посвящена «Парапушкинистика» весьма специфической теме. Это книга о книге, «Парапушкинистика» целиком состоит из текстов, являющих собой реакцию русскоязычного (советского, позднее российского и в меньшей степени мирового) сообщества на существование знаменитых «Тайных записок А. С. Пушкина. 1836—1837 гг.».

Значительное количество парапушкинистических фрагментов на разные лады толкует историю появления и бытования «Тайных записок», притом всякий автор делает это по-своему, зачастую допуская ошибки в изложении фактов...

...Первое американское издание книги сопровождалось выпуском рекламной листовки, попавшей в СССР, опрометчиво опубликованной «перестроечным» Огоньком и сработавшей по прямому назначению — «Записками»

заинтересовалась отечественная читающая публика, и этот текст, несмотря на все «рогатки», дошел до россиян (тем более, что в США «Записки» выдержали в общей сложности семь русскоязычных изданий). Вот тут и началось всё то, что составило предмет «парапушкинистики», — нарастающий вал восторгов и брани, недоумение и веселье, угрозы чуть ли не физической расправы с издателями и смехотворные попытки разоблачения истинного автора книги, доказательства подлинности или поддельности текста «Записок» и далее теоретические литературоведческие штудии по самому тексту как таковому.

Массив вторичных текстов, порожденных «Записками», оказался столь велик и столь выразителен, что одновременно стала естественным образом расти и «Парапушкиника», составлением которой занялся близкий к М.И.Р. Сопрану американский русскоязычный критик Давид Баевский. Его деятельность началась с нескольких статей о «Записках» в русскоязычной эмигрантской прессе, потом он невольно сделался комментатором наиболее смачных кусков «Парапушкинистики», включился в переписку издателей с критиками и «разборщиками» и теперь, — видимо, пожизненно — занят кропотливым собиранием всякого рода упоминаний о легендарных «Тайных записках», появляющихся в мировых бумажных и электронных СМИ. «Парапушкиника» Баевского сама выдержала три бумажных издания в Америке, каждое из которых разрасталось и дополнялось по мере накопления материалов, потом долгое время жила в Интернете на сайте М.И.Р. и, наконец, выходит снова на бумаге, ещё более располневшая. В «Парапушкинику» включены и отзывы на неё саму. Впрочем, любое открытое общение с издателями «Записок» обязательно отражается в «Парапушкиникe», что всем пишущим о «Записках» уже известно, и некоторые авторы беззастенчиво этим пользуются, дабы хоть так отметить в истории.

Как в хуле, так и в хвале «Тайных записок Пушкина» сразу же выявилось две главные тенденции: первая касалась личности героя, вторая — темы этой книги. Соответственно в рамках первой тенденции публикатора (а многие считают Михаила Армалинского и автором «Записок») поносили за сам факт покушения на главного национального поэта, за изготовление «гнусной фальшивки», за недостаточную пушкиноведческую компетенцию, за одно то,

что посмел далее глянуть в сторону Пушкина и замарал его своими грязными помыслами.

Вторая тенденция заключалась в том, что издателя (автора?) обвиняли в распущенности, психической сдвинутости на теме секса (1), обзывали извращенцем, маньяком и прочими словами в том же духе. Так что «Записки» подвергались нападкам сразу по двум пунктам — и как клевета на Пушкина, и как просто «порнография». Соответственно, эти же две темы прослеживаются и в позитивных отзывах на книгу: ее хвалят за демифологизацию, очеловечение и возврат в нормальную жизнь законченного, офараоненного образа на деле жизнелюбивого, весьма далекого от аскезы великого поэта, а также за глубину, художественность и жизненность разработки эротической темы вообще, столь редкой для русской литературы.

Важно понять, что установление истинного авторства «Записок» (если это даже и не Пушкин) уже мало на что может повлиять, поскольку природа успеха этого текста кроется вовсе не в его принадлежности, мнимой или подлинной, гениальному поэту, а именно в удивительной адекватности «Записок» неугасающему в народе пушкинскому мифу (как смешно было бы выяснять, например, сколько же девственниц за ночь дефлорировал Геракл, и были ли эти девицы на самом деле девственницами, и не споспешествовали ли Геркулесу его сотоварищи-герои). Мифический герой «А. С. Пушкин», персонаж «Тайных записок», и не обязан походить на свой реальный прототип. И потому те ругатели, кто всерьез пытаются доказать, что исторический Пушкин ничего такого не делал, делать не собирался и просто не мог, оказываются в положении трагического персонажа, произносящего обличительный монолог об ударах судьбы, пока пляшущие вокруг чертенята избивают его подушками и он истекает клюквенным соком. Чего же они обижаются, раз согласились на роль участников пьесы, разыгрываемой вовсе не по их сценарию?

Если «Записки» — текст подлинный (а американские издатели нигде, кроме первой рекламной листовки, не настаивали на этом), то Пушкин предстаёт нам полнокровным, жизнелюбивым, страстным и притом необычайно совестливым (!) молодым мужчиной. Если же «Записки» — мистификация, то

мастерски сделанная, могущая служить образцом русского эротического текста, а психологизм образа главного героя, от имени которого ведется повествование, и художественное качество текста напрочь отменяют обвинения в «порнографии»...

И уж конечно, кто бы ни писал этот текст, меньше всего он хотел возбудить в читателе низменные страсти.

К настоящему моменту «Записки» широко разошлись по миру не только в среде русской культурной диаспоры, но и в переводах на многие языки вплоть до турецкого, албанского и китайского, вышли и в странах, некогда входивших в СССР. Издания на языках бывших советских республик, похоже, стали для культурной общественности этих стран некой приметой независимости. Так что, несмотря на вопли возмущенных ревнителей нравственности и чистоты пушкинских помыслов (или благодаря им) книга оказалась весьма востребованной в мире, прежде всего для читающих по-русски (2). И тому есть несколько причин.

Первая состоит в том, что «Записки» — это глубокое, психологически правдивое художественное произведение о сексе в жизни творческого человека, о соотношении страстей и разума во внутреннем мире зрелой личности — пожалуй, первое такого рода сочинение, написанное по-русски. Этот текст просто-напросто интересно читать, далее не задумываясь о его истинном авторе. Книга имеет право на существование хотя бы потому, что доставила своим читателям немало радости.

Вторая причина сверхпопулярности «Записок» и громкости поднявшегося вокруг них шума — это, как уже говорилось выше, удивительно точное попадание текста в среду русского культурного мифа, где Александр Сергеевич Пушкин является одним из главных героев. Вокруг мифического героя всегда роятся слухи о его как основных, аполлонических, так и альтернативных, приапических, похождениях, и чем ярче блистает его слава, тем гуще тень, отбрасываемая его фигурой. Потому «Записки» — безотносительно их подлинности — точно соответствуют образу мифического Пушкина, неутомимого оппозиционера ко всякой устоявшейся власти — Государя ли, общественного ли мнения современников или

потомков, всех официальных версий (недаром император фигурирует в «Записках» именно как соперник поэта в любви). Альтернативный Пушкин «Тайных записок» выглядит как символ разрушения всяческого официоза (совершенно так же, как истории о Зевсе, трахающем смертных женщин, и семейных скандалах главного Олимпийца расшатывали образ сурового Громовержца). Кроме того, всякая культура нуждается в национальном образе Приапа, приапические черты часто приписываются именно главному герою мифа, и естественно, что в русском мифе это место занял самый главный русский поэт. Недаром Пушкин — «наше всё».

Миф же официальный, насаждаемый сверху в противовес мифу народному, — вообще штука опасная...

И отсюда прослеживается третья причина шума вокруг многострадальной книги. Отчего же поток помоев по поводу «Тайных записок» льется по сей день и не иссякает? Почему враги публикации не могут просто закрыть рот на замок и элементарнейшим образом игнорировать сам факт их существования? Почему Лихачев, Зильберштейн, Коротич, Непомнящий и иже с ними уподоблялись знаменитому римскому сенатору, в конце любой речи требовавшему разрушить Карфаген? Отчего они повелись на то, что сами обзывали фальшивкой и провокацией, клеветой и помоями? (Правда, в советской школе не учили, что разрушенный Карфаген римлянам пришлось восстановить заново через двадцать лет ввиду его особого военно-стратегического положения. А до российского издания «Записок» прошло и того меньше.)

Да потому, что Пушкин, став после своей смерти элементом официальной российской и советской пропаганды, невольно породил вокруг себя довольно замкнутый круг «допущенных». Недаром одним из яростнейших обличителей «гнусной фальшивки» выступает Пушкинский Дом Российской Академии наук. И законом поведения любого советского привилегированного интеллектуала было ежечасное, ежеминутное, ежесекундное доказательство правильности решения «директивных органов» об их привилегированности, в чем бы оно ни выражалось: в занятии высших руководящих академических постов, несмотря на «беспартийность»; в выездах за границу, в частности, в «капстраны», несмотря на пресловутый «пятый пункт»; да в конце концов в

праве приобрести в личное пользование «Волгу» белого цвета (так называемую «лайту») и вдобавок получить право на установку на ней противотуманных фар правительственной конфигурации. Дичь? Увы, нет, ибо к сталинскому мифу о Пушкине, пик развития которого пришелся на столетие гибели поэта — роковой для отечественной истории 1937 год, добавился миф брежневский, создававшийся главным писателем СССР Георгием Мокеевичем Марковым и его супругой Агнией Кузнецовой. Их Пушкин был практически беспол, ибо секс с Натали в изложении этих столпов советского литературного официоза имел лишь цель сугубо прокреативную. Эти и им подобные люди всерьез пытались убедить нас, что Пушкин отрекался от «Гавриилиады» и нецензурных эпиграмм (3) что испытывал лишь «души прекрасные порывы»(4), а плотью своей пренебрегал; вступив же в законный брак, раскаялся в грехах бурной молодости, и далее матом ругаться перестал, как устно, так и письменно. Именно эти люди в 1985 году в разгар антиалкогольной кампании повычеркали из школьных учебников и хрестоматий «Выпьем, бедная подружка...», «Владимир-солнце пировал...», «Поднимем бокалы, содвинем их разом...». Зато в 1999 году к пушкинскому юбилею было выпущено специальное «пушкинское» шампанское с портретом поэта на этикетке и девизом: «Коль мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку...», что, кстати, не вызвало ни единого слова протеста со стороны ревнителей чистоты образа. Остается вспомнить, что лет за двадцать пять до этого Литературка разразилась бранью на грани мата по поводу выпуска в ФРГ водки «Пушкин» и при этом патетически восклицала: «А если бы в рекламе имя Пушкина было заменено на Гёте?» И не стыдно им было приспособлять Пушкина к требованиям «текущего момента», лишь бы не лезли в их кормушку те, кому «не положено». Ясно, что к личности поэта, к его биографии и творчеству вся эта возня отношения не имеет. И абсурдно ниспровергать альтернативный миф (воплощением коего оказываются «Записки», если считать их фальсификатом) мифом официальным — ни тот, ни другой равно не приближаются к истине. И еще более бессмысленно подходить с мерками реальной истории к мифу, а тем более мифу живому, доказывая или ниспровергая атрибуцию созвучного ему текста. Это столь же абсурдно, как кондового коммуниста лишить веры в коммунизм, а эротомана оставить без столь милой его сердцу «девичьей игрушки». Уж такова природа человека: ну не может он без сказок, ибо слишком уж сурова реальная жизнь. И именно те литературоведы-ассенизаторы-дистилляторы-

мумификаторы наносят страшный вред обществу, которые пытаются его выхолостить, оставив без национальных сказок, наполняющих и украшающих жизнь современного отехнократившегося общества.

Между публикаторами и потенциальными российскими издателями «Записок», а также редакциями российской периодики и библиотеками со временем завязалась переписка (образчики эпистолярных боев также нашли место в «Парапушкинистике»), причем зачастую намерения и обещания опубликовать текст скрывали под собой характерную для воспитанных в коммунистическую эпоху россиян жажду обрести «клубничку» на «халяву»; а, например, библиотека администрации Президента полгода отбрыкивалась от необходимости заплатить восемнадцать долларов за полученные два экземпляра. Отрывки и кусочки «Записок» прорывались в российскую печать, на страницы эротических, молодежно-ориентированных и диссидентских изданий, и американские правообладатели сурово и справедливо преследовали за такое пиратство.

Долгое время никто в России не решался издать «Тайные записки» нормальным образом, с покупкой авторских прав и выплатой гонорара — одни издатели жадничали и просто крали экземпляры-образцы, о чем уже было сказано выше, а другие «поротой задницей» боялись за свою репутацию. И потому фактически попавший под запрет, официально нечитаемый, но ругаемый (ох, не первый раз в русской литературе!) текст «Записок» был все-таки малодоступен.

Да, в парапушкинистический процесс ввязывались самые разные люди — писатели, пушкинисты, читатели, критики, журналисты, чиновники, издатели. В том-то и прелесть «Парапушкинистики» как самостоятельного чтения — наблюдать за наблюдающим, словно присутствуешь в балаганчике, когда на сцене марионетки разыгрывают шекспировские страсти, в пылу обличительного пафоса выставляют на свет божий собственные амбиции и комплексы, сексуальную неудовлетворенность, жадность и зависть, бьются насмерть с американскими клеветниками; диалог о возвышенных предметах — доблестях, подвигах, славе — мгновенно вырождается в перебранку типа «дурак — сам дурак» и препирательства насчет денег, толпа улюлюкает и рукоплещет; а ниточки от марионеток уходят в Миннеаполис. Так что если

«Записки» — провокация с целью вывести из себя отечественный научно-гуманитарный и литературный официоз, то удалась она блестяще. У защитников чести и достоинства поэта от сексуально озабоченных маньяков у самих не осталось за годы борьбы ни чести, ни достоинства, ни в конце концов элементарной рефлексии и чувства юмора.

Как началось это шоу, так и не кончается по сию пору... конца процессу не видать, хотя уже и теперь «Парапупжинистика» по объему в несколько раз превышает книгу-первопричину. А шум вокруг книги о пушкинском сексе лишь привлекает внимание к ней, особенно в России, где любая ругань насчет книги — лучшая ее реклама. (И уж если совсем всерьез — если кто и имел право возражать против такого образа Пушкина — неукротимого ходока по юбкам и любителя изощренного секса — и требовать суда над создателями «Тайных записок», то только потомки Александра Сергеевича, образующие довольно организованное сообщество. Но вот они как раз и не отреагировали — то ли восприняли ситуацию и саму книгу с достойным великого предка юмором, то ли посчитали недворянским делом лезть в разведенную вокруг «Записок» грязную свару, которая, по правде говоря, куда неприличнее самой книги. Честь и хвала этим благородным дамам и господам! И спасибо всем тем, кто вообще спокойно отнесся к существованию «Тайных записок», понимая, что всякий вправе писать, что хочет, и добиваться внимания публики; каждый пишет как он слышит, каждый дробит как он хочет, а не любо — отвернись и не смотри.)

Словом, собаки лаяли, ветер носил, караван шел. И дошел. Летом 2001 года «Тайные записки А. С. Пушкина. 1836—1837: Перевод с французского» были-таки легально изданы в России, притом в академической серии «Русская потаённая литература» научно-издательского центра «Ладомир». Очевидно, издатели прекрасно понимали, с каким текстом имеют дело, и не посчитали возможным вынести имя Пушкина в качестве автора «Записок». Заголовок российского издания подчеркивает именно анонимность текста, его самодостаточность, при которой лишь главный герой — некто по имени «А. С. Пушкин». Элегантный красно-золотой томик был снабжен статьей, где издатели попытались обосновать свою позицию — не ввязываясь в перепалки о подлинности и вымысле, авторстве и допустимости, сексуальном маньячестве Пушкина или Армалинского, дать дискурсу о «Записках» опору в

виде доступного текста. Ибо стараниями «парапушкинистов» книга сама стала центром мифа, неким «потаённым», интригующим многих текстом, весьма необходимым современной российской культуре, и как образец жанра, и как литературный феномен.

Но эта декларация благих намерений не помогла — парапушкинистический скандал вышел на новый виток, верные псы и прочие сукины дети снова завыли и затаивали, призывая теперь судить уже российских издателей за клевету в адрес Пушкина (хотя клеветой скорее можно считать утверждение о целомудрии и смирении Пушкина, ибо это прямо противоречит имеющимся документам о жизни поэта). А новая пресса — молодежная, эротическая, а также подчеркнута дискуссионно-информативная — возликовала. О «Записках» в позитивном ключе рассказали столь разные по характеру и кругу слушателей радиостанции, как Русское радио и Радио России. Несмотря на всю оголтелую ругань или брезгливо поджатые губы, тираж «Записок» разошелся как горячие пирожки, а сама книга прочно встала на полки российских официальных и домашних библиотек, попав в соответствующие библиографические перечни.

«Парапушкинистика» исправно пополняется всё новыми материалами, и каждый забавней предыдущего. И самое забавное — это потрясающая неэффективность официально-академической брани в борьбе с живым пушкинско-аполлоническо-приапическим мифом: до сих пор находятся люди, спрашивающие: «А это правда Пушкин написал?». О презентации же «Тайных записок» в московском Зверевском центре современного искусства в декабре 2001 года ИТАР-ТАСС сообщил совершенно всерьез, а за ним и все прочие СМИ. А ведь предупреждали россиян Коротич с Непомнящим, и Пушкинский Дом вспотел и охрип от непрерывного протеста! И всё без толку, а далее совсем наоборот. Более того, после российского издания расшевелились бывшие советские сателлиты в Восточной Европе — уже вышли «Записки» на чешском, сербском, румынском, венгерском, албанском и болгарском языках.

Так вокруг «сомнительной эмигрантской книжонки, изданной бездарными психически ненормальными сексуальными маньяками в американском захолустье с целью опорочить самое святое», вырос натуральный миф.

Процесс этого вторичного мифотворчества еще не завершен, но уже видно, что в этой новой «Илиаде» (или «Гавриилиаде-2»?) в карикатурной, но удивительно точной форме отразилось нынешнее российское время, слом эпохи, крушение идолов и утверждение новых идеалов. Пушкин — действительно наше всё, мерило и точка отсчета на любой случай, и вот певец Вольности и любитель вольностей снова стал пробным камнем, которым произведена поверка общества на свободолюбие. А также проверка на вшивость для разных сукиных детей пошибом пониже.

Породы в них не оказалось.

Москва, декабрь 2002

- (1) Тем более, что собственное литературное творчество Михаила Армалинского действительно в значительной мере обращено к теме эротологии, как и издательская деятельность M.I.P. Company.
- (2) А для тех, кто прочел «Записки» в переводе, вероятно, было весьма интересно узнать, что себе думают русские о своем главном герое, каков русский миф о сексе.
- (3) Надо сказать, что вслед за российским изданием «Тайных записок» вышла довольно основательная книжица, где представлена существенная часть нецензурного пушкинского наследия, и тут уж придраться не к чему — все тексты выверены по Цявловскому, датированы и атрибутированы; см.: Пушкин А. С. Русский титул, или Без цензуры. М.: Рандеву-АМ, 2001.
- (4) В недолгое правление Ю. В. Андропова ходил анекдот, что именно эти пушкинские строки висят на стене в кабинете Генсека и их надлежит воспринимать как призыв — душить порывы! И душили.

Незаконченная статья⁴⁷,
о которой Ольга Воздвиженская упоминает
в своём письме Михаилу Армалинскому⁴⁸

...«Тайные записки Пушкина» — самая скандальная, самая таинственная русская книга нынешнего времени. По количеству переводов на иностранные языки она приближается к Библии и «Малой Земле» Брежнева. Об этой маленькой книжке написано столько, что сборник парапушкинистических материалов в свежешедшем четвертом издании примерно в пять раз превышает сам текст-предмет дискуссии. Народ не безмолвствует: обвинения, восторги и нападки, приветственные клики и брезгливое фырканье, призывы к расправе над публикаторами, надрывный плач над Россией, которая теперь точно погибла, если в ней уже читают такое, немногие трезвые голоса, для которых «Записки» — символ свободы слова и чувства. Пушкин и секс, Пушкин и мат — правда или неправда? Или все было не так? Или не совсем так? Это Пушкин написал или нет? Подлинник или фальшивка?

В этом шуме пропадает главное — сам текст «Записок», собственно то, что и как написано в этом небольшом сочинении. Создается впечатление, что никто из парапушкинистов, замороженных именем Пушкина на обложке и словом «Пизда» на первой же странице, толком эту книгу до конца не прочел и не понял.

В свое время, волею профессиональной судьбы сделавшись редактором «Тайных записок Пушкина», я по необходимости несколько раз кропотливо их перечитала. Потом неумолимая логика разгоравшейся конфронтации по поводу издания этой книги в России заставила выбирать, на чьей я стороне — отрицателей-хулителей и отстаивателей права на свободу слова и печати. И естественно, я выбрала свободу и сама оказалась в стане обвиняемых в распространении «порнографии» и посягающих на «честь и достоинство» главного национального поэта. Меня саму уже обзывали печатно и

---

⁴⁷ Впервые опубликована в Литературном памятнике *Тайных Записок и Парапушкинистики*, изданном в 2013 г. с. 345-348. см. <http://www.mipco.com/win/pushLP.html>

⁴⁸ см. с. 33

«шалавой», и «матерью», и грозились подать, как на прочих издателей, в суд, и качали головами мне вслед, а от зарубежных издателей, воспользовавшихся для перевода российским изданием, приходили письма с благодарностями и восторгами... Короче, я огребла полный набор почестей, полагающихся героине «Парапушкинистки». В этой борьбе не всегда находилось время вспомнить, по поводу чего, собственно, весь базар. Так в заботах и веселии прошло несколько лет.

И вот давеча я сняла с полки свой авторский экземпляр «Записок», открыла, пролистнула собственную вступительную статью (ее-то я знаю почти наизусть), и принялась читать «Записки» снова с самого начала свежим взглядом, просто как читатель.

Наиболее распространенная версия о происхождении «Записок», служащая основой для наиболее злобных нападок, такова — это, дескать, эмигрант-графоман Михаил Армалинский излил свои грязные фантазии и приписал их, мерзавец, Пушкину, спекулируя на благоговении, которое Пушкин уже два столетия вызывает у соотечественников и всего мира. Да еще неумело оправдывался в своем предисловии: якобы этот текст, перевод с французского зашифрованного подлинника, ему передал некий старичок, чьи фамилия и адрес остались Армалинскому неизвестны, знакомый знакомых, перед самым отъездом, когда разбираться, кто, что и где, уже некогда. А потом еще десять лет, уже в США, публикатор раздумывал, что с этим текстом делать; тем временем рукопись затерялась, осталась только машинописная копия. Потом сей текст был-таки опубликован, и не прошло и пятнадцати лет, как даже был издан в России. После драки кулаками не машут. Соответственно, книга была россиянами куплена и поставлена на полки. Самое время ее прочесть, наконец.

Вопрос об авторстве и подлинности «Записок» не столь уж важен, с моей точки зрения. А мой взгляд, в силу стечения обстоятельств, сразу и снаружи и изнутри: взгляд современного российского читателя, и взгляд человека, вовлеченного в судьбу этой книги, в силу чего развились довольно тесные дружеско-творческие контакты с Михаилом как с литератором и издателем. И вот что увиделось мне теперь.

В самой композиции книги существует неумолимая логика, вытекающая из случайного и одновременно predetermined совпадения контекстов. «Записки» были явлены миру в 1986 году. Первая книга прозы Армалинского увидела свет немногим раньше — в 1984-м. До того времени собственное творчество Михаила было чисто поэтическим — четыре книги стихов, ленинградский самиздат, воспроизведенный вторым изданием в США. В самих «Записках» имеется составная часть, неотъемлемость которой от основного текста подчеркнута уже ее самим названием — «Необходимое предисловие». Оно написано Михаилом от первого лица — «я», и в нем нет ни слова о сексе. «Записки» тоже пишет некий «я», в котором по некоторым приметам можно угадать Пушкина. Но важнее другое: авторы и предисловия, и основного текста — оба поэты (и дело не в специфике поэзии Армалинского или Пушкина, но во внутреннем самоощущении поэта в России. Хотя любой, пишущий русские стихи, невольно сверяет себя по Пушкину). Зная же оба контекста, поражаешься и прочим совпадениям прямо с первых же фраз. Не только даритель рукописи «Записок» — тезка императора, а голландский посол, выдающий выездную визу, — коллега барона Геккерена, но время, место, внешние и внутренние обстоятельства пишущих удивительно схожи. Стоит сравнить интонацию первых фраз:

«В 1976 году я решил эмигрировать в Америку» (с. 16. Здесь и далее «Тайные записки» цитируются по российскому изданию 2001 г.) — в действительности Армалинский покинул СССР 17 ноября 1976 г.

«Судьба сбывается — я вызвал Дантеса на дуэль» (с. 27) — первый раз поединок был назначен на 21 ноября 1836 г.

Пушкин, как известно, был весьма суеверен. Армалинский, насколько мне известно, — нет. Но невозможно игнорировать одинаковость обстоятельств. В ноябре, в году, оканчивающемся на шестерку, с разницей в сто сорок лет, в одном и то же городе (хоть и назывался он по-разному) жизнь русского поэта дошла до критической черты, и принято роковое решение. Ноябрь на невских берегах — гнусное время, снег с дождем, ранние сумерки, вгоняющие в тоску тонко чувствующего человека. Потому и «я» «Необходимого предисловия», и «я» основного текста «Записок» пребывает в депрессии, в нелегких раздумьях

о том, что было раньше и что будет дальше, что привело к нынешнему кризису, за которым неизвестность, новая жизнь или смерть.

Обоих авторов, или лирических героев роднят не только чувственный и пылкий (вполне естественный для поэта) темперамент, но и склонность к философствованию, и осознание неразрывной связи жизни с творчеством. Оба прощаются с самым дорогим в прежней жизни:

«... я стал распродавать свою библиотеку. Ко мне в комнату потекла череда друзей и знакомых, а потом и чужих людей, желающих купить мои книги...» (с.16).

«Я смотрю на сотни книг, стоящие у меня в кабинете, и понимаю, что к большинству из них я не притронусь... а вдруг мне когда-то захочется раскрыть ту или другую...» (с.99. Снова обращаясь к жизненному контексту — известно и предсмертное пушкинское восклицание, обращенное к книгам: «Прощайте, друзья!», и череда посетителей, «друзей, знакомых и чужих людей» протекшая в последние дни жизни поэта через проходной кабинет квартиры на Мойке.).

Очевидно и то, что приводит обоих лирических героев к трагедии расставания (О разлука! Как она хороша, если она не на век! — с. 99) — несогласие с окружающим миром и его порядками, невозможность ужиться в обществе, где довелось родиться, естественный протест творческой природы против устоявшегося ханжества, насаждаемого свыше что в николаевском Петербурге, что в романовском Ленинграде. Поэт и толпа — извечная российская тема. И оба «я» оказались в своем Отечестве «лишними человеками», и оба мучительно переживают осознание этого факта, одновременно с омерзением фиксируя неприглядность внешнего мира — балльные толпы в императорском дворце или очереди на советских улицах, регулируемые милицией... Не говоря уже о цензуре, извечно угнетающей русского поэта. Так что родство душ и биографий между двумя «я» очевидно и естественно.

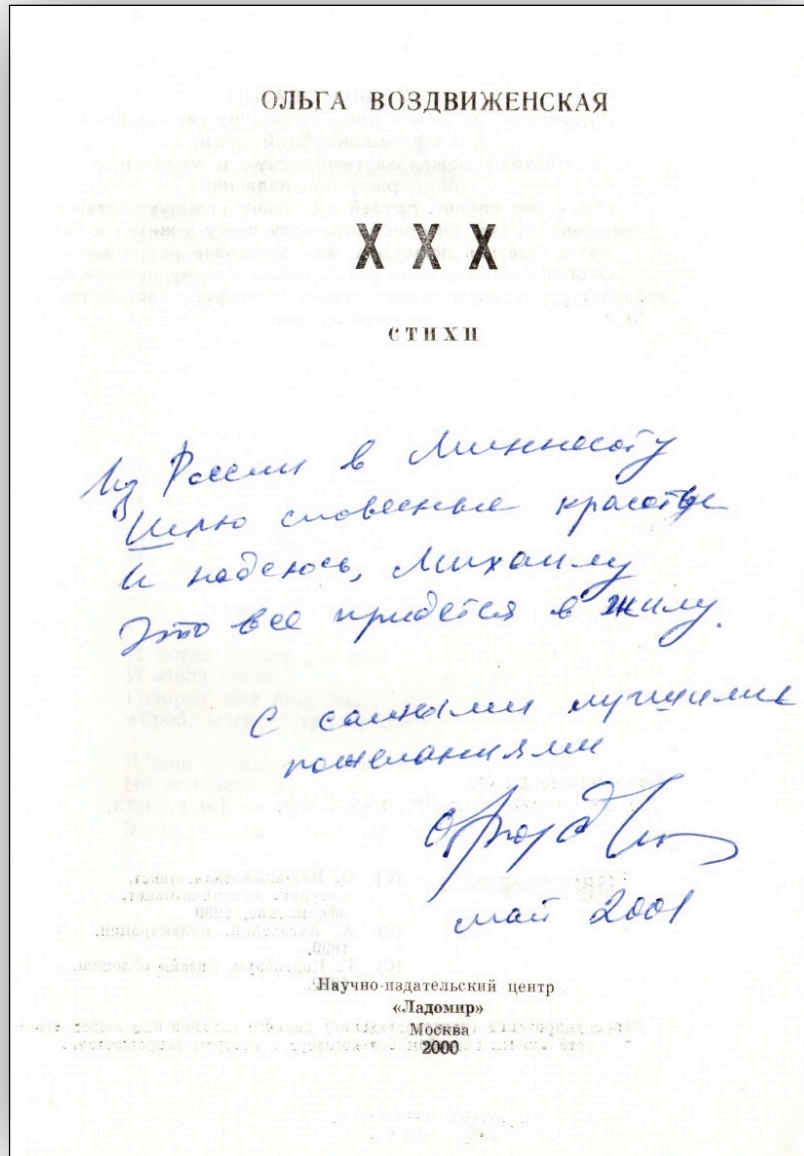
Строго говоря, «Тайные записки», конечно, не дневник — в начале приведено посвящение, фрагменты не имеют дат, не соблюдена хронологическая

последовательность событий, к тому же, «Записки» — вполне законченное произведение, где сведены все концы с концами и все счеты героя с миром. Даже человеку, вовсе не знающему реальных фактов пушкинской биографии, читающему «Записки» просто как художественный текст, становится ясно, что герой завтра погибнет. Это и исповедь, в которой герой подробно разбирает свою жизнь, тесно связанную (порой мучительно-неразрывными связями) с окружающими, и жизнь близких, прежде всего собственной семьи, столь важной для него и столь несовпадающей с основами собственной внутренней жизни поэта. Это и завещание, касающееся не материальных сторон бытия, но эмоциональных ее аспектов.

Так может, стоит прочесть этот текст как роман? Безотносительно к тому, кто его автор? Ведь он — просто зрелый мужчина, носитель поэтического дара, вступивший в конфликт с властями и обстоятельствами, с близкими и с собственной натурой...

Стихотворения Ольги Воздвиженской

В 2000 году вышел сборник стихов Х Х Х в издательстве Ладомир.
В нём было 80 страниц и ISBN 5-86218-172-5.

Вот что написано в аннотации:

... Выпустила три поэтических сборника “самиздатом” - *Ветер времени* (1983), *Високосная дорога* (1986), *Запад и другие стихотворения* (1988).
Является также автором текстов к двум песенным альбомам - *Алый бред* (1990, студия Рекорд, совместно с Алексеем Бродским) и *Первое утро* (1997, Джефф Рекордз, совместно с Олегом Макиным)...

Я публикую роман в стихах *Маркиз и Дева*, который мне прислала Ольга, а также стихи, которые обнаружены в её компьютерном архиве, присланном мне её подругой и коллегой Жеминой Ларссон <https://m.vk.com/zhemina>.

Там было четыре файла стихов по годам Стишки 2011, Стишки 2012, Стишки 13-14 и Стишки 15-16. Даже если посчитать многие стихотворения черновиками или незаконченными, в них, тем не менее, сквозит яркий талант. Потому и публикую их все подряд.

Кроме того, Ольга сделала немало стихотворных переводов, например в книгах серии *Улица Красных фонарей*, а также в книге Морис Левер. *Маркиз де Сад* – М.: Ладомир, 2006.–963 с. ISBN 5-86218-463-5

МАРКИЗ И ДЕВА

(роман в стихах)

Глава 1

Куда ни плюй, куда ни дуй –

Во всем виновен только Рок.

И в этом убедиться смог

Герой наш – светский обалдуй.

Он по рождению был маркизом

И думал не умом, а телом.

Но был воспитанным и смелым,

Хоть потакал своим капризам.

Прелестным дамам на беду

Любил он щекотать подмышки,

К тому же сочинял он книжки,

Сюжет измыслив на ходу.

Желанным гостем был везде

Маркиз, особенно в Париже.

Носил парик он ярко-рыжий,

Предпочитал вино воде,

Варил отменный шоколад

И, ставя чашечку на блюдце,

Он говорил: «Коль все смеются

Над шуткою моей – я рад».

Он был галантный кавалер,

И обнажая часто шпагу,

Он демонстрировал отвагу

И подавал юнцам пример.

Он как-то дрался на дуэли –

Так секунданты удивлялись

И удержать его старались,

Но шпага достигала цели.

Однажды с дамою вдвоем

Он стал размахивать руками.

И дама, покраснев щеками,

Стеснялась говорить о нем.

Плясал кадрили он в два притопа,

Качая грациозно станом,

И со стараньем неустанным

Любовью покорял Европу.

Но как-то он, придя на бал,

Всех фрейлин сразу заморочил.

Король, разгневан бывши очень,

В провинцию его сослал.

Глава 2

Была провинция сия

Цветущим раем для мужчины,

Где нет унынию причины,

А только радость бытия.

Укрылся наш маркиз в гнезде

Своем фамильном. И забвенье

Он в родовом своем имени

Решил найти своей беде.

Вздымался замок гордо ввысь,

Где предки исстари живали,

Где без тревоги и печали

Века над кровлей пронеслись.

Там, доблестей былых взыскупя,

Вздымалась башня грозным стражем,

И ивы колыхались даже,

Склоняясь с вала в топь сырую.

Бродя по заповедным тропам

Маркиз, бывало, видел ножку

Крестьянки, что дразнясь немножко,

Склонялась в зарослях укропа.

У деревенского пруда

Ему встречалась и девица,

И с ней он мог повеселиться,
Купаясь вместе иногда.

И в том краю под сенью струй
Маркиз смирил мятежный нрав,
Сказал себе: «Ты был неправ,
Но уж отныне – не балуй!»

Теперь к нему вернулась вера,
Что можно жить не только чувством,
Природа есть, и есть искусство,
И всем страстям потребна мера.

Глава 3

Но как-то, выехав гулять,
Маркиз в лесу увидел деву,
Она по роще шла с напевом,

С красой, способной изумлять.

В маркизе кровь вскипела, пенясь,

Вознесся к небу гордый дух.

Маркиз промолвил прямо вслух,

Пред девой гордо подбоченясь:

«Иди, красавица, сюда!

Желанна мне твоя душа.

Ты, право, очень хороша,

Тобой пленен я навсегда.

Ответь же своему рабу,

Когда тебя я обниму?

Поверь, нам вовсе ни к чему

Гневить коварную судьбу!»

Пейзанка, обмерев от страху,

В ответ: «Идите, сударь, мимо.

Я недостойна быть любимой,

Ведь я невежда и неряха!»

Но страстью воспылав в груди,

Маркиз воскликнул: «Не печалься!

Ты лучше надо мною сжался

И ночью в замок приходи!»

Но, не желая понимать,

Девушка молвит: «Ей же богу,

Мне не нужна любви тревога,

Меня вам в сети не поймать!»

И как кобылка без узды,

Не показав своей приязни,

Девушка, словно в страхе казни,

Укрылась в дальние сады.

Глава 4

Маркиз домой летит галопом,
В тоске хватается за стремя,
Сколь тяжело страданий бремя
Для покорителя Европы.

А дома он, совсем тоскуя,
Схватил себя за кончик носа,
Погрыз в мучительных вопросах,
Как все ж добиться поцелуя.

И три недели днем и ночью
Маркиз неутомимо страждет.
Прелестной девицы он жаждет,
И от любви уж нету мочи.

Он был готов дойти до точки
От этой беспощадной страсти,

И побледнел он от напасти
В мечте бесплодной в одиночку.

Но тут к нему приехал друг.
Сказал: «Вокруг довольно женщин.
Ты славой ведь не зря увенчан,
Маркиз, да погляди вокруг:

Пойди туда, пойдя сюда –
Повсюду сыщется красotka.
Твоя любовная чесотка
В таких условиях – ерунда».

Но голову склонив к плечу,
Маркиз ответил: «Я влюблен.
Я потерял покой и сон
И утешаться не хочу».

Друг убеждал, страданиям внемля:

«Что есть любовь? Одна лишь греза.

Цветы увянут от мороза,

И остаются только стебли.

Мой друг, ведь это просто глупо

От всякой юбки лезть в засаду.

Особой хитрости не надо

Достичь девического крупа.

К чему же горе углублять,

Того не стоит эта дама.

И действовать ты должен прямо,

Что толку душу растравлять!

Короче, я прошу, мон шер,

Оставь в покое бедный дух.

И может быть, для вас для двух

Не будет день грядущий сер.

Пойдем в деревню. Мы вдвоем,
Пожалуй, деву уломаем.
Чего-то мы не понимаем,
Но там, наверное, пойдем».

Глава 5

На следующий день друзья
Свои помыли два лорнета,
Почистились и пред рассветом
Пустились в ближние края.

Душа маркизова горда –
Везде ей видится любовь,
И страстью возгорелась кровь,
Той, что не ведает стыда.

Он каждому шептал столбу:

«Когда ж ее я покорю?

Я так влюблен, я весь горю,

И проступает пот на лбу.

Ее я лаской завоюю

И дам тогда уж волю страсти.

И вместе обретем мы счастье,

О коем я теперь тоскую.

Ее не стану оскорблять,

Она ведь – истинное чудо.

Я нежным и галантным буду,

Когда мы попадем в кровать

Ее я должен научить

Как надо правильно обедать,

Чтобы досады не изведать

И наслажденье получить».

И продолжая улыбаться,
Он очень захотел любить.
Но кто же знал, что, может быть,
Ему не стоило стараться.

Глава 6

И вот в село – в дыру глухую –
Добрались два отважных друга.
И тут маркиз почти с испугом
Картину увидал такую:

У деревенского колодца
Та дева с юношей гуляет,
Ему такое позволяет,
Что уж никто не ошибется.

Склонясь над темною водой

Своей изящною головкой,

Она уверенно и ловко

Его орудует удой.

Высоко юбка задралась,

Покуда девица старалась,

И ничего не оставалось,

Как ей улечься прямо в грязь.

И все наружу – только суй

Неутомимый дерзкий палец.

И губы девичьи разжались,

Встречая жаркий поцелуй.

Друзья приблизились, свои

Достали грозные кинжалы.

Девица вдруг затрепетала

И повалилась в забытыи.

При этом зрелище проклятом

Маркиз вдруг выругался скверно,

Присев на камень у таверны,

С душой, отчаяньем объятой.

И понял вдруг, что вовсе все

Вся мощь, что накопилась в чреслах.

И боль утихшая воскресла,

Покуда он смотрел, ревнуя.

Глава 7

«И я страдал всего лишь ради

Немытой деревенской твари!» –

Но ощутил себя в ударе

Маркиз, на безобразье глядя.

И нарушая утра гладь,

Маркиз набросился на деву

И стал направо и налево

Свое орудье направлять.

Он повалил ее на землю,

И началась такая свалка,

Что, право, даже было жалко

Траву примятую и стебли.

Руками ухватив за выю,

Маркиз так бурно деву взял,

Что очень скоро сам устал,

И мысли завелись иные:

«Она, избранница моя,

В любви не смыслит ничего,

Не стоит пыла моего

Пейзанка глупая сия.

Ну что ж, я заплачу ей мзду
За то, что к ней проник под юбку.
Она, пожалуй, слишком хрупка,
И к ней я больше не приду».

Решенья и поступки слиты:
Он ущипнул ее за грудь,
Сказав: «Пора в обратный путь.
С тобою, девица, мы квиты»

И гордо закусив губу,
Добавил: «Я тебя прощаю,
Но позабыть не обещаю,
Пока не окажусь в гробу,

Как ты расстроила меня.
Ну надо ж, экая досада!
Мне более любви не надо
Я мертв с сегодняшнего дня».

Он дома перья отточил,
И с той поры он лишь писал
И более страстей не знал
И вскоре мирно опочил.

Мы, в пыльных хрониках шуруя,
Нашли рассказ о смерти...,
Но не узнаем никогда,
Где свой конец нашла...

Вас не желая утомлять,
Кончаем мы рассказ про страсти,
Вам оставляя в полной власти
Иные рифмы уловлять.

Июнь 2002

* * *

2011

Стишки 2011

Метель стекает с неба как слои

Полупрозрачной кисеи

Конца не видно февралю

Я сплю

16.02

Крылья твои чернее проклятой ночи

Свет застилают постыло-белый.

Снова со мной что захочешь

Делай

5.03

Давно никто не покушается на честь.

Давно совершена любая месть.

И в общем-то что есть то есть.

Сегодня – сорок шесть.

31.03

На погибель зеленым побегам

Дождь со снегом

13.04

Бульвер-Литтон

С бультерьером

11.05

При приближении к рубежу

С новой надеждой лезу в петлю

Я не уверена, что люблю,

Но отдалась и принадлежу

23.05

Эта лодка и эта вода

Между сейчас и навсегда.

Если Реку попробовать вброд –

Наоборот.

Просто по дну и дальше вплавь

там разберемся, где марь, где явь

15-16.06

Двигаясь по спирали

Можно избыть печали

16.06

(алхимический развод)

Золото в ртуть,

Серебро – в свинец

(разрывая связь, оставляем грязь)

Ибо конец

Когда-нибудь

Имеет всякая суть

17.06

Вполне осознала я

Зачем обычай таков,

Что если умрут мужья,

То с ними хоронят вдов.

Пусть я не ушла с земли,

Но пусто в грудной дыре

И сердце мое сожгли

В твоём могильном костре.

Способность любви – долой,

остался холод тоски.

Жизнь высыпана золой

На воды нашей реки

22.06-26.12

Убывающая Луна

Холодна, и краями заострена.

И чем гуще мгла

Тем ярче она бела.

Ласки белой луны нежны,

Ласки черной луны – страшны

26.06 новолуние/затмение

Есть мужчина моей жизни

Есть мужчина моей мечты

А еще есть ты

30.06

Под переменчивым светом

солнца и гроз

Все, что случится летом,

Не принимать всерьез

Август?

Заболевание ОРВИ

Весьма препятствует любви

27.08

Выше крыш грохочет что-то

В небе Дикая Охота

12.09

«Ветер, дующий меж миров»

В эту ночь ровен, но не суров

Древние страхи, новые тайны

Переплетаются в ночь Самайна

Пересекаются явь и сны.

А ветер – с Западной стороны.

Но дом мой открыт и стол готов

Для всех заблудившихся меж миров.

2.11

К своему большому счастью,

Не состою и не участвую,

Не была и не имею

Остаюсь сама своею

Ноябрь

Хорошо понимается в ноябре,
что отсутствует всяческий смысл в добре.

Скорпион/Змееносец/Стрелец

Обеспечат пиздец

30.11

попрощавшись со всеми,
погрустив по всему,
каждый год в это время
погружаюсь во тьму

17 дек 2011

(Йоль)

Закольцованная стезя:

По декабрьскому льду скользя,

Посреди зимы

Огоньком из тьмы

В мир приходит тот,

Кто пускает в ход

Год

2012

(новогоднее)

Порченных и меченых

Нас жалеть-то нечего!

Ну вот и ушел.

Можно от пепла вытереть стол.

И почему-то я не тоскую,

Последний раз загружая в машинку одежду мужскую...

На сушилке, обычно провисшей тяжко,

Теперь одна моя кофейная чашка.

Он не пил кофе -

пил пиво и рассуждал, что страна в катастрофе

и о том, как захватит он власть во всем мире...

(ему не было места в его квартире,

потому и торчал он обычно здесь)

- любил вранье и очень любил любую лесть.

Еще была деталь интерьера -

Старые тапки мужского размера,

Но вот их нет - и даже красиво)))

Да, и все стаканы от пива

Вымыты, вытерты, убраны в шкаф.

И неважно, кто прав был и кто неправ.

Дождь под вечер Рождества,

Слякотно и склизко.

Будто вовсе не Москва

Тут, а Сан-Франциско...

три ночи назад

на грани яви и сна

привиделась мне

"пламенеющая Луна"...

(новое)

Метель отразилась в оконном стекле.

Заметно прибавился день в феврале

Ветренном, мокром, белом/лиловом,

вечно готовом

обратно к зиме и снова

к весне.

К новой луне в белом окне,

мимо которой след корабля.

Переменчив цвет февраля.

22 фев 2012

(старое переделанное)

Приносит в города февраль
Лилово-серую печаль,
пургу и слякоть и мороз,
жемчужины из стылых слез,
ответ серьезный на вопрос
(который задан не всерьез...);
сомнения, фиалки, льды,
круженье всякой ерунды.
Но нету времени грустней,
чем эти двадцать восемь дней.

А вот теперь

И оттепель

22 фев

(St. Valentine)

Небо и зеркала -

Взгляд в глаза февралю.

наконец поняла:

никого не люблю

22 фев

мне каждый год бывает жаль

когда кончается февраль.

1 мар 2012

состояние внутренней тишины

погруженье в глубокую синеву

очень странные сны

помогающие наяву

позабить что живу

4 мар

Вполне покоровшись фамильному бреду

его воплощу наяву:

однажды в Устюжну я поеду -

и не вернусь в Москву

11 мар

На душе, на губах, на мыслях

печать:

Начинаю себя приучать

молчать

ни о ком не скучать

и не верить, что можно с начала начать

29 мар в 13:31

Огромный рыхлый ворох

всесуетных забот...

Чтобы рассеять морок

я слушаю "семь сорок"

И думаю, что все наоборот:

Веселая и злая

с Богами и людьми

сегодня дожила я

до сорока семи....

31.3

Горе - все же не беда,
Боги скалятся, грозя.
Просто помни - никогда,
Никогда прощать нельзя.

Мрак сгущает колдовство,
Перепуталась стезя -
Только помни: ничего,
Ничего прощать нельзя.

Так гляди теперь во тьму,
Что глядит в твои глаза,
Потому что никому,
Никому прощать – нельзя

27.4

(старое, но актуальное)

Что лежит за серую пеленой,
Непонятно - но путь открыт мне одной.
Там и Тьма иная, и Свет иной,
Только ты туда не пойдешь со мной.
Не ходи за мной, оставайся тут,
Где тебя хотят и любят и ждут;
Трать года, наслаждаясь бегом минут,
И не вздумай отслеживать мой маршрут.
И еще - не спрашивай, почему
Я забыла, забила на Свет и Тьму.
Объяснения нет пути моему,
И тебя с собою я не возьму.

Не найти меня по моим следам,
Все, что здесь мое - за проход отдам.
Я вернусь - но, может, и сгину Там.
По своим путям каждый ходит сам.

6 мая

Вот и он, вот и он,

Этот хиггсовский бозон!

5 июл

(1 октября)

Холод наполнил высоты,

Счет убывающих дней.

Конюхи Дикой Охоты

Начали чистить коней.

(октябрь)

Мост перейдя, на берегу простись -

Яуза дальше течет. И впадает в Стикс.

Свято место чисто-пусто,

И невидим даже шрам.

Только почему-то грустно

просыпаться по утрам

13.12

(декабрь)

Прыгать ли на лезвие

Или вить петлю

Дело бесполезное:

Я тебя люблю

Все, что порознь прожито,

Сводится к нулю,

Потому что, может быть,

я тебя люблю

Так что - делать нечего! -

Все перетерплю.

И сегодня вечером

Я тебя люблю

Разбросаю по ветру

все, что наглумлю:

как проснулась поутру,

1 дек в 22:13

2013 - 2014

(новогодняя частушка)

Я миленка ублажала,
Целовала все места
От раздвоенного жала
И до кончика хвоста

1.1.13

прискакали вандалы,
начертили мандалу,
кот в нее насрал
и ушел в астрал

23 янв 2013

Долго вглядываясь в зеркала,
Наконец я, кажется, поняла:

Чтоб вовек не плакалось ни о ком,
Поделюсь печалью с двойником

6 фев 2013

(рабочее)

Заказав такую пиццу,
Главное - не торопиться,
По куску ее вкушая,
Очень уж она большая

15 мар 2013

я часто ощущаю в забытьи
волну мучительно-блаженной дрожи
от медленно скользящей чешуи
по голой коже...

24 мар 2013

весна наступила в календаре
зима продолжается на дворе
а на душе начинается осень
сегодня мне 48

31 мар 2013

"весна покажет, кто где срал"

Оборвались надоевшие связи,
Подсчитались, как убытки, года,
А московская весна цвета грязи
Каждый год приходит словно беда

16 апр 2013

любимое мной состояние мира - темнеет рано, свежо и сыро....

24 авг 2013

в новолунье на Валах
я полыни нарвала
горькой серой
с сердцем с верой
прогони же зло, полынь!
нечисть, сгинь!

это заклинание, вроде бы

7 окт 2013

Благоуханен, спел и силен
Зреет в котовнике черный паслен...

31.10.13

2014

Болею. Четыре ночи в жару,
В ознобе, боли, бреду -
что если сейчас умру,
согреюсь в Аду

29 янв 2014

(ДР)

седая и беззубая, хромая и недужная, самой себе не любая и никому не нужная

ряд происшествий полудня воскресного:
лето закончилось, зеркало треснуло,
в кулере нет кипятка.
и тоска

26 авг 2014

К Йолю... Неделя осталась примерно

Снег укрывает город до края

Со всех сторон.

Оттепель мягкая и сырая

Мир погружает в сон

Закольцованная стезя:

По декабрьскому льду скользя,

Увидав во сне

При черной луне

Свечу мою на восточном окне,

Посреди зимы

Из чрева Тьмы

В мир приходит тот,

Кто пускает в ход

Год

13.12

ЙОЛЬ

Скрыла темнота луну,

Солнце медлит до восхода

Что измерит глубину

Самой долгой ночи года?

Одиночество? Покой,

Отозвавшийся тоской?

Отблик свечки из окна?

Пелена глухого сна,

Что пророчит и морочит? -

Утро после этой ночи.

28.12

Что к Новому Году проделать нужно:

1. Выкопать все засохшие дружбы,

и все места, где они стояли,

чисто отмыть от следов печали.

2. Собрать и вынести вон из дома

ворох контактов лишних знакомых.

3. С мокрой тряпкой пройтись по углам.

4. Тщательно выгрести всякий хлам:

письма, наброски, узлы на нитке

и все ежедневники и визитки.

5. От пыли оттереть зеркала,

чтоб память о лицах и взглядах ушла.

6. И наконец, чтоб зажить счастливо,

найти и сжечь остатки архива.

И сесть среди чистоты и свободы

спокойно дожждаться Нового года.

2015-2016

можно сегодня ватрушку испечь,

выставить круг из 12ти свеч...

Февраль, метель, ливень, гром,

Благословите мой дом!

Имболк 2015

Сколько по жизням ни пройдено,

Тянет душа и болит:

Наша духовная родина -

верхний палеолит

Мне нравится [1](#) [Поделиться](#)

30 дек 2015

(ламмас)

август, сбор урожая.

лето прочь провожая,

пройтись босиком по колючей стерне,

не грустить о сжатом зерне.

и не думать о всякой херне.

4 августа 2016

Книги Михаила Армалинского и под его редакцией

*можно приобрести на litres.ru books.apple.com lulu.com alib.ru
а также в издательстве mirco.com
запросы посылать по адресу mp@mirco.com*

Вразумлённые страсти. Ленинград, Самиздат, 1974, 72 с Книга переиздана в США в 1980 г

www.mirco.com/win/str.html

Состояние. Ленинград, Самиздат, 1975, 94 с Книга переиздана в Канаде в 1979 г

www.mirco.com/win/sost.html

Маятник. Самиздат, 1976, 128 с Книга переиздана в США в 1978 г

www.mirco.com/win/mayat.html

По направлению к себе. Альманах, Лос Анджелес, США, 1980, - 106 с

www.mirco.com/win/sebe.html

После прошлого. Hermitage, США, 1982 -108 с

www.mirco.com/win/past.html

Мускулистая смерть. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1984 - 150 с

www.mirco.com/win/musk.html

По обе стороны оргазма. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1988 – 150 с /

www.mirco.com/win/obe.html

Добровольные признания - вынужденная переписка. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1991 - 312 с

www.mirco.com/win/dobr.html

Двойственные отношения. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1993, - 68 с. mirco.com/win/dvoi.html

Вплотную. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1994, 100 с
www.mipco.com/win/vplotn.html

Гонимое чудо. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1996, 130 с
www.mipco.com/win/chudo.html

Жизнеописание мгновенья. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1997 - 92 с
www.mipco.com/win/zhiz.html

Чтоб знали! М., 2002, серия: Русская потаённая литература. М.: Ладомир, 2002. – 860 с
www.mipco.com/win/Vozdvizhenskaya.html

Что может быть лучше? М., 2012 М.: Ладомир, 2012. - 528 с
www.mipco.com/win/Lutche.html

Аромат грязного белья. М.: Ладомир, 2013. - 584 с
www.mipco.com/win/Aromat.html

Максимализмы. М.: Ладомир, 2013. - 544 с
www.mipco.com/win/Max.html

Правота желаний. М.: Ладомир, 2017. - 512 с
www.mipco.com/win/Pravota.html

Вызволнение сути. M.I.P. Company, Minneapolis, 2021. - 640 с.
Электронная книга
www.mipco.com/win/VizSut.html

Prostitution Divine. M.I.P. Company, Minneapolis, 2014, 227 p.
https://www.amazon.com/Prostitution-Divine-Short-stories-script-ebook/dp/B00OSZVEWG/ref=sr_1_1?dchild=1&keywords=prostitution+divine&qid=1604337691&s=digital-text&sr=1-1

ПАМА и МАПА. Память о родителях. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2023 – 540 с. илл.
www.mipco.com/win/PAMA.html

Полное собрание максимализмов. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 602 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/MaxComplete.html

Полное собрание Секссе. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 474 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/SexssaysComplete.html

Полное собрание рассказов. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 797 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/StoriesComplete.html

Полное собрание стихотворений 1964 – 1997 M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 - 492 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/PoemsComplete.html

“Жил себе и умер себе” Переписка Алексея Шельваха и Михаила Армалинского 1984-1992 годов M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2024 - 124 с. илл.

Электронная книга

<http://www.mipco.com/win/ZhilSebe.html>

Книги под редакцией Михаила Армалинского

А. С. Пушкин Тайные записки 1836–1837 годов. (разные издания)
www.mipco.com/SJAd.html

Русские бесстыжие пословицы и поговорки. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1995, 76 с
www.mipco.com/win/bestiz.html

Детский эротический фольклор. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1995, – 92 с.
www.mipco.com/win/det.html

Соитие. Альманах русской эротической литературы. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1989 – 184 с
www.mipco.com/win/soit.html

Де Сад. Философия в будуаре. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1992, 1993, – 196 с.
www.mipco.com/win/sad.html

Давид Баевский. Парапушкинистика. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2003 – 400 с
www.mipco.com/win/para.html

Давид Баевский. Парапушкинистика 2. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2007 – 202 с
www.mipco.com/win/para.html

Давид Баевский. Парапушкинистика 3. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2021 – 211 с
Электронная книга
www.mipco.com/win/para3.html

«Смерть. Ну и что?»

Переписка Виктора Сосноры и Михаила Армалинского. 1978 – 2019. М.И.Р. Company, Миннеаполис, США, 2022 – 148 с

Электронная книга

www.mipco.com/win/SosArmBook.html

«Там и встретимся». Переписка Валентины Полухиной и Михаила Армалинского. 2011-2021. М.И.Р. Company, Миннеаполис, США, 2022 - 150 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/Polukhina.html